

В. К. Арсеньев

ПО
УССУРИЙ-
СКОМУ
КРАЮ

Владимир Клавдиевич Арсеньев

По Уссурийскому краю

Серия «Тропою храбрых»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51676904

По Уссурийскому краю: Издательство «Руда»; М.; 2020

ISBN 978-5-6044143-7-8

Аннотация

Это первое и одно из самых известных литературных произведений русского писателя, путешественника и этнографа В. К. Арсеньева, описывающее его путешествия 1902 и 1906 годов по горным областям Сихотэ-Алиня. В книге читатель найдёт картины из природы Уссурийского края и жизни населяющих её людей: русских, китайцев, корейцев, удэгейцев и др. Особое место занимает история знакомства и взаимоотношений писателя с проводником гольдом (нанайцем) Дерсу Узала, ставшего ему другом.

Для широкого круга читателей.

Иллюстрации Владимира Пингачёва.

Содержание

Предисловие к первому изданию	7
Глава 1	11
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	79
Глава 7	96
Глава 8	124
Глава 9	139
Глава 10	159
Глава 11	179
Глава 12	194
Глава 13	208
Глава 14	234
Глава 15	263
Глава 16	282
Глава 17	296
Глава 18	318
Глава 19	334
Глава 20	347
Глава 21	375
Глава 22	398

Глава 23	418
Глава 24	444
Глава 25	457
Глава 26	472
Глава 27	487
Глава 28	506
Глава 29	525

**Владимир
Клавдиевич Арсеньев
По Уссурийскому краю**

© Издательство «Руда», 2020

© В. М. Пингачёв, иллюстрации, 2020

Предисловие к первому изданию

Настоящий труд, предлагаемый мной читателям, есть популярный обзор путешествия, предпринятого мной в горную область Сихотэ-Алинь в 1906 году. Он включает в себе географическое описание пройденных маршрутов и путевой дневник.

В моей книге читатель найдёт картины из природы страны и её населения. Многие из этого уже в прошлом и приобрело интерес исторический. За последние двадцать лет Уссурийский край сильно изменился.

Первобытные девственные леса в большей части страны выгорели, и на смену им появились леса, состоящие из лиственницы, берёзы и осины. Там, где раньше ревел тигр, ныне свистит паровоз, где были редкие жилища одиноких звероловов, появились большие русские селения, туземцы отошли на север, и количество зверя в тайге сильно уменьшилось.

Край начал утрачивать свою оригинальность и претерпевать то превращение, которое неизбежно несёт за собой цивилизация. Изменения произошли главным образом в южной части страны и в низовьях правых притоков реки Уссури, горная же область Сихотэ-Алинь к северу от 45° широты и поныне осталась такой же лесной пустыней, как и во времена Будищева и Венюкова (1857–1869).

Вначале я считаю своим долгом принести благодарность

тем лицам, которые так или иначе способствовали моим начинаниям в деле исследования Уссурийского края.

Три мои экспедиции в Сихотэ-Алинь были снаряжены на средства Приамурского отдела Русского географического общества и на особые ассигнования из сумм военного ведомства.

На Дальнем Востоке среди моряков я нашёл доброжелателей и друзей. В 1906 году они устроили для меня на берегу моря питательные базы и на каждый пункт, кроме моих ящиков, добавили от себя ещё по ящику с красным вином, консервами, галетами, бисквитами и т. д.

Если во время путешествия я и достиг хороших результатов, то этим я в значительной степени обязан своим спутникам.

Большую часть своего успеха я отношу к примерной самоотверженности и честной службе сибирских стрелков и уссурийских казаков, бывших со мной в путешествиях.

Мне не только не приходилось их подбадривать, а, наоборот, приходилось останавливать из опасения, что они надорвут своё здоровье. Несмотря на лишения, эти скромные труженики терпеливо несли тяготы походной жизни, и я ни разу не слышал от них ни единой жалобы. Многие из них погибли в войну 1914–1917 годов, с остальными же я и по сие время нахожусь в переписке.

Во время путешествия капитаны пароходов, учителя, врачи и многие частные лица нередко оказывали мне различные

услуги и советами и делом, неоднократно содействовали и облегчали мои предприятия. Шлю им дружеский привет и благодарю за радушие и гостеприимство.

Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встаёт фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце моё надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную странническую жизнь.

Если мы взглянем на этнографическую карту Уссурийского края и отыщем на ней гольдов, то увидим, что туземцы эти распределились узкой полосой по долине реки Уссури до устья Даубихе. Часть гольдов обитала ранее по реке Улахе и её притокам. Нас интересуют именно эти последние.

Было бы ошибочно относить этих людей к какой-либо особой народности и отделять их от прочих гольдов. В антропологическом отношении они несколько не отличались от своих соседей-рыболовов, расселившихся по Уссури. Отличительной особенностью их была страсть к охоте.

Живя в таких местах, где рыбы было мало, а тайга изобиловала зверем, они на охоту обратили все своё внимание. В погоне за соболем, на охоте за дорогими пантами и в поисках за целебным могущественным женьшенем гольды эти далеко проникали на север и не раз заходили в самые отдалённые уголки Сихотэ-Алиня. Это были отличные охотники и удивительнейшие следопыты. Путешествуя с Дерсу и приглядываясь к его приёмам, я неоднократно поражаюсь, до какой

степени были развиты в нём эти способности. Гольд положительно читал следы, как книгу, и в строгой последовательности восстанавливал все события.

Трудно перечислить все те услуги, которые этот человек оказал мне и моим спутникам. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично.

Ввиду той выдающейся роли, которую играл Дерсу в моих путешествиях, я опишу сначала маршрут 1902 года по рекам Цимухе и Лефу, когда произошла моя первая с ним встреча, а затем уже перейду к экспедиции 1906 года.

Первые свои три путешествия я закончил в 1910 году. Следующие три года мной были посвящены обработке собранных материалов при любезном содействии известных специалистов Л. С. Берга, И. В. Полибина, С. А. Бутурлина и Я. С. Эдельштейна.

К 1917 году рукописи были готовы. Ещё в черновом виде они ходили по рукам моих друзей и знакомых, в числе которых было немало педагогов.

Их отзывы утвердили меня в том смысле, что появление такого научно-популярного описания края, из которого учащая молодёжь почерпнула бы немало интересных сведений, было бы полезным делом.

В. Арсеньев¹

Владивосток, 1930 г.

¹ Все примечания в тексте авторские, если не указано иное.

Глава 1

Стеклянная падь

*Бухта Майтун. – Село Шкотово. – Река Бейца. –
Встреча с пантерой. – Да-дянь-шань. – Изюбры*

В 1902 году во время одной из командировок с охотничьей командой я пробирался вверх по реке Цимухе², впадающей в Уссурийский залив около села Шкотово. Мой отряд состоял из шести человек сибирских стрелков и четырёх лошадей с вьюками. Цель моей командировки заключалась в обследовании Шкотовского района в военном отношении и в изучении перевалов в горном узле Да-дянь-шань³, откуда берут начало четыре реки: Циму, Майхе, Даубихе⁴ и Лефу. Затем я должен был осмотреть все тропы около озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Горный хребет, о котором здесь идёт речь, начинается около Имана и идёт к югу параллельно реке Уссури в направлении от северо-северо-востока к юго-юго-западу так, что на запад от него будет река Сунгача и озеро Ханка, а на восток –

² Хе (хэ) – суффикс в значении «речка» – приставляется к названиям небольших рек у малых народностей – гольдов, орочей и др. Ци (цзи) – му-хе – сплавная река.

³ Да-цзянь-шань – большие остроконечные горы.

⁴ Дао-бин-хэ – река, где было много сражений.

река Даубихе. Далее он разделяется на две ветви. Одна идёт к юго-западу и образует хребет Богатую Гриву, протянувшийся вдоль всего полуострова Муравьёва-Амурского, а другая ветвь направляется к югу и сливается с высокой грядой, служащей водоразделом между реками Даубихе и Сучаном⁵.

Верхняя часть Уссурийского залива называется бухтой Майтун. Бухта эта раньше значительно глубже вдавалась в материк. Это бросается в глаза с первого взгляда. Береговые обрывы ныне отодвинуты в глубь страны километров на пять. Устье реки Тангоузы⁶ раньше было на месте нынешних озёр Сан⁷ и Эль-Поуза⁸, а устье реки Майхе⁹ находилось немного выше того места, где теперь пересекает её железная дорога. Вся эта площадь в 22 квадратных километра представляет собой болотистую низину, заполненную наносами рек Майхе и Тангоузы¹⁰. Среди болот сохранились ещё кое-где озёрки с водой; они указывают, где были места наиболее глубокие. Этот медленный процесс отступления моря и нарастания суши происходит ещё и теперь. Эта же участь постигнет и бухту Майтун. Она и теперь уже достаточно мел-

⁵ Су-чан – площадь, засеваемая растением су-цзы, из которого добывают так называемое травяное масло.

⁶ Тан-гоу-цзы – болотистая падь.

⁷ Сан – разлившееся озеро.

⁸ Эр-цзо-цзы – вторая заповедь.

⁹ Майхе – река, где сеют много пшеницы.

¹⁰ Д. Н. Мушкетов. Геологическое описание района Сучанской ж. д. 1910 г.

ководна. Западные берега её слагаются из порфиров, а восточные из третичных отложений: в долине Майхе развиты граниты и сиениты, а к востоку от неё – базальты.

Село Шкотово находится около устья реки Цимухе, на правом берегу. Основание его относится к 1864 году. В 1868 году его сожгли хунхузы, но на другой год оно возродилось снова. Пржевальский в 1870 году в нём насчитал шесть дворов и тридцать четыре души обоего пола¹¹. Я застал Шкотово довольно большим селом¹².

Здесь мы провели двое суток, осматривали окрестности и снаряжались в далёкий путь. Река Цимухе, длиной в 30 километров, течёт в широтном направлении и имеет с правой стороны один только приток – Бейцу. Долину, по которой протекает река, здешние переселенцы называют Стеклопанной падью. Такое название она получила от китайской зверовой фанзы, в окне которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Надо заметить, что тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода, и потому в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказывают, что во время ссор враги старались проникнуть друг к другу в дом и перебить стеклян-

¹¹ Н. М. Пржевальский. Путешествие по Уссурийскому краю. 1869 г., стр. 135–136.

¹² В 1902 г. в селении насчитывалось 88 семейств.

ную посуду. Немудрено поэтому, что кусочек стекла в окне китайской фанзы¹³ был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев, и они назвали Стеклою не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность.

От Шкотова вверх по долине Цимухе сначала идёт просёлочная дорога, которая после села Новороссийского сразу переходит в тропу. По этой тропе можно выйти и на Сучан, и на реку Кангоузу¹⁴, к селу Новонежину. Дорога несколько раз переходит с одного берега реки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщение по ней прекращается.

Из Шкотова мы выступили рано, в тот же день дошли до Стеклою пади и свернули в неё. Река Бейца течёт на запад-юго-запад почти по прямому направлению и только около устья поворачивает на запад. Ширина Стеклою пади не везде одинакова: то она суживается метров до ста, то расширяется более чем на километр. Как и большинство долин в Уссурийском крае, она отличается удивительной ровностью. Окаймляющие её горы, поросшие корявым дубняком, имеют очень крутые склоны. Границы, где равнина соприкасается с горами, обозначены чрезвычайно резко. Это свидетельствует о том, что здесь были большие денудационные процессы. Долина раньше была гораздо глубже и только впоследствии исполнилась наносами реки.

¹³ Решётчатые окна в китайских фанзах оклеиваются тонкой бумагой.

¹⁴ Гань-гоу-цзы – сухая падь (долина).

По мере того как мы углублялись в горы, растительность становилась лучше. Дубовое редколесье сменилось густыми смешанными лесами, среди которых было много кедра. Путеводной нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями женьшеня. Дня через два мы достигли того места, где была Стеклянная фанза, но нашли здесь только её развалины. С каждым днём тропинка становилась всё хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы её совсем потеряли. Встречались нам и зверовые тропы; мы пользовались ими, пока они тянулись в желательном для нас направлении, но больше шли целиной. На третий день к вечеру мы подошли к хребту Да-дянь-шань, который идёт здесь в меридиональном направлении и имеет высоту в среднем около 700 метров. Оставив людей внизу, я поднялся на одну из соседних вершин, чтобы оттуда посмотреть, далеко ли ещё осталось до перевала. Сверху хорошо были видны все горы. Оказалось, что водораздел был в двух или трёх километрах от нас. Стало ясно, что к вечеру нам не дойти до него, а если бы мы и дошли, то рисковали заночевать без воды, потому что в это время года горные ключи в истоках почти совсем иссякают. Я решил встать на бивак там, где остались лошади, а завтра идти к перевалу.

Обыкновенно свой маршрут я никогда не затягивал до сумерек и останавливался на бивак так, чтобы засветло мож-

но было поставить палатки и заготовить дрова на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я пользовался свободным временем и отправлялся осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Поликарп Олентьев – отличный человек и прекрасный охотник. Ему было тогда лет двадцать шесть. Он был среднего роста и хорошо сложен. Русые волосы, крупные черты лица и небольшие усы дадут читателю некоторое представление о его лице. Олентьев был оптимист. Даже в тех случаях, когда мы попадали в неприятные положения, он не терял хорошего настроения и старался убедить меня, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров». Сделав нужные распоряжения, мы взяли с ним ружья и пошли на разведку.

Солнце только что успело скрыться за горизонтом, и в то время, когда лучи его золотили верхушки гор, в долинах появились сумеречные тени. На фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве – словом, всюду, даже в воздухе, чувствовалось приближение осени.

Перейдя через невысокий хребет, мы попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Широкое и сухое ложе горного ручья пересекало её поперёк. Тут мы разошлись. Я пошёл по галечниковой отмели налево, а Олентьев – направо. Не прошло и двух минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пёстрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву.

Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке, и затвор не закрывался.

– Кого ты стрелял? – спросил я его.

– Кажется, тигра, – отвечал он. – Зверь сидел на дереве. Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружьё, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного вправо от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротников ничего нельзя было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже перелезть валежник, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олентьев второпях выстрелил в упор, даже не приставляя приклада ружья к плечу, – и очень удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нём так, что голова и передние лапы свесились по одну сторону, а задняя часть тела – по другую.

Убитое животное сделало ещё несколько конвульсивных движений и начало грызть землю. В это время центр тяжести переместился, оно медленно подалось вперёд и грузно свалилось к ногам охотника.

С первого же взгляда я узнал маньчжурскую пантеру, называемую местными жителями барсом. Этот великолепный представитель кошачьих был из числа крупных. Длина его

тела от носа до корня хвоста равнялась 1,4 метра. Шкура пантеры, ржаво-жёлтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта чёрными пятнами, причём пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра. С боков, на лапах и на голове они были сплошные и мелкие, а на шее, спине и хвосте – крупные, кольцевые.

В Уссурийском крае пантера держится только в южной части страны, и, главным образом, в Суйфунском, Посъетском и Барабашевском районах. Главной пищей ей служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против её следов на земле и, следовательно, как раз против луча зрения охотника. Растянувшись вдоль него, она кладёт голову на передние лапы и в этом положении замирает. Пантера отлично понимает, что со стороны головы её тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снимание шкуры с убитого животного отняло у нас более часа. Когда мы тронулись в обратный путь, были уже глубокие сумерки. Мы шли долго и наконец увидели огни бивака. Скоро между деревьями можно было различить силуэты людей. Они двигались и часто заслоняли собой огонь. На биваке собаки встретили нас дружным лаем. Стрелки окружили пантеру, рассматривали её и вслух высказывали свои суждения. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали наш путь. Долина сужива-

лась, и идти становилось труднее. Мы шли целиной и только заботились о том, чтобы поменьше кружить.

В полдень мы подошли к самому гребню. Подъём был крутой и трудный. Лошади карабкались на кручу изо всех сил; от напряжения у них дрожали ноги, они падали и, широко раскрыв ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, пришлось идти зигзагами, часто останавливаться и поправлять вьюки. Наконец мы взобрались на хребет. Здесь дан был получасовой отдых. По хребту, поросшему лесом, надо идти всегда осторожно, надо часто останавливаться, осматриваться, иначе легко сбиться с пути, в особенности во время тумана. Помню, раньше я несколько раз таким образом блуждал. Чтобы не повторить ошибки, я приказал людям остановиться и, выбрав высокий кедр, не без труда взобрался на самую его вершину.

Сверху я увидел весь горный хребет Да-дянь-шань как на ладони. Он шёл на север с лёгким изгибом к востоку. Здесь он имел характер расплывчатый, неясный, а далее на восток, вероятно в верховьях Даубихе и Улахе¹⁵, был высок и величествен. Западные его склоны казались крутыми и обрывистыми, восточные – более пологими. Слева вдали виднелись Майхе и Цимухе, справа – сложный бассейн Сучана. С этой стороны местность была так пересечена, что я долго не мог сообразить, куда текут речки и к какому они принадлежат

¹⁵ У-ла-хэ – река, где растёт много травы «у-ла» (особый вид осоки), которую вкладывают в охотничью обувь.

бассейну. Впереди, километрах в пяти, высилась какая-то куполообразная гора. Её-то я и наметил пунктом, где следовало второй раз ориентироваться.

На вершине хребта Да-дянь-шань растёт лес крупный, чистый, вследствие чего наше передвижение с вьюками происходило довольно быстро. В одном месте мы спугнули двух изюбров – самца и самку. Олени отбежали немного и остановились как вкопанные, повернув головы в нашу сторону. Один из казаков хотел было стрелять, но я остановил его. Продовольствия мы имели достаточно, а лошади были перегружены настолько, что захватить с собой убитых оленей мы всё равно не могли бы. Я несколько минут любовался изюбрами. Наконец самец не выдержал. Он издал короткий крик и, положив рога на спину, сильными прыжками пошёл наискось под гору.

Благородный олень, обитающий в Приамурском крае, называется изюбром. Это стройное и красивое животное имеет в длину 1,9, а в высоту – 1,4 метра. Вес тела достигает 197 килограммов. Шерсть изюбра летом светло-коричневая, зимой – серовато-бурая с бело-жёлтым зеркалом сзади. На длинной и сильной шее, украшенной у самцов гривой, помещается красивая голова с большими трубчатыми и подвижными ушами. Вилообразно расходящиеся рога имеют впереди два прямых бивня и несколько верхних отростков. Рога эти зимой спадают и весной вырастают вновь, и притом каждый раз одним отростком больше. Поэтому по числу отрост-

ков можно судить о возрасте оленя, считая один лишний год, когда он ходит безрогим (саек). Однако количеству отростков есть предел. Обыкновенно взрослый самец имеет их не более семи. В дальнейшем идёт только увеличение веса рогов, их размеров и толщины. Молодые весенние рога, наполненные кровью и ещё не затвердевшие, называются пантами.

В Уссурийском крае благородный олень обитает в южной части страны, по всей долине реки Уссури и её притокам, не заходя за границу хвойных насаждений Сихотэ-Алиня. На побережье моря он встречается до мыса Олимпиады.

Летом изюбр держится по тенивым склонам лесистых гор, а зимой – по солнцепекам и в долинах, среди равнинной тайги, где полянки чередуются с перелесками. Любимый летний корм изюбра составляет леспедца, а зимой – молодые побеги осины, тополя и низкорослой берёзы.

В полдень мы сделали большой привал. По моим соображениям, теперь мы должны были находиться недалеко от куполообразной горы.

В походе надо сообразоваться не столько с силами людей, сколько с силами выючных животных. И в самом деле, они несут большие тяжести, поэтому при всякой более или менее продолжительной остановке надо облегчить их спины от груза.

Как только лошади были рассёдланы, их тотчас пустили на свободу. Внизу, под листьями, трава была ещё зелёная, и это давало возможность пользоваться кое-каким подножным

кормом.

Глава 2

Встреча с Дерсу

*Бивак в лесу. – Ночной гость. – Бессонная ночь. –
Рассвет*

После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. Часам к четырём мы подошли к какой-то вершине. Оставив людей и лошадей на месте, я сам пошёл наверх, чтобы ещё раз осмотреться.

Влезать на дерево непременно надо самому. Поручать это стрелкам нельзя. Тут нужны личные наблюдения. Как бы толково и хорошо стрелок ни рассказывал о том, что он заметил, на основании его слов трудно ориентироваться.

То, что я увидел сверху, сразу рассеяло мои сомнения. Куполообразная гора, где мы находились в эту минуту, – был тот самый горный узел, который мы искали. От него к западу тянулась высокая гряда, падавшая на север крутыми обрывами. По ту сторону водораздела общее направление долин шло к северо-западу. Вероятно, это были истоки реки Лефу.

Спустившись с дерева, я присоединился к отряду. Солнце уже стояло низко над горизонтом, и надо было торопиться разыскать воду, в которой и люди и лошади очень нуждались. Спуск с куполообразной горы был сначала пологий,

но потом сделался крутым. Лошади спускались, присев на задние ноги. Вьюки лезли вперёд, и, если бы при сёдлах не было шлей, они съехали бы им на голову. Пришлось делать длинные зигзаги, что при буреломе, который валялся здесь во множестве, было делом далеко не лёгким.

За перевалом мы сразу попали в овраги. Местность была чрезвычайно пересечённая. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотоки и скалы, обросшие мхом, – всё это создавало обстановку, которая живо напоминала мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и весёлый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

– Ничего, – говорили стрелки, – как-нибудь переночуем. Нам не год тут стоять. Завтра найдём место повеселее.

Не хотелось мне здесь останавливаться, но делать было нечего. Сумерки приближались, и надо было торопиться. На дне ущелья шумел поток, я направился к нему и, выбрав место поровнее, приказал ставить палатки.

Величаявая тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали таскать дрова, рассёдлывать коней и готовить ужин.

Бедные лошади. Среди камней и бурелома они должны были остаться голодными. Зато завтра, если нам удастся дойти до земледельческих фанз, мы их накормим как следует.

Сумерки в лесу всегда наступают рано. На западе сквозь густую хвою ещё виднелись кое-где клочки бледного неба, а внизу, на земле, уже ложились ночные тени. По мере того как разгорался костёр, ярче освещались выступавшие из темноты кусты и стволы деревьев. Разбуженная в осыпях пищуха подняла было пронзительный крик, но вдруг испугалась чего-то, проворно спряталась в норку и больше не показывалась.

Наконец на нашем биваке стало все понемногу успокаиваться. После чая люди занялись каждый своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стрелки стали ложиться спать. Они плотно прижались друг к другу и, прикрывшись шинелями, заснули как убитые. Не найдя корма в лесу, лошади подошли к биваку и, опустив головы, погрузились в дремоту. Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный маршрут, а он починял свою обувь. Часов в десять вечера я закрыл тетрадь и, завернувшись в бурку, лёг к огню. От жара, подымавшегося вместе с дымом кверху, качались вет-

ки старой ели, у подножия которой мы расположились, и то закрывали, то открывали тёмное небо, усеянное звёздами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши, потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в выжидательной позе и, заслонив рукой свет костра, смотрел куда-то в сторону.

– Что случилось? – спросил я его.

– Кто-то спускается с горы, – отвечал он шёпотом. Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

– Это, вероятно, медведь, – сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

– Стреляй не надо! Моя люди!.. – послышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошёл человек.

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты¹⁶, за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

¹⁶ Обувь, сшитая из сохатиной или изюбровой кожи, выделанной под замшу.

– Здравствуй, капитан, – сказал пришедший, обратясь ко мне. Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. На вид ему было лет сорок пять. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки – крепкие, мускулистые, ноги немного кривые. Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие русые усы окаймляли его верхнюю губу, и рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза. Тёмно-серые, а не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не спрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято делать в тайге.

– Спасибо, капитан, – сказал он. – Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но ещё более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на

щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я увидел, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями.

Наш гость был из молчаливых. Наконец Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо:

– Ты кто будешь?

– Моя гольд, – ответил он коротко.

– Ты, должно быть, охотник? – спросили его опять.

– Да, – отвечал он. – Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.

– А где ты живёшь? – продолжал допрашивать его Олентьев.

– Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай – спи. Постоянно охота ходи, как дома живи?

Потом он рассказал, что сегодня охотился за изюбрами, ранил одну матку, но слабо. Идя по подранку, он наткнулся на наши следы. Они завели его в овраг. Когда стемнело, он увидел огонь и пошёл прямо на него.

– Моя тихонько ходи, – говорил он. – Думай, какой люди далеко сопках ходи? Посмотри – капитан есть, казак есть. Моя тогда прямо ходи.

– Тебя как зовут? – спросил я незнакомца.

– Дерсу Узала, – отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нём было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе. Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге и чужд был тех пороков, которые вместе с собой несёт городская цивилизация. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьём и потом выменивал предметы своей охоты на табак, свинец и порох и что винтовка ему досталась в наследство от отца. Потом он рассказал мне, что ему теперь пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаш, огонь, отец, мать и сестрёнка.

– Все давно помирай, – закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: – У меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Оспа все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью, это единственное утешение в старости? Он ничего мне не отвечал и только ещё более поник головой. Хотелось

мне как-нибудь выразить ему своё сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец я надумал: я предложил ему обменять его старое ружьё на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога как память об отце, что он к ней привык и что она бьёт очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял своё ружьё и стал гладить рукой по ложу.

Звёзды на небе переместились и показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы все сидели у костра и разговаривали. Говорил больше Дерсу, а я его слушал, и слушал с удовольствием. Он рассказывал мне про свою охоту, про то, как раз он попал в плен к хунхузам, но убежал от них. Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т. д. Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его несколько дней подряд и по следам нашла, обессиленного от потери крови. Пока он болел, она ходила на охоту.

Потом я стал его расспрашивать о том месте, где мы находимся. Он сказал, что это истоки реки Лефу и что завтра мы дойдём до первого жилища звероловов.

Один из спящих стрелков проснулся, удивлённо посмотрел на нас обоих, пробормотал что-то про себя и заснул снова.

На земле и на небе было ещё темно, только в той сторо-

не, откуда подымались все новые звёзды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса – верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царила торжественная тишина. Казалось, природа отдыхала тоже.

Через час восток начал алеть. Я посмотрел на часы, было шесть часов утра. Пора было будить очередного артельщика. Я стал трясти его за плечо. Стрелок сел и начал потягиваться. Яркий свет костра резал ему глаза – он морщился. Затем, увидев Дерсу, проговорил, усмехнувшись:

– Вот диво, человек какой-то!.. – и начал обуваться.

Небо из чёрного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали жаться в кусты и овраги. Вскоре бивак наш опять ожил; заговорили люди, очнулись от оцепенения лошади, заверещала в стороне пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая; послышался крик дятла и трещоточная музыка желны. Тайга просыпалась. С каждой минутой становилось всё светлее, и вдруг яркие солнечные лучи снопом вырвались из-за гор и озарили весь лес. Наш бивак принял теперь другой вид. На месте яркого костра лежала груда золы; огня почти не было видно; на земле валялись порошковые банки из-под консервов; там, где стояла палатка, торчали одни жерди и лежала примятая трава.

Глава 3

Охота на кабанов

Изучение следов. – Забота о путнике. – Зверовая фанза. – Гора Тудинза и верховья реки Лефу. – Кабаны. – Анимизм Дерсу. – Сон

После чая стрелки начали вьючить коней. Дерсу тоже стал собираться. Он надел свою котомку, взял в руки сошки и берданку. Через несколько минут отряд наш тронулся в путь. Дерсу пошёл с нами.

Ущелье, по которому мы шли, было длинное и извилистое. Справа и слева к нему подходили другие такие же ущелья. Из них с шумом бежала вода. Распадок¹⁷ становился шире и постепенно превращался в долину. Здесь на деревьях были старые затёски, они привели нас на тропинку. Гольд шёл впереди и всё время внимательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками.

– Что такое? – спросил я его.

Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что идёт она по соболиным ловушкам, что несколько дней тому назад по ней прошёл один человек и что, по всей вероятности, это был китаец.

Слова гольда нас всех поразили. Заметив, что мы отнес-

¹⁷ Местное название узкой долины.

лись к нему с недоверием, он воскликнул:

– Как ваша понимай нету? Посмотри сам!

После этого он привёл такие доказательства, что все мои сомнения отпали разом. Всё было так ясно и так просто, что я удивился, как этого раньше я не заметил. Во-первых, на тропе нигде не было видно конских следов, во-вторых, по сторонам она не была очищена от ветвей; наши лошади пробирались с трудом и всё время задевали вьюками за деревья. Повороты были так круты, что кони не могли повернуться и должны были делать обходы; через ручьи следы шли по бревну, и нигде тропа не спускалась в воду; бурелом, преграждавший путь, не был прорублен; люди шли свободно, а лошадей обводили стороной. Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествий с вьюками.

– Давно один люди ходи, – говорил Дерсу как бы про себя. – Люди ходи кончай, дождь ходи. – И он стал высчитывать, когда был последний дождь.

Часа два шли мы по этой тропе. Мало-помалу хвойный лес начал заменяться смешанным. Всё чаще и чаще стали попадаться тополь, клён, осина, берёза и липа. Я хотел было сделать второй привал, но Дерсу посоветовал пройти ещё немного.

– Наша скоро балаган найти есть, – сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора.

Я сразу понял его. Значит, поблизости должно быть то, для чего это корьё предназначалось. Мы прибавили шагу и

через десять минут на берегу ручья увидели небольшой од- носкатный балаган, поставленный охотниками или искате- лями женьшеня. Осмотрев его кругом, наш новый знакомый опять подтвердил, что несколько дней тому назад по тропе прошёл китаец и что он ночевал в этом балагане. Прибитая дождём зола, одинокое ложе из травы и брошенные старые наколенники из дабы¹⁸ свидетельствовали об этом.

Теперь я понял, что Дерсу не простой человек. Передо мной был следопыт, и невольно мне вспомнились герои Ку- пера и Майн-Рида.

Надо было покормить лошадей. Я решил воспользовать- ся этим, лёг в тени кедра и тотчас же уснул. Часа через два меня разбудил Олентьев. Проснувшись, я увидел, что Дерсу наколот дров, собрал бересты и всё это сложил в балаган.

Я думал, что он хочет его спалить, и начал отговаривать от этой затеи. Но вместо ответа он попросил у меня щепот- ку соли и горсть рису. Меня заинтересовало, что он хочет с ними делать, и я приказал дать просимое. Гольд тщательно обернул берестой спички, отдельно в бересту завернул соль и рис и повесил все это в балагане. Затем он поправил сна- ружи корьё и стал собираться.

– Вероятно, ты думаешь вернуться сюда? – спросил я гольда.

Он отрицательно покачал головой. Тогда я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички.

¹⁸ Прочная синяя материя, из которой китайцы шьют себе одежду.

– Какой-нибудь другой люди ходи, – отвечал Дерсу, – ба- лаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди – пропади нету!

Помню, меня глубоко поразило это. Я задумался... Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие. Я вспомнил, что мои люди, уходя с биваков, всегда жгли корьё на кострах. Делали они это не из озорства, а так просто, ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Забота о путнике!.. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее.

– Лошади готовы! Надо бы идти, – сказал подошедший ко мне Олентьев.

Я очнулся.

– Да, надо идти... Трогай! – сказал я стрелкам и пошёл вперёд по тропинке.

К вечеру мы дошли до того места, где две речки сливаются вместе, откуда, собственно, и начинается Лефу¹⁹. Здесь она шириной 6–8 метров и имеет быстроту течения 120–140 метров в минуту. Глубина реки неравномерная и колеблется от 30 до 60 сантиметров.

После ужина я рано лёг спать и тотчас уснул.

На другой день, когда я проснулся, все люди были уже на

¹⁹ Ле-фу-хэ – река счастливой охоты.

ногах. Я отдал приказание седлать лошадей и, пока стрелки возились с вьюками, успел приготовить планшет и пошёл вперёд вместе с гольдом.

От места нашего ночлега долина стала понемногу поворачивать на запад. Левые склоны её были крутые, правые – пологие. С каждым километром тропа становилась шире и лучше. В одном месте лежало срубленное топором дерево. Дерсу подошёл, осмотрел его и сказал:

– Весной рубили; два люди работали: один люди высокий – его топор тупой, другой люди маленький – его топор острый.

Для этого удивительного человека не существовало тайн. Как ясновидящий, он знал всё, что здесь происходило. Тогда я решил быть внимательнее и попытаться самому разобраться в следах. Вскоре я увидел ещё один порубленный пень. Кругом валялось множество щепок, пропитанных смолой. Я понял, что кто-то добывал растопку. Ну, а дальше? А дальше я ничего не мог придумать.

– Фанза близко, – сказал гольд как бы в ответ на мои размышления.

Действительно, скоро опять стали попадаться деревья, оголённые от коры (я уже знал, что это значит), а метрах в двухстах от них на самом берегу реки среди небольшой полянки стояла зверовая фанза. Это была небольшая постройка с глинобитными стенами, крытая корьём. Она оказалась пустой. Это можно было заключить из того, что вход

в неё был припёрт колом снаружи. Около фанзы находился маленький огородик, изрытый дикими свиньями, и слева – небольшая деревянная кумирня, обращённая как всегда лицом к югу.

Внутренняя обстановка фанзы была грубая. Железный котёл, вмазанный в низенькую печь, от которой шли дымовые ходы, согревающие каны (нары), два-три долблёных корытца, деревянный ковш для воды, железный кухонный резак, металлическая ложка, метёлочка для промывки котла, две запylённые бутылки, кое-какие брошенные тряпки, одна или две скамеечки, масляная лампа и обрывки звериных шкур, разбросанные по полу, составляли все её убранство.

Отсюда вверх по Лефу шли три тропы. Одна была та, по которой мы пришли, другая вела в горы на восток, и третья направлялась на запад. Эта последняя была многохоженная, конная. По ней мы пошли дальше. Люди закинули лошадям поводья на шею и предоставили им самим выбирать дорогу. Умные животные шли хорошо и всячески старались не зацеплять выюками за деревья. В местах болотистых и на каменистых россыпях они не прыгали, а ступали осторожно, каждый раз пробуя почву ногой, прежде чем поставить её как следует. Этой сноровкой отличаются именно местные лошади, привыкшие к путешествиям в тайге с выюками.

От зверовой фанзы река Лефу начала понемногу загибать к северо-востоку. Пройдя ещё километров шесть, мы подошли к земледельческим фанзам, расположенным на правом

берегу реки, у подножия высокой горы, которую китайцы называют Тудинза²⁰.

Неожиданное появление военного отряда смутило китайцев. Я велел Дерсу сказать им, чтобы они не боялись нас и продолжали свои работы.

Мне хотелось посмотреть, как живут в тайге китайцы и чем они занимаются.

Зверинные шкуры, растянутые для просушки, изюбровые рога, сложенные грудой в амбаре, панты, подвешенные для просушки, мешочки с медвежьей желчью²¹, олени выпоротки²², рысьи, куньи, собольи и беличьи меха и инструменты для ловушек – всё это указывало на то, что местные китайцы занимаются не столько земледелием, сколько охотой и звероловством. Около фанз были небольшие участки обработанной земли. Китайцы сеяли пшеницу, чумизу и кукурузу. Они жаловались на кабанов и говорили, что недавно целые стада их спускались с гор в долины и начали травить поля. Поэтому пришлось собирать овощи, не успевшие дозреть, но теперь на землю осыпались жёлуди, и дикие свиньи удалились в дубняки.

Солнце стояло ещё высоко, и я решил подняться на гору Тудинзу, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Вместе со

²⁰ Ту-дин-цзы – земляная вершина.

²¹ Употребляется китайцами как лекарство от трахомы.

²² Плоды стельных маток идут на изготовление лекарства для надорвавшихся от работы.

мною пошёл и Дерсу. Мы отправились налегке и захватили с собой только винтовки.

Гора Тудинза представляет собой массив, круто падающий в долину реки Лефу и изрезанный глубокими падами с северной стороны. Пожелтевшая листва деревьев стала уже осыпаться на землю. Лес повсюду начинал сквозить, и только дубняки стояли ещё одетые в свой наряд, поблекший и полужасохший.

Гора была крутая. Раза два мы садились и отдыхали, потом опять лезли вверх.

Кругом вся земля была изрыта. Дерсу часто останавливался и разбирал следы. По ним он угадывал возраст животных, пол их, видел следы хромого кабана, нашёл место, где два кабана дрались и один гонял другого. С его слов всё это я представил себе ясно. Мне казалось странным, как это раньше я не замечал следов, а если видел их, то, кроме направления, в котором уходили животные, они мне ничего не говорили.

Через час мы достигли вершины горы, покрытой осыпями.

Здесь мы сели на камни и стали осматриваться.

На востоке высился высокий водораздел между бассейном Лефу и водами, текущими в Даубихе. Другой горный хребет тянулся с востока на запад и служил границей между Лефу и рекой Майхе. На юго-востоке, там, где оба эти хребта сходились вместе, высилась куполообразная гора Да-

дянь-шань.

Отсюда, с вершины Тудинзы, нам хорошо был виден весь бассейн верхнего течения Лефу, слагающийся из трёх речек одинаковой величины. Две из них сливаются раньше и текут от востока-северо-востока, третья, та, по которой мы шли, имела направление меридиональное. Истоки каждой из них состоят из нескольких горных ручьёв, сливающихся в одно место. В топографическом отношении горы верхнего Лефу представляют собой плоские возвышенности с чрезвычайно крутыми склонами, покрытые густым смешанным лесом с большим преобладанием хвои.

Близ земледельческих фанз река Лефу делает небольшую излучину, чему причиной является отрог, выдвинувшийся из южного массива. Затем она склоняется к югу и, обогнув гору Тудинзу, опять поворачивает к северо-востоку, какое направление и сохраняет уже до самого своего впадения в озеро Ханка. Как раз против Тудинзы река Лефу принимает в себя ещё один приток – реку Отрадную. По этой последней идёт выючная тропа на Майхе.

– Посмотри, капитан, – сказал мне Дерсу, указывая на противоположный склон пади. – Что это такое?

Я взглянул в указанном направлении и увидел какое-то тёмное пятно. Я думал, что это тень от облака, и высказал Дерсу своё предположение. Он засмеялся и указал на небо. Я посмотрел вверх. Небо было совершенно безоблачным: на беспредельной его синеве не было ни одного облачка. Через

несколько минут пятно изменило свою форму и немного передвинулось в сторону.

– Что это такое? – спросил я гольда, в свою очередь.

– Тебе понимай нету, – отвечал он. – Надо ходи посмотри.

Мы стали спускаться вниз. Скоро я заметил, что пятно тоже двигалось нам навстречу. Минут через десять гольд остановился, сел на камень и указал мне знаком, чтобы я сделал то же.

– Наша тут надо дожидай, – сказал он. – Надо тихо сиди, чего-чего ломай не надо, говори тоже не надо.

Мы стали ждать. Вскоре я опять увидел пятно. Оно возросло до больших размеров. Теперь я мог рассмотреть его составные части. Это были какие-то живые существа, постоянно передвигающиеся с места на место.

– Кабаны! – воскликнул я.

Действительно, это были дикие свиньи. Их было тут более сотни. Некоторые животные отходили в сторону, но тотчас опять возвращались назад. Скоро можно было рассмотреть каждое животное отдельно.

– Один люди шибко большой, – тихонько проговорил Дерсу.

Я не понял, про какого «человека» он говорил, и посмотрел на него недоумевающе.

Посредине стада, как большой бугор, выделялась спина огромного кабана. Он превосходил всех своими размерами и, вероятно, имел около 250 килограммов веса. Стадо при-

ближалось с каждой минутой. Теперь ясно были слышны шум сухой листвы, взбиваемой сотнями ног, треск сучьев, резкие звуки, издаваемые самцами, хрюканье свиней и визг поросят.

– Большой люди близко ходи нету, – сказал Дерсу. И я опять его не понял.

Самый крупный кабан был в центре стада, множество животных бродило по сторонам и некоторые отходили довольно далеко от табуна, так что, когда эти одиночные свиньи подошли к нам почти вплотную, большой кабан был ещё вне выстрела. Мы сидели и не шевелились. Вдруг один из ближайших к нам кабанов поднял кверху своё рыло. Он что-то жевал. Я как сейчас помню большую голову, насторожённые уши, свирепые глаза, подвижную морду с двумя носовыми отверстиями и белые клыки. Животное замерло в неподвижной позе, перестало есть и уставилось на нас злобными вопрошающими глазами. Наконец оно поняло опасность и издало резкий крик. Вмиг все стадо с шумом и фырканием бросилось в сторону. В это мгновение грянул выстрел. Одно из животных грохнулось на землю. В руках Дерсу дымилась винтовка.

Ещё несколько секунд в лесу был слышен треск ломаемых сучьев, затем всё стихло.

Кабан, обитающий в Уссурийском крае – вид, близкий к японской дикой свинье, – достигает 295 килограммов веса и имеет наибольшие размеры: 2 метра в длину и 1 метр в

высоту. Общая окраска животного бурая; спина и ноги чёрные, поросята всегда продольно-полосатые. Тело его овальное, несколько сжатое с боков и поддерживается четырьмя крепкими ногами. Шея короткая и очень сильная; голова клиновидная; морда оканчивается довольно твёрдым и подвижным «пяточком», при помощи которого дикая свинья копает землю. Кабан относится к бугорчато-зубным, но кроме корневых зубов самцы вооружены ещё острыми клыками, которые с возрастом увеличиваются, загибаются назад и достигают длины 20 сантиметров. Так как кабан любит тереться о стволы елей, кедров и пихт, жёсткая щетина его бывает часто запачкана смолой. Осенью во время холодов он валяется в грязи. От этого к щетине его примерзает вода: сосульки всё увеличиваются и образуют иногда такой толстый слой льда, что он служит помехой его движениям.

Область распространения диких свиней в Уссурийском крае тесно связана с распространением кедра, ореха, лещины и дуба. Северная граница этой области проходит от низов Хунгари, через среднее течение Анюя, верхнее – Хора и истоки Бикина, а оттуда идёт через Сихотэ-Алинь на север к мысу Успения. Одиночные кабаны попадаются и на реках Копи, Хади и Тумнину. Животное это чрезвычайно подвижное и сильное. Оно прекрасно видит, отлично слышит и имеет хорошее обоняние. Будучи ранен, кабан становится весьма опасен.

Беда неразумному охотнику, который без мер предосто-

рожности вздумает пойти по подранку. В этих случаях кабан ложится на свой след, головой навстречу преследователю. Завидев человека, он с такой стремительностью бросается на него, что последний нередко не успевает даже приставить приклад ружья к плечу и выстрелить.

Кабан, убитый гольдом, оказался двухгодовалой свиньёй.

Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

– Его старый люди, – сказал он про кабана с клыками. – Его худо кушай, мясо мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.

– Его всё равно люди, – подтвердил он, – только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Всё равно люди...

Для меня стало ясно. Воззрение на природу этого первобытного человека было анимистическое, и потому все окружающее он очеловечивал.

На горе мы пробыли довольно долго. Незаметно кончился день. У облаков, столпившихся на западе, края светились так, точно они были из расплавленного металла. Сквозь них прорывались солнечные лучи и веерообразно расходились по небу.

Дерсу наскоро освежевал убитого кабана, взвалил его к себе на плечи, и мы пошли к дому. Через час мы были уже на биваке.

В китайских фанзах было тесно и дымно, поэтому я ре-

шил лечь спать на открытом воздухе вместе с Дерсу.

– Моя думай, – сказал он, поглядывая на небо, – ночью тепло будет, завтра вечером – дождь...

Я долго не мог уснуть. Всю ночь мне мерещилась кабанья морда с раздутыми ноздрями. Ничего другого, кроме этих ноздрей, я не видел. Они казались мне маленькими точками. Потом вдруг увеличивались в размерах. Это была уже не голова кабана, а гора и ноздри – пещеры, и будто в пещерах опять кабаны с такими же дыроватыми мордами.

Странно устроен человеческий мозг. Из впечатлений целого дня, из множества разнородных явлений и тысячи предметов, которые всюду попадают на глаза, что-нибудь одно, часто даже не главное, а случайное, второстепенное, запоминается сильнее, чем всё остальное! Некоторые места, где у меня не было никаких приключений, я помню гораздо лучше, чем те, где что-нибудь случилось. Почему-то запомнились одно дерево, которое ничем не отличалось от других деревьев, муравейник, пожелтевший лист, один вид мха и т. д. Я думаю, что я мог бы вещи эти нарисовать подробно со всеми деталями.

Глава 4

Происшествие в корейской деревне

*Приметы Дерсу о погоде. – Перестрелка. –
Равнодушие корейцев. – Деревня Казакевичево. –
Экскурсия на речные террасы. – Дерсу устраивается
на ночь. – Тропа до деревни Ляличи*

Утром я проснулся позже других. Первое, что мне бросилось в глаза, – отсутствие солнца. Все небо было в тучах. Заметив, что стрелки укладывают вещи так, чтобы их не промочил дождь, Дерсу сказал:

– Торопиться не надо. Наша днём хорошо ходи, вечером будет дождь.

Я спросил его, почему он так думает.

– Тебе сам посмотри, – ответил гольд. – Видишь, маленькие птицы туда-сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро – его тогда тихонько сиди, все равно спи.

Действительно, я вспомнил, что перед дождём всегда бывает тихо и сумрачно, а теперь – наоборот: лес жил полной жизнью; всюду перекликались дятлы, сойки и кедровки и весело посвистывали суетливые поползни.

Расспросив китайца о дороге, мы тронулись в путь.

После горы Тудинзы долина реки Лефу сразу расширяется (от одного до трёх километров). Отсюда начинались жилые места.

Часам к двум мы дошли до деревни Николаевки, в которой насчитывалось тогда тридцать шесть дворов. Отдохнув немного, я велел Олентьеву купить овса и накормить хорошенько лошадей, а сам вместе с Дерсу пошёл вперёд. Мне хотелось поскорей дойти до ближайшей деревни Казакевичево и устроить своих спутников на ночь под крышу.

Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано. Часов в пять начал накрапывать дождь. Мы прибавили шагу. Скоро дорога разделилась надвое. Одна шла за реку, другая как будто бы направлялась в горы. Мы выбрали последнюю. Потом стали попадаться другие дороги, пересекающие нашу в разных направлениях. Когда мы подходили к деревне, было уже совсем темно.

В это время стрелки дошли до перекрёстка дорог и, не зная, куда идти, дали два выстрела. Опасаясь, что они могут заблудиться, я ответил им тем же. Вдруг в ближайшей фанзе раздался крик, и вслед за тем из окна её грянул выстрел, потом другой, третий, и через несколько минут стрельба поднялась по всей деревне. Я ничего не мог понять: дождь, крики, ружейная пальба... Что случилось, почему поднялся такой переполох? Вдруг из-за одной фанзы показался свет. Какой-то кореец нёс в одной руке керосиновый факел, а в другой берданку. Он бежал и кричал что-то по-своему. Мы бро-

сились к нему навстречу. Неровный красноватый свет факела прыгал по лужам и освещал его искажённое страхом лицо. Увидев нас, кореец бросил факел на землю, выстрелил в упор в Дерсу и убежал. Разлившийся по земле керосин вспыхнул и загорелся дымным пламенем.

– Ты не ранен? – спросил я Дерсу.

– Нет, – сказал он и стал поднимать факел.

Я видел, что в него стреляют, а он стоял во весь свой рост, махал рукой и что-то кричал корейцам.

Услышав стрельбу, Олентьев решил, что мы подверглись нападению хунхузов. Оставив при лошадях двух коноводов, он с остальными людьми бросился к нам на выручку. Наконец стрельба из ближайшей к нам фанзы прекратилась. Тогда Дерсу вступил с корейцами в переговоры. Они ни за что не хотели открывать дверей. Никакие увещевания не помогли. Корейцы ругались и грозили возобновить пальбу из ружей.

Нечего делать, надо было становиться биваком. Мы разложили костры на берегу реки и начали ставить палатки. В стороне стояла старая развалившаяся фанза, а рядом с ней были сложены груды дров, заготовленных корейцами на зиму. В деревне стрельба долго ещё не прекращалась. Те фанзы, что были в стороне, отстреливались всю ночь. От кого? Корейцы и сами не знали этого. Стрелки и ругались и смеялись.

На другой день была назначена днёвка. Я велел людям

осмотреть седла, просушить то, что промокло, и почистить винтовки. Дождь перестал; свежий северо-западный ветер разогнал тучи; выглянуло солнце.

Я оделся и пошёл осматривать деревню.

Казалось бы, что после вчерашней перепалки корейцы должны были прийти на наш бивак и посмотреть людей, в которых они стреляли. Ничего подобного. Из соседней фанзы вышло двое мужчин. Они были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары и имели плетёную верёвочную обувь на ногах. Они даже не взглянули на нас и прошли мимо. Около другой фанзы сидел старик и крутил нитки. Когда я подошёл к нему, он поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивления. По дороге навстречу нам шла женщина, одетая в белую юбку и белую кофту; грудь её была открыта. Она несла на голове глиняный кувшин с водой и шла прямо, ровной походкой, глядя вниз на землю. Поравнявшись с нами, корейка не посторонилась и, не поднимая глаз, прошла мимо. И всюду, куда я ни приходил, я видел то удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы. «Страна утреннего спокойствия», – вспомнилось мне название, данное Корее. Это спокойствие очень похоже на тупость. Казалось, здесь не было жизни, а были только одни механические движения.

Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, и каждая находится в

середине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных километров.

Возвращаясь назад к биваку, я вошёл в одну из фанз. Тонкие стены её были обмазаны глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелось трое дверей с решётчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырёхскатная крыша была покрыта сетью, сплетённой из сухой травы.

Корейские фанзы все одинаковы. Внутри их имеется глиняный кан. Он занимает больше половины помещения. Под каном проходят печные трубы, согревающие полы в комнатах и распространяющие тепло по всему дому. Дымовые ходы выведены наружу в большое дуплистое дерево, заменяющее трубу. В одной половине фанзы, где находятся каны, помещаются люди, в другой, с земляным полом, – куры, лошади и рогатый скот. Жилая половина дощатыми перегородками разделяется ещё на отдельные комнаты, устланные чистыми циновками. В одной комнате помещаются женщины с детьми, в других – мужчины и гости.

В фанзе я увидел ту самую женщину, которая переходила нам дорогу с кувшином на голове. Она сидела на корточках и деревянным ковшом наливала в котёл воду. Делала она это медленно, высоко поднимала ковш кверху и лила воду как-то странно – через руку в правую сторону. Она равнодушно взглянула на меня и молча продолжала своё дело. На кане сидел мужчина лет пятидесяти и курил трубку. Он не

шевельнулся и ничего не ответил на моё приветствие. Я посидел с минуту, затем вышел на улицу и направился к своим спутникам. После обеда я отправился экскурсировать по окрестностям. Переправившись на другую сторону реки, я поднялся на возвышенность. Это была древняя речная терраса, высотой в 20 метров. Нижние слои её состоят из песчаников, верхний – из пористой лавы. Большие пустоты в лаве свидетельствовали о том, что в момент извержения она была сильно насыщена газами. Многие пустоты выполнены каким-то минералом чёрного и серо-синего цвета.

С высоты террасы мне открывался чудный вид на долину реки Лефу. Правый берег, где расположилась деревня Казакевичево, был низменный. В этих местах Лефу принимает в себя четыре притока: Малую Лефу и Пичинзу – с левой стороны и Ивановку и Лубянку – с правой. Между устьями двух последних, на такой же древней речной террасе, расположилось большое село Ивановское, насчитывающее около двухсот дворов²³. Дальше долина Лефу становится расплывчатой. Пологие холмы, мало возвышающиеся над общим уровнем, покрыты дубовым и чёрно-берёзовым редколесьем.

Часа два я бродил по окрестностям и наконец опять подошёл к обрыву.

День склонялся к вечеру. По небу медленно ползли лёгкие розовые облачка. Дальние горы, освещённые последними лучами заходящего солнца, казались фиолетовыми. Оголённые

²³ Основание селения относится к 1883 году.

от листвы дерева приняли однотонную серую окраску. В нашей деревне по-прежнему царило полное спокойствие. Из длинных труб фанз вились белые дымки. Они быстро таяли в прохладном вечернем воздухе. По дорожкам кое-где мелькали белые фигуры корейцев. Внизу, у самой реки, горел огонь. Это был наш бивак.

Когда я возвращался назад, уже смеркалось. Вода в реке казалась чёрной, и на спокойной поверхности её отражались пламя костра и мигающие на небе звезды. Около огня сидели стрелки: один что-то рассказывал, другие смеялись.

– Ужинать! – крикнул артельщик.

Смех и шутки сразу прекратились.

После чая я сел у огня и стал записывать в дневнике свои наблюдения. Дерсу разбирал свою котомку и поправлял костёр.

– Мало-мало холодно, – сказал он, пожимая плечами.

– Иди спать в фанзу, – посоветовал я ему.

– Не хочу, – ответил он, – моя всегда так спи.

Затем он натыкал позади себя несколько ивовых прутьев и обтянул их полотнищами палатки, потом постелил на землю козью шкуру, сел на неё и, накинув себе на плечи кожаную куртку, закурил трубку. Через несколько минут я услышал лёгкий храп. Он спал. Голова его свесилась на грудь, руки опустились, погасшая трубка выпала изо рта и лежала на коленях... «И так всю жизнь, – подумал я. – Каким тяжёлым трудом, ценой каких лишений добывал себе этот чело-

век средства к жизни!» Но тотчас я поймал себя на другой мысли: едва ли бы этот зверолов согласился променять свою свободу. Дерсу по-своему был счастлив.

В стороне глухо шумела река; где-то за деревней лаяла собака; в одной из фанз плакал ребёнок. Я завернулся в бурку, лёг спиной к костру и сладко уснул.

На другой день чуть свет мы все были уже на ногах. Ночью наши лошади, не найдя корма на корейских пашнях, ушли к горам на отаву. Пока их разыскивали, артельщик приготовил чай и сварил кашу. Когда стрелки вернулись с конями, я успел закончить свои работы. В восемь часов утра мы выступили в путь.

От описанного села Казакевичево²⁴ по долине реки Лефу есть две дороги. Одна из них, кружная, идёт на село Ивановское, другая, малохоженная и местами болотистая, идёт по левому берегу реки. Мы выбрали последнюю. Чем дальше, тем долина всё более и более принимала характер луговой.

По всем признакам видно было, что горы кончаются. Они отодвинулись куда-то в сторону, и на место их выступили широкие и пологие увалы, покрытые кустарниковой порослью. Дуб и липа дровяного характера с отмёрзшими вершинами растут здесь кое-где группами и в одиночку. Около самой реки – частые насаждения ивы, ольхи и черёмухи. Наша тропа стала принимать влево, в горы, и увела нас от реки километра на четыре.

²⁴ Село Казакевичево основано в 1872 году.

В этот день мы немного не дошли до деревни Ляличи²⁵ и заночевали в шести километрах от неё.

Вечером я сидел с Дерсу у костра и беседовал с ним о дальнейшем маршруте по реке Лефу. Гольд говорил, что далее пойдут обширные болота и бездорожье, и советовал плыть на лодке, а лошадей и часть команды оставить в Ляличах. Совет его был вполне благоразумный. Я последовал ему и только изменил местопребывание команды.

²⁵ Основана в 1885 году.

Глава 5

Нижнее течение реки Лефу

Ночёвка около деревни Ляличи. – Море травы. – Осенний перелёт птиц. – Стрельба Дерсу. – Село Халкидон. – Живая вода и живой огонь. – Пернатое население болот. – Теневой сегмент земли. – Тяжёлое состояние после сна. – Перемена погоды

На другое утро я взял с собой Олентьева и стрелка Марченко, а остальных отправил в село Черниговку с приказанием дожидаться там моего возвращения. При содействии старосты нам очень скоро удалось заполучить довольно сносную плоскодонку. За неё мы отдали двенадцать рублей деньгами и две бутылки водки. Весь день был употреблён на оборудование лодки. Дерсу сам приспособлял весла, устраивал из колышков уключины, налаживал сиденья и готовил шесты. Я любовался, как работа у него в руках спорилась и кипела. Он никогда не суетился, все действия его были обдуманны, последовательны, и ни в чём не было проволочек. Видно было, что он в жизни прошёл такую школу, которая приучила его быть энергичным, деятельным и не тратить времени понапрасну. Случайно в одной избе нашлись готовые сухари. А больше нам ничего не надо было. Всё остальное – чай, сахар, соль, крупу и консервы – мы имели в до-

статочном количестве. В тот же вечер по совету гольда все имущество было перенесено в лодку, а сами мы остались ночевать на берегу.

Ночь выпала ветреная и холодная. За недостатком дров огня большого развести было нельзя, и потому все зябли и почти не спали. Как я ни старался завернуться в бурку, но холодный ветер находил где-нибудь лазейку и знобил то плечо, то бок, то спину. Дрова были плохие, они трещали и бросали во все стороны искры. У Дерсу прогорело одеяло. Сквозь дремоту я слышал, как он ругал полено, называя его по-своему – «худой люди».

– Его постоянно так гори – все равно кричи, – говорил он кому-то и при этом изобразил своим голосом, как трещат дрова. – Его надо гоняй.

После этого я слышал всплеск по реке и шипение головешки. Очевидно, старик бросил её в воду. Потом мне удалось как-то согреться, и я уснул.

Ночью я проснулся и увидел Дерсу, сидящего у костра. Он поправлял огонь. Ветер раздувал пламя во все стороны. Поверх бурки на мне лежало одеяло гольда. Значит, это он прикрыл меня, вот почему я и согрелся. Стрелки тоже были прикрыты его палаткой. Я предлагал Дерсу лечь на моё место, но он отказался.

– Не надо, капитан, – сказал он. – Тебе спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный, – он указал на дрова.

Чем ближе я присматривался к этому человеку, тем боль-

ше он мне нравился. С каждым днём я открывал в нём новые достоинства. Раньше я думал, что эгоизм особенно свойствен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибся ли я? Под эти мысли я опять задремал и проспал до утра.

Когда совсем рассвело, Дерсу разбудил нас. Он согрел чай и изжарил мясо. После завтрака я отправил команду с лошадьми в Черниговку, затем мы спустили лодку в воду и тронулись в путь.

Подгоняемая шестами, лодка наша хорошо шла по течению. Километров через пять мы достигли железнодорожного моста и остановились на отдых. Дерсу рассказал, что в этих местах он бывал ещё мальчиком с отцом, они приходили сюда на охоту за козами. Про железную дорогу он слышал от китайцев, но никогда её раньше не видел.

После краткого отдыха мы поплыли дальше. Около железнодорожного моста горы кончились. Я вышел из лодки и поднялся на ближайшую сопку, чтобы в последний раз осмотреться во все стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами. Сзади, на востоке, толпились горы: на юге были пологие холмы, поросшие лиственным редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, растянулось бесконечное низменное пространство, покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение, я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила вдаль и скрывалась где-то за го-

ризонтом. Порой по ней пробегал ветер. Трава колыхалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые берёзки и другие какие-то деревья. С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам, растущим по её берегам в изобилии. Вначале она сохраняет своё северо-восточное направление, но, не доходя сопок, видневшихся на западе километрах в восьми, поворачивает на север и немного склоняется к востоку. Бесчисленное множество протоков, слепых рукавов, заводей и озерков окаймляет её с обеих сторон. Низина эта казалась безжизненной и пустынной. Ярко блестящие на солнце в разных местах лужи свидетельствовали о том, что долина Лефу в дождливый период года легко затопляется водой.

На всём этом пространстве Лефу принимает в себя с левой стороны два притока: Сандуган²⁶ и Хунухезу²⁷. Последняя протекает по такой же низменной и болотистой долине, как и сама Лефу.

К полудню мы доехали ещё до одной возвышенности, расположенной на самом берегу реки, с левой стороны. Сопка эта высотой 120–140 метров покрыта редколесьем из дуба, берёзы, липы, клёна, ореха и акаций. Отсюда шла тропинка, вероятно, к селу Вознесенскому, находящемуся западнее, километрах в двенадцати.

Во вторую половину дня мы проехали ещё столько же и стали биваком довольно рано.

Долгое сидение в лодке наскучило, и потому всем хотелось выйти и размять онемевшие члены. Меня тянуло в поле. Олентьев и Марченко принялись устраивать бивак, а мы с Дерсу пошли на охоту. С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим. Внизу, под ногами, – трава, спереди и сзади – трава, с боков – тоже трава и только вверху – голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось ещё сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как

²⁶ Сань-дао-ган – увал, по которому проходит третья дорога, или третий увал на пути.

²⁷ Ху-ни-хэ-цзы – грязная речка.

степь волновалась. С робостью и опаской я опять погружался в траву и шёл дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свои ошибки. Найдя какую-нибудь кочку, я взбирался на неё и старался рассмотреть что-нибудь впереди. Дерсу хватал вейник и полынь руками и пригибал их к земле. Я смотрел вперёд, в стороны, и всюду передо мной расстилалось бесконечное волнующееся травяное море.

Главными представителями этих трав будут: тростники высотой до 3 метров, вейник – 1,5 метра, полынь – 2 метра и др. Из древесных пород, растущих по берегам проток, можно отметить кустарниковую лозу, осину, белую берёзу, ольху и др.

Население этих болотистых степей главным образом пернатое. Кто не бывал в низовьях Лефу во время перелёта, тот не может себе представить, что там происходит. Тысячи тысяч птиц большими и малыми стаями тянулись к югу. Некоторые шли в обратном направлении, другие – наискось в сторону. Вереницы их то подымались кверху, то опускались вниз, и все разом, ближние и дальние, проектировались на фоне неба, в особенности внизу, около горизонта, который вследствие этого казался как бы затянутым паутиной. Я смотрел, как очарованный. Выше всех были орлы. Распластав свои могучие крылья, они парили, описывая большие круги. Что для них расстояния? Некоторые из них кружи-

лись так высоко, что едва были заметны. Ниже их, но всё же высоко над землёй, летели гуси. Эти осторожные птицы шли правильными косяками и, тяжело взброд махая крыльями, оглашали воздух своими сильными криками. Рядом с ними летели казарки и лебеди. Внизу, ближе к земле, с шумом неслись торопливые утки. Тут были стаи грузной кряквы, которую легко можно было узнать по свистящему шуму, издаваемому её крыльями, и совсем над водой тысячами летели чирки и другие мелкие утки. Там и сям в воздухе виднелись канюки и пустельга. Эти представители соколов описывали красивые круги, подолгу останавливались на одном месте и, трепеща крыльями, зорко высматривали на земле добычу. Порой они отлетали в сторону, опять описывали круги и вдруг, сложив крылья, стремглав бросались книзу, но, едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх. Грациозные и подвижные чайки и изящные проворные крачки своей снежной белизной мелькали в синеве лазурного неба. Кроншнепы летели легко, плавно и при полёте своём делали удивительно красивые повороты. Остроклювые крохали на лету посматривали по сторонам, точно выискивая место, где бы им можно было остановиться. Сивки-моряки держались болотистых низин. Лужи стоячей воды, видимо, служили для них вехами, по которым они и держали направление. И вся масса птиц неслась к югу. Величественная картина!

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то взялись две козули. Они были от нас шагах в шестидесяти. В густой траве

их почти не было видно – мелькали только головы с растопыренными ушами и белые пятна около задних ног. Отбежав шагов полтора, козули остановились. Я выпалил из ружья и промахнулся. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по реке. Тысячи птиц поднялись от воды и с криком полетели во все стороны. Испуганные козули сорвались с места и снова пошли большими прыжками. Тогда прицелился Дерсу. И в тот момент, когда голова одной из них показалась над травой, он спустил курок. Когда дым рассеялся, животных уже не было видно. Гольд снова зарядил свою винтовку и не торопясь пошёл вперёд. Я молча последовал за ним. Дерсу огляделся, потом повернул назад, пошёл в сторону и опять вернулся обратно. Видно было, что он что-то искал.

– Кого ты ищешь? – спросил я его.

– Козулю, – отвечал он.

– Да ведь она ушла.

– Нет, – сказал он уверенно. – Моя в голову его попади.

Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совсем верил гольду. Мне казалось, что он ошибся. Минут через десять мы нашли козулю. Голова её оказалась, действительно, простреленной. Дерсу взвалил её себе на плечи и тихонько пошёл обратно. На бивак мы возвратились уже в сумерки.

Вечерняя заря ещё пыталась было бороться с надвигающейся тьмой, но не могла её осилить, уступила и ушла за

горизонт. Тотчас на небе замигали звезды, словно и они обрадовались тому, что наконец-то солнце дало им свободу. Около протоки темнела какая-то роща. Деревьев теперь разобрать было нельзя: они все стали похожи друг на друга. Сквозь них виднелся свет нашего костра. Вечер был тихий и прохладный. Слышно было, как где-то неподалёку от нас с шумом опустилась в воду стая уток. По полёту можно было узнать, что это были чирки.

После ужина Дерсу и Олентьев принялись свежевать козулю, а я занялся своей работой. Покончив с дневником, я лёг, но долго не мог уснуть. Едва я закрывал глаза, как передо мной тотчас появлялась качающаяся паутина: это было волнующееся травяное море и бесчисленные стаи гусей и уток. Наконец под утро я уснул.

На следующий день мы встали довольно рано, наскоро напились чаю, уложили свои пожитки в лодку и поплыли по Лефу.

Чем дальше, тем извилистее становилась река. Кривуны её (так местные жители называют извилины) описывают почти полные окружности и вдруг поворачивают назад, опять погибают, и нет места, где река хоть бы немного текла прямо.

В нижнем течении Лефу принимает в себя с правой стороны два небольших притока: Монастырку и Черниговку. Множество протоков и длинных слепых рукавов идёт перпендикулярно к реке, наискось и параллельно ей и образует весьма

сложную водную систему. Километров на восемь ниже Монастырки горы подходят к Лефу и оканчиваются здесь безымянной сопкой в 290 метров высоты. У подножия её расположилась деревня Халкидон. Это было последнее в здешних местах селение. Дальше к северу до самого озера Ханка жилых мест не было.

Взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу. Надо было их пополнить. Мы вытащили лодку на берег и пошли в деревню. Посредине её проходила широкая улица, дома стояли далеко друг от друга. Почти все крестьяне были старожилками и имели надел в сто десятин. Я вошёл в первую попавшуюся избу. Нельзя сказать, чтобы на дворе было чисто, нельзя сказать, чтобы чисто было и в доме. Мусор, разбросанные вещи, покочнувшийся забор, сорванная с петель дверь, почерневший от времени и грязи рукомоёйник свидетельствовали о том, что обитатели этого дома не особенно любили порядок. Когда мы зашли во двор, навстречу нам вышла женщина с ребёнком на руках. Она испуганно посторонилась и робко ответила на моё приветствие.

Я невольно обратил внимание на окна. Они были с двойными рамами в четыре стекла. Пространство же между ними почти до половины нижних стёкол было заполнено чем-то серовато-желтоватым. Сначала я думал, что это опилки, и спросил хозяйку, зачем их туда насыпали.

– Какие это опилки, – сказала женщина, – это комары.

Я подошёл поближе. Действительно, это были сухие кома-

ры. Их тут было по крайней мере с полкилограмма.

– Мы только и спасаемся от них двумя рамами в окнах, – продолжала она. – Они залезают между стёкол и там пропадают. А в избе мы раскладываем дымокуры и спим в комарниках.

– А вы бы выжигали траву в болотах, – сказал ей стрелок Марченко.

– Мы выжигали, да ничего не помогает. Комары-то из воды выходят. Что им огонь! Летом трава сырая, не горит.

В это время подошёл Олентьев и сообщил, что хлеб куплен. Обойдя всю деревню, мы вернулись к лодке. Тем временем Дерсу изжарил на огне козлятину и согрел чай. На берег за нами прибежали деревенские ребяташки. Они стояли в стороне и поглядывали на нас с любопытством.

Через полчаса мы тронулись дальше. Я оглянулся назад. Ребята по-прежнему толпились на берегу и провожали нас глазами.

Река сделала поворот, и деревня скрылась из виду.

Трудно проследить русло Лефу в лабиринте его проток. Ширина реки здесь колеблется от 15 до 80 метров. При этом она отделяет от себя в сторону большие слепые рукава, от которых идут длинные, узкие и глубокие каналы, сообщающиеся с озёрами и болотами или с такими речками, которые также впадают в Лефу значительно ниже. По мере того как мы подвигались к озеру Ханка, течение становилось медленнее. Шесты, которыми стрелки проталкивали лодку впе-

рѣд, упираясь в дно реки, часто завязали, и настолько крепко, что вырывались из рук. Глубина Лефу в этих местах весьма неровная. То лодка наша натыкалась на мели, то проходила по глубоким местам, так что без малого весь шест погружался в воду.

Почва около берегов более или менее твёрдая, но стоит только отойти немного в сторону, как сразу попадёшь в болото. Среди зарослей скрываются длинные озёрки. Эти озёрки и кусты ивняков и ольшаников, растущие рядами, свидетельствуют о том, что река Лефу раньше текла иначе и несколько раз меняла своё русло.

К вечеру мы немного не дошли до реки Черниговки и стали биваком на узком перешейке между ней и небольшой протокой.

Сегодня был особенно сильный перелёт. Олентьев убил несколько уток, которые и составили нам превосходный ужин. Когда стемнело, все птицы прекратили свой лет. Кругом сразу воцарилась тишина. Можно было подумать, что степи эти совершенно безжизненны, а между тем не было ни одного озёрка, ни одной заводи, ни одной протоки, где не ночевали бы стада лебедей, гусей, крохалей, уток и другой водяной птицы.

Вечером Марченко и Олентьев улеглись спать раньше нас, а мы с Дерсу, по обыкновению, сидели и разговаривали. Забытый на огне чайник настойчиво напоминал о себе шипением. Дерсу отставил его немного, но чайник продолжал гу-

деть. Дерсу отставил его ещё дальше. Тогда чайник запел тоненьким голоском.

– Как его кричи! – сказал Дерсу. – Худой люди! – Он вскочил и вылил горячую воду на землю.

– Как «люди»? – спросил я его в недоумении.

– Вода, – отвечал он просто. – Ему могу кричи, могу плакать, могу тоже играй.

Долго мне говорил этот первобытный человек о своём мировоззрении. Он видел живую силу в воде, видел её тихое течение и слышал её рёв во время наводнений.

– Посмотри, – сказал Дерсу, указывая на огонь, – его тоже всё равно люди.

Я взглянул на костёр. Дрова искрились и трещали. Огонь вспыхивал то длинными, то короткими языками, то становился ярким, то тусклым; из угольев слагались замки, гроты, потом все это разрушалось и создавалось вновь. Дерсу умолк, а я долго ещё сидел и смотрел на «живой огонь».

В реке шумно всплеснула рыба. Я вздрогнул и посмотрел на Дерсу. Он сидел и дремал. В степи по-прежнему было тихо. Звезды на небе показывали полночь. Подбросив дров в костёр, я разбудил гольда, и мы оба стали укладываться на ночь.

На следующий день мы все проснулись очень рано. Вышло это как-то случайно, само собой.

Как только начала заниматься заря, пернатое царство поднялось на воздух и с шумом и гамом снова понеслось к югу.

Первыми снялись гуси, за ними пошли лебеди, потом утки, и уже последними тронулись остальные перелётные птицы. Сначала они низко летели над землёй, но по мере того как становилось светлее, поднимались всё выше и выше.

До восхода солнца мы успели отплыть от бивака километров восемь и дошли до горы Чайдинзы²⁸, покрытой ильмом и осиной. У подножия её протекает небольшая речка Сяохеза²⁹. Здесь долина реки Лефу становится шириной более 40 километров. С левой стороны её на огромном протяжении тянутся сплошные болота. Лефу разбивается на множество рукавов, которые имеют десятки километров длины. Рукава разбиваются на протоки и, в свою очередь, дают ответвления. Эти протоки тянутся широкой полосой по обе стороны реки и образуют такой лабиринт, в котором очень легко заблудиться, если не держаться главного русла и польститься на какой-нибудь рукав в надежде сократить расстояние. Кроме упомянутой Сяохезы, в Лефу впадают ещё две речки: Люганка – с правой стороны и Саузгу³⁰ – с левой. Дальше до самого озера Ханка никаких притоков нет.

Мы плыли по главному руслу и только в случае крайней нужды сворачивали в сторону, с тем чтобы при первой же возможности выйти на реку снова. Протоки эти, заросшие лозой и камышами, совершенно скрывали нашу лодку. Мы

²⁸ Чай-дин-цзы – вершина, где есть дрова.

²⁹ Сяо-хэ-цзы – маленькая речка.

³⁰ Сяо-цзы-гау – долина семьи Сяо.

плыли тихо и нередко подходили к птицам ближе, чем на ружейный выстрел. Иногда мы задерживались нарочно и подолгу рассматривали их.

Прежде всего я заметил белую цаплю с чёрными ногами и жёлто-зелёным клювом. Она чинно расхаживала около берега, покачивала в такт головой и внимательно рассматривала дно реки. Заметив лодку, птица подпрыгнула два раза, грузно поднялась на воздух и, отлетев немного, снова спустилась на соседней протоке. Потом мы увидели выпь. Серовато-жёлтая окраска перьев, грязно-жёлтый клюв, жёлтые глаза и такие же жёлтые ноги делают её удивительно непривлекательной. Эта угрюмая птица ходила сторбившись по песку и всё время преследовала подвижного и хлопотливого кулика-сороку. Кулик отлетал немного, и, как только садился на землю, выпь тотчас же направлялась туда шагом и, когда подходила близко, бросалась бегом и старалась ударить его своим острым клювом. Заметив лодку, выпь забилась в траву, вытянула шею и, подняв голову кверху, замерла на месте. Когда лодка проходила мимо, Марченко выстрелил в неё, но не попал, хотя пуля прошла так близко, что задела рядом с ней камышины. Выпь не шелохнулась. Дерсу рассмеялся...

– Его шибко хитрый люди. Постоянно так обмани, – сказал он.

Действительно, теперь выпь нельзя уже было заметить, окраска её оперения и поднятый кверху клюв совершенно затерялись в траве.

Дальше мы увидели новую картину. Низко над водой около берега на ветке лозняка уединённо сидел зимородок. Эта маленькая птичка с большой головой и с большим клювом, казалось, дремала. Вдруг она ринулась в воду, нырнула и снова показалась на поверхности, держа в клюве маленькую рыбку. Проглотив добычу, зимородок сел на ветку и опять погрузился в дремоту, но, услышав шум приближающейся лодки, с криком понёсся вдоль реки. Яркой синевой мелькнуло его оперенье. Отлетев немного, он уселся на куст, потом отлетел ещё дальше и наконец совсем скрылся за поворотом.

Раза два мы встречали болотных курочек-лысух – чёрных ныряющих птичек с большими ногами, легко и свободно ходивших по листьям водяных растений. Но в воздухе они казались беспомощными. Видно было, что это не их родная стихия. При полёте они как-то странно болтали ногами. Создавалось впечатление, будто они недавно вышли из гнезда и ещё не научились летать как следует.

Кое-где в стоячих водах держались поганки с торчащими в сторону ушами и с воротничками из цветных перьев. Они не улетали, а спешили спрятаться в траве или нырнуть в воду.

Погода нам благоприятствовала. Был один из тех тёплых осенних дней, которые так часто бывают в Южно-Уссурийском крае в октябре. Небо было совершенно безоблачное, ясное; лёгкий ветерок тянул с запада. Такая погода часто обманчива, и нередко после неё начинают дуть холодные севе-

ро-западные ветры, и чем дальше стоит такая тишь, тем резче будет перемена.

Часов в одиннадцать утра мы сделали большой привал около реки Люганки. После обеда люди легли отдыхать, а я пошёл побродить по берегу. Куда я ни обращал свой взор, я всюду видел только траву и болото. Далеко на западе чуть-чуть виднелись туманные горы. По безлесным равнинам кое-где, как оазисы, темнели пятна мелкой кустарниковой поросли.

Пробираясь к ним, я спугнул большую болотную сову – «ночную птицу открытых пространств», которая днём всегда прячется в траве. Она испуганно шарахнулась в сторону от меня и, отлетев немного, опять опустилась в болото. Около кустов я сел отдохнуть и вдруг услышал слабый шорох. Я вздрогнул и оглянулся. Но страх мой оказался напрасным. Это были камышовки. Они порхали по тростникам, поминутно подёргивая хвостиком. Затем я увидел двух крапивников. Милovidные рыжевато-пёстрые птички эти всё время прятались в зарослях, потом выскакивали вдруг где-нибудь с другой стороны и скрывались снова под сухой травой. Вместе с ними была одна камышовка-овсянка. Она всё время лазала по тростникам, нагибала голову в сторону и вопрошающе на меня посматривала. Я видел здесь ещё много других мелких птиц, названия которых мне были неизвестны.

Через час я вернулся к своим. Марченко уже согрел чай и ожидал моего возвращения. Утолив жажду, мы сели в лодку

и поплыли дальше. Желая пополнить свой дневник, я спросил Дерсу, следы каких животных он видел в долине Лефу с тех пор, как мы вышли из гор и начались болота. Он отвечал, что в этих местах держатся козули, енотовидные собаки, барсуки, волки, лисицы, зайцы, хорьки, выдры, водяные крысы, мыши и землеройки.

Во вторую половину дня мы прошли ещё километров двенадцать и стали биваком на одном из многочисленных островов.

Сегодня мы имели случай наблюдать на востоке теневой сегмент земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими красками. Сначала она была бледная, потом стала изумрудно-зелёной, и по этому зелёному фону, как расходящиеся столбы, поднялись из-за горизонта два светло-жёлтых луча. Через несколько минут лучи пропали. Зелёный свет зари сделался оранжевым, а потом красным. Самое последнее явление заключалось в том, что багрово-красный горизонт стал тёмным, словно от дыма. Одновременно с закатом солнца на востоке появился теневой сегмент земли. Одним концом он касался северного горизонта, другим – южного. Внешний край этой тени был пурпуровый, и чем ниже спускалось солнце, тем выше поднимался теневой сегмент. Скоро пурпуровая полоса слилась с красной зарёй на западе, и тогда наступила тёмная ночь.

Я смотрел и восторгался, но в это время услышал, что Дерсу ворчит:

– Понимай нету!

Я догадался, что это замечание относилось ко мне, и спросил его, в чём дело.

– Это худо, – сказал он, указывая на небо. – Моя думай, будет большой ветер.

Вечером мы долго сидели у огня. Утром встали рано, за день утомились и поэтому, как только поужинали, тотчас же легли спать. Предрассветный наш сон был какой-то тяжёлый. Во всём теле чувствовались истома и слабость, движения были вялые. Так как это состояние ощущалось всеми одинаково, то я испугался, думая, что мы заболели лихорадкой или чем-нибудь отравились, но Дерсу успокоил меня, что это всегда бывает при перемене погоды. Нехотя мы поехали и нехотя поплыли дальше. Погода была тёплая; ветра не было совершенно; камыши стояли неподвижно и как будто дремали. Дальние горы, виденные дотолё ясно, теперь совсем утонули во мгле. По бледному небу протянулись тонкие растянутые облачка, и около солнца появились венцы. Я заметил, что кругом уже не было такой жизни, как накануне. Куда-то исчезли и гуси, и утки, и все мелкие птицы. Только на небе парили орланы. Вероятно, они находились вне тех атмосферных изменений, которые вызвали среди всех животных на земле общую апатию и сонливость.

– Ничего, – говорил Дерсу. – Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть.

Я спросил его, отчего птицы перестали летать, и он прочёл

мне длинную лекцию о перелёте.

По его словам, птицы любят двигаться против ветра. При полном штиле и во время тёплой погоды они сидят на болотах. Если ветер дует им вслед, они зябнут, потому что холодный воздух проникает под перья. Тогда птицы прячутся в траве. Только неожиданный снегопад может принудить пернатых лететь дальше, невзирая на ветер и стужу.

Чем ближе мы подвигались к озеру Ханка, тем болотистее становилась равнина. Деревья по берегам проток исчезли, и их место заняли редкие, тощие кустарники. Замедление течения в реке тотчас сказалось на растительности. Появились лилии, кувшинки, курослеп, водяной орех и т. д. Иногда заросли травы были так густы, что лодка не могла пройти сквозь них, и мы вынуждены были делать большие обходы. В одном месте мы заблудились и попали в какой-то тупик. Олентьев хотел было выйти из лодки, но едва вступил на берег, как провалился и увяз по колено. Тогда мы повернули назад, вошли в какое-то озеро и там случайно нашли свою протоку. Лабиринт, заросший травой, остался теперь позади, и мы могли радоваться, что отделались так дешево. С каждым днём ориентировка становится все труднее и труднее.

Раньше по деревьям можно было далеко проследить реку, теперь же нигде не было даже кустов, вследствие этого на несколько метров вперёд нельзя было сказать, куда свернёт протока, влево или вправо.

Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер

с юга. Он постепенно усиливался и в то же время менял направление к западу. Гуси и утки снова поднялись в воздух и полетели низко над землёй.

В одном месте было много плавникового леса, принесённого сюда во время наводнений. На Лефу этим пренебрегать нельзя, иначе рискуешь заночевать без дров. Через несколько минут стрелки разгружали лодку, а Дерсу раскладывал огонь и ставил палатку.

До озера Ханка оставалось немного. Я знал, что река здесь отклоняется к северо-востоку и впадает в восточный угол залива Лебяжьего, названного так потому, что во время перелётов здесь всегда держится много лебедей. Этот залив длиной от 6 до 8 и шириной около одного километра. Он очень мелководен и соединяется с озером узкой протокой. Таким образом, для того чтобы достигнуть озера на лодке, нужно было пройти ещё километров пятнадцать, а напрямик целиной – не более двух с половиной или трёх. Было решено, что завтра мы вместе с Дерсу пойдём пешком и к сумеркам вернёмся назад. Олентьев и Марченко должны были остаться на биваке и ждать нашего возвращения.

Вечером у всех было много свободного времени. Мы сидели у костра, пили чай и разговаривали между собой. Сухие дрова горели ярким пламенем. Камыши качались и шумели, и от этого шума ветер казался сильнее, чем он был на самом деле. На небе лежала мгла, и сквозь неё чуть-чуть виднелись только крупные звёзды. С озера до нас доносился шум при-

боя. К утру небо покрылось слоистыми облаками. Теперь ветер дул с северо-запада. Погода немного ухудшилась, но не настолько, чтобы помешать нашей экскурсии.

Глава 6

Пурга на озере Ханка

Исторические и географические сведения об озере Ханка. – Торопливый перелёт птиц. – Заблудились. – Пурга. – Шалаши из травы. – Возвращение на бивак. – Путь до Дмитровки. – Дерсу заботится о лодке. – Бивак гольда за деревней. – Планы Дерсу. – Прощание. – Возвращение во Владивосток

Озеро Ханка (по-гольдски Кенка) имеет несколько яйцевидную форму. Оно расположено (между $44^{\circ}36'$ и $45^{\circ}2'$ северной широты) таким образом, что закруглённый овал его находится на севере, а острый конец – на юге. С боков этот овал немного сжат. Наибольшая ширина озера равна 60 километрам, наименьшая – 30. В окружности оно около 260 километров и в длину – 85. Это даёт площадь в 2400 квадратных километров.

На севере Ханка имеет ещё один придаток – озеро Малое Ханка (по-китайски Сяо-Ху и по-гольдски – Дабуку). Оно длиной в 15, шириной 25 километров и отделено от большого озера только песчаной косой, по которой в прежнее время пролегал путь из Маньчжурии в Уссурийский край. Верхняя часть озера Ханка (приблизительно четвёртая) принадлежит Китаю. Граница между обоими государствами про-

ходит здесь по прямой линии от устья реки Тур (по-китайски Байминхе³¹) к реке Сунгаче (по-китайски Суначан³²), берущей начало из озера Ханка в точке, имеющей следующие географические координаты: 45°27′ северной широты к 150°10′ восточной долготы от Ферро на высоте 86 метров над уровнем моря.

При Ляосской династии озеро Ханка называлось Бэйци-нхай, а в настоящее время – Ханка, Хинкай и Синкайху, что значит Озеро процветания и благоденствия. Надо полагать, что название озера Ханка произошло от другого слова, именно от слова «ханхай», что значит «впадина». Этим именем китайцы называют всякое пониженное место, будет ли это сухая или заполненная водой котловина. Так они называют, например, западную часть пустыни Такла-Макан. Озеро Ханка с окрестными болотами действительно представляет собой впадину, и потому название Ханхай вполне ему соответствует.

Сплошные топи и болота на севере, западе и к югу от озера свидетельствуют о том, что раньше оно было значительно больше. Устье Лефу было где-нибудь около Халкидона, а может быть, и ещё южнее. Река Сунгача³³, вероятно, тоже не

³¹ Бай-мин-хэ – речка ста имён, т. е. река, на которой живут многие, китайская река (бо-мин, бан-мин – китайцы, весь народ).

³² Сунчжа-Ачан – вероятно, название маньчжурское, означающее «Пять святей» – пять сходящихся лучей, пять отрогов и т. д. Палладий – «Известия Русского географического о-ва», т. VII, стр. 91.

³³ А. Мичи. Путешествие по Восточной Сибири, 1868 г., стр. 339. Автор р.

существовала, и озеро соединялось непосредственно с Уссури протокой. В настоящее время озеро Ханка выше уровня моря не более как на 50 метров. Средняя высота хребта, отделяющего Суйфунский³⁴ бассейн от озера, равняется 180 метрам. Этим объясняется обилие болот и топей по долинам рек внутреннего бассейна. Самый древний берег озера Ханка – западный. Здесь в обнажениях видна глина третичной формации. Самыми старыми посёлками на озере будут: Турий Рог и Камень-Рыболов. Ханка, как и все озера, через которые проходит река, находится в периоде обмеления.

Наибольшая глубина его равна 10 метрам. Этот медленный процесс заполнения озера песком и илом продолжается и теперь. Вследствие мелководья оно очень бурное. Небольшое волнение уже достигает дна, поэтому прибой создаётся не только у берегов, но и посре дине.

Сделав нужные распоряжения, мы с Дерсу отправились в путь.

Мы полагали, что к вечеру возвратимся назад, и потому пошли налегке, оставив все лишнее на биваке. На всякий случай под тужурку я надел фуфайку, Дерсу захватил с собой полотнище палатки и две пары меховых чулок.

По дороге он часто посматривал на небо, что-то говорил с собой и затем обратился ко мне с вопросом:

Сунгачу называет Зунгачан.

³⁴ Суйфунь – маньчжурское слово, означающее «шило». Название одного из маньчжурских народов, переселившихся на эту реку.

– Как, капитан, наша скоро назад ходи или нет? Моя думай, ночью будет худо.

Я ответил ему, что до Ханки недалеко и что задерживаться мы там не будем.

Дерсу был сговорчив. Его всегда можно было легко уговорить. Он считал своим долгом предупредить об угрожающей опасности и, если видел, что его не слушают, покорялся, шёл молча и никогда не спорил.

– Хорошо, капитан, – сказал он мне в ответ. – Тебе сам посмотри, а моя как ладно, так и ладно.

Последняя фраза была обычной формой выражения им своего согласия.

Идти можно было только по берегам протоков и озерков, где почва была немного суше. Мы направились левым берегом той протоки, около которой был расположен наш бивак. Она долгое время шла в желательном для нас направлении, но потом вдруг круто повернула назад. Мы оставили её и, перейдя через болотце, вышли к другой узкой, но очень глубокой протоке. Перепрыгнув через неё, мы снова пошли камышами. Затем я помню, что ещё другая протока появилась у нас слева. Мы направились по правому её берегу. Заметив, что она загибается к югу, мы бросили её и некоторое время шли целиной, обходя лужи стоячей воды и прыгая на кочки. Так, вероятно, прошли мы километра три. Наконец я остановился, чтобы ориентироваться. Теперь ветер дул с севера, как раз со стороны озера. Тростник сильно качался и шумел.

Порой ветер пригибал его к земле, и тогда являлась возможность разглядеть то, что было впереди. Северный горизонт был затянут какой-то мглой, похожей на дым. Сквозь тучи на небе неясно просвечивало солнце, и это казалось мне хорошим предзнаменованием. Наконец мы увидели озеро Ханка. Оно пенилось и бурлило.

Дерсу обратил моё внимание на птиц. Он заметил у них что-то такое, что стало его беспокоить. Это не был спокойный перелёт, это было торопливое бегство. Птица, как говорят охотники, шла валом и в беспорядке. Гуси летели низко, почти над самой землёй. Станный вид имели они, когда двигались нам навстречу и находились на линии зрения. В это время они были похожи на древних летучих ящеров. Ни ног, ни хвоста не было видно – виднелось что-то кургузое, махающее длинными крыльями и приближающееся с невероятной быстротой. Увидев нас, гуси сразу взмывали кверху, но, обойдя опасное место, опять выстраивались в прежний порядок и снова спускались к земле.

Около полудня мы с Дерсу дошли до озера. Грозный вид имело теперь пресное море. Вода в нём кипела, как в котле. После долгого пути по травяным болотам вид свободной водяной стихии доставлял большое удовольствие. Я сел на песок и стал глядеть в воду. Что-то особенно привлекательное есть в прибое. Можно целыми часами смотреть, как бьётся вода о берег.

Озеро было пустынным. Нигде ни одного паруса, ни одной

лодки. Около часу мы бродили по берегу и стреляли птиц.

– Утка кончай ходи, – сказал Дерсу вслух.

Действительно, перелёт птиц сразу прекратился. Чёрная мгла, которая дотоле была у горизонта, вдруг стала подыматься кверху. Солнца теперь уже совсем не было видно. По тёмному небу, покрытому тучами, точно вперегонки бежали отдельные белесоватые облака. Края их были разорваны и висели клочьями, словно грязная вата.

– Капитан, надо наша скоро ходи назад, – сказал Дерсу. – Моя мало-мало боится.

В самом деле, пора было подумать о возвращении на бивак. Мы переобулись и пошли обратно. Дойдя до зарослей, я остановился, чтобы в последний раз взглянуть на озеро. Точно разъярённый зверь на привязи, оно металось в своих берегах и вздымало кверху желтоватую пену.

– Вода прибавляй есть, – сказал Дерсу, осматривая протоку.

Он был прав. Сильный ветер гнал воду к устью Лефу, вследствие чего река вышла из берегов и понемногу стала затоплять равнину. Вскоре мы подошли к какой-то большой протоке, преграждавшей нам путь. Место это мне показалось незнакомым. Дерсу тоже не узнал его. Он остановился, подумал немного и пошёл влево. Протока стала заворачиваться и ушла куда-то в сторону. Мы оставили её и пошли напрямик к югу. Через несколько минут мы попали в топь и должны были возвратиться назад к протоке. Тогда мы по-

вернули направо, наткнулись на новую протоку и перешли её вброд. Отсюда мы пошли на восток, но попали в трясины. В одном месте мы нашли сухую полосу земли. Как мост, тянулась она через болото. Ощупывая почву ногами, мы осторожно пробирались вперёд и, пройдя с полкилометра, очутились на сухом месте, густо заросшем травой. Топь теперь осталась позади.

Я взглянул на часы. Было около четырёх часов пополудни, а казалось, как будто наступили уже сумерки. Тяжёлые тучи опустились ниже и быстро неслись к югу. По моим соображениям, до реки оставалось не более двух с половиной километров. Одинокая сопка вдали, против которой был наш бивак, служила нам ориентировочным пунктом. Заблудиться мы не могли, могли только запоздать. Вдруг совершенно неожиданно перед нами очутилось довольно большое озеро. Мы решили обойти. Но оно оказалось длинным. Тогда мы пошли влево. Шагов через полтораста перед нами появилась новая протока, идущая к озеру под прямым углом. Мы бросились в другую сторону и вскоре опять подошли к тому же зыбучему болоту. Тогда я решил ещё раз попытать счастья в правой стороне. Скоро под ногами стала хлюпать вода; дальше виднелись большие лужи. Стало ясно, что мы заблудились. Дело принимало серьёзный оборот. Я предложил гольду вернуться назад и разыскать тот перешеек, который привёл нас на этот остров. Дерсу согласился. Мы пошли обратно, но вторично его найти уже не могли.

Вдруг ветер сразу упал. Издали донёсся до нас шум озера Ханка. Начало смеркаться, и одновременно с тем в воздухе закружилось несколько снежинок. Штиль продолжался несколько минут, и вслед за тем налетел вихрь. Снег пошёл сильнее.

«Придётся ночевать», – подумал я и вдруг вспомнил, что на этом острове нет дров: ни единого деревца, ни единого кустика, ничего, кроме воды и травы. Я испугался.

– Что будем делать? – спросил я Дерсу.

– Моя шибко боится, – отвечал он.

Тут я только понял весь ужас нашего положения. Ночью во время пурги нам приходилось оставаться среди болот без огня и тёплой одежды. Единственная моя надежда была на Дерсу. В нём одном я видел своё спасение.

– Слушай, капитан! – сказал он. – Хорошо слушай! Надо наша скоро работай. Хорошо работай нету – наша пропал. Надо скоро резать траву.

Я не спрашивал его, зачем это было нужно. Для меня было только одно понятно – «надо скорее резать траву». Мы быстро сняли с себя все снаряжение и с лихорадочной поспешностью принялись за работу. Пока я собирал такую охапку травы, что её можно было взять в одну руку, Дерсу успевал нарезать столько, что еле обхватывал двумя руками. Ветер дул порывами и с такой силой, что стоять на ногах было почти невозможно. Моя одежда стала смерзаться. Едва успевали мы положить на землю срезанную траву, как сверху её

тотчас заносило снегом. В некоторых местах Дерсу не велел резать траву. Он очень сердился, когда я его не слушал.

– Тебе понимай нету! – кричал он. – Тебе надо слушай и работай. Моя понимай.

Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане нашлась верёвочка. Всё это он свернул и сунул к себе за пазуху. Становилось всё темнее и холоднее. Благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть на земле. Дерсу двигался с поразительной энергией. Как только я прекращал работу, он кричал мне, что надо торопиться. В голо-

се его слышались нотки страха и негодования. Тогда я снова брался за нож и работал до изнеможения. На рубашку мне навалилось много снега. Он стал таять, и я почувствовал, как холодные струйки воды потекли по спине. Я думаю, мы собирали траву более часа. Пронзительный ветер и колючий снег нестерпимо резали лицо. У меня озябли руки. Я стал согревать их дыханием и в это время обронил нож. Заметив, что я перестал работать, Дерсу вновь крикнул мне:

– Капитан, работай! Моя шибко боится! Скоро совсем пропади!

Я сказал, что потерял нож.

– Рви траву руками, – крикнул он, стараясь пересилить шум ветра.

Автоматически, почти бессознательно я ломал камыши, порезал руки, но боялся оставить работу и продолжал рвать траву до тех пор, пока окончательно не обессилел. В глазах у меня стали ходить круги, зубы стучали, как в лихорадке. Намокшая одежда корбила и трещала. На меня напала дремота. «Так вот замерзают», – мелькнуло у меня в голове, и вслед за тем я впал в какое-то забытьё. Сколько времени продолжалось это обморочное состояние – я не знаю. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясёт за плечо. Я очнулся. Надо мной, наклонившись, стоял Дерсу.

– Становись на колени, – сказал он мне.

Я повиновался и упёрся руками в землю. Дерсу накрыл меня своей палаткой, а затем сверху стал заваливать травой.

Сразу стало теплее. Закапала вода. Дерсу долго ходил вокруг, подгробал снег и утаптывал его ногами.

Я стал согреваться и затем впал в тяжёлое дремотное состояние. Вдруг я услышал голос Дерсу:

– Капитан, подвинься!

Я сделал над собой усилие и прижался в сторону. Гольд вполз под палатку, лёг рядом со мной и стал покрывать нас обоих своей кожаной курткой. Я протянул руку и нащупал на ногах у себя знакомую мне меховую обувь.

– Спасибо, Дерсу, – говорил я ему. – Покрывайся сам.

– Ничего, ничего, капитан, – отвечал он. – Теперь бояться не надо. Моя крепко трава вяжи. Ветер ломай не могу.

Чем больше засыпало нас снегом, тем теплее становилось в нашем импровизированном шалаше. Капанье сверху прекратилось. Снаружи доносилось завывание ветра. Точно где-то гудели гудки, звонили в колокола и отпевали покойников. Потом мне стали грезиться какие-то пляски, куда-то я медленно падал, всё ниже и ниже, и наконец погрузился в долгий и глубокий сон... Так, вероятно, мы проспали часов двенадцать.

Когда я проснулся, было темно и тихо. Вдруг я заметил, что лежу один.

– Дерсу! – крикнул я испуганно.

– Медведи! – услышал я голос его снаружи. – Медведи! Вылезай. Надо своя берлога ходи, как чужой берлога долго спи.

Я поспешно вылез наружу и невольно закрыл глаза рукой. Кругом все белело от снега. Воздух был свежий, прозрачный. Морозило. По небу плыли разорванные облака; кое-где виднелось синее небо. Хотя кругом было ещё хмуро и сумрачно, но уже чувствовалось, что скоро выглянет солнце. Прибитая снегом трава лежала полосами. Дерсу собрал немного сухой ветоши, развёл небольшой огонёк и сушил на нём мои обутки.

Теперь я понял, почему Дерсу в некоторых местах не велел резать траву. Он скрутил её и при помощи ремней и веревок перетянул поверх шалаша, чтобы его не разметало ветром. Первое, что я сделал, – поблагодарил Дерсу за спасение.

– Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо.

И, как бы желая перевести разговор на другую тему, он сказал:

– Сегодня ночью много люди пропади.

Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые.

После этого мы разобрали травяной шатёр, взяли свои ружья и пошли искать перешеек. Оказалось, что наш бивак был очень близко от него. Перейдя через болото, мы прошли немного по направлению к озеру Ханка, а потом свернули на восток к реке Лефу.

После пурги степь казалась безжизненной и пустынной. Гуси, утки, чайки, крохали – все куда-то исчезли. По буро-жёлтому фону большими пятнами белели болота, покры-

тые снегом. Идти было славно, мокрая земля подмёрзла и выдерживала тяжесть ноги человека. Скоро мы вышли на реку и через час были на биваке.

Олентьев и Марченко не беспокоились о нас. Они думали, что около озера Ханка мы нашли жильё и остались там ночевать. Я переобулся, напился чаю, лёг у костра и крепко заснул. Мне грезилось, что я опять попал в болото и кругом бушует снежная буря. Я вскрикнул и сбросил с себя одеяло. Был вечер. На небе горели яркие звёзды; длинной полосой протянулся Млечный Путь. Поднявшийся ночью ветер раздувал пламя костра и разносил искры по полю. По другую сторону огня спал Дерсу.

На другой день утром ударил крепкий мороз. Вода всюду замёрзла, по реке шла шуга. Переправа через протоки Лефу отняла у нас целый день. Мы часто попадали в слепые рукава и должны были возвращаться назад. Пройдя километра два нашей протокой, мы свернули в соседнюю – узкую и извилистую. Там, где она соединялась с главным руслом, высилась отдельная коническая сопка, покрытая порослью дубняка. Здесь мы и заночевали. Это был последний наш бивак. Отсюда следовало идти походным порядком в Черниговку, где нас ожидали остальные стрелки с конями. Уходя с бивака, Дерсу просил Олентьева помочь ему вытащить лодку на берег. Он старательно очистил её от песка и обтёр травой, затем перевернул вверх дном и поставил на катки. Я уже знал, что это делается для того, чтобы какой-нибудь «люди» мог в

случае нужды ею воспользоваться.

Утром мы распрощались с Лефу и в тот же день после полудня пришли в деревню Дмитровку, расположенную по ту сторону Уссурийской железной дороги. Переходя через полотно дороги, Дерсу остановился, потрогал рельсы рукой, посмотрел в обе стороны и сказал:

– Гм! Моя это слышал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть.

В деревне мы встали по квартирам, но гольд не хотел идти в избу и, по обыкновению, остался ночевать под открытым небом. Вечером я соскучился по нему и пошёл его искать.

Ночь была хотя и тёмная, но благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть. Во всех избах топились печи. Беловатый дым струйками выходил из труб и спокойно подымался вверх. Вся деревня курилась. Из окон домов свет выходил на улицу и освещал сугробы. В другой стороне, «на задах», около ручья, виднелся огонь. Я догадался, что это бивак Дерсу, и направился прямо туда. Гольд сидел у костра и о чём-то думал.

– Пойдём в избу чай пить, – сказал я ему.

Он не ответил мне и в свою очередь задал вопрос:

– Куда завтра ходи?

Я ответил, что пойдём в Черниговку, а оттуда – во Владивосток, и стал приглашать его с собой. Я обещал в скором времени опять пойти в тайгу, предлагал жалованье... Мы оба задумались. Не знаю, что думал он, но я почувство-

вал, что в сердце моё закралась тоска. Я стал снова рассказывать ему про удобства и преимущества жизни в городе. Дерсу слушал молча. Наконец он вздохнул и проговорил:

– Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи – моя скоро пропади.

«В самом деле, – подумал я, – житель лесов не выживет в городе, и не делаю ли я худо, что сбиваю его с того пути, на который он встал с детства?»

Дерсу замолчал. Он, видимо, обдумывал, что делать ему дальше. Потом, как бы отвечая на свои мысли, сказал:

– Завтра моя прямо ходи. – Он указал рукой на восток. – Четыре солнца ходи, Даубихе найди есть, потом Улахе ходи, потом – Фудзин, Дзуб-Гын³⁵ и море. Моя слышал, там на морской стороне чего-чего много: соболя есть, олень тоже есть.

Долго мы ещё с ним сидели у огня и разговаривали. Ночь была тихая и морозная. Изредка набегающий ветерок чуть-чуть шелестел дубовой листвой, ещё не опавшей на землю. В деревне давно уже все спали, только в том доме, где поместился я со своими спутниками, светился огонёк. Созвездие Ориона показывало полночь. Наконец я встал, попрощался с гольдом, пошёл к себе в избу и лёг спать. Какая-то неприятная тоска овладела мной. За это короткое время я успел привязаться к Дерсу. Теперь мне жаль было с ним расставаться. С этими мыслями я и задремал.

³⁵ Так гольды называют Сихотэ-Алинь.

На следующее утро первое, что я вспомнил, – это то, что Дерсу должен уйти от нас. Напившись чаю, я поблагодарил хозяев и вышел на улицу.

Стрелки были уже готовы к выступлению. Дерсу был тоже с нами.

С первого же взгляда я увидел, что он снарядился в далёкий путь. Котомка его была плотно уложена, пояс затянут, унты хорошо надеты.

Отойдя от Дмитровки с километр, Дерсу остановился. Настал тяжёлый момент расставания.

– Прощай, Дерсу, – сказал я ему, пожимая руку. – Дай бог тебе всего хорошего. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Прощай! Быть может, когда-нибудь увидимся.

Дерсу попрощался со стрелками, затем кивнул мне головой и пошёл в кусты налево. Мы остались на месте и смотрели ему вслед. В двухстах метрах от нас высилась небольшая горка, поросшая мелким кустарником. Минут через пять он дошёл до неё. На светлом фоне неба отчётливо вырисовывалась его фигура с котомкой за плечами, с сошками и с ружьём в руках. В этот момент яркое солнце взошло из-за гор и осветило гольда. Поднявшись на гривку, он остановился, повернулся к нам лицом, помахал рукой и скрылся за гребнем. Словно что оторвалось у меня в груди. Я почувствовал, что потерял близкого мне человека.

– Хороший он человек, – сказал Марченко.

– Да, таких людей мало, – ответил ему Олентьев.

«Прощай, Дерсу, – подумал я. – Ты спас мне жизнь. Я никогда не забуду этого».

В сумерки мы дошли до Черниговки и присоединились к отряду. Вечером в тот же день я выехал во Владивосток, к месту своей постоянной службы.

Глава 7

Сборы в дорогу и снаряжение экспедиции (1906 год)

Новая экспедиция. – Состав отряда. – Вьючный обоз. – Научное снаряжение. – Одежда и обувь. – Продовольствие. – Работа путешественника. – Отъезд. – Река Уссури. – Растительность около станции Шмаковка. – Пресмыкающиеся. – Грызуны. – Птицы. – Порядок дня в походе. – Село Успенка. – Даубихе и Улахе. – Болото. – Охота за пчёлами. Борьба пчёл с муравьями

Прошло четыре года. За это время произошли некоторые перемены в моём служебном положении. Я переехал в Хабаровск, где Приамурский отдел Русского географического общества предложил мне организовать экспедицию для обследования хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы в Уссурийском крае: от залива Ольги на север, насколько позволит время, а также верховьев рек Уссури и Имана. Моими помощниками были назначены Гранатман, Анофриев и Мерзляков. Кроме того, в состав экспедиционного отряда вошли шесть сибирских стрелков (Дьяков, Егоров, Загурский, Мелян, Туртыгин, Бочкарёв) и четыре уссурийских казака (Белоножкин, Эпов, Мурзин, Кожевников).

Кроме лиц, перечисленных в приказе, в экспедиции приняли ещё участие: бывший в это время начальником штаба округа генерал-лейтенант П. К. Рутковский и в качестве флориста – лесничий Н. А. Пальчевский. Цель экспедиции – естественно-историческая. Маршруты были намечены по рекам Уссури, Улахе и Фудзину по десятиверстной и в прибрежном районе – по сорокавёрстной картам издания 1889 года.

В то время все сведения о центральной части Сихотэ-Алиня были крайне скудны и не заходили за пределы случайных рекогносцировок. Что же касается побережья моря к северу от залива Ольги, то о нём имелись лишь отрывочные сведения от морских офицеров, посещавших эти места для промеров бухт и заливов.

Наши сборы в экспедицию начались в половине марта и длились около двух месяцев. Мне предоставлено было право выбора стрелков из всех частей округа, кроме войск инженерных и крепостной артиллерии. Благодаря этому в экспедиционный отряд попали лучшие люди, преимущественно сибиряки Тобольской и Енисейской губерний. Правда, это был народ немного угрюмый и малообщительный, но зато с детства привыкший переносить всякие невзгоды.

В путешествие просилось много людей. Я записывал всех, а затем наводил справки у ротных командиров и исключал жителей городов и занимавшихся торговлей. В конце концов в отряде остались только охотники и рыболовы. При выборе

обращалось внимание на то, чтобы все умели плавать и знали какое-нибудь ремесло.

Кроме стрелков, в экспедицию всегда просится много посторонних лиц. Все эти «господа» представляют себе путешествие как лёгкую и весёлую прогулку. Они никак не могут понять, что это тяжёлый труд. В их представлении рисуются: караваны, палатки, костры, хороший обед и отличная погода.

Но они забывают про дожди, гнус³⁶, голодовки и множество других лишений, которым постоянно подвергается всякий путешественник, как только он минует селения и углубится в лесную пустыню.

Собираются ехать всегда многие, а выезжают на сборный пункт два или три человека. Уже накануне отъезда начинаешь получать письма примерно такого содержания: «Вследствие изменившихся обстоятельств ехать не могу. Желая счастливого пути...» и т. д. На сборном пункте получаешь такие же телеграммы. Наконец прибывают двое. Один из них имеет вид воскресшего охотника, другой – скромный, серьёзный, ко всему присматривающийся. Первый много говорит, все зло критикует и с видом бывалого человека гордо едет впереди отряда, едет до тех пор, пока не надоест ему безделье и пока погода благоприятствует. Но лишь только спрыснет дождь или появятся комары, он тотчас поворачивает назад, проклиная тот день и час, когда задумал идти в пу-

³⁶ Так сибиряки называют комаров и мошек.

тешество. Второй участник экспедиции, которого я назвал «скромный», идёт молча и работает. К нему вскоре все привкают. Такие люди всегда оставляют по себе хорошие воспоминания. Так было и в данном случае: собирались ехать многие, а поехали только те, кто был перечислен выше.

Теперь необходимо сказать несколько слов о том, как был организован вьючный обоз экспедиции. В отряде было двенадцать лошадей. Очень важно, чтобы люди изучили коней и чтобы лошади, в свою очередь, привыкли к людям. Заблаговременно надо познакомить стрелков с уходом за лошадью, познакомить с седловкой и с конским снаряжением, надо приучить лошадей к носке вьюков и т. д. Для этого команда собрана была дней за тридцать до похода.

Вьючные седла с нагрудниками и шлеями были хорошо пригнаны к лошадям и приспособлены как для перевозки тяжестей, так и для верховой езды. Впрочем, все участники экспедиции шли пешком, и лошадьми никто не пользовался. Особое внимание было обращено на седельные ленчики. Дужки их были сделаны высокими, полочки правильно разогнутыми и потники из лучшего войлока – толстые и мягкие. В таких случаях никогда не надо скупиться на расходы. Надо помнить, что раз упущено на месте сборов, того уже нельзя будет исправить в дороге. Крепкие недоуздки с железными кольцами, торбы и путы, ковочный инструмент и гвозди, запас подков (по три пары на каждого коня) и колокольчик для передовой лошади, которая на пастбище водит весь табун за

собой, дополняли конское снаряжение. Кроме того, для каждой лошади были сшиты головные покрывала с наушниками. Без этих приспособлений кони сильно страдают от мошки. Она набивается в уши и разъедает их до крови.

Вьюками были брезентовые мешки и походные ящики, обитые кожей и окрашенные масляной краской. Такие ящики удобно переносимы на конских вьюках, помещаются хорошо в лодках и на нартах. Они служили нам и для сидений и столами. Если не мешать имущество в ящиках и не перекладывать его с одного места на другое, то очень скоро запоминаешь, где что лежит, и в случае нужды рассёдлываешь ту лошадь, которая несёт искомый груз.

Из животных, кроме лошадей, в отряде ещё были две собаки: одна моя – Альпа, другая командная – Леший, крупная зверовая, по складу и по окраске напоминающая волка.

Научное снаряжение экспедиции состояло из следующих инструментов³⁷: буссоли Шмалькальдера, шагомера, секундомера, двух барометров-анероидов, гипсотермометров, термометров для измерения температуры воздуха и воды, анемометра, геологического молотка, горного компаса, рулетки, фотографического аппарата, тетрадей, карандашей и бумаги. Затем были ящики для собирания насекомых, препарировочные инструменты, пресс, бумага для сушки растений, банки с формалином и т. д.

³⁷ Большая часть их была дана из Военно-топографического отдела, и только некоторые из них составляли собственность начальника экспедиции.

Кроме упомянутых инструментов, в отряде набралось ещё много походного инвентаря, как то: котлы, чайники, топоры, поперечная пила, сапёрная лопата, паяльник, струг, напильники и пр. Все стрелки были вооружены трёхлинейными винтовками (без штыков) кавалерийского образца, приспособленными для носки на ремне. На каждого было взято по 300 патронов, из которых по 50 патронов находилось при себе, остальные были отправлены на питательные базы, устроенные на берегу моря. Кроме этого оружия, в экспедиции были две винтовки системы Маузера и Винчестера, малокалиберное ружьё Франкота и двухствольный дробовик Зауэра.

Снаряжение стрелков состояло из следующих предметов: финские ножи, патронташи, носившиеся вместо поясов, кручёные верёвки длиной в 2 метра с кольцами и небольшие кожаные сумки для разной мелочи (иголки, нитки, крючки, гвозди и т. д.). Холщовые мешки с бельём стрелки приспособили для носки на спине, сообразно чему перешили лямки. Вес выюка каждого участника экспедиции равнялся 12–15 килограммам. Летняя одежда стрелков состояла из рубах и шаровар защитного цвета и лёгких фуражек. Нарукавники, стягивающие рукава около кистей рук, летом служили для защиты от комаров и мошек, а зимой для того, чтобы холодный ветер не задувал под одежду. Вместо сапог были сшиты унты по туземному образцу. Эта обувь оказалась наиболее пригодной. Правда, она скоро промокала, но зато скоро и

высыхала. Ноги от колена до ступни обматывались суконными лентами. Сначала это не ладилось, ленты спадали с ног, закатанные туго – давили икры, но потом сукно вытянулось, люди приспособились и уже всю дорогу шли не оправляясь.

На зиму были запасены шинели, тёплые куртки, фуфайки, шаровары, шитые из верблюжьего сукна, шерстяные чулки, башлыки, рукавицы и папахи. Зимняя обувь – те же унты, только большего размера, для того чтобы можно было набивать их сухой травой и надевать на тёплую портянку.

Из опыта прежних лет выяснилось, что только тогда можно хорошо работать, когда ночью выспишься как следует. Днём от комаров ещё можно найти защиту, но вечером от мелких мошек уже нет спасения. Эти отвратительные насекомые всю ночь не дают сомкнуть глаз. Люди нервничают и с нетерпением ждут рассвета. Единственной защитой является комарник; он сшивается из белой дрели, через которую воздух легко проникает. Он устроен таким образом, что когда в нём вставляли поперечные распорки и за кольца привязывали к деревьям, то получалось нечто вроде футляра, в котором можно было лежать, сидеть и работать. На случай дождя над комарником растягивался тент в виде двускатной крыши. Вместо постели у каждого имелись тонкие войлоки, обшитые с одной стороны непромокаемым брезентом, под которые подвёртывались края пологов. Таким образом, комарники спасали людей от дождя, от холодного ветра и от докучливых насекомых. Участники экспедиции, ведшие науч-

ные работы, имели каждый по особому комарнику, а стрелки по одному на два человека, для чего их положи шились больше размерами. Осенью, с исчезновением насекомых, когда ночи делаются холоднее, из комарников ставятся односкатные палатки. Перед ними раскладываются длинные костры, дающие много тепла и света.

Теперь относительно продовольствия. Общий запас его был рассчитан на шесть месяцев и состоял из муки, галет, риса, чумизы, экспортного масла, сухой прессованной зелени, соли, перца, горохового порошка, клюквенного экстракта, сахара и чая. Ящики с продовольствием были отправлены на питательные базы заблаговременно и выгружены при устьях рек Тадушу, Тютихе, в заливе Джигит и в бухте Терней. Там, где поблизости жили люди, ящики оставили близ их жилья, там же, где берег был пустынный, их просто сложили в кучу и прикрыли брезентом, обозначив место вехой.

Хлебные сухари брались только в сухое время года, осенью и зимой. Летом они жадно впитывают в себя влагу из воздуха, и чем больше их прикрывать брезентами, тем скорее они портятся. То же самое и мясной порошок. Через двадцать четыре часа после вскрытия банки он уже слипается в комки, а ещё через сутки начинает цвести и издавать запах. Мы сушили мясо тонкими ломтями. Правда, оно занимало много места и это не спасало его от плесени, но всё же его можно было употреблять в пищу. Перед тем как класть мясо в котёл, его надо опалить на огне; тогда плесень сгорает и мя-

со становится мягким и съедобным. Сухой яичный белок и шоколад, предназначенные на случай голодовок, везлись как неприкосновенный запас в особых цинковых коробках. Гораздо легче сохранять белую муку. Для этого следует кулёк с мукой снаружи смочить. Вода, проникшая сквозь холст, смешивается с мукой и образует слой теста в палец толщиной. Таким образом получается корка, совершенно непроницаемая для сырости; вместе с тем мешок становится твёрдым и не рвётся в дороге.

В отряде имелась хорошо подобранная походная аптечка, набор хирургических инструментов (бритва, ножницы, пинцеты, ланцеты, иглы, шёлк, иглодержатель, ушной баллон, глазная ванночка, шприц Праватца) и значительное количество перевязочного материала.

14 мая всё было готово, 15-го числа была отправлена по железной дороге команда с лошадьми, а 16-го выехали из Хабаровска и все остальные участники экспедиции. Сборным пунктом была назначена станция Шмаковка, находящаяся несколько южнее того места, где железная дорога пересекает реку Уссури.

К путешественнику предъявляются следующие требования: он должен уметь организовать экспедицию и исполнить все подготовительные работы на месте ещё задолго до выступления; должен уметь собрать коллекции; уметь вести дневник; знать, на что обратить внимание: отличить ценное от рухляди; уметь доставить коллекции и обработать собран-

ные материалы.

Что значит путешествие, в чём заключается работа исследователя? К сожалению, для этого какого-нибудь катехизиса дать нельзя. Многое зависит от личности самого путешественника и от того, насколько он подготовлен к такого рода деятельности.

Первый период, период подготовительный, для нас прошёл. Теперь на очереди было само путешествие. Накануне отъезда всегда много забот и хлопот. Надо всё обдумать, вспомнить, не забыли ли что-нибудь, надо послать телеграммы, уложить свои вещи, известить то или иное лицо по телефону и т. д. Целый день бегаешь по городу, являешься к начальнику и делаешь последние распоряжения. Вечер уходит на писание писем. Ночью почти не спишь. Всё время беспокоит одна и та же мысль: все ли сделано и все ли взято. На другой день чуть свет вы уже на ногах. Последние ваши хлопоты на вокзале около кассы. Наконец ударил станционный колокол, раздался свисток, и поезд тронулся. В эту минуту чувствуешь, как какая-то невероятная тяжесть свалилась с плеч. Все беспокойства остались позади. Сознание, что ровно год будешь вне сферы канцелярских влияний и ровно год тебя не будут беспокоить предписаниями и телефонами, создаёт душевное равновесие. Чувствуешь себя свободным; за работу принимаешься с удовольствием и сам себе удивляешься, откуда берётся энергия.

Мы имели отдельный вагон, прицепленный к концу по-

езда. Нас никто не стеснял, и мы расположились как дома. День мы провели в дружеской беседе, рассматривали карты и строили планы на будущее.

Погода была пасмурная. Дождь шёл не переставая. По обе стороны полотна железной дороги тянулись большие кочковатые болота, залитые водой и окаймлённые чахлой растительностью. В окнах мелькали отдельные деревья, телеграфные столбы, выемки. Всё это было однообразно. День тянулся долго, тоскливо. Наконец стало смеркаться. В вагоне зажгли свечи.

Утомлённые хлопотами последних дней, убаюкиваемые покачиванием вагона и ритмическим стуком колёс, все очень скоро уснули.

На другой день мы доехали до станции Шмаковка. Отсюда должно было начаться путешествие. Ночью дождь перестал, и погода немного разгулялась. Солнце ярко светило. Смооченная водой листва блестела, как лакированная. От земли подымался пар... Стрелки встретили нас и указали нам квартиру.

Остаток дня прошёл в разборке имущества и в укладке выюков.

Следующий день, 18 мая, был дан стрелкам в их распоряжение. Они переделывали себе унты, шили наколенники, готовили патронташи – вообще последний раз снаряжали себя в дорогу. Вначале сразу всего не доглядишь. Личный опыт в таких случаях – прежде всего. Важно, чтобы в глав-

ном не было упущений, а мелочи сами сгладятся.

Пользуясь свободным временем, мы вместе с П. К. Рутковским пошли осматривать окрестности.

В этом месте течение реки Уссури чрезвычайно извилистое. Если её вытянуть на карте, она, вероятно, заняла бы вдвое более места. Нельзя сказать, чтобы река имела много притоков: кружевной вид ей придают излучины.

Почти все реки Уссурийского края имеют течение довольно прямое до тех пор, пока текут по продольным межскладочным долинам. Но как только они выходят из гор на низины, начинают делать меандры³⁸. Тем более это удивительно, что состав берегов всюду один и тот же: под дёрном лежит небольшой слой чернозёма, ниже – супесок, а ещё ниже – толщи ила попеременно с галькой. Я думаю, это можно объяснить так: пока река течёт в горах, она может уклоняться в сторону только до известных пределов. Благодаря крутому падению тальвега³⁹ вода в реке движется быстро, смывает всё, что попадает ей на пути, и выпрямляет течение. Река действует в одно и то же время и как пила и как напильник. Совсем иное дело на равнине. Здесь быстрота течения значительно уменьшается, глубина становится ровнее, берега однообразнее. При этих условиях немного нужно, чтобы заставить реку изменить направление, например случайное скопление в одном месте глины или гальки, тогда как рядом

³⁸ Изгибы реки.

³⁹ Самые низкие места, по которым сбегает вода.

находятся рыхлые пески. Вот почему такие «кривуны» непостоянны: после каждого наводнения они изменяются, река образует новые колена и заносит песком место своего прежнего течения. Очень часто входы в старые русла закупориваются, образуются длинные слепые рукава, как в данном случае мы видим это на Уссури. Среди наносов реки много глины. Этим объясняется заболоченность долины.

Лето 1906 года было дождливое. Всюду по низинам стояла вода, и если бы не деревья, торчащие из луж, их можно было бы принять за озера. От посёлка Нижне-Михайловского до речки Кабарги болота тянутся с правой стороны Уссури, а выше к селу Нижне-Романовскому (Успенка) – с той и другой стороны, но больше с левой. Здесь посреди равнины поднимаются две сопки со старыми тригонометрическими знаками: северная (высотой в 370 метров), называемая Медвежьей горой, и южная (в 250 метров), имеющая китайское название Хандо-Динза-Сы⁴⁰. Между этими сопками находятся минеральные Шмаковские ключи. На северо-востоке гора Медвежья раньше, видимо, соединялась с хребтом Тырыдинза⁴¹, но впоследствии их разобщила Уссури.

Среди уссурийских болот есть много релок⁴² с хорошей,

⁴⁰ Хань-дэ-динь-цзы-сы – вершина с кумирней Хань-дэ («китайской добродетели»).

⁴¹ Ди-эр-динь-цзы – вторая вершина.

⁴² Релка – сухая, несколько возвышающаяся местность, окружённая болотистой равниной – *Прим ред.*

плодородной землёй, которыми и воспользовались крестьяне для распашек. В пяти километрах от реки на восток начинаются горы. Лет десять тому назад они были покрыты лесами, от которых ныне не осталось и следов. Ту древесную растительность, которую мы видим теперь в долине Уссури, лесом назвать нельзя. Эта жалкая поросль состоит главным образом из липы, чёрной и белой берёзы и растущих полукустарниками ольхи, ивняка и, наконец, раскидистого кустарника, похожего на леспедецу.

Почерневшие стволы деревьев, обуглившиеся пни и отсутствие молодняка указывают на частые палы. Около железной дороги и быть иначе не может.

Цветковые растения растут такой однообразной массой, что кажется, будто здесь вовсе нет онкологических сообществ.

То встречаются целые площади, покрытые только одной полынью, то белым ползучим клевером, то тростниками, то ирисом, ландышами и т. д.

Благодаря тому, что кругом было очень сыро, релки сделались местом пристанища для различного рода мелких животных. На одной из них я видел двух ужей и одну копьеголовую ядовитую змею. На другой релке, точно сговорившись, собрались грызуны и насекомоядные: красные полёвки, мышки-экономки и уссурийские землеройки.

В стороне от дороги находился большой водоём. Около него сидело несколько серых скворцов. Эти крикливые пти-

цы были теперь молчаливы; они садились в лужу и купались, стараясь крылышками обдать себя водой. Вблизи возделанных полей встречались ошейниковые овсянки. Они прыгали по тропе и близко допускали к себе человека, но, когда подбегали к ним собаки, с шумом поднимались с земли и садились на ближайшие кусты и деревья. На опушке леса я увидел ещё какую-то маленькую серенькую птицу. П. К. Рутковский убил её из ружья. Это оказалась восточноазиатская совка, та самая, которую китайцы называют «ли-у» и которая якобы уводит искателей женьшеня от того места, где скрывается дорогой корень.

Несколько голубовато-серых амурских кобчиков гонялись за насекомыми, делая в воздухе резкие повороты. Некоторые птицы сидели на кочках и равнодушно посматривали на людей, проходивших мимо них.

Когда мы возвратились на станцию, был уже вечер. В тёплом весеннем воздухе стоял неумолкаемый гомон. Со стороны болот неслись лягушечьи концерты, в деревне лаяли собаки, где-то в поле звенел колокольчик.

Завтра в поход. Что-то ожидает нас впереди?

Работа между участниками экспедиции распределялась следующим образом. На Г. И. Гранатмана было возложено заведование хозяйством и фуражное довольствие лошадей. А. И. Мерзлякову давались отдельные поручения в сторону от главного пути. Этнографические исследования и маршрутные съёмки я взял на себя, а Н. А. Пальчевский напра-

вился прямо в залив Ольги, где в ожидании отряда решил заняться сбором растений, а затем уже присоединиться к экспедиции и следовать с ней дальше по побережью моря.

Самый порядок дня в походе распределялся следующим образом. Очередной артельщик, выбранный сроком на две недели, вставал раньше других. Он варил какую-нибудь кашу, грел чай и, когда завтрак был готов, будил остальных людей. На утренние сборы уходило около часа. Приблизительно между семью и восемью часами мы выступали в поход. Около полудня делался большой привал. Лошадей развьючивали и пускали на подножный корм. Горячая пища варилась два раза в сутки, утром и вечером, а днём на привалах пили чай с сухарями или ели мучные лепёшки, испечённые накануне. В час дня выступали дальше и шли примерно часов до четырёх.

За день мы успевали пройти от 15 до 25 километров, смотря по местности, погоде и той работе, которая производилась в пути. Место для бивака всегда выбирали где-нибудь около речки. Пока варился обед и ставили палатки, я успевал вычертить свой маршрут. В это время товарищи сушили растения, препарировали птиц, укладывали насекомых в ящики и нумеровали геологический материал. Часов в пять обедали и ужинали в одно и то же время. После этого с ружьём в руках я уходил экскурсировать по окрестностям и заходил иногда так далеко, что не всегда успевал возвратиться назад к сумеркам. Темнота застигала меня в дороге, и эти перехо-

ды в лунную ночь по лесу оставили по себе неизгладимые воспоминания. Часов в девять вечера последний раз мы пили чай, затем стрелки занимались своими делами: чистили ружья, починяли одежду и обувь, исправляли седла... В это время я заносил в дневник свои наблюдения.

Во время путешествия скучать не приходится. За день так уходишься, что еле-еле дотащишься до бивака. Палатка, костёр и тёплое одеяло кажутся тогда лучшими благами, какие только даны людям на земле; никакая городская гостиница не может сравниться с ними. Выпьешь поскорее горячего чаю, залезешь в свой спальный мешок и уснёшь таким сном, каким спят только усталые.

В походе мы были ежедневно. Днёвки были только случайные: например, заболела лошадь, сломалось седло и т. д. Если окрестности были интересны, мы останавливались в этом месте на двое суток, а то и более. Из опыта выяснилось, что во время сильных дождей быть в дороге невыгодно, потому что пройти удаётся немного, люди и лошади скоро устают, седла портятся, планшет мокнет и т. д. В результате выходит так, что в ненастье идёшь, а в солнечный день сидишь в палатке, приводишь в порядок съёмки, доканчиваешь дневник, делаешь вычисления – одним словом, исполняешь ту работу, которую не успел сделать раньше.

В день выступления, 19 мая, мы все встали рано, но выступили поздно. Это вполне естественно. Первые сборы всегда затягиваются. Дальше в пути все привыкают к известному

порядку, каждый знает своего коня, свой выюк, какие у него должны быть вещи, что сперва надо укладывать, что после, какие предметы бывают нужны в дороге и какие на биваке.

В первый день все участники экспедиции выступили бодрыми и весёлыми.

День был жаркий, солнечный. На небе не было ни одного облачка, но в воздухе чувствовался избыток влаги.

Грязная просёлочная дорога между селениями Шмаковкой и Успенкой пролегает по увалам горы Хандо-Динза-Сы. Все мосты на ней уничтожены весенними палами, и потому переправа через встречающиеся на пути речки, превратившиеся теперь в стремительные потоки, была делом далеко не лёгким.

На возвышенных местах характер растительности был тот же самый, что и около железной дороги. Это было редколесье из липы, дубняка и берёзы.

При окружающих пустырях редколесье это казалось уже густым лесом.

Часам к трём дня отряд наш стал подходить к реке Уссури. Опытный глаз сразу заметил бы, что это первый поход. Лошади сильно растянулись, с них то и дело съезжали седла, расстёгивались подпруги, люди часто останавливались и переобувались. Кому много приходилось путешествовать, тот знает, что это в порядке вещей. С каждым днём эти остановки делаются реже, постепенно всё налаживается, и дальнейшие передвижения происходят уже ровно и без заминок. Тут

тоже нужен опыт каждого человека в отдельности.

Когда идёшь в далёкое путешествие, то никогда не надо в первые дни совершать больших переходов. Наоборот, надо идти понемногу и чаще давать отдых. Когда все приспособятся, то люди и лошади сами пойдут скорее и без понукания.

Вступление экспедиции в село Успенку для деревенской жизни было целым событием. Ребятишки побросали свои игры и высыпали за ворота: из окон выглядывали испуганные женские лица; крестьяне оставляли свои работы и подолгу смотрели на проходивший мимо них отряд.

Село Успенка расположено на высоких террасах с левой стороны реки Уссури. Основано оно в 1891 году и теперь имело около ста восьмидесяти дворов.

Было каникулярное время, и потому нас поместили в школе, лошадей оставили на дворе, а все имущество и седла сложили под навесом.

Вечером приходили крестьяне-старожилы. Они рассказывали о своей жизни в этих местах, говорили о дороге и давали советы.

На другой день мы продолжали свой путь. За деревней дорога привела нас к реке Уссури. Вся долина была затоплена водой. Возвышенные места казались островками. Среди этой массы воды русло реки отмечалось быстрым течением и деревьями, росшими по берегам её. При обыкновенном уровне река Уссури имеет около 200 метров ширины, около

4 метров глубины и быстроту течения 3 ¹/₂ километра в час. Сопровождавшие нас крестьяне говорили, что во время наводнений сообщение с соседними деревнями по дороге совсем прекращается и тогда они пробираются к ним только на лодках.

Посоветовавшись, мы решили идти вверх по реке до такого места, где она идёт одним руслом, и там попробовать переправиться вплавь с конями.

С рассветом казалось, что день будет пасмурный и дождливый, но к десяти часам утра погода разгулялась. Тогда мы увидели то, что искали. Километрах в пяти от нас река собирала в себя все протоки. Множество сухих релок давало возможность подойти к ней вплотную. Но для этого надо было обойти болота и спуститься в долину около горы Кабарги.

Лошади уже отабунились, они не лягались и не кусали друг друга. В поводу надо было вести только первого коня, а прочие шли следом сами. Каждый из стрелков по очереди шёл сзади и подгонял тех лошадей, которые сворачивали в сторону или отставали.

Поравнявшись с горой Кабаргой, мы повернули на восток к фанзе Хау-диен⁴³, расположенной на другой стороне Уссури, около устья реки Ситухе. Перебираясь с одной релки на другую и обходя болотины, мы вскоре достигли леса, растущего на берегу реки. На наше счастье, в фанзе у китайцев

⁴³ Хоу-дяиз – второй (задний) постоянный двор.

оказалась лодка. Она цедила, как решето, но всё же это была посуда, которая в значительной степени облегчала нашу переправу. Около часа было потрачено на её починку. Щели лодки мы кое-как законопатали, доски сбили гвоздями, а вместо ключин вбили деревянные колышки, к которым привязали верёвочные петли. Когда всё было готово, приступили к переправе. Сначала перевезли седла, потом переправили людей. Осталась очередь за конями. Сами лошади в воду идти не хотели, и надо было, чтобы кто-нибудь плыл вместе с ними. На это опасное дело вызвался казак Кожевников. Он разделся донага, сел верхом на наиболее ходового белого коня и смело вошёл в реку. Стрелки тотчас же всех остальных лошадей погнали за ним в воду. Как только лошадь Кожевникова потеряла дно под ногами, он тотчас же соскочил с неё и, ухватившись рукой за гриву, поплыл рядом. Вслед за ним поплыли и другие лошади. С берега видно было, как Кожевников ободрял коня и гладил рукой по шее. Лошади плыли фыркая, раздув ноздри и оскалив зубы. Несмотря на то, что течение сносило их, они всё же подвигались вперёд довольно быстро.

Удастся ли Кожевникову выплыть с конями к намеченному месту?

Ниже росли кусты и деревья, берег становился обрывистым и был завален буреломом. Через десять минут его лошадь достала до дна ногами. Из воды появились её плечи, затем спина, круп и ноги. С гривы и хвоста вода текла ручья-

ми. Казак тотчас же влез на коня и верхом выехал на берег.

Так как одни лошади были сильнее, другие слабее и плыли медленнее, то естественно, что весь табун растянулся по реке. Когда конь Кожевникова достиг противоположного берега, последняя лошадь была ещё на середине реки. Стало ясно, что её снесёт водой. Она напрягала все свои силы и держалась против воды, стараясь преодолеть течение, а течение увлекало её всё дальше и дальше. Кожевников видел это. Дождавшись остальных коней, он в карьер бросился вдоль берега вниз по течению. Выбрав место, где не было бурелома, казак сквозь кусты пробрался к реке, остановился в виду у плывущей лошади и начал её окликать; но шум реки заглушал его голос. Белый конь, на котором сидел Кожевников, насторожился и, высоко подняв голову, смотрел на воду. Вдруг громкое ржание пронеслось по реке. Плывущая лошадь услышала этот крик и начала менять направление. Через несколько минут она выходила на берег. Дав ей отдышаться, казак надел на неё недоуздок и повёл в табун. Тем временем лодка перевезла остальных людей и их грузы.

После переправы у фанзы Хаудиен экспедиция направилась вверх по реке Ситухе⁴⁴, стараясь обойти болота и поскорее выйти к горам.

Река Ситухе течёт в широтном направлении. Она длиной около 50 километров. Большинство притоков её находится с левой стороны. Сама по себе Ситухе маленькая речка, но, не

⁴⁴ Ши-тоу-хе – каменистая речка.

доходя 3 километра до Уссури, она превращается в широкий и глубокий канал.

Здесь происходит слияние реки Даубихе с рекой Улахе (44°58′ северной широты, 133°34′ восточной долготы от Гринвича – по Гамову). Отсюда начинается собственно река Уссури, которая на участке до реки Сунгачи принимает в себя справа две небольшие речки – Гирма-Биру и Курма-Биру.

Река Улахе течёт некоторое время в направлении от юга к северу. Истоки её находятся в горах Да-дянь-шань с перевалами на реки Сучан и Лефу. В верховьях она слагается из трёх рек: Тудагоу⁴⁵, Эрлдагоу⁴⁶ и Сандагоу⁴⁷, затем принимает в себя притоки: справа – Сыдагоу⁴⁸, Ханыхезу⁴⁹, Яньцзиньгоу⁵⁰, Чаутангоузу⁵¹, а слева – Хамахезу⁵², Даубихезу⁵³, Шитухе и Угыдынзу⁵⁴. Длинной Даубихе более 250 километров, глубиной 1,5–1,8 метра, при быстроте течения около 5 километров в час.

Река Улахе течёт некоторое время в направлении от юга

⁴⁵ Тоу-да-гоу – первая большая долина.

⁴⁶ Эрл-да-гоу – вторая большая долина.

⁴⁷ Сань-да-гоу – третья большая долина.

⁴⁸ Сы-да-гоу – четвёртая большая долина.

⁴⁹ Хань-ни-хэ-цзы – речка с засохшей грязью.

⁵⁰ Янь-цзы-гоу – долина с прогалинами.

⁵¹ Чао-тан-гоу-цзы – падь, долина, обращённая к солнцу.

⁵² Ха-ма-хэ-цзы – жабья речка.

⁵³ Дао-био-хэ-цзы – малая Дао-бин-хэ.

⁵⁴ Угэ-дин-цзы – пятая вершина.

к северу, но потом вдруг на высоте фанзы Линда-Пау круто поворачивает на запад. Здесь улахинская вода с такой силой вливается в даубихинскую, что прижимает её к левому берегу. Вследствие этого как раз против устья реки Улахе образовалась длинная заводь. Эта заводь и обе реки (Даубихе и Улахе) вместе с Уссури расположились таким образом, что получилась крестообразная фигура. Во время наводнения здесь скопляется много воды. Отсюда, собственно, и начинается затопляться долина Уссури. От того места, где Улахе поворачивает на запад, параллельно Уссури, среди болот, цепью друг за другом, тянется длинный ряд озерков, кончающихся около канала Ситухе, о котором говорилось выше. Озера эти и канал Ситухе указывают место прежнего течения Улахе. Слияние её с рекой Даубихе раньше происходило значительно ниже, чем теперь.

Почувствовав твёрдую почву под ногами, люди и лошади пошли бодрее. К полудню мы миновали старообрядческую деревню Подгорную, состоящую из двадцати пяти дворов. Время было раннее, и потому решено было не задерживаться здесь. Дорога шла вверх по реке Ситухе. Слева был лес, справа – луговая низина, залитая водой. По пути нам снова пришлось переходить ещё одну небольшую речушку, протекающую по узенькой, но чрезвычайно заболоченной долине. Люди перебирались с кочки на кочку, но лошадям пришлось трудно. На них жалко было смотреть: они проваливались по брюхо и часто падали. Некоторые кони так увязали, что не

могли уже подняться без посторонней помощи. Пришлось их рассёдлывать и переносить грузы на руках.

Когда последняя лошадь перешла через болото, день уже был на исходе. Мы прошли ещё немного и стали биваком около ручья с чистой проточной водой.

Вечером стрелки и казаки сидели у костра и пели песни. Откуда-то взялась у них гармоника. Глядя на их беззаботные лица, никто бы не поверил, что только два часа тому назад они бились в болоте, измученные и усталые. Видно было, что они совершенно не думали о завтрашнем дне и жили только настоящим. А в стороне, у другого костра, другая группа людей рассматривала карты и обсуждала дальнейшие маршруты.

На следующий день решено было сделать днёвку. Надо было посушить имущество, почистить седла и дать лошадям отдых. Стрелки с утра взялись за работу. Каждый из них знал, у кого что неладно и что надо исправить.

Сегодня мы имели случай наблюдать, как казаки охотятся за пчёлами. Когда мы пили чай, кто-то из них взял чашку, в которой были остатки мёда. Немедленно на биваке появились пчелы – одна, другая, третья, и так несколько штук. Одни пчелы прилетали, а другие с ношей торопились вернуться и вновь набрать меду. Разыскать мёд взялся казак Мурзин. Заметив направление, в котором летели пчелы, он встал в ту сторону лицом, имея в руках чашку с мёдом. Через минуту появилась пчела. Когда она полетела назад, Мурзин стал

следить за ней до тех пор, пока не потерял из виду.

Тогда он перешёл на новое место, дождался второй пчелы, перешёл опять, выследил третью и т. д. Таким образом он медленно, но верно шёл к улью. Пчелы сами указали ему дорогу. Для такой охоты нужно запастись терпением.

Часа через полтора Мурзин возвратился назад и доложил, что нашёл пчёл и около их улья увидел такую картину, что поспешил вернуться обратно за товарищами. У пчёл шла война с муравьями. Через несколько минут мы были уже в пути, захватив с собой пилу, топор, котелки и спички. Мурзин шёл впереди и указывал дорогу. Скоро мы увидели большую липу, растущую под углом в 45° . Вокруг неё вились пчелы. Почти весь рой находился снаружи. Вход в улей (леток) был внизу, около корней. С солнечной стороны они переплелись между собой и образовали пологий скат. Около входного отверстия в улей густо столпились пчелы. Как раз против них, тоже густой массой, стояло полчище чёрных муравьёв. Интересно было видеть, как эти два враждебных отряда стояли друг против друга, не решаясь на нападение. Разведчики-муравьи бегали по сторонам. Пчелы нападали на них сверху. Тогда муравьи садились на брюшко и, широко раскрыв челюсти, яростно оборонялись. Иногда муравьи принимали обходное движение и старались напасть на пчёл сзади, но воздушные разведчики открывали их, часть пчёл перелетала туда и вновь преграждала муравьям дорогу.

С интересом мы наблюдали эту борьбу. Кто кого одолеет?

Удастся ли муравьям проникнуть в улей? Кто первый уступит? Быть может, с заходом солнца враги разойдутся по своим местам для того, чтобы утром начать борьбу снова; быть может, эта осада пчелиного улья длится уже не первый день.

Неизвестно, чем кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчёлам не пришли казаки. Они успели согреть воду и стали кипятком обливать муравьёв. Муравьи корчились, суетились и гибли на месте тысячами. Пчелы были возбуждены до крайности. В это время по ошибке кто-то плеснул на пчёл горячей водой. Мигом весь рой поднялся на воздух. Надо было видеть, в какое бегство обратились казаки! Пчелы догоняли их и жалили в затылок и шею. Через минуту около дерева никого не было. Люди стояли в отдалении, ругались, смеялись и острили над товарищами, но вдруг лица их делались испуганными, они принимались отмахиваться руками и убегали ещё дальше.

Решено было дать пчёлам успокоиться. Перед вечером два казака вновь пошли к улью, но уже ни мёда, ни пчёл не нашли. Улей был разграблен медведями. Так неудачно кончился наш поход за диким мёдом.

В ночь с 25 на 26 июня шёл сильный дождь, который прекратился только к рассвету. Утром небо было хмурое; тяжёлые дождевые тучи низко ползли над землёй и, как саваном, окутывали вершины гор. Надо было ждать дождя снова.

Когда идёшь в дальнюю дорогу, то уже не разбираешь погоды. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, потом опять

вымокнешь и т. д. В самом деле, если все дождливые дни сидеть на месте, то, пожалуй, недалеко уйдёшь за лето. Мы решили попытаться счастья и хорошо сделали. Часам к десяти утра стало видно, что погода разгуливается. Действительно, в течение дня она сменялась несколько раз: то светило солнце, то шёл дождь. Подсохшая было дорога размокла, и опять появились лужи.

Перейдя реку Ситухе, мы подошли к деревне Крыловке, состоящей из шестидесяти шести дворов. Следующая деревня, Межгорная (семнадцать дворов), была так бедна, что мы не могли купить в ней даже 4 килограммов хлеба. Крестьяне вздыхали и жаловались на свою судьбу. Последнее наводнение их сильно напугало.

Глава 8

Вверх по Уссури

*Маньчжурский заяц. – Гольды рода Юкомика. –
Сухая мгла. – Перемена погоды. – Полоз Шренка. –
Гроза. – Река Вангоу. – Деревня Загорная. – Старовер
Паначев*

Дальнейший путь экспедиции лежал через горы. На этом пути нам предстояло ещё одно испытание. Нужно было перейти пять сильно заболоченных распадков⁵⁵. Первый распадок находился сейчас же за деревней, а последний, самый большой, – недалеко от реки Улахе. Дорога, проложенная самими крестьянами, не имела ни канав, ни мостов, ни гатей. Грязь на ней была непролазная. Казаки пробовали было вести лошадей целиной, но оказалось ещё хуже. Чтобы закрепить зыбуны, стрелки рубили ивняк и бросали его коням под ноги. Правда, это немного облегчало переправу людей, но мало помогало лошадям. Такая непрочная гать только обманывала их, они оступались и падали. Приходилось опять их рассёдлывать и переносить на себе выюки. Наконец эти болота были пройдены.

По сведениям, полученным от крестьян, дальше дорога шла лесом. Выйдя на твёрдую почву, отряд остановился на

⁵⁵ Короткая и широкая долина с маленьким ручьём.

отдых.

В это время вдруг совершенно неожиданно откуда-то из кустов выскочил заяц. В одно мгновение люди бросились за ним в погоню. Надо было видеть, какой поднялся переполох в отряде. Кто свистел, кто гикал, кто бросал в убегающего зайца палкой, камнем и всем, что попадало под руку. Несчастный зверёк бежал зигзагами и хотел укрыться в кустарниках. Это, вероятно, ему удалось бы сделать, если бы Загурский не выстрелил из ружья. Пуля ударила в землю как раз около головы зайца и оглушила его. В это время другой стрелок подбежал и схватил его руками. Заяц метнулся, заверещал и, прижав к спине уши, притаился. Бедный зверёк был страшно напуган. Его раздвоенная верхняя губа быстро двигалась, сердце усиленно билось. Он сидел на руках у Туртыгина, прислушивался и озирался.

Пойманный заяц был маленький, серо-бурого цвета. Такую окраску он сохраняет всё время – и летом и зимой. Областью распространения этого зайца в Приамурье является долина реки Уссури с притоками и побережье моря до мыса Белкина. Кроме этого зайца, в Уссурийском крае водится ещё заяц-беляк и чёрный заяц – вид, до сих пор ещё не описанный. Он совершенно чёрного цвета и встречается редко. Быть может, это просто отклонение зайца-беляка. Ведь есть же чернобурые лисицы, чёрные волки, даже чёрные зайцы-русаки.

Любит русский человек погонять зайца, любит травить

его только потому, что он труслив и беззащитен. Это не злоба, это жестокая забава.

Заяц внёс в отряд большое оживление. Дожди, болота, усталость – всё это было забыто. Стрелки кричали и наперебыв старались рассказать друг другу, кто и как увидел зайца, как он бежал и каким образом его поймали. Никакое другое животное не дало бы столько тем для разговоров. Вокруг Туртыгина столпились люди. Каждому хотелось как-нибудь выказать зверьку своё внимание: кто гладил его по спине, кто тянул за хвостик, кто тыкал ему папиросой в нос и дёргал за ухо. Уж как только стрелки не крестили зайца, как только не острили над ним и в десятый раз рассказывали друг другу о его поимке! Не только у русских, но и у китайцев и амурских туземцев слово «заяц» означает насмешку над человеком трусливым, делающим от страха всякие глупости.

Приказ седлать коней заставил стрелков заняться делом. После короткого совещания решено было дать зайцу свободу. Едва только спустили его на землю, как он тотчас же бросился бежать. Свист и крики понеслись ему вдогонку. Шум и смех сопровождали его до тех пор, пока он не скрылся из виду.

Когда лошади были засёдланы, отряд двинулся дальше. Теперь тропа пошла косогорами, обходя горные ключи и медленно взбираясь на перевал. Дубовое редколесье сменилось лесонасаждениями из клёна, липы и даурской берёзы; кое-где мелькали одиночные кедры и остроконечные верши-

ны елей и пихт.

Часа через полтора мы достигли перевала. Здесь у подножия большого дуба стояла маленькая кумирня, сложенная из плитнякового камня. Кумирня эта была поставлена, вероятно, охотниками и искателями женьшеня. Лицевая её сторона была украшена красной тряпицей с иероглифической надписью: «Сан-лин-чжи-чжу», то есть «Владыке гор и лесов» (тигру).

С вершины перевала нам открылся великолепный вид на реку Улахе. Солнце только что скрылось за горизонтом. Кучевые облака на небе и дальние горы приняли неясно-пурпуровую окраску. Справа от дороги светлой полосой змеилась река. Вдали виднелись какие-то фанзы. Дым от них не подымался кверху, а стлался по земле и казался неподвижным. В стороне виднелось небольшое озерко. Около него мы стали биваком.

Как и всегда, сначала около огней было оживление, разговоры, смех и шутки. Потом всё стало успокаиваться. После ужина стрелки легли спать, а мы долго сидели у огня, делились впечатлениями последних дней и строили планы на будущее. Вечер был удивительно тихий. Слышно было, как паслись кони; где-то в горах ухал филин, и несмолкаемым гомоном с болот доносилось кваканье лягушек.

На другой день мы встали рано и рано выступили в дорогу. Фанзы, которые вчера мы видели с перевала, оказались

гольдскими. Местность эта называется Чжумтайза⁵⁶, что по-китайски означает – Горный ручей. Живущие здесь гольды принадлежали к роду Юкомика, ныне почти совершенно уничтоженному оспенными эпидемиями. Стойбища их были на Амуре, на том месте, где теперь стоит Хабаровск.

Потесненные русскими, они ушли на Уссури, а оттуда, под давлением казаков, перекочевали на реку Улахе. Теперь их осталось только двенадцать человек: трое мужчин, пять женщин и четверо детей.

Мужчины были одеты по-китайски. Они носили куртку, сшитую из синей дабы, и такие же штаны. Костюм женщин более сохранил свой национальный характер. Одежда их пестрела вышивками по борту и по краям подола была обвешана побрякушками. Выбежавшие из фанз грязные ребяташки испуганно смотрели на нас. Трудно сказать, какого цвета была у них кожа: на ней были и загар, и грязь, и копоть. Гольды эти ещё знали свой язык, но предпочитали объясняться по-китайски. Дети же ни одного слова не понимали по-гольдски.

Покончив с осмотром фанз, отряд наш пошёл дальше. Тропа стала прижиматься к горам. Это будет как раз в том месте, где Улахе начинает менять своё широтное направление на северо-западное. Здесь она шириной около 170 метров и в среднем имеет скорость течения около 5 километров в час.

⁵⁶ Чжун-тай-цзы – горный ручей.

Из притоков её замечательны: с правой стороны – известная уже нам Ситухе, затем Чжумтайза, Тяпигоу⁵⁷, Ното⁵⁸, Вамбахеза⁵⁹ и Фудзин⁶⁰, а с левой стороны – Хуанихеза⁶¹ и Вангоу⁶².

От гольдских фанз шли два пути. Один был кружной, по левому берегу Улахе, и вёл на Ното, другой шёл в юго-восточном направлении, мимо гор Хуанихеза и Игыдинза. Мы выбрали последний. Решено было все грузы отправить на лодках с гольдами вверх по Улахе, а самим переправиться через реку и по долине Хуанихезы выйти к посёлку Загорному, а оттуда с лёгкими выюками пройти напрямик в деревню Кокшаровку.

Уже с половины дня можно было предсказать, что завтрашний день будет дождливый. В Уссурийском крае так называемая «сухая мгла» часто является предвестником непогоды. Первые признаки её замечались ещё накануне вечером. На другой день к утру она значительно сгустилась, а в полдень стала заметной даже вблизи. Контуры дальних гор тогда можно было рассмотреть, если наблюдатель наперёд знал их очертание. Казалось, будто весь воздух наполнился

⁵⁷ Дяо-пи-гоу – соболиная долина.

⁵⁸ Ното-хэ – енотовая река.

⁵⁹ Вам-ба-хэ-цзы – черепашня река.

⁶⁰ Фу-цзинь – маньчжурское слово «фукэжин» – начало.

⁶¹ Хуан-ни-хэ-цзы – речка жёлтой грязи.

⁶² Ван-гоу – извилистая долина.

дымом. Небо сделалось белесоватым; вокруг жёлтого солнца появились венцы; тонкая паутина слоистых облаков приняла грязно-серый оттенок. Потом вдруг воздух сделался чистым и прозрачным. Дальние горы приняли цвет тёмно-синий и стали хмурыми. О том, что зашло солнце, мы узнали только по надвинувшимся сумеркам. В природе всё замерло, притаилось. Одни только лягушки как будто радовались непогоде и наперерыв старались перекричать друг друга.

Мы думали, что к утру дождь прекратится, но ошиблись. С рассветом он пошёл ещё сильнее. Чтобы вода не залила огонь, пришлось подкладывать в костры побольше дров. Дрова горели плохо и сильно дымили. Люди забились в комарники и не показывались наружу. Время тянулось томительно долго.

В Уссурийском крае дожди выпадают сразу на очень большой площади и идут с удивительным постоянством. Они захватывают сразу несколько бассейнов, иногда даже всю область. Этим и объясняются большие наводнения.

У Дерсу была следующая примета: если во время дождя в горах появится туман и он будет лежать неподвижно – это значит, что дождь скоро прекратится. Но если туман быстро двигается – это признак затяжного дождя и, может быть, тайфуна⁶³.

Утром перед восходом солнца дождь перестал, но вода в

⁶³ Тайфун – искажённое китайское слово «тайфынь» – большой ветер, как называют тихоокеанские циклоны.

реке начала прибывать, и потому надо было торопиться с переправой. В этом случае значительную помощь оказали нам гольды. Быстро, без проволочек, они перебросили на другую сторону все наши грузы. Слабенькую лошадь переправили в поводу рядом с лодкой, а остальные переплыли сами.

Часов в восемь утра солнечные лучи прорвались сквозь тучи и стали играть в облаках тумана, освещая их своим золотистым светом. Глядя на эту картину, я мысленно перенёсся в глубокое прошлое, когда над горячей поверхностью земли носились ещё тяжёлые испарения.

Наконец туман начал рассеиваться; природа, оцепеневшая от ненастья, стала оживать; послышалось пение жаворонков, в воздухе опять появились насекомые.

Когда лодка отчалила от берега, мы тоже тронулись в путь. Теперь горы были справа, а река – слева. Болота кончились, но это нас не избавило от сырости. От последних дождей земля была сильно пропитана водой; ручьи вышли из берегов и разлились по долинам.

Вследствие какой-то задержки в пути лошади отстали, а мы ушли вперёд. На опушке леса стояла старая развалившаяся фанза. Тут мы сели на камни и стали ждать коней. Вдруг длинная тёмная полоса мелькнула в стороне. Стрелки бросились туда. Это было какое-то большое пресмыкающееся. Оно быстро скользило по траве, направляясь к кустарникам. Стрелки бежали по сторонам, не решаясь подойти к нему близко. Их пугали размеры змеи. Через минуту она доползла

до дерева, лежащего на земле, и скрылась в нём. Это был древесный обломок с гнилой сердцевиной около 4 метров длиной и 15 сантиметров в диаметре. Мерзляков схватил палку и стал тыкать ею в отверстие. В ответ на это в дупле слышалось жужжание, а затем оттуда стали вылезать шмели. Значит, внутри дерева было их гнездо. Но тогда куда же девалась змея? Неужели она залезла к шмелям? Почему в таком случае шмели не подняли тревоги, какую они подняли тогда, когда мы просунули в дупло палку? Это заинтересовало всех. Стрелки стали рубить дерево. Оно было гнилое и легко развалилось на части. Как только дерево было расколото, мы увидели змею. Она медленно извивалась, стараясь скрыться в рухляке. Однако это её не спасло. Казак Белоножкин ударил змею топором и отсёк ей голову. Вслед за тем змея была вытащена наружу. Это оказался полоз Шренка⁶⁴. Он был длиной 1,9 метра при толщине 6 сантиметров.

Внутри дерева дупло вначале узкое, а затем к комлю несколько расширилось. Птичий пух, клочки шерсти, мелкая сухая трава и кожа, сброшенная ужом при линянии, свидетельствовали о том, что здесь находилось его гнездо, а ближе к выходу и несколько сбоку было гнездо шмелей.

Когда змея вылезала из дерева или входила в него, она каждый раз проползала мимо шмелей. Очевидно, и шмели и уж уживались вместе и не тяготились друг другом.

⁶⁴ Полоз Шренка – наиболее крупный представитель неядовитых змей на Дальнем Востоке, достигающий двух метров длины.

Стрелки рассматривали ужа с интересом.

– У него что-то есть внутри, – сказал Белоножкин.

Действительно, живот ужа был сильно вздут. Интересно было посмотреть, чем питаются эти крупные пресмыкающиеся.

Велико было наше удивление, когда в желудке ужа оказался довольно крупный кулик с длинным клювом. Как только он мог проглотить такую птицу и не подавиться ею?!

Гольды рассказывают, что уссурийский уж вообще большой охотник до пернатых. По их словам, он высоко взбирается на деревья и нападает на птиц в то время, когда они сидят в гнёздах. В особенности это ему удаётся в том случае, если гнездо находится в дупле. Это понятно. Но как он ухитрился поймать такую птицу, которая бегает и летает, и как он мог проглотить кулика, длинный клюв которого, казалось бы, должен служить ему большой помехой?

– Надо торопиться, гроза будет, – сказал Мерзляков и посмотрел на небо.

Как бы в подтверждение его слов издали донёсся глухой удар грома.

Пока ловили ужа, мы и не заметили, как нашла туча.

Туча двигалась очень скоро. Передний край её был белевато-серый и точно клубился; отдельные облака бежали по сторонам и, казалось, спорили с тучей в быстроте движения.

Уйти от грозы нам не удалось. Едва только мы тронулись в путь, как пошёл дождь. Сначала с неба упало несколько

крупных капель, а затем хлынул настоящий ливень. Пока молния сверкала вдали, было ясно видно, где именно происходят контакты небесного электричества с землёй, но когда она стала вспыхивать в непосредственной близости, то утратила свой искровой характер. Вспышки молнии происходили где-то в пространстве, кругом, всюду... Удары грома были настолько сильные, что можно было ощущать, как вздрагивает атмосфера, и от этого сотрясения каждый раз дождь шёл ещё сильнее.

Обыкновенно такие ливни непродолжительны, но в Усурийском крае бывает иначе. Часто именно затяжные дожди начинаются грозой. Так было и теперь. Гроза прошла, но солнце не появлялось. Кругом, вплоть до самого горизонта, небо покрылось слоистыми тучами, сыпавшими на землю мелкий и частый дождь. Торопиться теперь к фанзам не имело смысла. Это поняли и люди и лошади.

Фанзы находились в стороне за протокой. Чтобы попасть туда, надо было делать большой обход. Поэтому решено было идти прямо к старообрядцам.

Невысокие горы, окаймляющие долину Вангоу, имели большею частью коническую форму. Между горами образовались глубокие распадки. Вероятно, при солнечном освещении местность эта очень живописна, но теперь она имела неприветливый вид.

Рассчитывать на перемену погоды к лучшему было нельзя. К дождю присоединился ветер, появился туман. Он то

заволакивал вершины гор, то опускался в долину, то вдруг опять подымался кверху, и тогда дождь шёл ещё сильнее.

Река Вангоу невелика. Она шириной 4–6 метров и глубиной 40–60 сантиметров, но теперь она разлилась и имела грозный вид. Вода шла через лес. Люди переходили через затопленные места без особых затруднений, лошадям же опять досталось.

Они ступали наугад и проваливались в глубокие ямы.

Но вот лес кончился. Перед нами открылась большая поляна. На противоположном конце её, около гор, приютилась деревушка Загорная. Но попасть в неё было нелегко. Мост, выстроенный староверами через реку, был размыт.

Более двух часов мы провозились над его починкой. На дождь уже никто не обращал внимания. Тут всем пришлось искупаться как следует.

Наконец это препятствие было преодолено, и мы вошли в деревню.

Она состояла из восьми дворов и имела чистенький, опрятный вид. Избы были срублены прочно. Видно было, что староверы строили их не торопясь и работали, как говорится, не за страх, а за совесть. В одном из окон показалось женское лицо, и вслед за тем на пороге появился мужчина. Это был староста. Узнав, кто мы такие и куда идём, он пригласил нас к себе и предложил остановиться у него в доме. Люди сильно промокли и потому старались поскорее расседлать коней и уйти под крышу.

Наш хозяин был мужчина среднего роста, лет сорока пяти. Карие глаза его глядели умно. Он носил большую бороду и на голове длинные волосы, обретенные в кружок. Одежда его состояла из широкой ситцевой рубахи, слабо подпоясанной тесёмчатым пояском, плисовых штанов и сапог с низкими каблуками.

Внутри избы были две комнаты. В одной из них находилась большая русская печь и около неё разные полки с посудой, закрытые занавесками, и начищенный медный рукомо́йник. Вдоль стен стояли две длинные скамьи; в углу деревянный стол, покрытый белой скатертью, а над столом божница со старинными образами, изображающими святых с большими головами, тёмными лицами и тонкими длинными руками.

Семья старовера состояла из его жены и двух маленьких ребятшек. Женщина была одета в белую кофточку и пёстрый сарафан, стянутый выше талии и поддерживаемый на плечах узкими проймами, располагавшимися на спине крестообразно. На голове у неё был надет платок, завязанный как кокошник. Когда мы вошли, она поклонилась в пояс низко, по-старинному.

Другая комната была просторнее. Тут у стены стояла большая кровать, завешенная ситцевым пологом. Под окнами опять тянулись скамьи. В углу, так же как и в первой комнате, стоял стол, покрытый самодельной скатертью. В простенке между окнами висели часы, а рядом с ними полка с боль-

шими старинными книгами в кожаных переплётках. В другом углу стояла ручная машина Зингера, около дверей на гвозде висела малокалиберная винтовка Маузера и бинокль Цейса. Во всём доме полы были чисто вымыты, потолки хорошо выструганы, стены как следует проконопачены.

Мы стали раздеваться и нагрязнили. Это нас смутило.

– Ничего, ничего, – говорил хозяин. – Бабы подотрут. Вишь, погода какая. Из тайги чистым не придёшь.

Через несколько минут на столе появились горячий хлеб, мёд, яйца и молоко. Мы с аппетитом, чтобы не сказать с жадностью, набросились на еду.

Оставшаяся часть дня ушла на расспросы о пути к Кокшаровке. Оказалось, что дальше никакой дороги нет и что из всех здешних староверов только один, Паначев, мог провести нас туда целиной через горы.

Староста послал за ним. Паначев тотчас явился. На вид ему было более сорока лет. Он тоже носил бороду, но так как никогда её не подстригал, то она росла у него неправильно, клочьями. Получалось впечатление, будто он только что встал со сна и не успел ещё причесаться. Видно было, что человек этот добрый, безобидный. Войдя в избу, Паначев трижды размашисто перекрестился на образа и трижды поклонился так, чтобы достать до земли рукой. Длинные волосы лезли ему на глаза. Он поминутно встряхивал головой и откидывал их назад.

– Здравствуйте, – сказал он тихо, отошёл к двери и стал

мять свою шапку.

На сделанное ему предложение проводить нас до Кокшаровки он охотно согласился.

– Хорошо, пойду, – сказал он просто, и в этом «пойду» слышалась готовность служить, покорность и сознание, что только он один знает туда дорогу.

Решено было идти завтра, если дождь перестанет.

На дворе бушевала непогода. Дождь с ветром хлестал по окнам. Из темноты неслись жалобные звуки: точно выла собака или кто-то стонал на чердаке под крышей. Под этот шум мы сладко заснули.

Глава 9

Через горы к деревне Кокшаровке

Уссурийская тайга. – Производство съёмки в лесу. – Заблудились. – Подлесье. – Средства от комаров и мошек. – Деревня Кокшаровка. – Китайское селение Нотохоуза. – Река Улахе. – Жара и духота

На другой день, 31 мая, чуть только стало светать, я бросился к окну. Дождь перестал, но погода была хмурая, сырая. Туман, как саван, окутал горы. Сквозь него слабо виднелись долина, лес и какие-то постройки на берегу реки.

Раз дождя нет, значит, можно идти дальше. Но одно обстоятельство заставило нас задержаться – не был готов хлеб.

Часов в восемь утра вдруг все петухи разом запели.

– Погода разгуляется, будет вёдро. Ишь петухи как кричат. Это верная примета, – говорили казаки между собой.

Известно, что домашние куры очень чувствительны к перемене погоды. Впрочем, они часто и ошибаются. Достаточно иногда небу немного проясниться, чтобы петухи тотчас начали перекликаться. Но на этот раз они не ошиблись. Вскоре туман действительно поднялся кверху, кое-где проглянуло синее небо, а вслед за тем появилось и солнышко.

В десять часов утра отряд наш, во главе с Паначевым, выступил из деревни и направился кверху по реке Вангоу. Нам

предстояло перевалить через хребет, отделяющий Даубихе от Улахе, и по реке, не имеющей названия, выйти к устью Фудзина.

Тотчас за деревней дорога превратилась в тропу. Она привела нас к пасеке Паначева.

– Пройдёмте кто-нибудь со мной, ребята, – обратился старовер к казакам.

Затем он полез через забор, открыл кадушку и стал передавать им сотовый мёд. Пчелы вились кругом него, садились ему на плечи и забивались в бороду. Паначев разговаривал с ними, называл их ласкательными именами, вынимал из бороды и пускал на свободу. Через несколько минут он возвратился, и мы пошли дальше.

Понемногу погода разгулялась: туман исчез, по земле струйками бежала вода, намокшие цветы подняли свои головки, в воздухе опять замелькали чешуекрылые.

Паначев повёл нас целиной «по затескам». Как только мы углубились в лес, тотчас же пришлось пустить в дело топоры.

Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга – это девственный и первобытный лес, состоящий из кедра, чёрной берёзы, амурской пихты, ильма, тополя, сибирской ели, липы маньчжурской, даурской лиственницы, ясеня, дуба монгольского, пальмового диморфанта, пробкового дерева с листвой, напоминающей ясень, с красивой пробковой корой, бархатистой на ощупь, маньчжурского ореха с крупной листвой, расположенной на

концах сучьев пальмообразно, и многих других пород. Подлесье состоит из густых кустарниковых зарослей. Среди них бросаются в глаза колючий элеутерококк, красная калина с белыми цветами, жёлтая жимолость с узловатыми ветвями и с морщинистой корой, лесная таволжка с коротко заострёнными зубчатыми листьями и вьющийся по дереву персидский паслён. И всё это перепуталось виноградником, лианами и кишмишом. Стебли последнего достигают иногда толщины человеческой руки.

Паначев рассказывал, что расстояние от Загорной до Кокшаровки он налегке проходил в один день. Правда, один день он считал от рассвета до сумерек. А так как мы шли с вьюками довольно медленно, то рассчитывали этот путь сделать в двое суток, с одной только ночёвкой в лесу.

Около полудня мы сделали большой привал. Люди тотчас же стали раздеваться и вынимать друг у друга клещей из тела. Плохо пришлось Паначеву. Он всё время почёсывался. Клещи набились ему в бороду и в шею. Обобрава клещей с себя, казаки принялись вынимать их у собак. Умные животные отлично понимали, в чём дело, и терпеливо переносили операцию. Совсем не то лошади: они мотали головами и сильно бились. Пришлось употребить много усилий, чтобы освободить их от паразитов, впившихся в губы и в веки глаз.

После чая опять Паначев пошёл вперёд, за ним стрелки с топорами, а через четверть часа после их ухода тронулись

и выюки.

– А ведь опять будет дождь, – сказал Мурзин.

– Не надолго! – ответил ему старовер. – К вечеру, бог даст, перестанет.

По его словам, если после большого ненастья нет ветра и сразу появится солнце, то в этот день к вечеру надо снова ждать небольшого дождя. От сырой земли, пригретой солнечными лучами, начинают подниматься обильные испарения. Достигая верхних слоёв атмосферы, пар конденсируется и падает обратно на землю мелким дождём.

Паначев оказался прав. Часов в пять вечера начало моросить, незадолго до сумерек дождь перестал, и тучи рассеялись. Какой-то особенно нежный свет разлился по всему лесу. Это была последняя улыбка солнца. Начавшаяся было засыпать жизнь в лесу встрепенулась: забегали бурундуки, послышались крики иволги и удода. Но вот свет на небе начал гаснуть; из-под старых елей и кустов поднялись ночные тени. Пламя от костра стало светлее. Около него толпились люди... Паначев сидел в стороне и молча ел хлеб, подбирая крошки. Казаки разбирали выюки, ставили комарники и готовили ужин. Некоторые из них разделись донага, собирали с белья клещей и нещадно ругались.

– А что, дядя, сколько будет вёрст до Кокшаровки? – спросил старовера Белоножкин.

– А кто его знает! Разве кто тайгу мерил? Тайга, так тайга и есть! Завтра надо бы дойти, – отвечал старовер.

В этом «надо бы дойти» слышалась неуверенность.

– Ты хорошо эти места знаешь? – продолжал допрашивать его казак.

– Да не шибко хорошо. Два раза ходил и не блудил. Ничего, господь даст, пройдем помаленьку.

Покончив ужин, Паначев, не смущаясь присутствием посторонних, помолился, потом взял свой топор и стал подтачивать его на камне.

Следующий день был первое июня. Утром, когда взошло солнце, от ночного тумана не осталось и следа. Первым с бивака тронулся Паначев. Он снял шапку, перекрестился и пошёл вперёд, высматривая затёски. Два стрелка помогали ему расчищать дорогу.

Путешествие по тайге всегда довольно однообразно. Сегодня – лес, завтра – лес, послезавтра – опять лес. Ручьи, которые приходится переходить вброд, заросшие кустами, заваленные камнями, с чистой прозрачной водой, сухостой, валяжник, покрытый мхом, папоротники удивительно похожи друг на друга. Вследствие того что деревья постоянно приходится видеть близко перед собой, глаз утомляется и ищет простора. Чувствуется какая-то неловкость в зрении, является непреодолимое желание смотреть вдаль.

Иногда среди тёмного леса вдруг появляется просвет. Неопытный путник стремится туда и попадает в бурелом. Просвет в лесу в большинстве случаев означает болото или место пожарища, ветролома. Не всегда бурелом можно обой-

ти стороной.

Если поваленные деревья невелики, их перерубают топорами, если же дорогу преграждает большое дерево, его стёсывают с боков и сверху, чтобы дать возможность перешагнуть лошадям. Всё это задерживает выюки, и потому движение с конями по тайге всегда очень медленно.

Если идти по лесу без работы, то путешествие скоро надоедает.

Странствовать по тайге можно только при условии, если целый день занят работой. Тогда не замечаешь, как летит время, забываешь невзгоды и миришься с лишениями.

Путевые записки необходимо делать безотлагательно на месте наблюдения. Если этого не сделать, то новые картины, новые впечатления заслоняют старые образы, и виденное забывается. Эти путевые заметки можно делать на краях планшета или в особой записной книжке, которая всегда должна быть под рукой. Вечером сокращённые записки подробно заносятся в дневники. Этого тоже никогда не следует откладывать на завтра. Завтра будет своя работа.

Так как тропа в лесу часто кружит и делает мелкие извилины, которые по масштабу не могут быть нанесены на планшет, то съёмщику рекомендуется идти сзади на таком расстоянии, чтобы хвост отряда можно было видеть между деревьями. Направление берётся по последней лошади. Если же отряд идёт быстрее, чем это нужно съёмщику, то, чтобы не задерживать коней с выюками, приходится отпускать

их вперёд, а с собой брать одного стрелка, которому поручается идти по следам лошадей на таком расстоянии от съёмщика, чтобы последний мог постоянно его видеть. В чаще, где ничего не видно, направление приходится брать по звуку, например по звону колокольчика, ударам палки о дерево, окрикам, свисткам и т. д.

В пути наш отряд разделился на три части. Рабочий авангард под начальством Гранатмана, с Паначевым во главе, шёл впереди, затем следовали выюки. Остальные участники экспедиции шли сзади. Вперёд мы подвигались очень медленно. Приходилось часто останавливаться и ожидать, когда прорубят дорогу. Около полудня кони вдруг совсем встали.

– Трогай! – кричали нетерпеливые.

– Обожди! Старовер затёски потерял, – отвечали передние.

– А где сам-то он?

– Да пошёл вперёд искать дорогу.

Прошло минут двадцать. Наконец Паначев вернулся. Достаточно было взглянуть на него, чтобы догадаться, в чём дело. Лицо его было потное, усталое, взгляд растерянный, волосы растрёпанные.

– Ну что, есть затёски? – спросил его Гранатман.

– Нету! – отвечал старовер. – Они, должно, левее остались. Нам надо так идти, – сказал он, указывая рукой на северо-восток.

Пошли дальше. Теперь Паначев шёл уже не так уверенно, как раньше: то он принимал влево, то бросался в другую сторону, то заворачивал круто назад, так что солнце, бывшее дотолу у нас перед лицом, оказывалось назади. Видно было, что он шёл наугад. Я пробовал его останавливать и расспрашивать, но от этих расспросов он ещё более терялся. Собран

был маленький совет, на котором Паначев говорил, что он пройдёт и без дороги, и как подыметя на перевал и осмотрится, возьмёт верное направление.

Надо было дать вздохнуть лошадям. Их расседлали и пустили на подножный корм. Казаки принялись варить чай, а Паначев и Гранатман полезли на соседнюю сопку. Через полчаса они возвратились. Гранатман сообщил, что, кроме гор, покрытых лесом, он ничего не видел. Паначев имел смущённый вид, и хотя уверял нас, что место это ему знакомо, но в голосе его звучало сомнение.

Едва мы тронулись с привала, как попали в такой буерак, из которого не могли выбраться до самого вечера. Паначев вёл нас как-то странно. То мы карабкались на гору, то шли косогором, то уже опять спускались в долину. Обыкновенно, когда заблудишься, то уже идёшь без расчёта. Целый день мы были в пути и стали там, где застигла ночь.

Невесело было на биваке. Сознание, что мы заблудились, действовало на всех угнетающим образом. Особенно грустным казался Паначев. Он вздыхал, посматривал на небо, ерошил волосы на голове и хлопал руками по полам своего армяка.

– Ты клещей-то из бороды вытаци, – говорили ему стрелки.

– Вот беда-то! – говорил он сам с собой. – Как на грех потерял затёски!..

Надо было выяснить, каковы наши продовольственные за-

пасы. Уходя из Загорной, мы взяли с собой хлеба по расчёту на три дня. Значит, на завтра продовольствия ещё хватит, но что будет, если завтра мы не выйдем к Кокшаровке? На вечернем совещании решено было строго держаться восточного направления и не слушать более Паначева.

На другой день чуть свет мы были уже на ногах. В том положении, в котором мы находились, поспешность была необходима.

Пройдя километра два с половиной от бивака, мы вдруг совершенно неожиданно наткнулись на затёски. Они были старые, заплывшие.

– Чьи это затёски? – спросил Мерзляков.

– Китайские, – отвечал Паначев.

– Значит, и у вас в тайге есть китайцы? – спросили его казаки.

– Где их нет? – ответил старовер. – В тайге насквозь китайцы. Куда только ни пойдёшь, везде их найдёшь.

Затёски были наделаны часто и шли в желательном для нас направлении, поэтому мы решили идти по ним, пока возможно. Паначев потому и заблудился, что свои знаки он ставил редко.

Он упустил из виду, что со временем они потускнеют и на большом расстоянии будут видны плохо.

Идя по линии затесок, мы скоро нашли соболиные ловушки. Некоторые из них были старые, другие новые, видимо, только что выстроенные. Одна ловушка преграждала доро-

гу. Кожевников поднял бревно и сбросил его в сторону. Под ним что-то лежало. Это оказались кости соболя.

Очевидно, вскоре после того как зверёк попал в ловушку, его завалило снегом. Странно, почему зверолов не осмотрел свои ловушки перед тем, как уйти из тайги. Быть может, он обходил их, но разыгравшаяся буря помешала ему дойти до крайних затесок, или он заболел и не мог уже более заниматься охотой. Долго ждал пойманный соболь своего хозяина, а весной, когда стаял снег, вороны расклевали дорогого хищника, и теперь от него остались только клочки шерсти и мелкие кости.

Я вспомнил Дерсу. Если бы он теперь был с нами, мы узнали бы, почему соболь остался в ловушке. Гольд, наверно, нашёл бы дорогу и вывел бы нас из затруднительного положения.

К полудню мы поднялись на лесистый горный хребет, который тянется здесь в направлении от северо-северо-востока на юго-юго-запад и в среднем имеет высоту около полукилометра. Сквозь деревья можно было видеть другой такой же перевал, а за ним ещё какие-то горы.

Сверху гребень хребта казался краем громадной чаши, а долина – глубокой ямой, дно которой терялось в тумане.

Обсудив наше положение, мы решили спуститься в долину и идти по течению воды. Восточный склон хребта был крутой, заваленный буреломом и покрытый осыпями. Пришлось спускаться зигзагами, что отняло много времени. Ру-

чей, которого мы придерживались, скоро стал забирать на юг; тогда мы пошли целиной и пересекли несколько горных отрогов.

Паначев работал молча: он по-прежнему шёл впереди, а мы плелись за ним сзади. Теперь уже было всё равно. Исправить ошибку нельзя, и оставалось только одно: идти по течению воды до тех пор, пока она не приведёт нас к реке Улахе. На большом привале я ещё раз проверил запасы продовольствия. Выяснилось, что сухарей хватит только на сегодняшний ужин, поэтому я посоветовал сократить дневную выдачу.

Густой смешанно-хвойный лес, по которому мы теперь шли, имел красивый декоративный вид. Некоторые деревья поражали своими размерами. Это были настоящие лесные великаны от 20 до 30 метров высоты и от 2 до 3 метров в объёме. На земле среди зарослей таволги, лещины и леспедецы валялось много колодника, покрытого цветистыми лишаями и мхами. По сырым местам тысячами разрослись пышные папоротники, вай⁶⁵ которых достигают 0,9 метра длины. По внешнему виду растения эти походят на гигантские зелёные лилии.

В уссурийской тайге растёт много цветковых растений. Прежде всего в глаза бросается ядовитая чемерица с грубыми остроконечными плейчатými листьями и белыми цветами, затем – бадьян с овально-ланцетовидными листьями и

⁶⁵ Вай – листообразные ветви папоротника. – *Прим. ред.*

ярко-розовыми цветами, выделяющими обильные эфирные масла. Синими цветами из травянистых зарослей выделялся борец с зубчатыми листьями, рядом с ним – башмачки с большими ланцетовидными листьями, нежные василистники с характерными яркими цветами, большие огненно-красные зорки с сидячими овально-ланцетовидными листьями и группы оранжевых троллиусов.

Несмотря на постигшую нас неудачу, мы не могли быть равнодушными к красотам природы. Художники, ботаники или просто любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений.

Перед вечером первый раз появилась мошка. Местные старожилы называют её гнусом. Уссурийская мошка – истинный бич тайги. После её укуса сразу открывается кровоточивая ранка. Она ужасно зудит, и, чем больше расчёсывать её, тем зуд становится сильнее. Когда мошки много, ни на минуту нельзя снять сетку с лица. Мошка слепит глаза, забивается в волосы, уши, забивается в рукава и нестерпимо кусает шею. Лицо опухает, как при рожистом воспалении.

Дня через два или три организм вырабатывает иммунитет, и опухоль спадает.

Люди могли защищаться от гнуса сетками, но лошадям пришлось плохо. Мошкара разъедала им губы и веки глаз. Бедные животные трясли головами, но ничего не могли поделать со своими маленькими мучителями.

Самой рациональной защитой от мошкары является сет-

ка. Металлической сетки никогда надевать не следует: она сильно нагревается. Лучше мучиться от мошкеры, чем задышаться в горячем воздухе, насыщенном ещё вдобавок собственными испарениями. Кисейная сетка непрочна, она всё время цепляется за сучки и рвётся. В образовавшееся отверстие набиваются насекомые, и тогда от них можно освободиться только снятием головного убора. Лучшая сетка – волосяная, она достаточно прочна и не так нагревается от солнца, как металлическая. Некоторые рекомендуют мазаться вазелином. Я пробовал и могу сказать, что это средство никуда не годится. Во-первых, к вазелину прилипают насекомые. Они шевелятся и щекочут лицо. Другое неудобство заключается в том, что вазелин тает и смывается потом. Разные пахучие масла, вроде гвоздичного, ещё хуже. Они проникают в раскрытые поры и жгут, как крапивой. Самое лучшее средство – терпение. Нетерпеливого человека гнус может довести до слёз.

Запасшись этим средством, мы шли вперёд до тех пор, пока солнце совсем не скрылось за горизонтом. Паначев тотчас же пошёл на разведку. Было уже совсем темно, когда он возвратился на бивак и сообщил, что с горы видел долину Улахе и что завтра к полудню мы выйдем из леса. Люди ободрились, стали шутить и смеяться.

Незатейлив был наш ужин. Оставшиеся от сухарей крошки в виде муки были розданы всем поровну.

Часов в восемь вечера на западе начала сверкать молния,

и слышался отдалённый гром. Небо при этом освещении казалось иллиuminованным. Ясно и отчётливо было видно каждое отдельное облачко. Иногда молнии вспыхивали в одном месте, и мгновенно получались электрические разряды где-нибудь в другой стороне. Потом все опять погружалось в глубокий мрак. Стрелки начали было ставить палатки и прикрывать брезентами седла, но тревога оказалась напрасной. Гроза прошла стороной. Вечером зарницы долго ещё играли на горизонте.

Утром, как только мы отошли от бивака, тотчас же наткнулись на тропку. Она оказалась зверовой и шла куда-то в горы. Паначев повёл по ней. Мы начали было беспокоиться, но оказалось, что на этот раз он был прав. Тропа привела нас к зверовой фанзе. Теперь смешанный лес сменился листовым редколесьем. Почувяв конец пути, лошади прибавили шаг. Наконец показался просвет, и вслед за тем мы вышли на опушку леса. Перед нами была долина реки Улахе. Множество признаков указывало на то, что деревня недалеко.

Через несколько минут мы подошли к реке и на другом её берегу увидели Кокшаровку. Старообрядцы подали нам лодки и перевезли на них седла и выюки. Понукать лошадей не приходилось. Умные животные отлично понимали, что на той стороне их ждёт обильный корм. Они сами вошли в воду и переплыли на другую сторону реки.

После этого перехода люди очень устали, лошади тоже нуждались в отдыхе. Мы решили простоять в Кокшаровке

трое суток.

Воспользовавшись этим временем, я отправился к деревне Нотохоуза, расположенной недалеко от устья реки. Последняя получила своё название от китайского слова «науту» (ноту), что значит «енот» ($44^{\circ}39'$ северной широты и $134^{\circ}56'$ восточной долготы от Гринвича – по Гамову). Такое название китайцы дали реке по той причине, что раньше здесь водилось много этих животных.

Деревня Нотохоуза – одно из самых старых китайских поселений в Уссурийском крае. Во времена Венюкова (1857 год) сюда со всех сторон стекались золотопромышленники, искатели женьшеня, охотники и звероловы. Старинный путь, которым уссурийские манзы сообщались с постом Ольги, лежал именно здесь. Выючные караваны их шли мимо Ното по реке Фудзину через Сихотэ-Алинь к морю. Этой дорогой предстояло теперь пройти и нам.

Выражение «река Улахе» состоит из трёх слов: русского, маньчжурского и китайского, причём каждое из них означает одно и то же – «река». В переводе получается что-то странное – «Река-река-река».

Улахе течёт в направлении к северо-северо-востоку по продольной межскладчатой долине. Она шириной около 120 метров и глубиной в среднем 1,8 метра. Продолжением её тектонической долины будут долины нижнего Ното и его притока Себучара⁶⁶, текущих ей навстречу.

⁶⁶ Сё-бу-ча-эр – косогор, где нужно ногу ставить вкось.

Из притоков Улахе самыми большими будут: слева – Табахеза⁶⁷ и Синанца. Название последней показывает направление её течения (си – запад, нан – юг и ца – разветвление, то есть юго-западный приток). С правой стороны в неё впадает много речек: Янмутъхоуза⁶⁸, Тудагоу, Эрлдагоу, Сандагоу, Сыдагоу. Затем дальше идут Фудзин и Нотохе, о которой говорилось выше. Все эти реки берут начало с Сихотэ-Алиня⁶⁹. Самым большим притоком Улахе, бесспорно, будет Янмутъхоуза. Её, собственно, и следует считать за начало Уссури. По ней можно выйти на берег моря к бухтам Ванчин и Валентина. Горные хребты, окаймляющие долину справа и слева, дают в стороны длинные отроги, поросшие густыми смешанными лесами и оканчивающиеся около реки небольшими сопками в 400–500 метров высоты.

Долина Улахе является одной из самых плодородных местностей в крае. По ней растут в одиночку большие старые вязы, липы и дубы. Чтобы они не заслоняли солнца на огородах, с них снимают кору около корней. Деревья подсыхают и затем идут на топливо.

День был чрезвычайно жаркий. Небесный свод казался голубой хрустальной чашей, которой как будто нарочно прикрыли землю, точно так, как прикрывают молодые всходы, чтобы они скорее росли, – и от этого именно было так душ-

⁶⁷ Та-ба-хэ-за – тройной поток.

⁶⁸ Ян-му-гоу-цзы – тополевая долина.

⁶⁹ Маньчжурское название водораздельного горного хребта.

но и жарко. Ни дуновения ветерка внизу, ни одного облачка на небе. Знойный воздух реял над дорогой. Деревья и кусты оцепенели от жары и поникли листвой. Река текла тихо, бесшумно. Солнце отражалось в воде, и казалось, будто светят два солнца: одно сверху, а другое откуда-то снизу. Все мелкие животные попрятались в свои норы. Одни только птицы проявляли признаки жизни. У маньчжурского жаворонка хватало ещё сил описывать круги по воздуху и звонким пением приветствовать жаркое лето. В редколесье около дороги я заметил двух голубых сорок. Осторожные, хитрые птицы эти прыгали по веткам, ловко проскальзывали в листве и пугливо озирались по сторонам. В другом месте, в старой болотистой протоке, я вспугнул северную плиску – маленькую серо-зелёную птичку с жёлтым брюшком и жёлтой шеей. Она поднялась на воздух, чтобы улететь, но увидела стрекозу и, нимало не смущаясь моим присутствием, принялась за охоту.

После полудня опять появилось много гнуса. Я прекратил работу и пошёл в деревню. По дороге меня догнал табун крестьянских лошадей. Кони брыкались, мотали головами и били себя хвостами. Слепни и оводы гнались за ними тучей. Увидев в стороне кусты, весь табун бросился туда. Ветви хлестали животных по ногам, по брюху. Это было единственное средство согнать крылатых кровопийц. В деревне уже ждали лошадей; около дворов курились дымокуры. Добежав до костров, лошади уткнулись мордами чуть ли не в самый огонь.

На них жалко было смотреть. Широко раздув ноздри, они тяжело и порывисто дышали. Все тело их было покрыто каплями крови – в особенности круп, губы, шея и холка, то есть такие места, которые лошадь не может достать ни хвостом, ни зубами.

Следующий день был ещё более томительный и жаркий. Мы никуда не уходили, сидели в избах и расспрашивали староверов о деревне и её окрестностях. Они рассказывали, что Кокшаровка основана в 1903 году и что в ней двадцать два двора.

Глава 10

Долина Фудзина

Китайская земледельческая фанза. – Варка пантов. – Анофриев в роли начальника отряда. – Крушение лодки. – Подлесье в тайге. – Лесные птицы. – Встреча с промышленником

Шестого июня мы распрощались с Кокшаровкой. Наши лошади отдохнули и теперь шли гораздо бодрее, несмотря на то что слепней и мошек было так же много, как и вчера. Особенно трудно было идти задним. Главная масса мошкары держится в хвосте отряда. В таких случаях рекомендуется по очереди менять местами людей и лошадей.

От деревни Кокшаровки дорога идёт правым берегом Улахе, и только в одном месте, где река подмывает утёсы, она удаляется в горы, но вскоре опять выходит в долину. Река Фудзин имеет направление течения широтное, но в низовьях постепенно заворачивает к северу и сливается с Улахе километра на два ниже левого края своей долины.

Рододендроны были теперь в полном цвету, и от этого скалы, на которых они росли, казались пурпурно-фиолетовыми. Долину Фудзина можно назвать луговой. Старый дуб, ветвистая липа и узловатый осокорь растут по ней одиночными деревьями. Невысокие горы по сторонам покрыты смешан-

ным лесом с преобладанием пихты и ели.

Дикая красота долины смягчалась присутствием людей.

Точно перепёлки, попрятавшиеся от охотника, там и сям между деревьями виднелись серенькие китайские фанзы. Они имели уютный вид. Все вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия. Около фанз широко раскинулись хлебные поля и огороды. Чего только здесь не было: пшеница, кукуруза, чумиза, овёс, мак снотворный, бобы, табак и множество других растений, которых я не знаю. Ближе к фанзам росли: фасоль, картофель, редька, тыква, дыня, капуста, салат, брюква, огурцы, помидоры, лук разных сортов и горошек. В полях всюду виднелись синие фигуры китайцев. Они прекратили работы и долго провожали нас глазами. Появление военного отряда, видимо, их сильно смущало, а наличие вьючных коней указывало, что отряд этот идёт издалека и далеко.

Я направился к одной фанзе. Тут на огороде работал глубокий старик. Он полел грядки и каждый раз, нагибаясь, стонал. Видно было, что ему трудно работать, но он не хотел жить праздно и быть другим в тягость. Рядом с ним работал другой старик – помоложе. Он старался придать овощам красивый вид, оправлял их листья и подрезал те, которые слишком разрослись.

Когда мы подошли, оба старика приветствовали нас по-своему и затем, вытерев лицо грязной тряпицей, поплелись сзади.

Китайская фанза, к которой мы подошли, состояла из трёх построек, расположенных «покоем»: из жилой фанзы – по середине и двух сараев – по сторонам. Двор между ними, чисто выметенный и прибранный, был обнесён высоким частоколом в уровень с сараями. Почувяв посторонних людей, собаки подняли неистовый лай и бросились к нам навстречу. На шум из фанзы вышел сам хозяин. Он тотчас распорядился, чтобы рабочие помогли нам расседлать коней.

Китайская фанза – оригинальная постройка. Стены её сложены из глины; крыша двускатная, тростниковая. Решётчатые окна, оклеенные бумагой, занимают почти весь её передний фасад, зато сзади и с боков окон не бывает вовсе. Рамы устроены так, что они поднимаются кверху и свободно могут выниматься из своих гнёзд. Замков ни у кого нет. Дверь припирается не от людей, а для того, чтобы туда случайно не зашли собаки.

Внутри фанзы, по обе стороны двери, находятся низенькие печки, сложенные из камня с вмазанными в них железными котлами. Дымовые ходы от этих печей идут вдоль стен под канами и согревают их. Каны сложены из плитнякового камня и служат для спанья. Они шириной около 2 метров и покрыты соломенными циновками. Ходы выведены наружу в длинную трубу, тоже сложенную из камня, которая стоит немного в стороне от фанзы и не превышает конька крыши. Спят китайцы всегда голыми, головой внутрь фанзы и ногами к стене.

Деревянной перегородкой фанза делится на две половины. В меньшей помещается сам хозяин и его компаньон, в большей – рабочие. Посредине фанзы на треножнике стоит старый надтреснутый котёл, наполненный песком и золой. Это жаровня, куда складываются горящие уголья из печей, когда пища сварена и каны достаточно нагреты. Если нужно согреть пищу, манзы разводят огонь прямо в жаровне. Вследствие этого в жилом помещении всегда дымно и пыльно. Потолка в фанзе нет, крыша поставлена непосредственно на стены. Деревянные балки, кедровое корьё и даже солома до того прокоптились, что стали чёрными и блестящими. Все предметы, находящиеся выше роста человека, тоже закопчены и покрыты толстым слоем пыли.

Хозяин фанзы пригласил нас в своё помещение. Здесь было несколько чище, чем у рабочих. Около стен стояли большие сундуки с наклеенными на них красными бумажками с новогодними иероглифическими письменами. Прямо против входа было устроено нечто вроде кумирни, а около неё на столе стояли подсвечники с красными свечами, какие-то жёлтые коробочки и запылённые бутылки. Рядом на стенах висели размалёванные картины, характерные для китайского искусства по отсутствию в них перспективы и изображающие исторические театральные сцены, что легко узнать по костюмам, заученным позам актёров и по их раскрашенным физиономиям.

Хозяин разостлал на кане новое ватное одеяло, поставил

маленький столик и налил нам по кружке чаю. Китайский чай даёт навар бледно-жёлтый, слабый, но удивительно ароматный; его надо пить без сахара – сладкий он неприятен.

Первые вопросы, с которыми обратились ко мне китайцы, были такие:

– Сколько у вас людей?

– Сзади ещё идут люди или нет?

Сначала я возмущался такими вопросами, усматривая в них злое намерение, но впоследствии убедился, что эта справка нужна им только для того, чтобы знать, на сколько людей надо готовить ужин.

Мы расположились в фанзе, как дома. Китайцы старались предупредить все наши желания и просили только, чтобы не пускать лошадей на волю, дабы они не потравили полей. Они дали коням овса и наносили травы столько, что её хватило бы до утра на отряд вдвое больший, чем наш. Все исполнялось быстро, дружно и без всяких проволочек.

После сытного обеда из варёной курицы, яиц, жареного картофеля и лепёшек, испечённых на бобовом масле, я пошёл осматривать сараи.

Половина одной постройки предназначалась для выгонки спирта. Тут были две заторные ямы, перегонный куб и посуда. На стеллажах под крышей рядами лежали «сулевые⁷⁰» кирпичи. По мере надобности их опять укладывают в яму и смачивают водой. От этого они набухают и разваливаются.

⁷⁰ По-корейски водка называется «сули».

Затору дают побродить немного и затем лопатами насыпают в котёл, над которым ставят деревянный бездонный чан, а поверх его ещё другой котёл с холодной водой. Винные пары оседают на холодном днище верхнего котла и по особому приёмнику выходят наружу.

В другой половине помещалась мельница, состоявшая из двух жерновов, из которых нижний был неподвижный. Мельница приводится в движение силой лошади. С завязанными глазами она ходит вокруг и вращает верхний камень. Мука отделяется от отрубей при помощи сита. Оно помещается в особом шкафу и приводится в движение ногами человека. Он же следит за лошадьёю и подсыпает зерно к жерновам.

Рядом с мельницей была кладовая, где хранились зерновые продукты и вообще разное имущество. Здесь были шкуры зверей, олени панты, медвежья желчь, соболя и беличьи меха, бумажные свечи, свёртки с чаем, новые топоры, плотничьи и огородные инструменты, луки, настораживаемые на зверей, охотничье копьё, фитильное ружьё, приспособления для носки на спине грузов, одежда, посуда, ещё не бывшая в употреблении, китайская синяя даба, белая и чёрная материя, одеяла, новые улы, сухая трава для обуви, верёвки и тулузы⁷¹ с маслом. В таких же, но только маленьких тулузах

⁷¹ Корзины, сплетённые из прутьев и оклеенные материей, похожей на бумагу, но настолько прочной, что она не пропускает даже спирт. Тулузы похожи на низкие бутылки с широкими горлышками.

китайцы в походе носят бобовое масло. Пробкой обыкновенно служит кочерыжка кукурузы, обмотанная тряпицей. Изготовление маленьких тулузов явилось следствием недостатка стеклянной и глиняной посуды.

Постройка с правой стороны двора служила конюшней для лошадей и хлевом для рогатого скота. Изъеденная колода и обгрызенные столбы свидетельствуют о том, что лошадям зимой дают мало сена. Китайцы кормят их резаной соломой вперемешку с бобами. Несмотря на это, лошади у них всегда в хорошем теле.

От фанзы шла маленькая тропинка. Я пошёл по ней. Тропинка привела меня к кумирне, сколоченной из досок и украшенной резьбой. В ней была повешена картина, изображающая бога стихий «Лун Ван-е», окружённого другими богами. Все они имели цветные гневные лица. Перед богами стояли маленькие фарфоровые чашечки, в которые, вероятно, наливался спирт во время жертвоприношения. Впереди кумирни стояли два фигурных столба с украшениями. Позади фанзы и несколько в стороне была большая груда дров, аккуратно наколотых, но ещё аккуратнее сложенных в круглый штабель, по внешнему виду похожий на стог сена.

В соседней фанзе варили панты. Я пошёл туда посмотреть, как производится эта операция. Варка происходила на открытом воздухе. Над огнём на трёх камнях стоял котёл, наполненный водой. Китаец-пантовар внимательно следил за тем, чтобы вода была горячей, но не кипела. В руках у него

была деревянная разливалка, к которой бечёвками привязаны молодые олени рога. Обмакнув панты в воду, он давал им немного остынуть, сдувая ртом пар, затем опять погружал их в котёл и опять остужал дуновением. Варка пантов производится ежедневно до тех пор, пока они не потемнеют и не сделаются твёрдыми. В этом виде они могут храниться много лет. Если передержать их в горячей воде дольше двух-трёх секунд зараз, они лопнут и потеряют ценность.

Когда я возвращался назад, день уже кончился. Едва солнце коснулось горизонта, как все китайцы, словно по команде, прекратили свои работы и медленно, не торопясь, пошли домой. В поле никого не осталось.

Возвратясь в фанзу, я принялся за дневник. Тотчас ко мне подсели два китайца. Они следили за моей рукой и удивлялись скорописи. В это время мне случилось написать что-то машинально, не глядя на бумагу. Крик восторга вырвался из их уст. Тотчас с кана соскочило несколько человек. Через пять минут вокруг меня стояли все обитатели фанзы, и каждый просил меня проделать то же самое ещё и ещё, бесконечное число раз.

Жидкая кукурузная каша, немного солёных овощей и два хлебца из тёмной пшеничной муки – вот всё, что составляет вечернюю трапезу рабочих-манз. Сидя на корточках за маленьким столиком, они ели молча. После ужина китайцы разделись и легли на каны. Некоторые курили табак, другие пили чай. Теперь все разговаривали. В фанзе было два по-

сторонних человека, пришедших с реки Ното. Они что-то горячо рассказывали, а слушатели время от времени выражали своё удивление возгласами «айя-хап». Такая беседа длилась около часа. Наконец разговор мало-помалу стал затихать и незаметно перешёл в храп. Только в одном углу ещё долго горела масляная лампочка. Это старик китаец курил опий.

Видя меня сидящим за работой в то время, когда другие спят, китайцы объяснили это по-своему. Они решили, что я не более как писарь и что главный начальник – Анофриев. Заключение они это по тому, что последний постоянно кричал на них, ругался и гнал из чистой половины в помещение для рабочих. Я вспомнил, что и в других фанзах было то же самое. Китайцы боялись его как огня. Когда кому-нибудь в отряде не удавалось чего-либо добиться от них, стоило только обратиться к Анофриеву, и тотчас же китайцы становились покорными и без всяких пререканий исполняли приказания. Очевидно, весть о том, кто начальник в отряде, передавалась из фанзы в фанзу. И с этим ничего нельзя было поделать. Когда на другое утро я проснулся и попросил у китайцев чаю, они указали на спящего Анофриева и шёпотом сказали мне, что надо подождать, пока не встанет «сам капитан». Я разбудил Анофриева и попросил его сделать распоряжение. Он прикрикнул на китайцев, те сразу засуетились и тотчас подали мне чай и булочки, испечённые на пару.

Расплатившись с хозяином фанзы, мы отправились дальше вверх по реке Фудзину.

Горы с левой стороны долины состоят из базальтовой лавы, которая в обнажениях, под влиянием атмосферных явлений, принимает красно-бурую окраску. По вершинам их кое-где по склонам виднеются осыпи. Издали они кажутся серыми плешинами. Эти сопки изрезаны распадками и покрыты дубовым редколесьем.

С правой стороны Фудзина тянется массивный горный кряж, поросший густым хвойно-смешанным лесом.

К полудню отряд наш дошёл до того места, где долина делает крутой поворот на север. Пройдя в этом направлении километра три, она снова поворачивает к востоку.

На другой стороне реки виднелась фанза. Здесь жили два китайца. Один из них был хромой, другой слепой.

Вода в реке стояла на прибыли, и потому вброд её перейти было нельзя. У китайцев нашлась небольшая лодка. Мы перевезли в ней седла и грузы, а коней переправили вплавь.

За последние дни лошади наши сильно похудели. Днём они были в работе, а ночью страдали от гнуса. Они не хотели пастись на траве и всё время жались к дымокурам. Чтобы облегчить их работу, я решил часть грузов отправить в лодке с двумя стрелками. Китайцы охотно уступили её нам за недорогую цену. Но не суждено было ей совершить это плавание. Как только она вышла на середину реки, один из пассажиров потерял равновесие и упал. Лодка тотчас перевернулась. Стрелки умели плавать и без труда добрались до берега, но ружья, топоры, запасные подковы, пила и ковоч-

ный инструмент утонули.

Лодку скоро задержали, но впопыхах потеряли место, где произошло крушение.

В команде нашлись два человека (Мурзин и Мелян), которые умели нырять. До самых сумерек они бродили по воде, щупали шестами, закидывали верёвки с крючьями, но всё было напрасно.

Следующий день, 8 июня, ушёл на поиски в воде ружей. Мы рассчитывали, что при солнце будет видно дно реки, но погода, как на грех, снова испортилась. Небо покрылось тучами, и стало моросить. Тем не менее после полудня Меляну удалось найти два ружья, ковочный инструмент, подковы и гвозди. Удовольствовавшись этим, я приказал собираться в дорогу.

Нет худа без добра. Случилось так, что последние две ночи мошки было мало; лошади отдохнули и выкормились. Злополучную лодку мы вернули хозяевам и в два часа дня тронулись в путь.

Погода нам благоприятствовала. Было прохладно и морочно⁷². По небу бежали кучевые облака и заслоняли собой солнце.

Дальше Фудзин делает излучину в виде буквы «П». Отсюда тропа поворачивает направо в горы, что значительно сокращает дорогу. По пути она пересекает два невысоких кряжика и обильный водой источник.

⁷² Местное выражение, означающее сухую погоду при облачном небе.

В полдень у ручья я приказал остановиться. После чаю я не стал дожидаться, пока завьючат коней, и, сделав нужные распоряжения, пошёл вперёд по тропинке.

Во вторую половину дня погода не изменилась: по-прежнему было сумрачно, но чувствовалось, что дождя не будет. Такой погодой всегда надо пользоваться. В это время можно много сделать и много пройти. Откуда-то берётся энергия, и, главное, совершенно не чувствуешь усталости. Гнус исчез. При ветре мошка не может держаться в воздухе. Зато, если день солнечный и безветренный, мошек появляется чрезвычайно много. Для них не так нужно солнце, как тёплый и насыщенный парами воздух. Вот почему гнус всегда появляется перед дождём и в сумерки.

На втором перевале через горный отрог тропка разделилась.

Одна пошла влево, другая – прямо в лес. Первая мне показалась малохоженой, а вторая – более торной. Я выбрал последнюю.

В течение дня из пернатых в здешних местах я видел уссурийского пёстроного дятла. Эта бойкая и подвижная птица с белым, черным и красным оперением всё время перелетала с одного дерева на другое, часто постукивала носом по коре и, казалось, прислушивалась, стараясь по звуку угадать, дуплистое оно или нет. Увидев меня, дятел спрятался за дерево и тотчас показался с другой стороны. Он осторожно выглядывал оттуда одним глазом. Заметив, что я приближаюсь, он

с криком перелетел ещё дальше и вскоре совсем скрылся в лесу.

В стороне звонко куковала кукушка. Осторожная и пугливая, она не сидела на месте, то и дело шныряла с ветки на ветку и в такт кивала головой, подымая хвост кверху. Не замечая опасности, кукушка бесшумно пролетела совсем близко от меня, села на дерево и начала было опять куковать, но вдруг испугалась, оборвала на половине своё кукование и торопливо полетела обратно.

Из соседних кустов я выгнал вальдшнепа.

Он подпустил меня очень близко, но потом вдруг сорвался с места и полетел низко над землёй, ловко лавируя между деревьями. В тех местах, где заросли были гуще, держались серые сорокопуты. Заметив подходившего человека, они подняли сильное стрекотание. Небольшие птицы с сердитым взглядом и с клювом, как у хищника, они поминутно то взлетали на ветки деревьев, то опускались на землю, как будто что-то клевали в траве, затем опять взлетали наверх и ловко прятались в листве. Около воды по опушке держались китайские иволги и сибирские соловьи. Они выдавали себя своим пением. Иволги, красивые оранжево-жёлтые птицы, величиной с голубя, сидели на высоких деревьях. Несмотря на величину и яркое оперение, увидеть их всегда трудно. Вторые – серые птички с красным горлом – также предпочитали держаться в зарослях около воды. Голос сибирского соловья не такой богатый, как у соловья, обитающего в Европе.

После короткого пения сразу наступает щёлканье и стрекотанье.

По голосу я сначала даже и не принял его за соловья, но потом разглядел и признал в нём пернатого музыканта.

Моя тропа заворачивала все больше к югу. Я перешёл ещё через один ручей и опять стал подниматься в гору. В одном месте я нашёл чей-то бивак. Осмотрев его внимательно, я убедился, что люди здесь ночевали давно и что это, по всей вероятности, были охотники.

Лес становился гуще и крупнее, кое-где мелькали тупые вершины кедров и остроконечные ели, всегда придающие лесу угрюмый вид. Незаметно для себя я перевалил ещё через один хребетник и спустился в соседнюю долину. По дну её бежал шумный ручей.

Усталый, я сел отдохнуть под большим кедром и стал рассматривать подлесье. Тут росли: даурская крушина с овально-заострёнными листьями и мелкими белыми цветами, многоиглистый шиповник, небольшой кустарник с сильно колючими ветвями и жёлтая акация с ярко-золотистыми венчиками. Там и сям среди кустарников высились: зонтичная ангелика, вороний глаз с расходящимися во все стороны узкими ланцетовидными листьями и особый вид папоротника с листьями, напоминающими развёрнутое орлиное крыло, и вследствие этого называемый в просторечии «орляком».

Вдруг издали донеслись до меня какие-то однообразные и заунывные звуки. Они приближались, и вслед за тем я услы-

шал совсем близко над своей головой шум птичьего полёта и глухое воркование. Тихонько я поднял голову и увидел восточносибирскую лесную горлицу. По неосторожности я что-то выронил из рук, горлица испугалась и стремительно скрылась в чаще. Потом я увидел восточного седоголового дятла. Эта лязгающая птица с зеленовато-серым оперением и с красным пятном на голове, подвижная и суетливая, выражала особенное беспокойство, видимо, потому, что я сидел неподвижно. Она перелетала с одного места на другое и так же, как и первый дятел, пряталась за деревья. По другому, резкому крику я узнал кедровку. Вскоре я увидел её самое – большеголовую, пёструю и неуклюжую. Она проворно лазила по деревьям, лущила еловые шишки и так пронзительно кричала, как будто хотела лесу оповестить, что здесь есть человек.

Наконец мне наскучило сидеть на одном месте: я решил повернуть назад и идти навстречу своему отряду. В это время до слуха моего донёсся какой-то шорох. Слышно было, как кто-то осторожно шёл по чаще. «Должно быть, зверь», – подумал я и приготовил винтовку. Шорох приближался.

Притаив дыхание, я старался сквозь чащу леса рассмотреть приближающееся животное. Вдруг сердце моё упало – я увидел промышленника. По опыту прежних лет я знал, как опасны встречи с этими людьми.

В тайге Уссурийского края надо всегда рассчитывать на возможность встречи с дикими зверями. Но самое неприят-

ное – это встреча с человеком. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. В таких случаях и охотник и зверь – каждый знает, что надо делать. Другое дело человек. В тайге один бог свидетель, и потому обычай выработал особую сноровку. Человек, завидевший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку.

В тайге все бродят с оружием в руках: туземцы, китайцы, корейцы и зверопромышленники. Зверопромышленник – это человек, живущий почти исключительно охотой. В большинстве случаев хозяйством его ведаёт отец, брат или кто-либо из близких родственников. Весьма интересно ходить с ним на охоту. У него много интересных приёмов, выработанных многолетним опытом: он знает, где держится зверь, как его обойти, где искать подранка. Способность ориентироваться, устроиться на ночь во всякую погоду, умение быстро, без шума открывать зверя, подражать крику животных – вот отличительные черты охотника-зверопромышленника.

Но надо отличать зверопромышленника от промышленника. Насколько первый в большинстве случаев отличается порядочностью, настолько надо опасаться встречи со вторым. Промышленник идёт в тайгу не для охоты, а вообще «на промысел». Кроме ружья, он имеет при себе сапёрную лопату и сумочку с кислотами. Он ищет золото, но при случае не прочь поохотиться за «косачами» (китайцами) и за «лебедями» (корейцами), не прочь угнать чужую лодку,

убить корову и продать мясо её за оленину.

Встреча с таким «промышленником» гораздо опаснее, чем встреча со зверем. Надо всегда быть готовым к обороне. Малейшая оплошность – и неопытный охотник погиб. Старые охотники с первого взгляда разбирают, с кем имеют дело – с порядочным человеком или с разбойником.

Передо мной был именно промышленник. Одет он был в какой-то странный костюм, наполовину китайский, наполовину русский. Он шёл наискось мимо меня, сгорбившись, и всё время оглядывался по сторонам. Вдруг он остановился, проворно сдёрнул с плеча свою винтовку и тоже спрятался за дерево. Я понял, что он меня увидел. В таком положении мы пробыли несколько минут. Наконец, я решил отступать. Тихонько я пополз по кустам назад и через минуту добрался до другого большого дерева. Промышленник тоже отходил и прятался в кустах.

Тогда я понял, что он меня боится. Он никак не мог допустить, что я мог быть один, и думал, что поблизости много людей. Я знал, что если я выстрелю из винтовки, то пуля пройдёт сквозь дерево, за которым спрятался бродяга, и убьёт его. Но я тотчас же поймал себя на другой мысли: он уходил, он боится, и если я выстрелю, то совершу убийство. Я отошёл ещё немного и оглянулся. Чуть-чуть между деревьями мелькала его синяя одежда. У меня отлегло от сердца.

Осторожно, от дерева к дереву, от камня к камню, я стал удаляться от опасного места и, когда почувствовал себя вне

выстрелов, вышел на тропинку и спешно пошёл назад к своему отряду.

Через полчаса я был на том месте, где расходились дороги.

Я вспомнил уроки Дерсу и стал рассматривать обе тропы. Свежие конские следы шли влево.

Я пошёл скорее и через полчаса подходил к Фудзину. За рекой я увидел китайскую фанзу, окружённую частоколом, а около неё на отдыхе наш отряд.

Местность эта называется Иолайза. Это была последняя земледельческая фанза. Дальше шла тайга – дикая и пустынная, оживающая только зимой на время соболевания.

Отряд ожидал моего возвращения. Я приказал рассёдлывать коней и ставить палатки. Здесь надо было в последний раз пополнить запасы продовольствия.

Глава 11

Сквозь тайгу

*Тазы. – Ловцы жемчуга. – Скрытность китайцев. –
Лесная тропа. – Таз-охотник. – Сумерки в лесу. –
Пищуха. – Бурундук. – Встреча с медведем. – Гнус*

После короткого отдыха я пошёл осматривать тазовские фанзы, расположенные по соседству с китайскими. Аборигены Уссурийского края, обитающие в центральной части горной области Сихотэ-Алиня и на побережье моря к северу до мыса Успения, называют себя «удэхе⁷³». Те, которые жили в южной части страны, со временем окитаились, и теперь уже их совершенно нельзя отличить от манз. Китайцы называют их да-цзы, что значит инородец (не русский, не кореец и не китаец). Отсюда получилось искажённое русскими слово «тазы». Характерны для этих ассимилированных туземцев бедность и неряшливость: бедность в фанзе, бедность в одежде и бедность в еде.

Когда я подходил к их жилищу, навстречу мне вышел таз. Одетый в лохмотья, с большими глазами и с паршой на голове, он приветствовал меня, и в голосе его чувствовались и страх и робость. Неподаляку от фанзы с собаками играли ребятишки; у них на теле не было никакой одежды.

⁷³ Две последние буквы произносятся чуть слышно.

Фанза была старенькая, покосившаяся; кое-где со стен её обвалилась глиняная штукатурка; старая, заплатанная и пожелтевшая от времени бумага в окнах во многих местах была прорвана; на пыльных канах лежали обрывки циновок, а на стене висели какие-то выцветшие и закоптелые тряпки. Всюду запустение, грязь и нищета.

Раньше я думал, что это от лени, но потом убедился, что такое обеднение тазов происходит от других причин – именно от того положения, в котором они очутились среди китайского населения. Из расспросов выяснилось, что китаец, владелец фанзы Йолайза, является цайдуном⁷⁴ (хозяин реки). Все туземцы, живущие на Фудзине, получают от него в кредит опиум, спирт, продовольствие и материал для одежды. За это они обязаны отдавать ему всё, что добудут на охоте: соболей, панты, женьшень и т. д. Вследствие этого тазы впали в неоплатные долги. Случалось не раз, что за долги от них отбирали жён и дочерей и нередко самих продавали в другие руки, потом в третьи, и т. д. Иностранцы эти, столкнувшись с китайской культурой, не смогли с ней справиться и подпали под влияние китайцев. Жить как земледельцы они не умели, а от жизни охотника и зверолова отстали. Китайцы воспользовались их беспомощностью и сумели сделаться для них необходимыми. С этого момента тазы утратили всякую самостоятельность и превратились в рабов.

Возвращаясь от них, я сбился с дороги и попал к Фуд-

⁷⁴ Цай-дун – владелец капитала.

зину. Здесь, на реке, я увидел двух китайцев, занимающихся добыванием жемчуга. Один из них стоял на берегу и изо всей силы упирал шест в дно реки, а другой опускался по нему в воду. Правой рукой он собирал раковины, а левой держался за палку. Необходимость работать с шестом вызывается быстрым течением реки. Водолаз бывает под водой не более полминуты. Задержанное дыхание позволило бы ему пробыть там и дольше, но низкая температура воды заставляет его скоро всплывать наверх. Вследствие этого китайцы ныряют в одежде.

Я сел на берегу и стал наблюдать за их работой. После короткого пребывания в воде водолаз минут пять грелся на солнце. Так как они чередовались, то выходило, что в час каждый из них спускался не более десяти раз. За это время они успели достать всего только восемь раковин, из которых ни одной не было с жемчугом. На задаваемые вопросы китайцы объяснили, что примерно из пятидесяти раковин одна бывает с жемчугом. За лето они добывают около двухсот жемчужин на сумму 500–600 рублей. Китайцы эти не ограничиваются одним Фудзином, ходят по всему краю и выискивают старые тенистые протоки. Самым лучшим местом жемчужного лова считается река Ваку.

Вскоре китайцы приостановили свою работу, надели сухую одежду и выпили немного подогретой водки. Затем они уселись на берегу, стали молотками разбивать раковины и искать в них жемчуг. Я вспомнил, что раньше по бе-

регам рек мне случалось встречать такие кучи битых раковин. Тогда я не мог найти этому объяснения. Теперь мне всё стало понятным. Конечно, искание жемчуга ведётся хищнически. Раковины разбиваются и тут же бросаются на месте. Из восьмидесяти раковин китайцы отложили две драгоценные. Сколько я ни рассматривал их, не мог найти жемчуга до тех пор, пока мне его не указали. Это были небольшие наросты блестящего грязновато-серого цвета. Перламутровый слой был гораздо ярче и красивее, чем сам жемчуг.

После того как раковины просохли, китайцы осторожно ножами отделили жемчужины от створок и убрали их в маленькие кожаные мешочки. Пока я был у тазов и смотрел, как китайцы ловят жемчуг, незаметно подошёл вечер. В нашей фанзе зажгли огонь.

После ужина я спрашивал китайцев о дороге к морю. Или они не хотели указать места, где находятся зверовые фанзы, или у них были какие-либо другие причины скрывать истину, только я заметил, что они давали уклончивые ответы. Они говорили, что к морю по реке Ли-Фудзину⁷⁵ давно уже никто не ходит, что тропа заросла и завалена буреломом. Китайцы рассчитывали, что мы повернём назад, но, видя наше настойчивое желание продолжать путь, стали рассказывать всевозможные небылицы: пугали медведями, тиграми, говорили о хунхузах и т. д. Вечером Гранатман ходил к тазам и хотел нанять у них проводника, но китайцы предупре-

⁷⁵ Ли-фу-цзинь – внутренний Фу-цзинь.

дили его и воспретили тазам указывать дорогу. Приходилось нам рассчитывать на собственные силы и руководствоваться только расспросными данными, которым тоже нельзя было особенно доверять.

На следующий день мы выступили из Иолайзы довольно рано. Путеводной нитью нам служила небольшая тропка. Сначала она шла по горам с левой стороны Фудзина, а затем, миновав небольшой болотистый лесок, снова спустилась в долину. Размытая почва, галечниковые отмели и ямы – всё это указывало на то, что река часто выходит из берегов и затопляет долину.

День выпал томительный, жаркий. Истома чувствовалась во всём. Ни малейшего дуновения ветра. Знойный воздух словно окаменел. Все живое замерло и притаилось. В стороне от дороги сидела какая-то хищная птица, раскрыв рот. Видимо, и ей было жарко.

По мере того как мы удалялись от фанзы, тропа становилась всё хуже и хуже. Около леса она разделилась надвое. Одна, более торная, шла прямо, а другая, слабая, направлялась в тайгу. Мы стали в недоумении. Куда идти?

Вдруг из чащи леса вышел китаец. На вид ему было лет сорок. Его загорелое лицо, изорванная одежда и изношенная обувь свидетельствовали о том, что он шёл издалека. За спиной у него была тяжёлая котомка. На одном плече он нёс винтовку, а в руках имел палку, приспособленную для того, чтобы стрелять с неё, как с упора. Увидев нас, китаец испу-

гался и хотел было убежать, но казаки закричали ему, чтобы он остановился. Китаец с опаской подошёл к ним. Скоро он успокоился и стал отвечать на задаваемые вопросы. Из его слов удалось узнать, что по торной тропе можно выйти на реку Тадушу, которая впадает в море значительно севернее залива Ольги, а та тропа, на которой мы стояли, идёт сперва по речке Чау-сун⁷⁶, а затем переваливает через высокий горный хребет и выходит на реку Синанцу, впадающую в Фудзин в верхнем его течении. На Синанце тропа опять разделяется надвое. Конная идёт на Янмутьхоузу (приток Улахе), а другая тропа после шестого брода подымается налево в горы.

Это и есть наш путь. Здесь надо хорошо смотреть, чтобы не пройти её мимо.

Поблагодарив китайца за сведения, мы смело пошли вперёд. Жилые фанзы, луга, пашни и открытые долины – всё осталось теперь позади.

Всякий раз, когда вступаешь в лес, который тянется на несколько сот километров, невольно испытываешь чувство, похожее на робость. Такой первобытный лес – своего рода стихия, и немудрено, что даже туземцы, эти привычные лесные бродяги, прежде чем переступить границу, отделяющую их от людей и света, молятся богу и просят у него защиты от злых духов, населяющих лесные пустыни.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником. В горах растительный слой почвы очень незначителен, по-

⁷⁶ Чао-су – чёрная сосна.

этому корни деревьев не углубляются в землю, а распространяются по поверхности. Вследствие этого деревья стоят непрочны и легко опрокидываются ветрами. Вот почему тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Упавшее дерево поднимает кверху свои корни вместе с землёй и с застрявшими между ними камнями. Сплошь и рядом такие баррикады достигают высоты до 4–6 метров. Вот почему лесные тропы очень извилисты. Приходится всё время обходить то одно поваленное дерево, то другое. Всегда надо принимать во внимание эти извилины и считать все расстояния в полтора раза больше, чем они показаны на картах. Деревья, растущие внизу, в долине, более прочно укрепляются в толще наносной земли.

Здесь можно видеть таких лесных великанов, которые достигают 25–35 метров высоты и 3,7–4,5 метра в окружности. Нередко старые тополя служат берлогами медведям. Иногда охотники в одном дупле находят две-три медвежьи лёжки.

Долинный лес иногда бывает так густ, что сквозь ветки его совершенно не видно неба. Внизу всегда царит полумрак, всегда прохладно и сыро. Утренний рассвет и вечерние сумерки в лесу и в местах открытых не совпадают по времени. Чуть только тучка закроет солнце, лес сразу становится угрюмым, и погода кажется пасмурной. Зато в ясный день освещённые солнцем стволы деревьев, ярко-зелёная листва, блестящая хвоя, цветы, мох и пёстрые лишайники принимают декоративный вид.

К сожалению, всё, что может дать хорошая погода, отравляется гнусом. Трудно передать мучения, которые испытывает человек в тайге летом. Описать их нельзя – это надо пережить.

Часа три мы шли без отдыха, пока в стороне не послышался шум воды. Вероятно, это была та самая река Чау-сун, о которой говорил китаец-охотник. Солнце достигло своей кульминационной точки на небе и палило вовсю. Лошади шли, тяжело дыша и понуриив головы. В воздухе стояла такая жара, что даже в тени могучих кедровников нельзя было найти прохлады. Не слышно было ни зверей, ни птиц; только одни насекомые носились в воздухе, и чем сильнее припекало солнце, тем больше они проявляли жизни.

Я полагал было остановиться на привал, но лошади отказывались от корма и жались к дымокурам. Сидение на месте в таких случаях тяжелее похода. Я велел опять заседлать коней и идти дальше. Часа в два дня тропа привела нас к горам, покрытым осыпями. Отсюда начинался подъём на хребет. Всё было так, как говорил охотник-китаец.

На самом перевале стояла маленькая кумирня. Читатель, может быть, подумает, что это большая каменная постройка. Если бы не красные тряпицы, повешенные на соседние деревья, то можно было бы пройти мимо неё и не заметить. Представьте себе два плоских камня, поставленных на ребро, и третий такой же камень, покрывающий их сверху. Вот вам и кумирня! В глубине её помещаются лубочные картинки,

изображающие богов, иногда деревянные дощечки с надписями религиозного содержания. При внимательном осмотре около камней можно заметить огарки бумажных свечей, пепел, щепотку риса, кусочек сахара и т. д. Это жертвы «духу гор и лесов», охраняющему прирост богатства.

По другую сторону хребта тропа привела нас к зверовой фанзе, расположенной на левом берегу Синанцы. Хозяин её находился в отлучке.

Я решил дождаться его возвращения и приказал людям устраивать бивак.

Часов в пять вечера владелец фанзы явился. Увидев стрелков, он испугался и тоже хотел было убежать, но казаки задержали его и привели ко мне. Скоро он убедился в том, что мы не хотим причинить ему зла, и стал охотно отвечать на вопросы. Это был таз лет тридцати, с лицом, сильно изрытым оспой. Из его слов я понял, что он работает на хозяина фанзы Иолайза, у которого состоит в долгах. Сумму своего долга он, конечно, не знал, но чувствовал, что его обижают. На предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня он отказался на том основании, что если китайцы узнают об этом, то убьют его. Я не стал настаивать, но зато узнал, что мы идём правильно. Чтобы расположить таза в свою пользу, я дал ему двадцать пять берданочных патронов. Он так обрадовался этому подарку, что стал петь и плясать и затем заявил, что укажет нам дорогу до следующей фанзы, где живут два зверобойщика-китайца.

До сумерек было ещё далеко. Я взял свою винтовку и пошёл осматривать окрестности. Отойдя от бивака с километр, я сел на пень и стал слушать. В часы сумерек пернатое население тайги всегда выказывает больше жизни, чем днём. Мелкие птицы взбирались на верхушки деревьев, чтобы взглянуть оттуда на угасающее светило и послать ему последнее прости.

Я весь ушёл в созерцание природы и совершенно забыл, что нахожусь один, вдали от бивака. Вдруг в стороне от себя я услышал шорох. Среди глубокой тишины он показался мне очень сильным. Я думал, что идёт какое-нибудь крупное животное, и приготовился к обороне, но это оказался барсук. Он двигался мелкой рысцой, иногда останавливался и что-то искал в траве; он прошёл так близко от меня, что я мог достать его концом ружья. Барсук направился к ручью, полакал воду и заковылял дальше. Опять стало тихо.

Вдруг резкий, пронзительный и отрывистый писк, похожий на звонкое щёлканье ножницами, раздался сзади. Я обернулся и увидел пищуху. Зверёк этот имеет весьма большое распространение по всему востоку и северо-востоку Сибири. Он похож на маленького кролика, только без длинных ушей; общая окраска его буро-серая. Любимым местопребыванием пищух являются каменистые осыпи по склонам гор и россыпи в долинах, слегка прикрытые мхами. Животное это дневное, но крайне осторожное и пугливое. Его очень трудно убить так, чтобы не испортить шкуру; она разрывается на

части от одной дробинки.

Моё движение испугало зверька и заставило быстро скрыться в норку. По тому, как он прятался, видно было, что опасность приучила его быть всегда настороже и не доверяться предательской тишине леса. Затем я увидел бурундука. Эта пёстренькая земляная белка, бойкая и игривая, проворно бегала по колоднику, влезала на деревья, спускалась вниз и снова пряталась в траве. Окраска бурундука пёстрая, жёлтая; по спине и по бокам туловища тянется пять чёрных полос.

Животное это равномерно распространено по всему Уссурийскому краю. Его одинаково можно встретить как в густом смешанном лесу, так и на полях около редколесья. Убегая, оно подымает пронзительный писк и тем выдаёт себя. Китайцы иногда употребляют его шкурки на оторочки своих головных уборов.

Я заметил, что бурундук постоянно возвращается к одному и тому же месту и каждый раз что-то уносит с собой. Когда он уходил, его защёчные мешки были туго набиты, когда же он появлялся снова на поверхности земли, рот его был пустой.

Меня эта картина очень заинтересовала. Я подошёл ближе и стал наблюдать. На колоднике лежали сухие грибки, корешки и орехи. Так как ни грибов, ни кедровых орехов в лесу ещё не было, то, очевидно, бурундук вытащил их из своей норки. Но зачем? Тогда я вспомнил рассказы Дерсу о том,

что бурундук делает большие запасы продовольствия, которых ему хватает иногда на два года. Чтобы продукты не испортились, он время от времени выносит их наружу и сушит, а к вечеру уносит обратно в свою норку.

Посидев ещё немного, я пошёл дальше. Всё время мне попадался в пути свежеперевернутый колодник. Я узнал работу медведя. Это его любимейшее занятие. Слоняясь по тайге, он подымает бурелом и что-то собирает под ним на земле. Китайцы в шутку говорят, что медведь сушит валежник, поворачивая его к солнцу то одной, то другой стороной.

На обратном пути как-то само собой вышло так, что я попал на старый след. Я узнал огромный кедр, у которого останавливался, перешёл через ручей по знакомому мне поваленному дереву, миновал каменную осыпь и незаметно подошёл к тому колоднику, на котором бурундук сушил свои запасы. На месте норки теперь была глубокая яма. Орехи и грибы разбросаны по сторонам, а на свежевырытой земле виднелись следы медведя. Всё стало ясно. Косолапый разорил гнездо бурундука, поел его запасы и, может быть, съел и самого хозяина.

Между тем подошёл и вечер. Заря угасла, потемнел воздух, и ближние и дальние деревья приняли одну общую однотонную окраску, которую нельзя назвать ни зелёной, ни серой, ни чёрной. Кругом было так тихо, что казалось, будто в ушах звенит. В темноте мимо меня с гудением пронёсся какой-то жук. Я шёл осторожно, стараясь не оступиться.

Вдруг в стороне раздался сильный шум. Какое-то большое животное стояло впереди и сопело. Я хотел было стрелять, но раздумал. Испуганный зверь мог убежать, но мог и броситься. Минута мне показалась вечностью. Я узнал медведя. Он усиленно нюхал воздух. Я долго стоял на месте, не решаясь пошевелиться, наконец не выдержал и осторожно двинулся влево. Не успел я сделать двух шагов, как услышал уханье зверя и треск ломаемых сучьев. Сердце моё сжалось от страха. Инстинктивно я поднял ружьё и выстрелил в его сторону. Удаляющийся шум показывал, что животное убегло. Через минуту с бивака послышался ответный выстрел.

Тогда я вернулся назад и пошёл в прежнем направлении. Через полчаса я увидел огни бивака. Яркое пламя освещало землю, кусты и стволы деревьев. Вокруг костров сустились люди. Выючные лошади паслись на траве; около них разложены были дымокуры. При моём приближении собаки подняли лай и бросились навстречу, но, узнав меня, сконфузились и в смущении вернулись обратно.

С заходом солнца крупная мошка исчезла и на её месте появился мокрец⁷⁷ – мельчайшие, почти невидимые для глаза насекомые. Когда начинают гореть уши – это первый признак появления мелкой мошки. Потом кажется, что на лицо ложится колючая паутина. Особенно сильное ощущение зудя бывает на лбу. Мокрец набивается в волосы, лезет в уши, нос и рот. Люди ругаются, плюются и то и дело обтирают ли-

⁷⁷ Мелкая ночная мошка.

цо руками. Стрелки поддели под фуражки носовые платки, чтобы хоть немного защитить шею и затылок. Меня мучила жажда, и я попросил чаю.

– Пить нельзя, – сказал казак Эпов, подавая кружку.

Я поднёс её к губам и увидел, что вся поверхность чая была покрыта какой-то пылью.

– Что это такое? – спросил я казака.

– Гнус, – ответил он. – Его обварило паром, он нападал в горячую воду.

Сначала я пробовал сдуть мошек ртом, потом принялся снимать их ложкой, но каждый раз, как я прекращал работу, они снова наполняли кружку. Казак оказался прав. Так напиться чаю мне и не удалось. Я выплеснул чай на землю и залез в свой комарник.

После ужина люди начали устраиваться на ночь. Некоторые из них поленились ставить комарники и легли спать на открытом воздухе, покрывшись одеялами. Они долго ворочались, охали, ахали, кутались с головой, но это не спасало их от гнуса. Мелкие насекомые пробирались в каждую маленькую складку. Наконец один из них не выдержал.

– Натe, ешьте, чёрт вас возьми! – крикнул он, раскрываясь и раскинул в сторону руки.

Раздался общий смех. Оказалось, что не он один, все не спали, но никому первому не хотелось вставать и раскладывать дымокуры. Минуты через две разгорелся костёр. Стрелки смеялись друг над другом, опять охали и ругались. Ма-

ло-помалу на биваке стала водворяцца тишина. Мільяны комаров і мошек аблепілі мой комарнік. Пад жужжанне іх я пачаў дремаць і вкоре уснуў крэпкім сном.

Глава 12

Великий лес

Совет таза. – Птицы в тайге. – Геология Синанцы. – Ночь в лесу. – Манзы. – Таёжники. – Плантация женьшеня. – Возвращение отряда. – Проводник. – Старый китаец. – Старинный путь к посту Ольги. – Лес в предгорьях Сихотэ-Алиня. – Утомление и недостаток продовольствия

Утром я проснулся от говора людей. Было пять часов. Пофырканию коней, по тому шуму, который они издавали, обмахиваясь хвостами, и по ругани казаков я догадался, что гнуса много. Я поспешно оделся и вылез из комарника. Интересная картина представилась моим глазам. Над всем нашим биваком кружились несметные тучи мошки. Несчастные лошади, уткнув морды в самые дымокуры, обмахивались хвостами, трясли головами.

На месте костра поверх золы лежал слой мошкары. В несметном количестве она падала на огонь до тех пор, пока он не погас.

От гнуса может быть только два спасения: большие дымокуры и быстрое движение. Сидеть на месте не рекомендуется. Отдав приказ выучить коней, я подошёл к дереву, чтобы взять ружьё, и не узнал его. Оно было покрыто густым

серо-пепельным налётом – всё это были мошки, прилипшие к маслу. Наскоро собрав свои инструменты и не дожидаясь, когда завьючат коней, я пошёл по тропинке.

В километре от фанзы тропа разделилась надвое. Правая пошла на реку Улахе, а левая – к Сихотэ-Алиню. Здесь таз остановился: он указал ту тропу, которой нам следовало держаться, и, обращаясь ко мне, сказал:

– Капитан! Дорога хорошо смотри. Кони ходи есть, тебе ходи есть, кони ходи нету, тебе ходи нету.

Для непривычного уха такие фразы показались бы бессмысленным набором слов, но я понял его сразу. Он говорил, что надо придерживаться конной тропы и избегать пешеходной.

Когда подошли лошади, таз вернулся обратно, и мы отправились по новой дороге вверх по Синанце.

В этих местах растёт густой смешанный лес с преобладанием кедра. Сильно размытые берега, бурелом, нанесённый водой, рывины, ямы, поваленные деревья и клочья сухой травы, застрявшие в кустах, – всё это свидетельствовало о недавних больших наводнениях.

Реки Уссурийского края обладают свойством после каждого наводнения перемещать броды с одного места на другое. Найти замытую тропу не так-то легко. На розыски её были посланы люди в разные стороны. Наконец тропа была найдена, и мы весело пошли дальше.

На пути нам встречались звериные следы, между которы-

ми было много тигровых. Два раза мы спугивали оленей и кабанов, стреляли по ним, но убить не удалось – люди торопились и мешали друг другу.

Уссурийские леса кажутся пустынными. Такое впечатление является благодаря отсутствию певчих птиц. Кое-где по пути я видел уссурийских соек. Эти дерзкие беспокойные птицы всё время шмыгали с одной ветки на другую и провожали нас резкими криками. Желая рассмотреть их, я попробовал подойти к ним поближе. Сойки сперва старались скрыться в листве и улетели только тогда, когда заметили, что я настойчиво их преследую. При полёте благодаря синему оперению крыльев с белым зеркалом они кажутся красивее, чем на самом деле.

Время от времени в лесу слышались странные звуки, похожие на барабанный бой. Скоро мы увидели и виновника этих звуков – то была желна. Недоверчивая и пугливая, чёрная с красной головкой, издала она похожа на ворону. С резкими криками желна перелетала с одного места на другое и, как все дятлы, пряталась за деревья.

В сырой чаще около речки ютились рябчики. Испуганные приближением собак, они отлетели в глубь леса и стали пересвистываться. Дьяков и Мелян хотели было поохотиться за ними, но рябчики не подпускали их близко.

Я уговорил стрелков не тратить времени попусту и идти дальше.

С одного дерева снялась большая хищная птица. Это был

царь ночи – уссурийский филин. Он сел на сухостойную ель и стал испуганно озираться по сторонам. Как только мы стали приближаться к нему, он полетел куда-то в сторону. Больше мы его не видели.

Геология долины Синанцы очень проста. Это тектоническая долина, идущая сначала с юго-запада, а потом поворачивающая на север вдоль Сихотэ-Алиня. По среднему течению реки (с левой стороны) в местности Идагоуза⁷⁸ встречаются осыпи из мелкозернистого гранита, а ниже фельзитовый порфирит, разложившийся апплит и миндалевидный диабаз с кальцитом и халцедоном.

Чем более мы углублялись в горы, тем порожистее становилась река. Тропа стала часто переходить с одного берега на другой. Деревья, упавшие на землю, служили природными мостами. Это доказывало, что тропа была пешеходная. Помня слова таза, что надо придерживаться конной тропы, я удвоил внимание к югу. Не было сомнения, что мы ошиблись и пошли не по той дороге. Наша тропа, вероятно, свернула в сторону, а эта, более торная, несомненно, вела к истокам Улахе.

К вечеру мы дошли до зверовой фанзы. Хозяева её отсутствовали, и расспросить было некого. На общем совете решено было, оставив лошадей на биваке, разойтись в разные стороны на разведку. Г. И. Гранатман пошёл прямо, А. И. Мерзляков – на восток, а я должен был вернуться назад и

⁷⁸ И-да-фоу-цзы – долина первой дороги.

постараться разыскать потерянную тропинку.

К вечеру, как только ветер стал затихать, опять появился мокрец. Маленькие кровопийцы с ожесточением набросились на людей и лошадей.

День кончился. Последние отблески вечерней зари угасли на небе, но прохлады не было. Нагретая земля и вечером ещё продолжала излучать теплоту. Лесные травы благоухали. От реки подымались густые испарения. Казаки вокруг бивака кольцом разложили дымокуры. Люди и лошади жались к дыму и сторонились чистого воздуха. Когда все необходимые бивачные работы были закончены, я приказал поставить свой комарник и забился под спасительный полог. Через час стемнело совсем. Взошла луна и своим мягким фосфорическим светом озарила лес. Вскоре после ужина весь бивак погрузился в сон; не спали только собаки, лошади да очередные караульные.

На другой день было ещё темно, когда я вместе с казаком Белоножкиным вышел с бивака. Скоро начало светать; лунный свет поблек; ночные тени исчезли; появились более мягкие тона. По вершинам деревьев пробежал утренний ветерок и разбудил пернатых обитателей леса. Солнышко медленно взбиралось по небу всё выше и выше, и вдруг живительные лучи его брызнули из-за гор и разом осветили весь лес, кусты и траву, обильно смоченные росой.

Около первой зверовой фанзы мы действительно нашли небольшую тропинку, отходящую в сторону. Она привела

нас к другой такой же фанзочке. В ней мы застали двух китайцев. Один был молодой, а другой – старик. Первый занимался охотой, второй был искателем женьшеня. Молодой китаец был лет двадцати пяти, крепкого телосложения. По лицу его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своей судьбой. Он часто смеялся и постоянно забавлял себя детскими выходками. Старик был высокого роста, худощавый и более походил на мумию, чем на живого человека. Сильно морщинистое и загорелое лицо и седые волосы на голове указывали на то, что годы его перевалили за седьмой десяток. Оба китайца были одеты в синие куртки, синие штаны, наколенники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголеватая, а платье старика – старое и заплатанное. На головах у того и другого были шляпы: у первого – соломенная покупная, у второго – берестяная самодельная.

Манзы сначала испугались, но потом, узнав, в чём дело, успокоились. Они накормили нас чумизной кашей и дали чаю. Из расспросов выяснилось, что мы находимся у подножия Сихотэ-Алиня, что далее к морю дороги нет вовсе и что тропа, по которой прошёл наш отряд, идёт на реку Чжюдямогоу⁷⁹, входящую в бассейн верхней Улахе.

Тогда я влез на большое дерево, и то, что увидел сверху, вполне совпадало с планом, который старик начертил мне палочкой на земле. На востоке виднелся зубчатый гребень

⁷⁹ Чжу-цзя-ма-гоу – долина семьи Чжу, где растёт конопля.

Сихотэ-Алиня. По моим расчётам, до него было ещё два дня ходу. К северу, насколько хватал глаз, тянулась слабо всхолмлённая низина, покрытая громадными девственными лесами. В больших лесах всегда есть что-то таинственное, жуткое. Человек кажется маленьким, затерявшимся. На юг и дальше на запад характер страны вновь становится гористый. Другой горный хребет шёл параллельно Сихотэ-Алиню, за ним текла, вероятно, Улахе, но её не было видно. Такая топография местности меня немало удивила. Казалось, что чем ближе подходить к водоразделу, тем характер горной страны должен быть выражен интенсивнее. Я ожидал увидеть высокие горы и остроконечные причудливые вершины. Оказалось наоборот, около Сихотэ-Алиня были пологие холмы, изрезанные мелкими ручьями. Это результат эрозии.

Сориентировавшись, я спустился вниз и тотчас отправил Белоножку назад к П. К. Рутковскому с извещением, что дорога найдена, а сам остался с китайцами. Узнав, что отряд наш придёт только к вечеру, манзы собрались идти на работу. Мне не хотелось оставаться одному в фанзе, и я пошёл вместе с ними.

Старик держал себя с большим достоинством и говорил мало, зато молодой китаец оказался очень словоохотливым. Он рассказал мне, что у них в тайге есть женьшеневая плантация и что именно туда они и направляются. Я так увлёкся его рассказами, что потерял направление пути и без помощи китайцев, вероятно, не нашёл бы дороги обратно. Около часа

мы шли косогорами, перелезали через какую-то скалу, потом спустились в долину. На пути нам встречались каскадные горные ручьи и глубокие овраги, на дне которых лежал ещё снег. Наконец мы дошли до цели своего странствования. Это был северный нагорный склон, поросший густым лесом.

Читатель ошибётся, если вообразит себе женьшеневую плантацию в виде поляны, на которой посеяны растения. Место, где найдено было в разное время несколько корней женьшеня, считается удобным. Сюда переносятся и все другие корни. Первое, что я увидел, – это навесы из кедрового корья для защиты женьшеня от палящих лучей солнца. Для того чтобы не прогревалась земля, с боков были посажены папоротники и из соседнего ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до места, старик опустился на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко лбу и дважды сделал земной поклон. Он что-то говорил про себя, вероятно, молился. Затем он встал, опять приложил руки к голове и после этого принялся за работу. Молодой китаец в это время развешивал на дереве красные тряпицы с иероглифическими письменами.

Женьшень! Так вот он каков!

Нигде на земле нет другого растения, вокруг которого сгруппировалось бы столько легенд и сказаний. Под влиянием литературы или под влиянием рассказов китайцев, не знаю почему, но я тоже почувствовал благоговение к этому

невзрачному представителю аралиевых. Я встал на колени, чтобы ближе рассмотреть его. Старик объяснил это по-своему: он думал, что я молюсь. С этой минуты я совсем расположил его в свою пользу.

Оба китайца занялись работой. Они убрали сухие ветки, упавшие с деревьев, пересадили два каких-то куста и полили их водой. Заметив, что воды идёт в питомник мало, они пустили её побольше. Потом они стали полоть сорные травы, но удаляли не все, а только некоторые из них, и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококк.

Предоставив им заниматься своим делом, я пошёл побродить по тайге. Опасаясь заблудиться, я направился по течению воды, с тем чтобы назад вернуться, по тому же ручью. Когда я возвратился на женышеневую плантацию, китайцы уже окончили свою работу и ждали меня. К фанзе мы подошли с другой стороны, из чего я заключил, что назад мы шли другой дорогой.

Незадолго перед сумерками к фанзочке подошёл отряд. Китайцы уступили нам немного буды, хотя у них самих её было мало. Вечером мне удалось уговорить их провести нас за Сихотэ-Алинь, к истокам Вай-Фудзина. Провожатым согласился быть сам старик, но по своей слабости он мог пройти только до водораздела. Дальше проводником обещал быть молодой китаец. Ему непременно нужно было добраться до земледельческих фанз и купить там муки и чумизы. Старик поставил условием, чтобы на него не кричали и не вступали

с ним в пререкания. О первом пункте не могло быть и речи, а со вторым мы все охотно согласились.

Чуть только смерклось, снова появился гнус. Китайцы разложили дымокур внутри фанзы, а мы спрятались в свои комарники.

Успокоенные мыслью, что с помощью провожатых перейдём через Сихотэ-Алинь, мы скоро уснули. Теперь была только одна забота: хватит ли продовольствия?

На следующий день в восемь часов утра мы были уже готовы к выступлению. Старик пошёл впереди, за ним последовал молодой китаец и два стрелка с топорами, затем остальные люди и вьючные лошади. Старик держал в руках длинный посох. Он ничего не говорил и только молча указывал направление, которого следовало держаться, и тот валжник, который следовало убрать с дороги. Несмотря на постоянные задержки в пути, отряд наш подвигался вперёд всё же довольно быстро. Китайцы долго держались юго-западного направления и только после полудня повернули на юг.

Ближайшие предгорья Сихотэ-Алиня состоят из порфироида и порфиристого туфа. Горные породы на дневной поверхности распались на обломки и образовали осыпи, покрытые мхами и заросшие кустарниками.

В Уссурийском крае едва ли можно встретить сухие хвойные леса, то есть такие, где под деревьями земля усеяна осыпавшейся хвоей и не растёт трава. Здесь всюду сыро, всюду мох, папоротники и мелкие осоки.

Сегодня первый раз приказано было сократить выдачу буды наполовину. Но и при этом расчёте продовольствия могло хватить только на двое суток. Если по ту сторону Сихотэ-Алиня мы не сразу найдём жилые места, придётся голодать. По словам китайцев, раньше в истоках Вай-Фудзина была зверовая фанза, но теперь они не знают, существует она или нет.

Я хотел было остановиться и заняться охотой, но старик настаивал на том, чтобы не задерживаться и идти дальше. Помня данное ему обещание, я подчинился его требованиям.

Нужно отдать справедливость старику, что он вёл нас очень хорошо. В одном месте он остановился и указал на старую тропу, заросшую травой и кустарником. Это был тот старинный путь, по которому уссурийские манзы раньше сообщались с заливом Ольги. Этой дорогой в шестидесятых годах XIX столетия прошли Будищев и Максимович. Передо мной сразу встали их образы и сделанные ими описания. Судя по тому, насколько этот путь был протоптан, видно было, что здесь ранее происходило большое движение. Когда же военный порт был перенесён из Николаевска во Владивосток, китайские охотники перестали ходить этой дорогой, тропа заросла и совершенно утратила своё значение.

За последние дни люди сильно обносились: на одежде появились заплаты; изорванные головные сетки уже не приносили пользы; лица были изъедены в кровь; на лбу и около

ушей появилась экзема.

Ограниченные запасы продовольствия заставили нас торопиться. Мы сократили большой привал до тридцати минут и во вторую половину дня шли до самых сумерек.

Такой большой переход трудно достался старику. Как только мы остановились на бивак, он со стоном опустился на землю и без посторонней помощи не мог уже подняться на ноги.

У меня во фляге нашлось несколько капель рома, который я берег на тот случай, если кто-нибудь в пути заболеет. Теперь такой случай представился. Старик шёл для нас, завтра ему придётся идти опять, а потом возвращаться обратно.

Я вылил в кружку весь ром и подал ему. В глазах китайца я прочёл выражение благодарности. Он не хотел пить один и указывал на моих спутников. Тогда мы все сообща стали его уговаривать. После этого старик выпил ром, забрался в свой комарник и лёг спать. Я последовал его примеру.

Прислушиваясь к жужжанию мошек и комаров, я вспомнил библейское сказание о казнях египетских: «Появилось множество мух, которые нестерпимо уязвляли египтян». В стране, где сухо, где нет москитов, случайное появление их казалось ужасной казнью, здесь же, в Приамурском крае, гнус был обычным явлением.

Чуть брезжило, когда меня разбудил старик китаец.

– Надо ходи! – сказал он лаконически.

Закусив немного холодной кашицей, оставленной от вче-

рашнего ужина, мы тронулись в путь. Теперь проводник-китаец повернул круто на восток. Сразу с бивака мы попали в область размытых гор, предшествовавших Сихотэ-Алиню. Это были невысокие холмы с пологими склонами. Множество ручьёв текло в разные стороны, так что сразу трудно ориентироваться и указать то направление, куда стремилась выйти вода.

Чем ближе мы подходили к хребту, тем лес становился все гуще, тем больше он был завален колодником. Здесь мы впервые встретили тис, реликтовый представитель субтропической флоры, имевшей когда-то распространение по всему Приамурскому краю. Он имеет красную кору, красноватую древесину, красные ягоды и похож на ель, но ветви его расположены, как у лиственного дерева.

Здесьшний подлесок состоит главным образом из актинидии, которую русские переселенцы называют почему-то кишмишом, жимолости Маака, барбариса, маньчжурского орешника с неровно-зубчатыми листьями и мохового мирта с белыми чешуйками на листьях и с белыми цветами. Из цветковых растений чаще всего попадались на глаза бело-розовые пионы, собираемые китайскими знахарями на лекарства, затем – охотский лесной хмель с лапчато-зубчатыми листьями и фиолетовыми цветами и клинтония, крупные сочные листья которой расположены розеткой.

К сумеркам мы дошли до водораздела. Люди сильно проголодались, лошади тоже нуждались в отдыхе. Целый день

они шли без корма и без привалов. Поблизости бивака нигде травы не было. Кони так устали, что, когда с них сняли вьюки, они легли на землю. Никто не узнал бы в них тех откормленных и крепких лошадей, с которыми мы вышли со станции Шмаковка. Теперь это были исхудалые животные, измученные бескормицей и гнусом.

Китайцы поделились со стрелками жидкой похлёбкой, которую они сварили из листьев папоротника и остатков чумизы. После такого лёгкого ужина, чтобы не мучиться голодом, все люди легли спать. И хорошо сделали, потому что завтра выступление было назначено ещё раньше, чем сегодня.

Глава 13

Через Сихотэ-Алинь к морю

Перевал Максимовича. – Насекомые и птицы. – Долина реки Вай-Фудзина и её притоки. – Горал. – Светящиеся насекомые. – Птицы в прибрежном районе. – Гостеприимство китайцев. – Деревня Фудзин и село Пермское. – Бедствия первых переселенцев из России. – Охотники. – Ценность пантов. – Кашлев. – Тигриная Смерть. – Маньчжурская полевая мышь. – Конец пути

На следующий день, 16 июня, мы снялись с бивака в пять часов утра и сразу стали подыматься на Сихотэ-Алинь. Подъём был медленный и постепенный. Наш проводник по возможности держал прямое направление, но там, где было круто, он шёл зигзагами.

Чем выше мы поднимались, тем больше иссякали ручьи и наконец пропали совсем. Однако глухой шум под камнями указывал, что источники эти ещё богаты водой. Мало-помалу шум этот тоже начинал стихать. Слышно было, как под землёй бежала вода маленькими струйками, точно её лили из чайника, потом струйки эти превратились в капли, и затем всё стихло.

Через час мы достигли гребня. Здесь подъём сразу сде-

лался крутым, но не надолго.

На самом перевале, у подножия большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья. Старик китаец остановился перед ней и сделал земной поклон. Затем он поднялся и, указывая рукой на восток, сказал только два слова:

– Река Вай-Фудзин⁸⁰.

Это значило, что мы были на водоразделе. После этого старик сел на землю и знаком дал понять, что следует отдохнуть.

Воспользовавшись этим, я прошёл немного по хребту на юг, поднялся на одну из каменных глыб, торчащих здесь из земли во множестве, и стал смотреть.

Прилегающая часть Сихотэ-Алиня слагается из кварцевого порфира. Водораздельный хребет идёт здесь от юго-запада на северо-восток. Наивысшие точки его будут около 1100 метров над уровнем моря. К северу Сихотэ-Алинь немного понижается. Западный склон его пологий, восточный значительно круче. Весь хребет покрыт густым хвойно-смешанным лесом. Гольцы находятся только на отдельных его вершинах и местах осыпей. На старинных китайских картах этот водораздел называется Сихотэ-Алинь. Местные китайцы называют его Сихота-Лин, а чаще всего Лао-Лин, то есть старый перевал (в смысле «большой, древний»). По гипсометрическим измерениям высота перевала, на котором мы на-

⁸⁰ Вай-фу-цзинь – внешний Фу-цзинь, текущий в сторону, обращённую к морю.

ходились, равнялась 980 метрам. Я окрестил его именем К. И. Максимовича, одного из первых исследователей Уссурийского края.

К востоку от водораздела, насколько хватал глаз, всё было покрыто туманом. Вершины соседних гор казались разобщёнными островами. Волны тумана надвигались на горный хребет и, как только переходили через седловины, становились опять невидимыми. К западу от водораздела воздух был чист и прозрачен. По словам китайцев, явление это обычное. Впоследствии я имел много случаев убедиться в том, что Сихотэ-Алинь является серьёзной климатической границей между прибрежным районом и бассейном правых притоков Уссури.

Должно быть, я долго пробыл в отлучке, потому что в отряде подняли крик.

Казак согрели чай и ждали моего возвращения. Не обошлось без курьёза. Когда чай был разлит по кружкам, П. К. Рутковский сказал:

– Эх! Если бы сахар был!

– Есть, – отвечал казак Белоножкин и, пошарив у себя в кармане, вытащил из него почерневший от грязи кусок сахара.

– Где это ты, друг мой, его валял? – спросил Рутковский.

– Он Сихотэ-Алинь переваливал, – отвечал находчивый казак.

Все рассмеялись.

Прополоскав немного желудок горячей водицей, мы пошли дальше.

Спуск с хребта в сторону Вай-Фудзина, как я уже сказал, был крутой. Перед нами было глубокое ущелье, заваленное камнями и буреломом. Вода, стекающая каскадами, во многих местах выбила множество ям, замаскированных папоротниками и представляющих собой настоящие ловушки. Гранатман толкнул одну глыбу. При падении своём она увлекла другие камни и произвела целый обвал.

Спускаться по таким оврагам очень тяжело. В особенности трудно пришлось лошадям. Если графически изобразить наш спуск с Сихотэ-Алиня, то он представился бы в виде мелкой извилистой линии по направлению к востоку. Этот спуск продолжался часа два. По дну лощины протекал ручей. Среди зарослей его почти не было видно. С весёлым шумом бежала вода вниз по долине, словно радуясь тому, что наконец-то она вырвалась из-под земли на свободу. Ниже течение ручья становилось спокойнее.

Но вот ещё такой же глубокий овраг подошёл справа. Теперь ущелье превратилось в узкую долину, которую местное манзовское население называет Синь-Квандагоу⁸¹. За перевалом хвойно-смешанный лес начал быстро сменяться листовым. Дуб монгольский рос преимущественно по склонам гор с солнечной стороны. В долине леса были разнообразнее и богаче. Здесь можно отметить мелколистную липу – люби-

⁸¹ Син-гуань-да-гоу – пыльная, большая, голая долина.

тельницу опушек и прогалин, жёлтый клён с глубоко разрезанными бледными листьями, иву пепельную – полукуст-полудерево, крылатый бересклет, имеющий вид кустарника с пробковыми крыльями по стволу и по веткам. Из настоящих кустарников можно указать на таволожник иволистный с ярко-золотистыми цветами, особый вид боярышника с редкими и короткими иглами и с белесоватыми листьями с нижней стороны, жимолость Маака более 4 метров высоты с многочисленными розоватыми цветами и богородскую траву с лежащими по земле стеблями, ланцетовидными мелкими листьями и ярко-пурпурово-фиолетовыми цветами. В стороне от тропы были ещё какие-то кустарники, хотелось мне их посмотреть, но голод принуждал торопиться. На полях наблюдателя поражало обилие цветов. Тут были ирисы самых разнообразных оттенков от бледно-голубого до тёмно-фиолетового, целый ряд орхидей разных окрасок, жёлтый куролеп, тёмно-фиолетовые колокольчики, душистый ландыш, лесная фиалка, скромный цветочек земляники, розовый василёк, яркая гвоздика и красные, оранжевые и жёлтые лилии.

Этот переход от густого хвойного леса к дубовому редколесью и к полянам с цветами был настолько резок, что невольно вызывал возгласы удивления. То, что мы видели на западе, в трёх-четырёх переходах от Сихотэ-Алиня, тут было у самого его подножия.

Кроме того, я заметил ещё одну особенность: те растения,

которые на западе были уже отцветшими, здесь ещё вовсе не начинали цвести.

В бассейне Ли-Фудзина было много гнуса, мало чешуекрылых. Здесь, наоборот, всюду мелькали кирпично-красные с радужными переливами крапивницы, бело-жёлтые с чёрными и красными пятнами аполлоны и большие тёмно-синие махаоны. Последние часто садились на воду и, распластав крылья, предоставляли себя течению реки. Можно было подумать, что бабочки эти случайно попали в воду и не могли подняться на воздух. Я несколько раз хотел было взять их, но едва только протягивал руку, они совершенно свободно подымались на воздух и, отлетев немного, снова опускались на воду.

Всюду на цветах реяли пчелы и осы, с шумом по воздуху носились мохнатые шмели с черным, оранжевым и белым брюшком. Внизу, в траве, бегали проворные жужелицы. Этих жуков за их хищный характер можно было бы назвать тиграми среди насекомых. По тропе ползали чёрные могильщики и трёхцветные скакуны. Последние передвигались как-то порывисто, и не разберёшь – прыгали они или летали. На зонтичных растениях держались преимущественно слоники и зелёные клопы, а около воды и по дорогам, где было посуше, с прозрачными крыльями и с большими голубыми глазами летали стрекозы.

Полюбовавшись насекомыми, я стал рассматривать птиц. Прежде всего я увидел завирушек. Они прыгали под дере-

вьями и копошились в старой листве. Когда я стал подходить к ним, они отлетели немного в сторону и вновь опустились на траву. По берегам горных ручьёв, качая хвостиками, перебегали с камня на камень горные трясогузки. Птички эти доверчиво подпускали к себе человека и только в том случае, когда я уж очень близко к ним подходил, улетали, не торопясь. Около шиповников держались свиристели. Они искусно лазали по ветвям кустарников и избегали открытых пространств. В другом месте я заметил долгохвостых синиц, шныряющих в листве деревьев и мало обращающих внимание на своих соседок. Рядом с ними суетились подвижные гаички, совсем маленькие птички с крохотным клювом и коротким хвостиком.

Из млекопитающих, судя по многочисленным следам, здесь обитали дикие козули, олени, кабаны, медведи и тигры.

Несмотря на утомление и на недостаток продовольствия, все шли довольно бодро. Удачный маршрут через Сихотэ-Алинь, столь резкий переход от безжизненной тайги к живому лесу и наконец тропка, на которую мы наткнулись, действовали на всех подбадривающим образом. В сумерки мы дошли до пустой зверовой фанзы. Около неё был небольшой огород, на котором росли брюква, салат и лук.

По сравнению с овощами, которые мы видели на Фудзине, эти огородные растения были тоже отсталыми в росте. Одним словом, во всём, что попадалось нам на глаза, видна была резкая разница между западным и восточным склонами

Сихотэ-Алиня. Очевидно, в Уссурийском крае вегетационный период наступает гораздо позже, чем в бассейне Уссури.

Дальше мы не пошли и здесь около фанзочки стали биваком.

Продовольствие в тайгу манзы завозят вьюками, начиная с августа. В самые отдалённые фанзы соль, мука и чумиза переносятся в котомках. Запасы продовольствия складываются в липовые долблённые кадушки, прикрытые сверху корьём. Запоров нигде не делается, и кадушки прикрываются только для того, чтобы в них не залезли мыши и бурундуки.

Чужое продовольствие в тайге трогать нельзя. Только в случае крайнего голода можно им воспользоваться, но при обязательном условии, чтобы из первых же земледельческих фанз взятое было доставлено обратно на место. Тот, кто не исполнит этого обычая, считается грабителем и подвергается жестокому наказанию. Действительно, кража продовольствия в зверовой фанзе принуждает соболёвщика раньше времени уйти из тайги, а иногда может поставить его прямо-таки в безвыходное положение.

Вечером старик китаец заявил нам, что далее он идти не может и останется здесь ожидать возвращения своего товарища.

На следующий день, 17 июня, мы расстались со стариком. Я подарил ему свой охотничий нож, а А. И. Мерзляков – кожаную сумочку. Теперь топоры нам были уже не нужны. От зверовой фанзы вниз по реке шла тропинка. Чем даль-

ше, тем она становилась лучше. Наконец мы дошли до того места, где река Синь-Квандагоу сливается с Тудагоу. Эта последняя течёт в широтном направлении, под острым углом к Сихотэ-Алиню. Она значительно больше Синь-Квандагоу и по справедливости могла бы присвоить себе название Вай-Фудзина.

По этой реке в 1860 году спустился Будищев. По слухам, в истоках её есть несколько китайских фанз, обитатели которых занимаются звероловством. От места слияния упомянутых двух речек начинается Вай-Фудзин, названная русскими переселенцами Аввакумовкой.

Лес кончился, и перед нами вдруг неожиданно развернулась величественная горная панорама. Возвышенности с левой стороны долины покрыты дубовым редколесьем с примесью липы и чёрной берёзы. По склонам их в вертикальном направлении идут осыпи, заросшие травой и мелкой кустарниковой порослью.

Долина Вай-Фудзина богата террасами. Террасы эти идут уступами, точно гигантские ступени. Это так называемые «пенеплены». В древние геологические периоды здесь были сильные денудационные процессы⁸², потом произошло поднятие всей горной системы и затем опять размывание. Вода в реках. в одно и то же время действовала и как пила, и как напильник.

⁸² От слова «денудация» – процесс разрушения и сноса горных пород под влиянием воздуха, воды, ледников. – *Прим. ред.*

Против Тудагоу, справа, в Вай-Фудзин впадает порожи-
стая речка Танюгоуза⁸³, а ниже её, приблизительно на рав-
ном расстоянии друг от друга, ещё четыре небольшие реч-
ки одинаковой величины: Харчинкина, Хэмутагоу⁸⁴, Куан-
динза⁸⁵ и Воротная. По первой лежит путь на Ли-Фудзин, к
местности Сянь-Лаза⁸⁶. На Хэмутагоу русские переселенцы
нашли христианскую могилу и потому назвали реку Кресто-
вой. По словам туземцев, Куандинза течёт по весьма изви-
стому ложу; она очень бурлива и порожи́ста. Долина Ворот-
ной реки обставлена высокими скалистыми горами и счита-
ется хорошим охотничьим местом.

Между Харчинкиной падью и Синь-Квандагоу, среди скал
и осыпей, держатся горалы, имеющие по внешнему виду
сходство с козлами. Животные эти относятся к антилопам,
имеют размеры: в длину около 2 метров и в высоту до 0,8
метра. Шерсть их грязно-серо-жёлтого цвета, морда, спина
и хвост – тёмно-бурые, горло и брюхо – белесоватые. На шее
волосы несколько длиннее и образуют небольшую гриву; го-
лова украшена небольшими, загнутыми назад рожками. В
Уссурийском крае область распространения горала доходит
до реки Имана включительно и в прибрежном районе – до
бухты Терней (река Кудяхе). Живут они небольшими табу-

⁸³ Тан-ню-гоу-цзы – долина, где в топи завязла корова.

⁸⁴ Хэй-му-да-гоу – большая долина с чёрными деревьями.

⁸⁵ Куань-дин-цзы – широкая долина.

⁸⁶ Сянь-ян-ла-цзы – скала, обращённая к солнцу.

нами в таких местах, где с одной стороны есть хвойно-смешанный лес, а с другой – неприступные скалы. День горал проводит в лесу, а ночью спускается в долину для утоления жажды. При малейшем признаке опасности он сейчас же перебегает на скалистую сторону сопки. Зная это, охотники делятся на две группы. Одни из них заходят в лес, а другие караулят животных в камнях. Вследствие того что горалы привязаны к определённым местам, которые хорошо известны зверопромышленникам, надо считать, что им грозит опасность уничтожения.

Часов в десять утра мы увидели на тропе следы колёс. Я думал, что скоро мы выйдем на дорогу, но провожавший нас китаец объяснил, что люди сюда заезжают только осенью и зимой на охоту и что настоящая колёсная дорога начнётся только от устья реки Эрлдагоу.

Лошади сильно истомились: они еле передвигали ноги и шатались. Пришлось сделать привал. Воспользовавшись этим, я поднялся на небольшую сопку, чтобы ориентироваться.

Общее направление реки Вай-Фудзина юго-восточное. В одном месте она делает излом к югу, но затем выпрямляется вновь и уже сохраняет это направление до самого моря. На западе ясно виднелся Сихотэ-Алинь. Я ожидал увидеть громаду гор и причудливые острые вершины, но передо мной был ровный хребет с плоским гребнем и постепенным переходом от куполообразных вершин к широким седловинам.

Время и вода сделали своё дело.

Долина Вай-Фудзина будет продольная, хотя из направлений её притоков, текущих параллельно берегу моря и хребту Сихотэ-Алиня, как будто немного намечается денудационный характер.

Восточные предгорья Сихотэ-Алиня слагаются из гранитов, сиенитов и кварцевого порфира. Этот последний, встреченный нами ещё по ту сторону водораздела, тянулся и теперь.

Высокие древне-чёрные террасы с левой стороны Вай-Фудзина, с массивным основанием (тоже из кварцевого порфира), особенно резко выступают близ устья Харчинкиной пади.

Часа через полтора я вернулся и стал будить своих спутников. Стрелки и казаки проснулись усталые; сон их не подкрепил. Они обулись и пошли за конями. Лошади не убегали от людей, послушно позволили надеть на себя недоуздки и с равнодушным видом пошли за казаками.

Китаец говорил, что если мы будем идти целый день, то к вечеру дойдём до земледельческих фанз. Действительно, в сумерки мы дошли до устья Эрлдагоу (вторая большая падь). Это чрезвычайно порожистая и быстрая река. Она течёт с юго-запада к северо-востоку и на пути своём прорезает мощные порфиновые пласты. Некоторые из порогов её имеют вид настоящих водопадов. Окрестные горы слагаются из роговика и кварцита. Отсюда до моря около 78 километров.

На другой стороне реки, под сенью огромных вязов, стояла китайская фанза. Мы обрадовались ей так, как будто это была первоклассная гостиница. Узнав, что мы последние два дня ничего не ели, гостеприимные китайцы стали торопливо готовить ужин. Лепёшки на бобовом масле и чумизная каша с солёными овощами показались нам вкуснее самых изысканных городских блюд. По молчаливому соглашению мы решили остаться здесь ночевать. Китайцы убрали свои постели и предоставили нам большую часть канов. Последние были сильно нагреты, но мы предпочли лучше мучиться от жары, чем страдать от гнуса.

От множества сбившихся людей в фанзе стояла духота, которая увеличивалась ещё оттого, что все окна в ней были завешены одеялами. Я оделся и вышел на улицу.

Ночь была тихая, тёплая, как раз такая, какую любят ночные насекомые. То, что я увидел, так поразило меня, что я совершенно забыл про мошек и глядел, как очарованный. Весь воздух был наполнен мигающими синеватыми искрами. Это были светляки. Свет, испускаемый ими, был прерывистый и длился каждый раз не более одной секунды. Следя за одной такой искрой, можно было проследить полет каждого отдельного насекомого. Светляки эти появляются не сразу, а постепенно, поодиночке. Рассказывают, что переселенцы из России, увидев впервые такой мигающий свет, стреляли в него из ружей и в страхе убегали. Теперь это не были одиночные насекомые, их были тысячи тысяч, миллионы.

Они летали в траве, низко над землёй, реяли в кустах и носились вверху над деревьями. Мигали насекомые, мерцали и звезды. Это была какая-то пляска света. Вдруг вспыхнула яркая молния и разом озарила всю землю. Огромный метеор с длинным хвостом пронёсся по небу. Через мгновение болид рассыпался на тысячу искр и упал где-то за горами. Свет погас. Как по мановению волшебного жезла, исчезли фосфоресцирующие насекомые. Прошло минуты две-три, и вдруг в кустах вспыхнул один огонёк, за ним другой, десятый, и ещё через полминуты в воздухе опять закружились тысячами светящиеся эльфы.

Как ни прекрасна была эта ночь, как ни величественны были явления светящихся насекомых и падающего метеора, но долго оставаться на улице было нельзя. Мошкара облепила мне шею, руки, лицо и набилась в волосы. Я вернулся в фанзу и лёг на кан. Усталость взяла своё, и я заснул.

На другой день назначена была днёвка. Надо было дать отдохнуть и людям и лошадям. За последние дни все так утомились, что нуждались в более продолжительном отдыхе, чем ночной сон. Молодой китаец, провожавший нас через Сихотэ-Алинь, сделал необходимые закупки и рано утром выступил в обратный путь.

Вчера мы до того были утомлены, что даже не осмотрелись как следует, было не до наблюдений. Только сегодня, после сытного завтрака, я решил сделать прогулку по окрестностям. В средней части долина реки Аввакумовки шириной

около полукилометра. С правой стороны её тянутся двойные террасы, с левой – скалистые сопки, состоящие из трахитов, конгломератов и брекчий. Около террас можно видеть длинное болото. Это место, где раньше проходила река. Во время какого-то большого наводнения она проложила себе новое русло.

Из пернатых я здесь видел восточносибирских жаворонков. На побережье моря была ещё весна, и потому их звонкое пение несло отовсюду. Они то опускались к земле, то опять подымались высоко на воздух. Около ивняков кружился уссурийский малый дятел – действительно маленький, но так же пёстро окрашенный, как и другие его сородичи. Между листвой кое-где мелькали японские пеночки-непоседы. Они всё время были в движении, одновременно и веселились и охотились за насекомыми. По сторонам дороги, в кустах, мелькали зеленые овсянки. В сообществе с полевыми воробьями они клевали конский навоз и купались в пыли. Кроме того, в прибрежном районе водятся уссурийский перепел и уссурийский фазан. Первая птица весьма похожа на куропатку и держится по долинам рек в местах равнинных. Моя собака выгнала двух перепёлок. Они с криком поднялись у неё из-под самого носа. Отлетев шагов двести, перепёлки опять спустились в траву. На возвратном пути я видел двух фазанов. Когда петух поднимается из кустарников, он сперва взлетает кверху метра на три и при этом неистово кричит. Крик его немного похож на крик обыкновенного пе-

туха, когда последний чего-нибудь испугается. В другом месте собака выгнала курицу с цыплятами. По фазану собака редко делает твёрдую стойку. Она ложится и начинает ползти на брюхе, иногда замедляя, иногда прибавляя шаг. Испуганная птица прежде всего старается спастись бегством; она хитрит, путает следы и часто возвращается назад. Потеряв след, собака начинает бросаться в стороны. Этим моментом фазан пользуется и взлетает на воздух. Курица всегда подымается молча и летит дальше, чем петух. Но в данном случае она вела себя иначе: летела лениво, медленно и низко над землёй, летела не по прямой линии, а по окружности, так что собака едва не хватала её за хвост зубами. Я сразу понял, в чём дело. У фазанухи были цыплята, и она старалась отвести от них собаку.

Я взял свою Альпу за поводок и пошёл назад. Китайцы уже приготовили обед и ждали моего возвращения.

Когда мы пили чай, в фанзу пришёл ещё какой-то китаец. За спиной у него была тяжёлая котомка; загорелое лицо, изношенная обувь, изорванная одежда и закопчённый котелок свидетельствовали о том, что он совершил длинный путь. Пришедший снял котомку и сел на кан. Хозяин тотчас же стал за ним ухаживать. Прежде всего он подал ему свой кисет с табаком.

- Кто это? – спросил я хозяина.
- Прохожий, – отвечал он.
- Знакомый тебе?

– Нет, – отвечал он и затем обратился к повару с приказанием приготовить для путника обед.

Пока пришедший курил табак, китайцы расспрашивали его о новостях. Он охотно рассказывал им то, что случилось в тех местах, откуда он прибыл, и что он видел по дороге. Оказалось, что китаец идёт с Ното и держит путь на реку Псухун. Вечером, во время ужина, манзы, прежде чем самим сесть за стол, пригласили гостя. Все китайцы наперерыв старались ему услужить. Едва его чашка опорожнялась, как тотчас её наполняли снова. Потом гостю отвели лучшее место на кане и дали два одеяла: одно – для подстилки, другое – под голову, вместо подушки. Прохожий остался в этой фанзе на весь следующий день для отдыха.

У местного манзовского населения сильно развито внимание к путнику. Всякий прохожий может бесплатно прожить в чужой фанзе трое суток, но если он останется дольше, то должен работать или уплачивать деньги за харчи по общей раскладке.

На следующий день, 19 июня, мы распрощались с гостеприимными китайцами и пошли дальше. Отсюда начиналась колёсная дорога. Чтобы облегчить спины лошадей, я нанял две подводы.

В нижнем течении долина Вай-Фудзина очень живописна. Утёсы с правой стороны имеют причудливые очертания и похожи на людей, замки, минареты и т. д. С левой стороны опять потянулись высокие двойные террасы из глинистых

сланцев, постепенно переходящие на севере в горы.

Здесь есть один только небольшой при ток – Касафунова падь, которую местные китайцы называют Чамигоузой⁸⁷. Она длиной около 15 километров и имеет направление течения сперва на юго-восток, а потом на юг. Правый край Касафуновой долины нагорный, левый – пологий, слегка холмистый. Долина эта узкая и расширяется только в среднем течении, там, где в неё впадает речка Грушевая. Если идти вверх по реке, то с правой стороны видны какие-то карнизы, которые дальше переходят в широкие террасы. Окрестные горы покрыты листовенным редколесьем дровяного характера.

Километрах в восемнадцати от моря видны обнажения известняков.

Немного ниже Касафуновой пади в Вай-Фудзин с правой стороны впадают две реки – Сандагоу и Лисягоу⁸⁸. Последняя берёт начало с Тазовской горы, о которой речь будет ниже. Верховья реки Сандагоу слагаются из множества горных ручьёв, стекающих по узким распадинам. Раньше здесь были большие леса, изобилующие зверем, но лесные пожары в значительной степени обесценили это охотничье эльдорадо.

Колёсная дорога, проложенная китайцами по долине Вай-Фудзина, дважды проходит по реке вброд, что является большим препятствием для сообщений во время наводнения.

⁸⁷ Ча-ми-гоу-цзы – долина, в которой легко заблудиться.

⁸⁸ Ли-ся-гоу – нижняя грушевая долина.

Чтобы избежать этих бродов, надо идти по тропе. Она начинается около террас, с левой стороны долина подымается в гору и идёт по карнизу. Здесь тропа на протяжении 300 метров буквально висит над пропастью.

Лет сорок тому назад на террасах около устья реки Касафуновой жили тазы-удэгейцы. Большею частью они вымерли от оспенной эпидемии в 1881 году.

Удэгейцы эти на охоту ходили всегда на Тазовскую гору, командующую над всеми окрестными высотами, отчего она и получила своё настоящее название.

По всей долине Вай-Фудзина, от устья Эрлдагоу до Тазовской горы, разбросаны многочисленные фанзы. Обитатели их занимаются летом земледелием и морскими промыслами, а зимой соболеванием и охотой.

Самым большим притоком Вай-Фудзина будет река Арзамасовка. Она впадает в него с левой стороны. Немного выше устья Арзамасовки, на возвышенном месте, расположился маленький русский посёлок Веткино.

В 1906 году в деревне этой жило всего только 4 семьи. Жители её были первыми переселенцами из России. Какой-то особенный отпечаток носила на себе эта деревушка. Старенькие, но чистенькие домики глядели уютно; крестьяне были весёлые, добродушные. Они нас приветливо встретили.

Вечером собрались старики. Они рассказывали о том, сколько бедствий им пришлось претерпеть на чужой земле

в первые годы переселения. Привезли их сюда в 1859 году и высадили в заливе Ольги, предоставив самим устраиваться кто как может и кто как умеет. Сначала они поселились в одном километре от бухты и образовали небольшой посёлок Новинку. Скоро крестьяне заметили, что, чем дальше от моря, тем туманов бывает меньше. Тогда они перекочевали в долину Вай-Фудзина. В 1906 году в Новинке жил только один человек. Места, где раньше были крестьянские дома, видны и по сие время.

Но и на новых местах их ожидали невзгоды. По неопытности они посеяли хлеб внизу, в долине; первым же наводнением его смыло, вторым – унесло все сено; тигры поели весь скот и стали нападать на людей. Ружьё у крестьян было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть с голода, они нанялись в работники к китайцам с подённой платой 400 граммов чумизы в день. Расчёт производили раз в месяц, и чумизу ту за 68 километров должны были доставлять на себе в котомках.

Старики долго не могли привыкнуть к новым местам. У них были ещё живы воспоминания о родине; зато молодёжь скоро приспособилась: из них выработались великолепные стрелки и отличные охотники. Быстрое течение в реках их уже не пугало; скоро они начали плавать по морю. Для европейской России охота на медведя в одиночку считается геройским подвигом. Здесь же каждый юноша бьёт медведя один на один. Некрасов воспел крестьянина, который убил

сорок медведей, а здесь были братья Пятышкины и Мякишевы, из которых каждый в одиночку убил более семидесяти медведей. Затем следуют Силины и Боровы, которые убили по нескольку тигров и потеряли счёт убитым медведям. Один раз они задумали связать медведя так, ради забавы, и чуть за это не поплатились жизнью. Каждый из этих охотников носил на себе следы тигровых зубов и кабаньих клыков; каждый не раз видел смерть лицом к лицу.

Фудзинские крестьяне серьёзно относятся к охоте. Они не только бьют зверя, но и заботятся о его сохранности. Факт этот знаменателен. Крестьяне собрались и на сходе порешили не трогать самок, телят и не бить самцов во время гона. Кроме того, они сами отвели заказник, сами установили границы его и дали друг другу зарок там не охотиться. Вновь прибывший элемент из России не пожелал с этим считаться и начал хищничать. Так как заказник возник по частной инициативе и находился на казённой земле, то привлекать виновников к ответственности они не могли. Этим воспользовались браконьеры, и благое начинание фудзинских крестьян окончилось ничем.

Ценность пантов в Ольгинском районе доходит до 1200 рублей пара. В деревне Пермской у крестьянина Пятышкина я видел панты высотой в 52 сантиметра и толщиной в 22 сантиметра (расстояние между рогами у основания равнялось 8 сантиметрам); на концах они только что начали разветвляться; вес их был 4,4 килограмма. Панты эти были проданы по

очень низкой цене – за 870 рублей. По словам братьев Пятыхкиных, в 1905 году от продажи четырёх пар пантов они выручили 2200 рублей.

Во время этих рассказов в избу вошёл какой-то человек. На вид ему было лет сорок пять. Он был среднего роста, сухощавый, с небольшой бородой и с длинными волосами. Вошедший поклонился, виновато улыбнулся и сел в углу.

– Кто это? – спросил Гранатман.

– Кашлев – Тигриная Смерть, – отвечало несколько голо-сов.

Мы стали его расспрашивать, но он оказался не из разговорчивых. Посидев немного, Кашлев встал.

– Убить зверя нетрудно, ничего хитрого тут нет, хитро его только увидеть, – сказал он, затем надел свою шапку и вышел на улицу.

О Кашлеве мы кое-что узнали от других крестьян. Прозвище Тигриная Смерть он получил оттого, что в своей жизни больше всех перебил тигров. Никто лучше его не мог выследить зверя. По тайге Кашлев бродил всегда один, ночевал под открытым небом и часто без огня. Никто не знал, куда он уходил и когда возвращался обратно. Это настоящий лесной скиталец. На реке Сандагоу он нашёл утёс, около которого всегда проходят тигры. Тут он их и караулил.

Среди крестьян были и такие, которые ловили тигров живыми. При этом никаких клеток и западнёй не ставилось. Тигров они ловили руками и связывали верёвками. Найдя

свежий след тигрицы с годовалыми тигрятами, они пускали много собак и с криками начинали стрелять в воздух. От такого шума тигры разбежались в разные стороны. Для такой охоты нужны смелость, ловкость и отвага.

Беседы наши затянулись. Это было так интересно, что мы готовы были слушать до утра. В полночь крестьяне стали расходиться по своим домам.

На другой день мы отправились в село Пермское, расположенное на четыре километра ниже Фудзина.

Экономическое благосостояние пермских крестьян не оставляет желать ничего лучшего. Село это можно было назвать образцовым во всех отношениях. На добровольные пожертвования они построили у себя в деревне школу. У ребятешек было много книг по природоведению и географии России. Все крестьяне достаточно начитанны и развиты; некоторые из них интересовались техникой, применяя её у себя в хозяйстве. Кабака в селе Пермском не было. При нас один новосёл позволил себе выругаться площадной бранью. Надо было видеть, какую проборку задали ему старожилы. Все пермские крестьяне такие же разумные охотники, как и фудзинцы. Жили пермские крестьяне безбедно, долгов не имели и были вполне довольны своею судьбой.

Земля в долине Вай-Фудзина весьма плодородна. Крестьяне не помнят ни одного неурожайного года, несмотря на то, что в течение сорока лет пашут без удобрения на одних и тех же местах.

В период летних дождей вода, стекающая с окрестных гор, переполняет реку и разливается по долине. Самые большие наводнения происходят в нижнем течении Вай-Фудзина, там, где река принимает в себя сразу два притока: Сыдагоу – справа и Арзамасовку – слева. По словам пермцев, умеренные наводнения не только не приносят вреда, но, наоборот, даже полезны, так как после них на земле остаётся плодородный ил. Большие же наводнения совершенно смыывают пашни и приносят непоправимый вред.

От устья реки Сыдагоу долина Вай-Фудзина сразу расширяется. Отсюда видно уже море.

От села Пермского дорога идёт сначала около левого края долины у подножия террасы, а затем отклоняется вправо и постепенно подходит к реке. Здесь растёт редкий лес дровяного характера, состоящий из низкорослой чёрной берёзы, дуба, японской ольхи со спирально скрученным стволом и ольгинской лиственницы. Песчаная почва сверху покрыта тонким слоем наносного ила, поросшего травой. Где только дерновый слой подвергся уничтожению, оголились пески. Вследствие этого дорога между селом Пермским и берегом моря считается тяжёлой.

Выйдя на почтовый тракт, я кончил съёмку, отдал планшет сопровождавшему меня стрелку и взял ружьё. Несмотря на пройденный длинный путь, моя собака всё время бежала по кустам, выискивая птиц. Один раз она сделала стойку по слуху. Я подошёл к ней. Она прыгнула в заросли, что-то схватила зубами, потрясла головой и бросила в сторону. Это оказалась маньчжурская полевая мышь, весьма распространённая по всему краю. Величиной она с обыкновенную домашнюю мышь, но с буро-жёлтой окраской и с белыми лапками. Эта мышь не так подвижна, как домашняя, и поэтому

легко становится добычей хищных птиц. Кормом ей служат различные семена растений, дубовые жёлуди и корни трав. Забрав мёртвую мышь как охотничий трофей, я пошёл дальше по дороге.

На половине пути между селом Пермским и постом Ольги с левой стороны высится скала, называемая местными жителями Чёртовым утёсом. Ещё пятнадцать минут ходу, и вы подходите к морю. Читатель поймёт то радостное настроение, которое нас охватило. Мы сели на камни и с наслаждением стали смотреть, как бьются волны о берег.

Наш путь был окончен.

Из морского песку здесь образовались дюны, заросшие шиповником, травой и низкорослыми дубками, похожими скорее на кустарники, чем на деревья. Там, где наружный покров дюн был нарушен, пески пришли в движение и погребли под собой всё, что встретилось на пути.

В пост Ольги мы прибыли 21 июня и разместились по квартирам. Все наши грузы шли на пароходе морем. В ожидании их я решил заняться обследованием окрестностей.

Глава 14

Залив Ольги

*История залива. – Тихая пристань. – Пост Ольги. –
Крестовая гора. – Манза-золотоискатель. – Птицы. –
Тигр на вершине хребта. – Лишай и мхи. – Гольцы. –
Поиски. – Лёд подземный. – Истоки реки Сандагоу. –
Пятнистые олени*

Залив Ольги (43° северной широты и $152^{\circ}57'$ восточной долготы от о. Ферро) открыт французским мореплавателем Лаперузом в 1787 году и тогда был назван портом Сеймура. Во время крымской кампании несколько английских судов преследовали русский военный корабль. Пользуясь туманом, судно укрылось в какую-то бухту. Англичане потеряли его из виду и ушли ни с чем. Так как это случилось 11 июля, в день Ольги, то решили залив своего спасения назвать её именем. В память избавления своего от врага они поставили крест на высокой горе, которая с той поры стала называться Крестовою.

При входе в залив Ольги справа висит одинокая скала, названная моряками островом Чихачева. На этой скале поставлена сигнальная башня, указывающая судам место входа. Но так как летом в этой части побережья почти всё время стоят туманы, то она является совершенно бесполезной, ибо

с моря её всё равно не видно.

Залив Ольги закрыт с трёх сторон; он имеет километра три в длину, столько же в ширину и в глубину около 25 метров. Зимой он замерзает на три месяца только с северной стороны. Северо-восточная часть залива образует ещё особую бухту, называемую местными жителями Тихою пристанью. Эта бухта соединяется с большим заливом узким проходом и замерзает на более продолжительное время. Тихая пристань (глубиною посредине 10–12 метров, длиною с километр и шириною 500 метров) постепенно заполняется наносами речки Ольги.

На восточном берегу залива находится китайский посёлок Ши-Мынь⁸⁹, называемый русскими Кошкой. Раньше посёлок этот был главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Ежегодно сюда приходило до сотни шаланд с товарами из Хунчуна. Охотники с реки Уссури доставляли в Ши-Мынь соболиные меха, ценные панты и дорогой женьшень. Дары тайги выменивались на продукты морского промысла. С 1901 года, после китайских беспорядков в Маньчжурии, жизнь в посёлке стала замирать. По длинному ряду барачков, расположенных на берегу моря для склада товаров и разного сырья, можно судить о размерах торговых оборотов китайцев в заливе Ольги.

В самом углу залива находится русское селение, называвшееся ранее постом Ольги. Первой постройкой, которая по-

⁸⁹ Ши-мынь – каменные ворота.

явилась здесь в 1854 году, была матросская казарма. В 1878 году сюда приехали лесничий и фельдшер, а до того времени местный пристав исполнял их обязанности: он был и учителем, и врачом, чинил суд и расправу.

В 1906 году в посту Ольги была небольшая деревянная церковь, переселенческая больница, почтово-телеграфная станция и несколько мелочных лавок. В настоящее время пост Ольги не деревня и не село. Ольгинцы в большинстве случаев были разночинцы и запасные солдаты, арендовавшие землю в казне. Никто не занимался ни огородничеством, ни хлебопашеством, никто не сеял, не жал и не собирал в житницы, но все строили дома, хотя бы и в долг; все надеялись на то, что пост Ольги в конце концов будет городом и захваченная земля перейдёт в собственность, после чего её можно будет выгодно продать.

Русско-японская война тяжело отразилась на этом маленьком русском посёлке, отрезанном бездорожьем от других жилых мест Уссурийского края. Предметов первой необходимости, как керосин, свечи, мыло, чай и сахар, нельзя было достать ни за какие деньги. Да и теперь ещё население его, в ожидании лучших дней, перебивается с хлеба на квас. Некоторые жители не живут в посту Ольги, а уехали во Владивосток. Много домов брошено и заколочено досками. Домовладельцы рады-радешеньки сдать кому-нибудь свои постройки не только в аренду, но даже в бесплатное пользование, лишь бы кто-нибудь охранял их от расхищения.

Около поста есть старинное кладбище, совершенно запущенное. Через несколько лет оно будет совсем утеряно. На нём похоронили в 1860 году матросов, умерших от цинги.

Другой достопримечательностью поста была маленькая чугунная пушка на неподвижном деревянном лафете. Я видел её в полном пренебрежении на площади около дома лесничего. По рассказам старожилов, она привезена была в пост Ольги для того, чтобы во время тумана подавать сигналы кораблям, находящимся в открытом море.

В заключение ещё остаётся сказать несколько слов об одном местном обывателе, весьма способствовавшем процветанию этого уголка далёкой русской окраины. Я говорю о крестьянине И. А. Пятышине. Обременённый большой семьёй, этот удивительный труженик вечно находился в работе, вечно о чем-нибудь хлопотал. Сперва Пятышин открыл в посту Ольги торговлю, но, будучи по характеру добрым и доверчивым человеком, роздал в кредит весь свой товар и разорился. Потом он занялся рыболовством, но вода унесла у него невода. Тогда он стал добывать морскую капусту, но рабочие-китайцы, забрав вперёд задатки, разбежались. После этого он взялся за лесное дело – наводнение унесло у него весь лес. Пятышин собрал все свои остатки и начал строить кирпичный завод, но кирпич не нашёл сбыта; ломку мрамора постигла та же участь; не пошло в ход также и выжигание извести. Последнее дело, которым неудачно занимался Пятышин, – это подрядная постройка домов и разбивка улиц в

посту Ольги. Другой на его месте давно опустил бы руки и впал в отчаяние, но он не упал духом и вновь занялся рыбной ловлей. Ни на кого он не жаловался, винил только судьбу и продолжал с нею бороться. Много неимущих переселенцев находило заработок у Пятышина, много личного труда и денежных средств он вложил в устройство поста Ольги. К сожалению, в своё время он ниоткуда не получал поддержки, бросил все, перекочевал на реку Нельму, где и умер.

Первые два дня мы отдыхали и ничего не делали. В это время за П. К. Рутковским пришёл из Владивостока миноносец «Бесшумный». Вечером П. К. Рутковский распрощался с нами и перешёл на судно. На другой день на рассвете миноносец ушёл в море. П. К. Рутковский оставил по себе в отряде самые лучшие воспоминания, и мы долго не могли привыкнуть к тому, что его нет более с нами.

Первая моя экскурсия в окрестностях залива Ольги была на гору Крестовую.

Крест, о котором говорилось выше, ещё стоял на месте, но уже покачнулся. В него была врезана металлическая доска с надписью. Теперь её нет. Осталось только гнездо и следы гвоздей.

С Крестовой горы можно было хорошо рассмотреть все окрестности. В одну сторону шла широкая долина Вай-Фудзина. Вследствие того что около реки Сандагоу она делает излом, конца её не видно. Сихотэ-Алинь заслоняли теперь другие горы. К северо-западу протянулась река Арзамасов-

ка. Она погибала на север и терялась где-то в горах. Продолжением бухты Тихой пристани является живописная долина реки Ольги, текущей параллельно берегу моря.

Горы в окрестностях залива невысоки, но выражены весьма резко и большею частью состоят из серого гранита, кварцевого порфира, песчаника, роговика, аркоза и зелёной яшмы, в которой в разных направлениях проходят тонкие кварцевые прожилки. В окрестностях найдено много железных, медных и серебро-свинцовых руд.

Большинство сопок покрыто осыпями, являющимися результатом разрушения горных пород деятельностью атмосферных агентов. Образование этих осыпей можно проследить с момента появления трещины в скалах до рассыпания их на мелкие обломки. Если молотом ударить по такой глыбе или с силою бросить её о землю, она разобьётся по трещинам, по которым внутрь проникала вода. И сколько бы ни разбивать эти камни на ещё более мелкие обломки, они нигде не дадут свежих изломов. В посту Ольги я познакомился с Б. Н. Буниным, знатоком Южноуссурийского края, исходившим его вдоль и поперёк. В 1901 году он был тяжело ранен хунхузами из фальконета и после этого стал прихрамывать на одну ногу.

Однажды он отправился в горы по своим делам и пригласил меня с собою. 24 июня рано утром мы выехали с ним на лодке, миновав Мраморный мыс, высадились на берегу против острова Чихачева. Эта экскурсия дала мне возмож-

ность хорошо ознакомиться с заливом Ольги и устьем Вай-Фудзина.

Вдоль берега моря и параллельно ему тянутся рядами болота и длинные озерки, отделённые друг от друга песчаными валами. Чем ближе к берегу моря, тем валы эти свежее и выражены резче. По ним грядами растут кустарниковая ольха с коротковолосистыми ветвями и слегка опущенными листьями и березолистный таволожник – маленький кустарник с бледно-розовыми цветами. Во многих местах от валов уже не осталось следа, и только растительность указывает бывшее их направление. Произведённые в некоторых местах раскопки дали обломки морских раковин. Здесь над приростом суши трудились одновременно и река и море. Первая приносила готовый материал, второе складывало его в валы. Ныне в низовьях реки образовалось много островов. Они только что вышли из воды, состоят из чистого песка и ещё не успели зарости травой.

Геологу рисуется картина далёкого прошлого. Залив Ольги имел совсем не такой вид, какой он имеет теперь. Он был в три раза больше и далеко вдавался в сушу в западном направлении. Со стороны моря ясно видны границы древнего залива, в который самостоятельно впадали Вай-Фудзин, Сыдагоу и Арзамасовка. Заболоченность нижней части долины Аввакумовки, протоки, озерки, слепые рукава, соединяющиеся с морем, тоже указывают на это. Около устья течение реки почти незаметно. Даже наоборот, при свежем восточ-

ном ветре и во время приливов замечается обратное движение воды. На Чёртовом утёсе можно видеть следы морского прибоя. Этот безмолвный свидетель говорит нам о том, что когда-то и он был омываем волнами Великого океана.

Сколько понадобилось веков для того, чтобы разрушить твёрдую горную породу и превратить её в песок! Сколько понадобилось времени, чтобы песчинка за песчинкой заполнить залив и вытеснить морскую воду! Немалое участие в заполнении долины принимал и плавниковый лес. Тысячами кряжин и пней завалено русло реки и острова. Стволы деревьев сейчас же заносятся песком; на поверхности остаются торчать только сучья и корни. Мало-помалу погребаются и они. Каждое новое наводнение приносит новый бурелом и накладывает его сверху, потом опять заносит песком и т. д. Так отступает океан, нарастает суша, и настанет время, когда Вай-Фудзин будет впадать не в залив Ольги, а непосредственно в море.

Мы высадились на южном берегу залива часов в десять утра, лодку отправили назад, а сами пошли в горы. По дороге к нам присоединился китаец – искатель золота. У него в котомке была железная лопата без черенка, деревянный лоток для промывания песка и облегчённый заступ с короткой рукояткой. Китаец этот был средних лет, худой, с рябоватым лицом, в соломенной шляпе. Он охотно отвечал на задаваемые ему вопросы. Это дало мне возможность познакомиться с китайскими приёмами золотоискательства. Прежде все-

го он старался найти такую речку, против которой в море есть остров. Это верный признак, что в долине будет золото. Подымаясь вверх по реке, он искал такой приток, чтобы против устья его была отвесная скала, причём направление новой долины должно быть строго перпендикулярно к плоскости скалы и не меньше как в два километра длиною. Если это расстояние было короче или если долина шла не совсем под прямым углом к скале, она не годилась. Манза всё время шёл впереди и выискивал всё новые и новые притоки, причём протяжение их сокращалось от двух километров до одного, потом до полукилометра и т. д. Последний ключик имел метров двести длины. Китаец остановился и сказал, что тут надо искать золото. Он стал рассматривать в ручье гальку и песок. То и другое, видимо, его удовлетворило, и он решил остаться здесь для разведок. Многие объяснения его для меня были непонятны. Так, например, он говорил, что есть люди, которые умеют чувствовать присутствие золота в земле, к числу их он присоединял и себя.

В топографическом отношении местность, по которой мы теперь шли, представляла собою сильно размытые горы с пологими скатами. Кое-где торчали скалы, находящиеся в последней стадии разрушения; большинство их превратилось уже в осыпи.

Характер растительности был тот же самый, что и около поста Ольги. Дуб, берёза, липа, бархат, тополь, ясень и ива росли то группами, то в одиночку. Различные кустарники,

главным образом, леспедеца, калина и таволга, опутанные виноградом и полевым горошком, делали некоторые места положительно непроходимыми, в особенности если к ним ещё примешивалось чёртово дерево. Идти по таким кустарникам в жаркий день очень трудно. Единственная отрада – ручьи с холодной водою.

В полдень мы дошли до водораздела. Солнце стояло на небе и заливало землю своими палящими лучами. Жара стояла невыносимая. Даже в тени нельзя было найти прохлады. Отдохнув немного на горе, мы стали спускаться к ручью на запад. Расстилавшаяся перед нами картина была довольно однообразна. Куда ни взглянешь, всюду холмы, и всюду одна и та же растительность.

Над землёю висел раскалённый воздух, насыщенный влагою. Деревья и кусты поникли листвою и казались безжизненными.

За весь день мы не видели ни одного животного, хотя козьих и оленьих следов попадалось много. В пути я не упускал случая делать заметки по орнитологии.

Прежде всего упомяну о зелёном дятле с красною головою. Говорят, что он ходит по земле довольно хорошо. Проворный, пугливый и крикливый, он по ухваткам походит на своих пёстрых собратьев. Затем тут были маньчжурские жаворонки, голоса их слышны были повсюду. Некоторые птицы выпархивали у нас из-под ног и, отлетев немного, сядились опять на землю. Казалось, на них жара не действовала

совсем; они высоко подымались к небу и звонким пением оглашали окрестности. В низине из кочковой болотники собаки выгнали несколько куличков. Я убил одного из них. Это оказался восточносибирский бекас. В другом месте из чащи вылетел красивый длинноносый дупель. На поваленных деревьях и на пнях кое-где встречались японские коньки. Они проворно бегали по земле и грелись на солнышке. При приближении людей они не улетали, а ловко скрывались в кустах и появлялись только тогда, когда убеждались, что опасность миновала. Судя по тому, что здесь было много мелких птиц, можно было допустить присутствие малого перепелятника. И действительно, одного такого ястреба я вспугнул из травы, что было очень странно, так как ноги его совсем не приспособлены к хождению по земле. Быть может, эти хищники из опыта знали, что вид их, сидящих на сухостойных деревьях, пугает мелких птиц, тогда как, спрятавшись в траве, они скорее могут рассчитывать на добычу.

День близился к концу. Солнце клонилось на запад, от деревьев по земле протянулись длинные тени. Надо было становиться на ночь. Выбрав место, где есть вода, мы стали устраивать бивак.

Вечером я долго сидел с Б. Н. Буниным у огня. Он рассказывал мне о своих путешествиях, о хунхузах, об охоте и т. д. Наконец я почувствовал, что сон начинает овладевать мною. Я лёг к огню, завернулся в бурку и скоро уснул. На следующий день мы расстались с золотоискателем. Он

пошёл назад к перевалу, а мы направились к реке Сыдагоу и оттуда обратно в пост Ольги.

Двадцать шестого числа небо начало хмуриться. Порывистый ветер гнал тучи в густой туман. Это был плохой признак. Ночью пошёл дождь с ветром, который не прекращался подряд трое суток. 28-го числа разразилась сильная буря с проливным дождём. Вода стекала с гор стремительными потоками; реки переполнились и вышли из берегов; сообщение поста Ольги с соседними селениями прекратилось.

В ожидании парохода, который должен был привезти наши грузы, я решил отправиться в обследование реки Сыдадагоу и наметил такой маршрут: перевалить через водораздел около Тазовской горы, спуститься по реке Сандагоу и опять выйти на реку Вай-Фудзин. На выполнение этого маршрута потребовалось шесть суток.

Первое июля прошло в сборах. Лошадей я оставил дома на отдыхе, из людей взял с собою только Загурского и Туртыгина. Вещи свои мы должны были нести на себе в котомках.

Утром после бури ещё моросил мелкий дождь. В полдень ветер разорвал туманную завесу, выглянуло солнце, и вдруг всё ожило: земной мир сделался прекрасен. Камни, деревья, трава, дорога приняли праздничный вид; в кустах запели птицы; в воздухе появились насекомые, и даже шум воды, сбегаящей пенистыми каскадами с гор, стал ликующим и весёлым.

Через Вай-Фудзин мы переправились верхом на лошадях и затем пошли по почтовому тракту, соединяющему пост Ольги с селом Владимиро-Александровским на реке Сучане.

Река Сыдагоу длиною 60 километров. В верхней половине она течёт параллельно Вай-Фудзину, затем поворачивает к востоку и впадает в него против села Пермского. Мы вышли как раз к тому месту, где Сыдагоу делает поворот. Река эта очень каменистая и порожистая. Пермцы пробовали было по ней сплавать лес, но он так сильно обивался о камни, что пришлось бросить это дело. Нижняя часть долины, где проходит почтовый тракт, открытая и удобная для земледелия, средняя – лесистая, а верхняя – голая и каменистая.

Лес на реке Сыдагоу растёт девственный и величественный. Натуралист-ботаник отметил бы здесь, кроме кедра, ели, даурской берёзы и маньчжурского ореха, ещё сибирскую лиственницу, растущую вместе с дубом и мелколистным клёном, «моно» – собственно, ороцское название этого дерева; академик Максимович удержал его как видовое. Среди таволги, леспедецы, орешника и калины здесь произрастали бородавчатая боярка с серою корою, редкими шипами и листьями, глубоко рассечёнными, и пригнутый к земле черёмушник, перепутанный с колючим элеутерококком. Обыкновенно древесные стволы служат опорой для ползучих растений, которые стремятся вверх к солнцу; они так сильно вдавливают свои стебли в кору деревьев, что образуют в ней глубокие рубцы.

Из таких выющихся растений можно указать на уже знакомую коломикту и лимонник с запахом и вкусом, действительно напоминающими лимон. В сырых местах росли папоротник, чистоуст с красным пушком на стеблях, что придаёт растению весьма эффектный вид, и целые заросли гигантского белокопытника. Листья его большие, раздельно-зубчатые, сверху бледно-зелёные, внизу матово-бледные. Весной это самое лакомое блюдо медведей.

Как только мы вошли в лес, сразу попали на тропинку. После недавних дождей в лесу было довольно сыро. На грязи и на песке около реки всюду попадались многочисленные следы кабанов, оленей, изюбров, козуль, кабарожки, росомах, рысей и тигров. Мы несколько раз подымали с лёжки зверей, но в чаще их нельзя было стрелять. Один раз совсем близко от меня пробежал кабан. Это вышло так неожиданно, что, пока я снимал ружьё с плеча и взводил курок, от него и след простыл.

В полдень тропа привела нас к китайской зверовой фанзе. Множество шкур, сложенных в амбаре, свидетельствовало о том, что обитатели её занимаются охотой очень успешно. Фанза была новая, видимо недавно выстроенная. На крыше для просушки были растянуты две олени шкуры, а над дымокуром на верёвочке висела медвежья желчь. Китайцы употребляют её как лекарство от трахомы. Для этого они разбавляют сухую желчь водою и тряпицей смачивают веки глаз. Медвежья желчь ценится от двух до пяти рублей, в зависи-

мости от её размеров.

За день нам удалось пройти двадцать два километра.

Лес на левом берегу кончился, и началась гарь⁹⁰. Горы, окаймляющие долину, состоят из диорита, сиенита, кварца, полевошпатового порфита, совершенно обезлесены и сплошь покрыты осыпями. Верховья Сыдагоу представляются в виде небольшой горной речки, в которую справа и слева впадает множество мелких ручьёв. Во время последнего наводнения вода размыла ложе реки шириной до ста сажен. Все это пространство занесено песком и галькой. С правой стороны, там, где кончалась каменистая отмель, сразу начался обрывистый берег. В обресе его видно, что почва долины состоит из такой же гальки вперемешку с илом.

В одном месте река делала изгиб, русло её проходило у противоположного берега, а с нашей стороны вытянулась длинная коса. На ней мы и расположились биваком; палатку поставили у края берегового обрыва лицом к реке и спиной к лесу, а впереди развели большой огонь.

В этот день мне нездоровилось немного, и потому я не стал дожидаться ужина и лёг спать. Во сне мне грезилось, будто бы я попал в капкан, и от этого сильно болели ноги. Когда я проснулся, было уже темно.

Осмотревшись, я понял причину своих снов. Обе собаки лежали у меня на ногах и смотрели на людей с таким видом, точно боялись, что их побьют. Я прогнал их. Они перебежа-

⁹⁰ Сухостой, оставшийся после пожара.

ли в другой угол палатки.

– Вот диво! – сказал Загурский. – Не хотят собаки идти наружу.

Поведение собак действительно было странное. В особенности удивил меня Леший. Он всегда уходил в кусты и ложился где-нибудь за палаткой, а теперь жался к людям. Наконец мы собак выгнали, но не надолго. Через несколько минут они вновь пробрались в палатку и расположились около изголовьев.

В это время в лесу раздался какой-то шорох. Собаки подняли головы и насторожили уши. Я встал на ноги. Край палатки приходился мне как раз до подбородка. В лесу было тихо, и ничего подозрительного я не заметил. Мы сели ужинать. Вскоре опять повторился тот же шум, но сильнее и дальше в стороне. Тогда мы стали смотреть втроем, но в лесу, как нарочно, снова воцарилась тишина. Это повторилось несколько раз кряду.

– Вероятно, мышь, – сказал Туртыгин.

– Или, может быть, заяц, – ответил Загурский.

Наконец все успокоились. После чаю стрелки стали уговариваться, по сколько часов они будут караулить ночью. Я отдохнул хорошо, спать мне не хотелось и потому предложил им лечь, а сам решил заняться дневником.

– Пошли вон! – прогоняли стрелки собак из палатки. Собаки вышли, немного посидели у огня, а затем снова полезли к людям. Леший примостился в ногах у Туртыгина, а Альпа

легла на моё место.

Ночь была такая тихая, что даже осины замерли и не трепетали листьями. В сонном воздухе слышались какие-то неясные звуки, точно кто-то вздыхал, шептался, где-то капала вода, чуть слышно трещали кузнечики. По тёмному небу, усеянному тысячами звёзд, вспыхивали едва уловимые зарницы. Красные блики от костра неровно ложились по земле, и за границей их ночная тьма казалась ещё чернее.

Я подложил дров в огонь и стал делать записи в дневнике. В это время обе собаки подняли головы и стали глухо ворчать. Я встал со своего места, осмотрелся и хотя ничего не увидел, но зато услышал удаляющийся шорох. «Вероятно, барсук или енот», – подумал я и сел снова за работу. Прошло с полчаса. Вдруг я услышал, как в стороне, слева от бивака, посыпалась галька. Кто-то спускался с обрыва к реке. По моим расчётам, это было от нашего костра метрах в пятидесяти, не более. Прикрыв рукою глаза от света, я стал усиленно смотреть на реку. Собаки выражали крайний испуг. Альпа забилась в самую глубь палатки. Вслед за тем я услышал, как кто-то осторожно шёл по отмели. Под давлением чьей-то ноги галька раздавалась в стороны. Это не было копытное животное. Изюбр или олень стучат сильнее ногами; это не могло быть и маленькое животное, потому что вес его тела был бы недостаточен для того, чтобы производить такой шум. Это было крупное животное, у которого большая и мягкая лапа. Бренчанье гальки удалялось по направлению к

реке, и вдруг я увидел на краю отмели около воды какую-то длинную тень. «Тигр!» – мелькнуло у меня в голове. Не спуская глаз с зверя, я потянулся за ружьём, но, как на грех, оно не попадалось мне под руку. Дальше случилось что-то похожее на суматоху. Толкнув Загурского, я схватил винтовку. Стрелок спросонья толкнул собаку. Альпа испугалась и бросилась в другую сторону и села на голову Туртыгину. В это мгновение я выстрелил. Животное, стоявшее на отмели, издало короткий отрывистый звук, похожий на храп, и бросилось в воду, затем быстро взобралось на противоположный берег и исчезло в кустах.

Сна как не бывало. На биваке поднялся шум. Голоса людей смешивались с лаем собак. Каждый старался рассказать, что он видел. Загурский говорил, что видел кабана, а Туртыгин спорил и доказывал, что это был медведь. Собаки отбегали от костра, лаяли, но тотчас же возвращались обратно. Только перед рассветом они немного успокоились.

Часа через два тёмное небо начало синеть. Можно было уже рассмотреть противоположный берег и бурелом на реке, нанесённый водою. Мы пошли на то место, где видели зверя. На песке около воды были ясно видны отпечатки большой кошачьей лапы. Очевидно, тигр долго бродил около бивака с намерением чем-нибудь поживиться, но собаки почуяли его и забились в палатку.

Тигр, обитающий в Уссурийском крае, крупнее своего индийского собрата. Длина его тела равна 2,7–3 метрам, высо-

та 1,2–1,5 метра при весе в 250–300 килограммов. Окраска шерсти такая же пёстрая, как и у южного тигра, но встречаются иногда экземпляры бледно окрашенные, с редкими и тусклыми полосами. Тигр – животное чрезвычайно красивое. Основной цвет его шерсти ржаво-жёлтый, испещрённый чёрными полосами. На груди, шее и передних лапах они расположены реже, а на спине и на задних ногах выражены особенно ярко. Голова пёстрая, бакенбардов нет, брюхо белое. Такая окраска является для тигра вполне защитной. Когда он бежит по тайге, среди кустарников, лишённых листвы, чёрный, жёлтый и белый цвета сливаются, и зверь принимает однотонную буро-серую окраску. Осенью среди оранжево-красных виноградников и сухих жёлтых папоротников, в которых есть немало почерневших старых листьев, тигра трудно увидеть даже на близком расстоянии. Возможно, что при более тщательных исследованиях длинношёрстный тигр окажется родственником пещерного тигра, обитавшего когда-то в Европе. Тогда Уссурийский край можно считать его родиной. Животное это чрезвычайно любит залезать в пещеры. Летом мне часто приходилось видеть в них тигровые следы и перегрызенные кости. Тигр мало обращает внимания на климатические условия страны. Ему не страшны ни снег, ни холод. Он держится там, где гуще заросли и где достаточно есть корма, главным образом коз, кабанов и оленей. В Уссурийском крае он обитает в южной части страны; на побережье моря граница его распространения доходит до мыса Ги-

ляк. Затем он встречается по всей долине реки Уссури и её притокам и по рекам Мухеню, Пихце, Анюю и Хунгари, впадающим в Амур с правой стороны. Одиночные экземпляры заходят ещё дальше на восток и на север. Если корма достаточно, тигр не трогает домашний скот; только крайняя нужда заставляет его приближаться к селениям и нападать на человека. Особенно старательно тигры охотятся за собаками.

Я вспомнил Дерсу. Он говорил мне, что тигр не боится огня и смело подходит к биваку, если на нём тихо. Сегодня мы имели случай в этом убедиться. За утренним чаем мы ещё раз говорили о ночной тревоге и затем стали собирать свои котомки.

Сразу с бивака мы повернули вправо и пошли по ключику в горы. Подъём был продолжительный и трудный. Чем выше мы подымались, тем растительность становилась скуднее. Лесные великаны теперь остались позади. Вместо них появились корявый дубок, маньчжурская рябина с голыми ветками и слабо опушёнными листьями, жёлтая берёза с мохнатой корой, висящей по стволу лохмотьями, рододендроны с кожистыми, иногда зимующими листьями и белая ясеница. Туртыгин сел около одного куста и стал закуривать трубку. Едва он чиркнул спичку, как окружающие куст эфирные масла вспыхнули с шумом бесцветным пламенем. Это понравилось стрелкам, и они стали устраивать такие фейерверки около каждого куста. Наконец я остановил их, прося побережь спички. Если непривычный человек в безветренный

жаркий день попадёт в заросли этого растения, с ним может сделаться дурно: так много выделяется эфирного масла.

Отсюда начинался подъём на хребет. Я взял направление по отрогу, покрытому осыпями. Интересно наблюдать, как приспособляются деревья, растущие на камнях. Кажется, будто они сознательно ищут землю и посылают к ней корни по кратчайшему направлению. Через час мы вступили в область произрастания мхов и лишайников.

Откуда эти тайнобрачные добывают влагу? Вода в камнях не задерживается, а между тем мхи растут пышно. На ощупь они чрезвычайно влажны. Если мох выжать рукой, из него капает вода. Ответ на заданный вопрос нам даст туман. Это и есть постоянный источник влаги. Мхи получают воду не из земли, а из воздуха. Так как в Уссурийском крае летом и весною туманных дней несравненно больше, чем солнечных, то пышное развитие мхов среди осыпей становится вполне понятным.

Но вот и мхи остались сзади. Теперь начались гольцы. Это не значит, что камни, составляющие осыпи на вершинах гор, голые. Они покрыты лишаями, которые тоже питаются влагой из воздуха. Смотря по времени года, они становятся или сухими, так что легко растираются пальцами руки в порошок, или делаются мягкими и влажными. Из отмерших лишайников образуется тонкий слой почвы, на нём вырастают мхи, а затем уже травы и кустарники.

Когда мы поднялись на вершину хребта, утренняя мгла

рассеялась, и открылся великолепный вид во все стороны. Внизу протекала река Сыдагоу. Сверху хорошо было видно, как она извивалась по лесу и блестела на солнце. На севере высилась Тазовская гора, которую мы должны были обогнуть. На юго-западе виднелся лесистый бассейн Пхусуна⁹¹, на юго-востоке – море, а на западе – ещё какие-то горы. Разобраться в них не всякий сумеет. Для этого нужен большой опыт. Знакомые вершины меняют свои очертания до неузнаваемости. Например, Столовая гора, если смотреть на неё по направлению продольной оси, кажется острым пиком. Тазовская гора служила нам прекрасным ориентировочным пунктом. Это дало мне возможность взять верное направление.

В полдень я подал знак к остановке. Хотелось пить, но нигде не было воды. Спускаться в долину было далеко. Поэтому мы решили перетерпеть жажду, отдохнуть немного и идти дальше. Стрелки растянулись в тени скал и скоро уснули. Вероятно, мы проспали довольно долго, потому что солнце переместилось на небе и заглянуло за камни. Я проснулся и посмотрел на часы. Было три часа пополудни, следовало торопиться. Все знали, что до воды мы дойдём только к сумеркам. Делать нечего, оставалось запастись терпением.

Хребет, по которому мы теперь шли, состоял из ряда голых вершин, поднимающихся одна над другою в восходящем порядке. Впереди, километрах в двенадцати, перпендикулярно к нему шёл другой такой же хребет. В состав послед-

⁹¹ Пу-сун – обширный кедровник.

него с правой стороны входила уже известная нам Тазовская гора. Надо было достигнуть узла, где соединялись оба хребта, и оттуда начать спуск в долину Сандагоу.

День, как на грех, выпал тихий, безветренный; жара стояла невыносимая. Один раз мы попробовали было спуститься с хребта за водою. Воды не нашли, но зато на обратном подъёме так измучились, что более уже не проделывали этого опыта. Взбираясь на вершины, мы каждый раз надеялись по ту сторону их увидеть что-нибудь такое, что предвещало бы близость воды, но каждый раз надежда эта сменялась разочарованием. Впереди, кроме голых, безжизненных осыпей, ничего не было видно. Будь это не осыпи, будь скалы, всё-таки можно было рассчитывать найти какую-нибудь щель, наполненную дождевой водой. Но что найдёшь среди камней, в беспорядке наваленных друг на друга? Люди шли молча; опустив головы и высунув изо рта длинные языки, тихонько за ними плелись собаки.

В горах расстояния очень обманчивы. Мы шли целый день, а горный хребет, служащий водоразделом между реками Сандагоу и Сыдагоу, как будто тоже удалялся от нас. Мне очень хотелось дойти до него, но вскоре я увидел, что сегодня нам это сделать не удастся. День приближался к концу; солнце стояло почти у самого горизонта. Нагретые за день камни сильно излучали теплоту. Только свежий ветер мог принести прохладу.

Перед нами высилась ещё одна высокая гора. Надо было

её «взять» во что бы то ни стало. На все окрестные горы легла вечерняя тень, только одна эта сопка ещё была озарена солнечными лучами. Последний подъём был очень труден. Раза три мы садились и отдыхали, потом опять поднимались и через силу карабкались вверх.

Когда мы достигли вершины горы, солнце уже успело сесть. Отблески вечерней зари ещё некоторое время играли в облаках, но они скоро стали затягиваться дымкой вечернего тумана.

Опасение, что к сумеркам мы не найдём воды, придало всем энергию. За горой была глубокая седловина и около неё выемка, покрытая низкорослой древесной растительностью. Мы стали спускаться в эту ложбину. Чем скорее мы найдём воду, тем меньше завтра будем тратить усилий на обратное восхождение на хребет. Поэтому, спускаясь вниз, все внимательно прислушивались. Вскоре наша ложбина приняла вид оврага. На дне его густо росли трава и кустарники, любящие влагу. От седловины мы уже спустились метров на двести, а воды всё ещё не было видно. Вдруг ухо моё уловило глухой шум под землёй. Стрелки сбросили котомки и стали разбирать камни, но вода оказалась далеко. Тогда мы перешли ниже и принялись опять копать в земле. На этот раз труды наши увенчались успехом: вода была найдена. Первым делом все бросились утолять жажду, но вода была так холодна, что её пить можно было только маленькими глотками с перерывами.

Когда Туртыгин развёл огонь, я принялся осматривать ручей. Температура была +0,9 °С. Я просунул руку в образовавшееся отверстие и вынул оттуда несколько камней, покрытых концентрическими слоями льда. Льда было так много, что камни казались в него вмёрзшими. Местами лёд достигал мощности десяти сантиметров.

Несколько раз стрелки принимались варить чай. Пили его перед тем как ставить палатку, потом пили после того как она была поставлена и ещё раз пили перед сном. После ужина все тотчас уснули. Бивак охраняли одни собаки.

Следующий день был такой же душный и жаркий, как и предыдущий.

В Уссурийском крае летние жары всегда бывают очень влажными. Причиной этого является муссон, приносящий сырость с моря.

Дёрновый покров и громадное количество отмершего листа на земле задерживают значительную часть влаги, не давая ей скатываться в долины. Днём, когда пригреет солнце, эта влага начинает испаряться до полного насыщения воздуха. Этим объясняются вечерние и утренние росы, которые бывают так обильны, что смачивают растительность точно дождём. При сравнительно высокой летней температуре и обилии поливки климат Уссурийского края мог бы быть весьма благоприятен для садоводства, но страшная сухость и сильные ветры зимою губительно влияют на фруктовые деревья и не позволяют им развиваться как следует.

Влажные жары сильно истомляют людей и животных. Вла­га оседает на лицо, руки и одежду, бумага становится вок­хою⁹² и перестаёт шуршать, сахар рассыпается, соль и мука слипаются в комки, табак не курится; на теле часто появля­ется тропическая сыпь.

Часа два прошло, пока мы опять достигли водораздела. Теперь начинался спуск. Горы, окаймляющие истоки Санда­гоу, также обезлесены пожарами. Обыкновенно после пер­вого пала остаются сухостои, второй пожар подтачивает их у корня, они падают на землю и горят, пока их не зальёт до­ждём. Третий пожар уничтожает эти последние остатки, и только одна поросль около пней указывает на то, что здесь был когда-то большой лес. С исчезновением лесов получает­ся свободный доступ солнечным лучам к земле, а это, в свою очередь, сказывается на развитии травяной растительности. На горелых местах всегда растут буйные травы, превышаю­щие рост человека. Идти по таким зарослям, заваленным ко­лодником, всегда очень трудно.

Спуск с хребта был не легче подъёма. Люди часто падали и больно ушибались о камни и сучья валежника. Мы спус­кались по высохшему ложу какого-то ручья и опять долго не могли найти воды. Рывины, ямы, груды камней, заросли чёртова дерева, мошка и жара делали эту часть пути очень тяжёлой.

⁹² Местное выражение, означающее сырой, влажный на ощупь, но не мокрый предмет.

После полудня мы вышли наконец к реке Сандагоу. В русле её не было ни капли воды. Отдохнув немного в тени кустов, мы пошли дальше и только к вечеру могли утолить мучившую нас жажду. Здесь в глубокой яме было много мальмы⁹³. Загурский и Туртыгин без труда наловили её столько, сколько хотели. Это было как раз кстати, потому что взятое с собой продовольствие приходило к концу.

В верхней части река Сандагоу слагается из двух рек – Малой Сандагоу, имеющей истоки у Тазовской горы, и Большой Сандагоу, берущей начало там же, где и Эрлдагоу (приток Вай-Фудзина). Мы вышли на вторую речку почти в самых её истоках. Пройдя по ней два-три километра, мы остановились на ночлег около ямы с водою на краю размытой террасы. Ночью снова была тревога. Опять какое-то животное приближалось к биваку. Собаки страшно беспокоились. Загурский два раза стрелял в воздух и отогнал зверя.

Следующий день был воскресный. Пользуясь тем, что вода в реке была только кое-где в углублениях, мы шли прямо по её руслу. В средней части реки Сандагоу растут такие же хорошие леса, как и на реке Сыдагоу. Всюду виднелось множество звериных следов. В одном месте река делает большую петлю.

⁹³ Рыба, похожая на горную форель.

Стрелки шли впереди, а я немного отстал от них. За поворотом они увидели на протоке пятнистых оленей – телка и самку. Загурский стрелял и убил матку. Телок не убежал; остановился и недоумевающе смотрел, что люди делают с его матерью и почему она не встаёт с земли. Я велел его прогнать. Трижды Туртыгин прогонял телка, и трижды он возвращался назад. Пришлось пугнуть его собаками.

Биваком мы встали на месте охоты. Часть мяса мы решили взять с собой, а остальное передать местным жителям.

За ночь погода испортилась. Утро грозило дождём. Мы спешно собрали свои манатки и к полудню дошли до утёса, около которого Кашлев караулил тигров. Место это представляет собою теснину между скалой и глубокой протокой, не замерзающей даже зимою. Здесь постоянно ходят полосатые хищники, выслеживающие кабанов, а за ними в свою очередь охотится Кашлев.

Пройдя от скалы ещё километров пять, мы дошли наконец до первой земледельческой фанзы и указали её обитателям, где можно найти оленьё мясо. К вечеру мы дошли до Вай-Фудзина, а ещё через двое суток возвратились в пост Ольги.

Глава 15

Приключение на реке Арзамасовке

Китаец Че Фан. – Притоки реки Арзамасовки. – Пещеры. – Птицы. – Древесные и кустарниковые породы в лесу. – Охота на кабанов. – Заблудился. – Дождь. – Опасное положение. – Услуга, оказанная Лешим. – Тропа. – Огонь. – Чужой бивак. – Мурзин. – Возвращение

Начиная с 7 июля погода снова стала портиться. Всё время шли дожди с ветром. Воспользовавшись непогодой, я занялся вычерчиванием маршрутов и обработкой путевых дневников. На эту работу ушло трое суток. Покончив с ней, я стал собираться в новую экспедицию на реку Арзамасовку. А. И. Мерзлякову было поручено произвести съёмку Касафуновой долины и Кабаньей пади, а Г. И. Гранатман взялся произвести рекогносцировку в направлении Арзамасовка – Тадушу.

Пятнадцатого июля, рано утром, я выступил в дорогу, взяв с собою Мурзина, Эпова и Кожевникова. Ночевали мы в селе Пермском, а на другой день пошли дальше.

Река Арзамасовка по-китайски называется Да-дун-гоу⁹⁴. Она длиною километров сорок пять, шириною около устья

⁹⁴ Да-дун-гоу – большая восточная долина.

сто метров и глубиной по руслу около сажени. Долина её вначале узкая, но выше, после впадения реки Кабаньей, значительно расширяется. В настоящее время все китайские и туземные названия уже утрачены. Пермские крестьяне переделали их по-своему. Со стороны пади Широкой в долину Арзамасовки выдвигаются мощные речные террасы, местами сильно размытые. Здесь в горах много осыпей. Своим серым цветом они резко выделяются из окружающей их растительности.

Интересною особенностью Арзамасовских гор, находящихся против пади Широкой, будет однообразие их форм. Пусть читатель представит себе несколько трёхгранных пирамид, положенных набок друг около друга, основанием в долину, а вершинами к водоразделу. Трёхгранные углы их будут возвышенностями, а углубления между ними – распадками.

Треугольные основания их по отношению к долине находятся под углом градусов в шестьдесят.

Частые и сильные наводнения в долине Вай-Фудзина принудили пермских крестьян искать места, более удобные для земледелия, где-нибудь в стороне. Естественно, что они прежде всего обратили внимание на Да-дун-гоу.

От залива Ольги в долину Арзамасовки есть два пути. Один идёт через село Пермское, а другой – по реке Поддеваловке, названной так потому, что после дождей на размытой дороге образуется много ям – ловушек. Дорога эта выходит

как раз против пади Широкой. Последняя представляет собой действительно широкую долину, по которой протекает маленькая речка. Выше её в долину Арзамасовки входят три пади: Колывайская, Угловая и Лиственничная. По ним можно выйти на реку Хулуай, впадающую в залив Владимира. Перевалы через невысокие горные хребты состоят из целого ряда конических сопок, слагающихся из известняков.

В первый день мы дошли до фанзы китайца Че Фана. По единогласному свидетельству всех пермских и фудзинских крестьян, китаец этот отличался удивительной добротой. Когда впервые у них наводнениями размыло пашни, он пришёл к ним на помощь и дал семян для новых посевов. Всякий, у кого была какая-нибудь нужда, шёл к Че Фану, и он никому ни в чём не отказывал. Если бы не Че Фан, переселенцы ни за что не поднялись бы на ноги. Многие эксплуатировали его доброту, и, несмотря на это, он никогда не являлся к обидчикам в качестве кредитора.

Утром на следующий день я пошёл осматривать пещеры в известковых горах с правой стороны Арзамасовки против устья реки Угловой. Их две: одна вверху на горе, прямая, похожая на шахту, длина её около 100 метров, высота от 2,4 до 3,6 метра, другая пещера находится внизу на склоне горы. Она спускается вниз колодцем метров на двенадцать, затем идёт наклонно под углом 10 градусов. Раньше это было русло подземной реки.

Длина второй пещеры около 120 метров, ширина и высо-

та неравномерны: то она становится узкой с боков и высокой, то, наоборот, низкой и широкой. Дно пещеры завалено камнями, свалившимися сверху, вследствие этого в ней нет сталактитов. Так как эти обвалы происходят всюду и равномерно, то пещера как бы перемещается в вертикальном направлении.

Как и во всех таких пещерах, в ней было много летучих мышей с большими ушами и белых комаров-долгоножек.

Когда мы окончили осмотр пещер, наступил уже вечер. В фанзе Че Фана зажгли огонь. Я хотел было ночевать на улице, но побоялся дождя. Че Фан отвёл мне место у себя на кане. Мы долго с ним разговаривали. На мои вопросы он отвечал охотно, зря не болтал, говорил искренно. Из этого разговора я вынес впечатление, что он действительно хороший, добрый человек, и решил по возвращении в Хабаровск хлопотать о награждении его чем-нибудь за ту широкую помощь, какую он в своё время оказывал русским переселенцам.

Перед рассветом с моря потянул туман. Он медленно взбирался по седловинам в горы. Можно было ждать дождя. Но вот взошло солнце, и туман стал рассеиваться. Такое превращение пара из состояния конденсации в состояние нагретое, невидимое, в Уссурийском крае всегда происходит очень быстро. Не успели мы согреть чай, как от морского тумана не осталось и следа; только мокрые кустарники и трава ещё свидетельствовали о недавнем его нашествии.

Пятнадцатое и шестнадцатое июля я посвятил осмотру рек Угловой и Лиственничной. Река Угловая (Нан-дун-гоу) в верховьях слагается из трёх горных ручьёв. По ней можно выйти на реку Мокрушу (нижний правый приток Хулуая). Наносная иловая почва в этой долине чрезвычайно плодородна. Сопки, защищающие её от губительных морских ветров, покрыты лесом. Среди лиственных пород кое-где мелькают одиночные кедры. Зато с подветренной стороны они почти совершенно оголены от растительности. В самой долине растут низкорослый корявый дуб, похожий скорее на куст, чем на дерево, дуплистая липа, чёрная берёза; около реки – тальник, вяз и ольха, а по солнцепекам – леспедеца, таволга, калина, орешник, полынь, тростник, виноград и полевой горошек.

Достигнув водораздела, мы повернули на север и пошли вдоль хребта к истокам реки Лиственничной. Печальную картину представляет собою этот хребет с чахлою растительностью по склонам и с гольцами по гребню. Сейчас же за перевалом высится высокая куполообразная гора, которую местные жители называют Борисовой плешинной. Относительная высота этой горы над истоками реки Лиственничной равняется 680 метрам. Спуск с водораздела, медленный и пологий к Арзамасовке, становится крутым в сторону Хулуая. В верховьях Лиственничная (Сяо-дун-гоу) состоит из двух речек одинаковой величины. Левая сторона её покрыта лиственным лесом, от которого она и получила своё на-

звание, правая – редколесьем из дуба и берёзы. Последняя является господствующей и составляет более 70 процентов всей древесной растительности.

Из крупных четвероногих, судя по тем следам, которые я видел на земле, тут водились кабаны, изюбры, пятнистые олени и дикие козы. Два раза мы стреляли по ним, но неудачно.

Птиц тут было также очень много. По воздуху без шума носились два азиатских канюка, всё время гонявшихся друг за другом. Один старался другого ударить сверху, с налёта, но последний ловко увёртывался от него. Верхняя птица по инерции проносилась мимо, а нижняя подымалась вверх, так что потом нельзя уже было разобраться, которая из них была нападающей и которая обороняющейся. Потом канюки спустились в траву и, распустив крылья, продолжали бой на земле. Леший спугнул их. Птицы поднялись на воздух и на этот раз разлетелись в разные стороны. Около каменистых осыпей в одиночку держались необщительные каменные дрозды. Они шаркали по камням, прятались в щелях и неожиданно появлялись где-нибудь с другой стороны. При малейшем намёке на опасность они поспешно старались скрыться в кустарниках и среди россыпей. В другом месте я заметил мухоловок, которые легко ловили на лету насекомых и так были заняты своим делом, что совершенно не замечали людей и собак и даже не обращали внимания на ружейные выстрелы. В высокой густой траве то и дело встречались

длиннохвостые камышовки. Им тут место. Они лазили по тростникам, сидели на кусты, бегали по земле. У них была какая-то боязнь открытых мест, лишённых растительности. Одна из этих птичек вылетела было на дорогу, но вдруг, как бы чего-то испугавшись, метнулась назад и тогда только успокоилась, когда села на камышинку. Около горного ручья между сухими кочками собака моя выгнала ещё какую-то птицу. Я выстрелил и убил её. Это оказался восточный горный дупель. Потом я заметил камчатскую чёрную трясогузку – грациозную и наивную птичку. Она не выражала страха перед человеком, бегала около воды и что-то клевала на берегу.

Семнадцатое июля ушло на осмотр реки Арзамасовки. Истоки её находятся как раз против верховьев реки Сибегоу, входящей в бассейн Тадушу. В верхней части своего течения Арзамасовка течёт в меридиональном направлении и по пути принимает в себя речку Менную, потом Лиственничную, а немного ниже – ещё две речки с правой стороны, которые местные крестьяне называют Фальи пади (от китайского слова «фалу», что значит – олень). Отсюда Арзамасовка поворачивает к югу и сохраняет это направление до конца. По пути она забирает воду с правой стороны из реки Вымойной, которая, в свою очередь, принимает в себя реки Сальную, Клышную и Судновую. Эта последняя имеет притоками справа Форточкину, Сухую, Комфоркину и слева – Прострельную.

В долине реки Сальной можно наблюдать весьма интересные образования. Вода, стекающая с горы, по узким ложбинам выносит массы песка и щебня. По выходе в долину материал этот складывается в большие конусы, которые тем больше, чем длиннее и глубже ущелье. Вероятно, конусы эти нарастают периодически, во время сильных ливней, потому что только масса быстро двигающейся воды способна переносить столь крупные обломки горной породы.

Дойдя до истоков реки Арзамасовки, мы поднялись на водораздел и шли некоторое время горами в юго-западном направлении.

В этом районе преобладающими горными породами будут известняки. В контактах их с массивно-кристаллическими породами встречаются богатые цинковые и серебряноцинковые руды.

В сумерки с моря снова потянул туман. Я опасался, как бы опять не испортилась погода, но, на наше счастье, следующий день был хотя и пасмурный, но сухой.

Из новых древесных пород в этих местах я заметил пеклен – небольшое стройное дерево с красно-коричневой корой и звездообразно рассечёнными листьями, затем – сибирскую яблоню, дающую очень мелкие плоды, похожие скорее на ягоды, чем на яблоки. Медведи особенно любят ими лакомиться. Около речки росли: душистый тополь с приземистым стволом и с узловатыми ветвями, рядом с ним – вечно трепещущая осина, а на галечниковых отмелях, как бам-

буковый лес, – тонкоствольные тальники. На скалах около ручья приютилась японская черёмуха – полукуст-полудерево, и камчатская дафния со светло-серой корой и с красными ягодами. Дальше виднелись амурская сирень – основной элемент маньчжурской флоры, крупный кустарник с серой корой, а по опушкам – вьющаяся диоскорея – растение раздельнополое, причём мужские экземпляры отличаются от женских не только цветами, но и листвой.

Землистая, сильно избитая, лишённая растительности тропа привела нас к Сихотэ-Алиню. Скоро она разделилась. Одна пошла в горы, другая направилась куда-то по правому берегу Лиственничной. Здесь мы отаборились. Решено было, что двое из нас пойдут на охоту, а остальные останутся на биваке.

Летом охота на зверя возможна только утром, на рассвете, и в сумерки, до темноты. Днём зверь лежит где-нибудь в чаще, и найти его трудно. Поэтому, воспользовавшись свободным временем, мы растянулись на траве и заснули.

Когда я проснулся, мне в глаза бросилось отсутствие солнца. На небе появились слоистые облака, и на землю как будто спустились сумерки. Было четыре часа пополудни. Можно было собираться на охоту. Я разбудил казаков, они обулись и принялись греть воду.

После чая мы с Мурзиным взяли свои ружья и разошлись в разные стороны. На всякий случай, я захватил с собою на поводке Лешего. Вскоре я нашёл кабанов и начал их следить.

Дикие свиньи шли не останавливаясь и на ходу всё время рыли землю. Судя по числу следов, их было, вероятно, больше двадцати. В одном месте видно было, что кабаны перестали копаться в земле и бросились врассыпную. Потом опять сошлись вместе. Я уже хотел было прибавить шагу, как вдруг то, что я увидел, заставило меня оглянуться. Около лужи на грязи был свежий отпечаток тигровой лапы. Ясно представил себе, как шли кабаны и как следом за ними крался тигр. «Не вернуться ли назад?» – подумал я, но тотчас же взял себя в руки и осторожно двинулся вперёд.

Теперь дикие свиньи пошли в гору, потом спустились в соседнюю падь, оттуда по ребру опять стали подниматься вверх, но, не дойдя до вершины, круто повернули в сторону и снова спустились в долину. Я так увлёкся преследованием их, что совершенно забыл о том, что надо осматриваться и запомнить местность. Все внимание моё было поглощено кабанами и следами тигра. Так прошёл я ещё около часа.

Несколько мелких капель, упавших сверху, заставили меня остановиться: начал накрапывать дождь. Сперва он немного только поморосил и перестал. Минут через десять он опять попрыскал и снова перестал. Перерывы эти делались короче, а дождь сильнее, и наконец он полил как следует.

«Пора возвращаться на бивак», – подумал я и стал осматриваться, но за лесом ничего не было видно. Тогда я поднялся на одну из ближайших сопок, чтобы ориентироваться.

Кругом, насколько хватал глаз, все небо было покрыто тучами; только на крайнем западном горизонте виднелась узенькая полоска вечерней зари. Облака двигались к западу. Значит, рассчитывать на то, что погода разгуляется, не приходилось. Горы, которые я теперь увидел, показались мне незнакомыми. Куда идти? Я понял свою ошибку. Я слишком увлёкся кабанами и слишком мало уделил внимания окружающей обстановке. Идти назад по следам было немыслимо. Ночь застигла бы меня раньше, чем я успел бы пройти и половину дороги. Тут я вспомнил, что я, как некурящий, не имею спичек. Рассчитывая к сумеркам вернуться на бивак, я не захватил их с собой. Это была вторая крупная ошибка. Я два раза выстрелил в воздух, но не получил ответных сигналов. Тогда я решил спуститься в долину и, пока возможно, идти по течению воды. Была маленькая надежда, что до темноты я успею выбраться на тропу. Не теряя времени, я стал спускаться вниз; Леший покорно поплёлся сзади.

Как бы ни был мал дождь в лесу, он всегда вымочит до последней нитки. Каждый куст и каждое дерево собирают дождевую воду на листьях и крупными каплями осыпают путника с головы до ног. Скоро я почувствовал, что одежда моя стала намокать.

Через полчаса в лесу начало темнеть. Уже нельзя было отличить яму от камня, колодник от земли. Я стал спотыкаться. Дождь усилился и пошёл ровный и частый. Пройдя ещё с километр, я остановился, чтобы перевести дух. Соба-

ка тоже вымокла. Она сильно встряхнулась и стала тихонько визжать. Я снял с неё поводок. Леший только и ждал этого. Встряхнувшись ещё раз, он побежал вперёд и тотчас скрылся с глаз. Чувство полного одиночества охватило меня. Я стал окликать его, но напрасно. Простояв ещё минуты две, я пошёл в ту сторону, куда побежала собака.

Когда идёшь по тайге днём, то обходишь колодник, кусты и заросли. В темноте же всегда, как нарочно, залезешь в самую чащу. Откуда-то берутся сучья, которые то и дело цепляются за одежду, ползучие растения срывают головной убор, протягиваются к лицу и опутывают ноги.

Быть в лесу, наполненном дикими зверями, без огня, во время ненастья – жутко. Сознание своей беспомощности заставило меня идти осторожно и прислушиваться к каждому звуку. Нервы были напряжены до крайности. Шелест упавшей ветки, шорох пробегающей мыши казались преувеличенными, заставляли круто поворачивать в их сторону.

Наконец стало так темно, что в глазах уже не было нужды. Я промок до костей, с фуражки за шею текла вода ручьями. Пробираясь ощупью в темноте, я залез в такой бурелом, из которого и днём-то едва ли можно скоро выбраться. Нашупывая руками опрокинутые деревья, вывороченные пни, камни и сучья, я ухитрился как-то выйти из этого лабиринта. Я устал и сел отдохнуть, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Зубы выстукивали дробь; я весь дрожал, как в лихорадке. Усталые ноги требовали отдыха, а холод застав-

лял двигаться дальше.

Залезть на дерево! Эта глупая мысль всегда первой приходит в голову заблудившемуся путнику. Я сейчас же отогнал её прочь. Действительно, на дереве было бы ещё холоднее, и от неудобного положения стали бы затекать ноги. Зарыться в листья! Это не спасло бы меня от дождя, но, кроме того, легко простудиться. Как я ругал себя за то, что не взял с собой спичек. Я мысленно дал себе слово на будущее время не отлучаться без них от бивака даже на несколько метров.

Я стал карабкаться через бурелом и пошёл куда-то под откос. Вдруг с правой стороны послышался треск ломаемых сучьев и чьё-то порывистое дыхание. Я хотел было стрелять, но винтовка, как на грех, дульной частью зацепилась за лианы. Я вскрикнул не своим голосом и в этот момент почувствовал, что животное лизнуло меня по лицу... Это был Леший.

В душе моей смешались два чувства: злоба к собаке, что она меня так напугала, и радость, что она возвратилась. Леший с минуту повертелся около меня, тихонько повизжал и снова скрылся в темноте.

С невероятным трудом я подвигался вперёд. Каждый шаг мне стоил больших усилий. Минут через двадцать я подошёл к обрыву. Где-то глубоко внизу шумела вода. Разыскав ощупью большой камень, я столкнул его под кручу. Камень полетел по воздуху; я слышал, как он глубоко внизу упал в воду. Тогда я круто свернул в сторону и пошёл вправо, в об-

ход опасного места. В это время опять ко мне прибежал Леший. Я уже не испугался его и поймал за хвост. Он осторожно взял зубами мою руку и стал тихонько визжать, как бы прося его не задерживать. Я отпустил его. Отбежав немного, собака снова вернулась назад и тогда только успокоилась, когда убедилась, что я иду за ней следом. Так прошли мы ещё с полчаса.

Вдруг в одном месте я поскользнулся и упал, больно ушибив колено о камень. Я со стоном опустился на землю и стал потирать больную ногу. Через минуту прибежал Леший и сел рядом со мной. В темноте я его не видел – только ощущал его тёплое дыхание. Когда боль в ноге утихла, я поднялся и пошёл в ту сторону, где было не так темно. Не успел я сделать и десяти шагов, как опять поскользнулся, потом ещё раз и ещё.

Тогда я стал ощупывать землю руками.

Крик радости вырвался из моей груди. Это была тропа! Несмотря на усталость и боль в ноге, я пошёл вперёд.

«Теперь не пропаду, – думал я, – тропинка куда-нибудь приведёт».

Я решил идти по ней всю ночь до рассвета, но сделать это было не так-то легко. В полной темноте я не видел дороги и ощупывал её только ногой. Поэтому движения мои были до крайности медленными. Там, где тропа терялась, я садился на землю и шарил руками. Особенно трудно было разыскивать её на поворотах. Иногда я останавливался и ждал воз-

вращения Лешего, и собака вновь указывала мне потерянное направление. Часа через полтора я дошёл до какой-то речки. Вода с шумом катилась по камням. Я опустил в неё руку, чтобы узнать направление течения. Речка бежала направо.

Перейдя вброд горный поток, я сразу попал на тропу. Я ни за что не нашёл бы её, если бы не Леший. Собака сидела на самой дороге и ждала меня. Заметив, что я подхожу к ней, она повертелась немного на месте и снова побежала вперёд. В темноте ничего не было видно, слышно было только, как шумела вода в реке, шумел дождь и шумел ветер в лесу. Тропа вывела меня на другую дорогу. Теперь явился вопрос, куда идти: вправо или влево. Обдумав немного, я стал ждать собаку, но она долго не возвращалась. Тогда я пошёл вправо. Минут через пять появился Леший. Собака бежала мне навстречу. Я нагнулся к ней. В это время она встряхнулась и всего меня обдала водой. Я уже не ругался, погладил её и пошёл следом за ней.

Идти стало немного легче: тропа меньше кружила и не так была завалена буреломом. В одном месте пришлось ещё раз переходить вброд речку. Пробираясь через неё, я поскользнулся и упал в воду, но от этого одежда моя не стала мокрее.

Наконец я совершенно выбился из сил и сел на пенёк. Руки и ноги болели от заноз и ушибов, голова отяжелела, веки закрывались сами собой. Я стал дремать. Мне грезилось, что где-то далеко между деревьями мелькает огонь. Я сделал над собой усилие и открыл глаза. Было темно; холод и

сырость пронизывали до костей. Опасаясь, чтобы не простудиться, я вскочил и начал топтаться на месте, но в это время опять увидел свет между деревьями. Я решил, что это галлюцинация. Но вот огонь появился снова. Сонливость моя разом пропала. Я бросил тропу и пошёл прямо по направлению огня. Когда ночью перед глазами находится свет, то нельзя определить, близко он или далеко, низко или высоко над землёй.

Через четверть часа я подошёл настолько близко к огню, что мог рассмотреть все около него. Прежде всего я увидел, что это не наш бивак. Меня поразило, что около костра не было людей. Уйти с бивака ночью во время дождя они не могли. Очевидно, они спрятались за деревьями.

Мне стало жутко. Идти к огню или нет? Хорошо, если это охотники, а если я наткнулся на табор хунхузов? Вдруг из чащи сзади меня выскочил Леший. Он смело подбежал к огню и остановился, озираясь по сторонам. Казалось, собака тоже была удивлена отсутствием людей. Она обошла вокруг костра, обнюхивая землю, затем направилась к ближайшему дереву, остановилась около него и завилыла хвостом. Значит, там был кто-нибудь из своих, иначе собака выражала бы гнев и беспокойство. Тогда я решил подойти к огню, но спрятавшийся опередил меня. Это оказался Мурзин. Он тоже заблудился и, разведя костёр, решил ждать утра. Услышав, что по тайге кто-то идёт, и не зная, кто именно, он спрятался за дерево. Его больше всего смутила та осторожность, с которой я приближался, и в особенности то, что я не подошёл прямо к огню, а остановился в отдалении.

Тотчас мы стали сушиться. От намокшей одежды клубами повалил пар. Дым костра относил то в одну, то в другую сторону. Это был верный признак, что дождь скоро перестанет. Действительно, через полчаса он превратился в изморось. С деревьев продолжали падать ещё крупные капли.

Под большой елью, около которой горел огонь, было немного суше. Мы разделись и стали сушить бельё. Потом мы нарубили пихтача и, прислонившись к дереву, погрузились в глубокий сон.

К утру я немного прозяб. Проснувшись, я увидел, что костёр прогорел. Небо ещё было серое; кое-где в горах лежал туман. Я разбудил казака. Мы пошли разыскивать свой бивак. Тропа, на которой мы ночевали, пошла куда-то в сторону, и потому пришлось её бросить. За речкой мы нашли другую тропу. Она привела нас к табору.

Подкрепив силы чаем с хлебом, часов в одиннадцать утра мы пошли вверх по реке Сальной. По этой речке можно дойти до хребта Сихотэ-Алинь. Здесь он ближе всего подходит к морю. Со стороны Арзамасовки подъём на него крутой, а с западной стороны – пологий. Весь хребет покрыт густым смешанным лесом. Перевал будет на реке Ли-Фудзин, по которой мы вышли с реки Улахе к заливу Ольги.

После полудня вновь погода стала портиться. Опасаясь, как бы опять не пошли затяжные дожди, я отложил осмотр Ли-Фудзина до другого, более благоприятного случая. Действительно, ночью полил дождь, который продолжался и весь следующий день. 21 июля я повернул назад и через двое суток возвратился в пост Ольги.

Глава 16

Залив Владимира

*Река Ольга. – Ночёвка около китайской фанзы. –
Залив Владимира. – Геология залива. – Китайские
морские промыслы. – Осьминог. – Река Хулуай*

Пока я был на реке Арзамасовке, из Владивостока прибыли давно жданные грузы. Это было как раз кстати. Окрестности залива Ольги уже были осмотрены, и надо было двигаться дальше. 24 и 25 июля прошли в сборах. За это время лошади отдохнули и оправились. Конское снаряжение и одежда людей были в порядке, запасы продовольствия пополнены.

Дальнейший план работ был намечен следующим образом: Г. И. Гранатману было поручено пройти горами между Арзамасовкой и Сибегоу (приток Тадушу), а А. И. Мерзляков должен был обойти Арзамасовку с другой стороны. В верховьях Тадушу мы должны были встретиться. Я с остальными людьми наметил себе путь по побережью моря к заливу Владимира.

Мои товарищи выступили в поход 26 июля утром, а я 28-го числа после полудня.

День выпал хороший и тёплый. По небу громоздились массы кучевых облаков. Сквозь них прорывались солнечные лучи и светлыми полосами ходили по воздуху. Они отража-

лись в лужах воды, играли на камнях, в листве ольшаников и освещали то один склон горы, то другой. Издали доносились удары грома.

Залив Владимира и залив Ольги расположены рядом, на расстоянии 50 километров друг от друга. Посредине между ними проходит небольшой горный кряж высотой в среднем около 250 метров с наивысшими точками в 450 метров, служащий водоразделом между речкой Ольгой (13 километров) и речкой Владимировкой (9 километров), впадающей в залив того же имени. Обе речки текут по широким продольным долинам, отделённым от моря невысоким горным хребтом, который начинается у мыса Шкота (залив Ольги) и тянется до мыса Ватовского (залив Владимира). Направление этой складки можно проследить и дальше на север.

Река Ольга состоит из двух речек одинаковой величины со множеством мелких притоков, отчего долина её кажется широкой размытой котловиной. Раньше жители поста Ольги общались с заливом Владимира по тропе, проложенной китайскими охотниками. Во время русско-японской войны в 1905 году в заливе Владимира разбился крейсер «Изумруд». Для того чтобы имущество с корабля можно было перевезти в пост Ольги, построили колёсную дорогу. С того времени между обоими заливами установилось правильное сообщение.

Гроза прошла стороной, и после полудня небо очистилось. Солнце так ярко светило, что казалось, будто все пред-

меты на земле сами издают свет и тепло. День был жаркий и душный.

Сумерки спустились на землю раньше, чем мы успели дойти до перевала. День только что кончился. С востока откуда-то издалека, из-за моря, точно синий туман, надвигалась ночь. Яркие зарницы поминутно вспыхивали на небе и освещали кучевые облака, столпившиеся на горизонте. В стороне шумел горный ручей, в траве неумолкаемым гомоном трещали кузнечики.

Я уже хотел подать сигнал к остановке, как вдруг один из казаков сказал, что видит огонь. Действительно, маленький огонёк виднелся в стороне около леса, шагах в трёхстах от дороги. Мы пошли туда. Это была китайская фанза. Собака своим лаем известила хозяев о нашем приближении. Два китайца вышли нам навстречу. В улыбках и поклонах их были страх и покорность, заискивание и гостеприимство. Китайцы предлагали мне лечь у них в фанзе, но ночь была так хороша, что я отказался от их приглашения и с удовольствием расположился у огня вместе со стрелками.

Обыкновенно после долгой стоянки первый бивак всегда бывает особенно оживлённым. Все полны сил и энергии, всего вдоволь, все чувствуют, что наступает новая жизнь, всякому хочется что-то сделать. Опять у стрелков появилась гармоника. Весёлые голоса, шутки, смех разносились далеко по долине.

Стояла китайская фанзочка много лет в тиши, слушая

только шум воды в ручье, и вдруг все кругом наполнилось песнями и весёлым смехом. Китайцы вышли из фанзы, тоже развели небольшой огонёк в стороне, сели на корточки и молча стали смотреть на людей, так неожиданно пришедших и нарушивших их покой. Мало-помалу песни стрелков начали затихать. Казаки и стрелки последний раз напились чаю и стали устраиваться на ночь.

Я спал плохо, раза два просыпался и видел китайцев, сидящих у огня. Время от времени с поля доносилось ржание какой-то беспокойной лошади и собачий лай. Но потом всё стихло. Я завернулся в бурку и заснул крепким сном. Перед солнечным восходом пала на землю обильная роса. Кое-где в горах ещё тянулся туман. Он словно боялся солнца и старался спрятаться в глубине лощины. Я проснулся раньше других и стал будить команду.

Распростившись с китайцами, мы тронулись в путь. Я заплатил им за дрова и овощи. Манзы пошли было нас провожать, но я настоял на том, чтобы они возвратились обратно. Часов в девять утра мы перевалили через водораздел и спустились в долину Владимировки.

На этом маршруте следует отметить весьма интересные эоловые образования в виде гладко обточенных столбов, шарообразных глыб, покоящихся на небольших пьедесталах, в виде выпуклостей с перетяжками, овальных углублений и т. д. Некоторые из них поражают своей оригинальностью. Одни глыбы похожи на зверей, другие на колонны, третьи на

людей и т. д. Образования эти заслуживают особого внимания потому ещё, что вблизи нигде нет песков, которые играли бы роль шлифовального материала. Высокий горный хребет, служащий водоразделом между реками Ольгой и Владимировкой, спускается к морю мысами и состоит из песчаников, конгломератов и серых вакк.

Речка Владимировка имеет вид обыкновенного горного ручья, протекающего по болотистой долине, окаймлённой сравнительно высокими горами.

К вечеру отряд наш дошёл до её устья и расположился биваком на берегу моря.

В сумерки на западе слышны были раскаты грома. Мы стали ставить палатки, но опасения наши оказались напрасными. Гроза опять прошла стороной. Однако нас смутило другое явление. Как только погасла вечерняя заря, звезды начали меркнуть, и небо стало заволакиваться не то тучами, не то туманом. Прохладный ветерок тянул с суши на море, а мгла вверх шла в обратном направлении. Это бризы. В августе и сентябре на берегу моря их можно наблюдать почти ежедневно. На рассвете небо кажется серым. Туман неподвижно лежит над землёй в полгоры. Когда же солнце подымается над горизонтом градусов на пятнадцать, он приходит в движение, начинает клубиться и снова ползёт к морю, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее. Сперва это нас беспокоило. Всё казалось, что будет дождь. Потом мы привыкли к этому явлению и уже более не обращали на него

внимания.

Весь следующий день был посвящён осмотру залива Владимира. Китайцы называют его Хулуай (от слов «хулу», что означает – круглая тыква, горлянка, и «вай» – залив или бухта).

Некоторые русские вместо Хулуай говорят Фулуай и производят его от китайского слова «фалу», что значит пятнистый олень. Это совершенно неправильно.

Залив Владимира ($45^{\circ}53'$ северной широты и $135^{\circ}37'$ восточной долготы от о. Ферро – астрономический пункт находится на мысе Орехова) представляет собой огромный водоём глубиной до 12 метров, обставленный со всех сторон гранитными горами высотой в среднем около 230 метров. Он значительно больше залива Ольги и состоит из трёх частей: северо-западной – большой, юго-восточной – меньшей и средней – самой маленькой. Со стороны открытого моря залив этот окаймлён двумя гористыми полуостровами: Валюзекка и Ватовского. Третий полуостров, Рудановского, находится в середине залива. Из упомянутых полуостровов наибольшим будет южный – Ватовского. Видно, что они ещё недавно были под водой.

Вокруг залива Владимира, около устьев впадающих в него речек, находится целый ряд небольших озерков с опреснённой водой. Эти озера и окружающие их болота свидетельствуют о том, что залив раньше глубже вдавался в материк. Потом вода была оттеснена, и суша сделала кое-где захва-

ты. Самое большое озеро – южное. Оно величиной около полутора квадратных километров и глубиной от 3 до 6 метров. Вследствие того что через него проходит река, оно быстро мелеет. Два озера с солёной водой на перешейках около полуостровов – тоже живые свидетели того недавнего прошлого, когда полуострова эти были ещё островами. Морской прибой постарался соединить их с материком.

Теперь уже можно предсказать и будущее залива Владимира. Море медленно отступает. Со временем оно закроет вход в залив и превратит его в лагуну, лагуна станет наполняться наносами рек, обмелеет и превратится в болото. По низине пройдёт река, и все речки, впадающие теперь в залив самостоятельно, сделаются её притоками.

Растительность в окрестностях залива Владимира ещё более скудная, чем около поста Ольги. Склоны гор, обращённые к морю, совершенно голые. В долинах берега рек, как бордюром, окаймлены ольхой и тальниками. В тех местах, где деревья подвержены влиянию морских ветров, они низкорослы и имеют жалкий вид. Во всякой лощинке, которая защищена от ветра, развивается растительность более пышная, чем на склонах, обращённых к морю. Таким образом, по растительности можно судить о преобладающих ветрах в данной местности и указать, где находится море.

При входе в залив Владимира с левой стороны ниже мыса Орехова можно видеть какую-то торчащую из воды бесформенную массу. Это крейсер «Изумруд», выскочивший на

мель и взорвавший себя в 1905 году. Грустно смотреть на эту развалину. Что можно было, то с «Изумруда» сняли, перевезли в пост Ольги и отправили во Владивосток, остальное разграбили хунхузы.

На берегах залива мы нашли несколько промысловых фанз. По кучам около них можно было сказать, чем занимались их обитатели. В одном месте было навалено много створок большого гребешка (*Pecten maximus*).

Некоторые кучи уже покрылись слоем земли и обросли травой. Это были своего рода маленькие «киекенмединги». Китайцы берут у моллюсков только одни мускулы, соединяющие створки раковин, и в сухом виде отправляют их в город. В Китае этот продукт ценится очень дорого, как лакомство.

Около другой фанзочки были нагромождены груды панцирей крабов, высохших и покрасневших на солнце. Тут же на циновках сушилось мясо, взятое из ног и клешней животных.

Следующая фанзочка принадлежала капустоловам, а рядом с ней тянулись навесы из травы, под которыми сушилась морская капуста. Здесь было много народа. Одни китайцы особыми крючьями доставали её со дна моря, другие сушили капусту на солнце, наблюдая за тем, чтобы она высохла ровно настолько, чтобы не стать ломкой и не утратить своего зеленовато-бурого цвета. Наконец третья группа китайцев была занята увязыванием капусты в пучки и укладкой её под

навесы.

Идя вдоль берега моря, я издали видел, как у противоположного берега в полосе мелководья, по колено в воде, с шестью в руках бродили китайцы. Они были так заняты своим делом, что заметили нас только тогда, когда мы подошли к ним вплотную. Раздетые до пояса и в штанах, засученных по колено, китайцы осторожно двигались в воде и что-то высматривали на дне моря. Иногда они останавливались, тихонько опускали в воду свои палки и что-то высматривали на берегу. Это оказался съедобный ракушник. Палки, которыми работали китайцы, имели с одной стороны небольшую сеточку в виде ковшика, а с другой – железный крючок. Увидев двухстворчатку, манза отрывал её багром от камней, а затем вынимал сеточкой. Китайцы на берегу сейчас же опускали их в котёл с горячей водой. Умирая, моллюски раскрывали раковины. При помощи ножей вынималось их содержимое и заготавливалось впрок продолжительным кипячением.

Китайцы далеко разбрелись по берегу по одному и по два человека. Я сел на камни и стал смотреть в море. Вдруг слева от меня раздались какие-то крики. Я повернулся в ту сторону и увидел, что в воде происходила борьба. Китайцы старались палками выбросить какое-то животное на берег, наступали на него, в то же время боялись его и не хотели упустить. Я побежал туда. Животное, с которым боролись китайцы, оказалось большим осьминогом. Своими сильными щупальцами он цеплялся за камни, иногда махал ими по воз-

духу, затем вдруг стремительно бросался в одну какую-нибудь сторону с намерением прорваться к открытому морю. В это время на помощь прибежало ещё три китайца.

Огромный осьминог был настолько близок к берегу, что я мог его хорошо рассмотреть. Я затрудняюсь сказать, какого он был цвета. Окраска его постоянно менялась: то она была синеватая, то ярко-зелёная и даже желтоватая. Чем ближе китайцы подвигали моллюска на мель, тем беспомощнее он становился. Наконец манзы вытащили его на берег. Это был огромный мешок с головой, от которой отходили длинные щупальца, унизанные множеством присосков. Когда он подымал кверху сразу два-три из них, можно было видеть его большой, чёрный клюв. Иногда этот клюв сильно выдвигался вперёд, иногда совсем втягивался внутрь, и на месте его оставалось только небольшое отверстие. Особенно интересны были его глаза. Трудно найти другое животное, у которого глаза так напоминали бы человеческие.

Мало-помалу движения осьминога становились медленнее; по телу его начали пробегать судороги, окраска стала блекнуть, и наружу всё больше и больше стал выступать один общий буро-красный цвет.

Наконец животное успокоилось настолько, что явилась возможность подойти к нему без опаски. Я смерил его. Этот представитель головоногих был чрезвычайно больших размеров. Мешок с внутренностями был длиной 0,8 метра. Турбинный аппарат, при помощи которого движется животное,

находился впереди, около головы, немного сбоку. Голова моллюска имела большие размеры в ширину, чем в длину, и равнялась 28 сантиметрам. Роговой клюв, донельзя напоминающий клюв попугая, был 9 сантиметров по наружной кривизне и 5 сантиметров, если мерить его сбоку. Щупальца осьминога были 1,4 метра длины и толщиной около головы 12 сантиметров в окружности. Пневматические присоски, которыми была усеяна вся внутренняя сторона щупалец, около головы имели размеры трёхкопеечной монеты, а на конце – величиной с серебряный пятак.

Этот интересный экземпляр осьминога был достоин помещения в любой музей, но у меня не было подходящей посуды и достаточного количества формалина, поэтому пришлось ограничиться только куском ноги. Этот обрезок я положил в одну банку с раковинами раков-отшельников. Вечером, когда я стал разбирать содержимое банки, то, к своему удивлению, не нашёл двух раковин. Оказалось, что они были глубоко засосаны обрезком ноги спрута. Значит, присоски её действовали некоторое время и после того, как она была отрезана и положена в банку с формалином.

Осмотр морских промыслов китайцев и охота за осьминогом заняли почти целый день. Незаметно подошли сумерки, и пора было подумать о биваке. Я хотел было идти назад и разыскивать бивак, но узнал, что люди мои расположились около устья реки Хулуая.

Вечером китайцы угощали меня мясом осьминога. Они

варили его в котле с морской водой. На вид оно было белое, на ощупь упругое и вкусом несколько напоминало белые грибы.

Следующий день был посвящён осмотру Хулуая. Река эта длиной километров в двадцать. Она течёт в меридиональном направлении и впадает в залив Владимира с северной стороны. Около устья долина Хулуая сужена, но выше она расширяется. Высоты с правой стороны имеют резко выраженный горный характер. Большинство их покрыто осыпями. С левой тянутся широкие террасы, которые дальше от реки переходят в увалы, покрытые редколесьем из липы, дуба и дурской берёзы. С этой стороны в Хулуай впадает несколько ключей, которые во время дождей выносят в долину много мусора и засоряют участки плодородной земли.

Из притоков Хулуая наибольшего внимания заслуживает Тихий ключ, впадающий с правой стороны. По этому ключу идёт тропа на Арзамасовку. Ключ этот вполне оправдывает своё название. В нём всегда царит тишина, свойственная местам болотистым. Растительность по долине мелкорослая, редкая и состоит главным образом из белой берёзы и кустарниковой ольхи. Первые разбросаны по всей долине в одиночку и небольшими группами, вторые образуют частые насаждения по берегам реки.

Ориентировочным пунктом может служить здесь высокая скалистая сопка, называемая старожилками-крестьянами Петуший гребень. Гора эта входит в состав водораздела между

реками Тапоузой и Хулуаем. Подъём на перевал в истоках Хулуая длинный и пологий, но спуск к Тапоузе крутой. Кроме этой сопки, есть ещё другая гора – Зарод; в ней находится Макрушинская пещера – самая большая, самая интересная и до сих пор ещё не прослеженная до конца.

Вход в пещеру имеет треугольную форму и расположен довольно высоко над землёй (40–50 метров).

Сначала исследователь попадает в первый зал, длиной 35–40 метров и высотой до 30 метров. В конце его находится глубокий колодец. Надо повернуть влево, в нишу; в ней есть длинный проход, имеющий подъем и спуск. На вершине подъёма проход суживается между двумя сталагмитовыми столбами. Далее приходится продвигаться ползком. Этот проход длиной до 50 метров, после чего исследователь вступает в широкий коридор, который приводит его во второй зал снежной белизны. Он небольшой, но очень красивый. Отсюда опять через узкий коридор можно попасть в третий зал, самый величественный. Он гораздо больше первых двух, взятых вместе. Здесь сталактиты и сталагмиты образовали роскошные колоннады. Всюду по стенам слои натёчной извести, производящие впечатление застывших водопадов.

Кое-где местами, в котловинах, собралась вода, столь чистая и прозрачная, что исследователь замечает её только тогда, когда попадает в неё ногой. Тут опять есть очень глубокий колодец и боковые ходы. В этом большом зале наблюдателя невольно поражают удивительные акустические эф-

фекты – на каждое громкое слово отвечает стоголосое эхо, а при падении камня в колодец поднимается грохот, словно пушечная пальба: кажется, будто происходят обвалы и рушатся своды.

В пяти километрах от устья долина расширяется и становится удобной для заселения. Здесь расположились китайские земледельческие фанзы. Их немного – всего только пять. Ближайшая к морю называется Сяочинза.

Целый день я бродил по горам и к вечеру вышел к этой фанзе. В сумерки один из казаков убил кабана. Мяса у нас было много, и потому мы поделились с китайцами. В ответ на это хозяин фанзы принёс нам овощей и свежего картофеля. Он предлагал мне свою постель, но, опасаясь блох, которых всегда очень много в китайских жилищах, я предпочёл остаться на открытом воздухе.

Глава 17

Дерсу Узала

Река Тадушу. – Тапоуза. – Происхождение названия Тадушу. – Низовье реки. – Притоки. – Фанза Сиян. – Рассказы старика маньчжура. – Население. – Сумерки и ненастье. – Бивак незнакомца. – Встреча. – Ночная беседа. – Речные террасы. – Лудёвая фанза. – Истоки Тадушу. – Сихотэ-Алинь. – Перевал Венюкова. – Река Ли-Фудзин и река Дун-бей-ца

Солнечный восход застал нас в дороге.

От залива Владимира на реку Тадушу есть два пути. Один идёт вверх по реке Хулуаю, потом по реке Тапоузе и по Силягоу (приток Тадушу); другой (ближайший к морю) ведёт на Тапоузу, а затем горами к устью Тадушу. Я выбрал последний, как малоизвестный.

Возвышенности между заливом Владимира и рекой Тапоузой состоят из кварцепорфирового туфа с включением обломков бескварцевого и фельзитового порфира и смоляного камня.

Название Тапоуза есть искажённое китайское слово «Да-пао-цзы» (то есть Большая лагуна). Действительно, Тапоуза впадает не непосредственно в море, а в большое прибрежное озеро, имеющее в окружности около 10 километров. Озеро

это отделено от моря песчаной косой и соединяется с ним небольшим рукавом. И здесь мы видим тот же процесс выравнивания берега и отвоевания суши части территории, ранее захваченной морем. По словам туземцев, в прежние годы в этих местах водилось очень много пятнистых оленей. Тазы при помощи собак загоняли животных в озера, где специально отряженные охотники караулили их в лодках. Загнанных животных били из самострелов и кололи копьями.

Река Тапоуза (по-тазовски – Кайя), длиной 25 километров, течёт параллельно Хулуаю. Собственно говоря, Тапоуза состоит из слияния двух рек: самой Тапоузы и Чензагоу⁹⁵. Горный хребет, выходящий мысом между двумя этими речками, состоит из кварцевого и полевошпатового порфира.

Залив Владимира соединяется с долиной Тадушу пешеходной тропой. Ею можно пользоваться и для движения с вьючными обозами. Тропа начинается у Хулуая и идёт по первому ближайшему к морю ключику до перевала. Перейдя горы, она спускается в долину Тапоузы. Подъём на хребет и спуск с него – длинные и пологие, поросшие редким дубовым лесом. Среди деревьев есть много дуплистых. На коре одного из них казаки заметили следы зубов и когтей. Это медведь добывал мёд. Какие-то проходившие мимо охотники прогнали медведя и затем сами доставали мёд таким же хищническим способом, как и зверь.

За перевалом дорога некоторое время идёт вверх по Та-

⁹⁵ Чен-цзы-гоу – долина с городком (валом).

поузе, среди роскошного дубового леса. Здесь также развиты высокие речные террасы. Через 10 километров тропа переходит к левому краю долины и потом по маленькому ключику, не имеющему названия, опять подымается в горы. Этот перевал немного выше предыдущего. Подъем со стороны Тапоузы – крутой, зато спуск к реке Тадушу – пологий. Дальше путь пролегает по речке Сяопо у за⁹⁶, почти совершенно обезлесенную, впадающую в Тадушу километрах в двух от её устья. В общем, пройденный нами в этот день путь равнялся 28 километрам и имел направление, параллельное берегу моря.

В лесу попадалось много следов пятнистых оленей. Вскоре мы увидели и самих животных. Их было три: самец, самка и телёнок. Казаки стреляли, но промахнулись, чему я был несказанно рад, так как продовольствия у нас было вдоволь, а время пантовки⁹⁷ давно уже миновало.

Тадушу! – так вот та самая река, по которой первым прошёл М. Венюков. Здесь китайцы преградили ему путь и потребовали, чтобы он возвратился обратно. При устье Тадушу Венюков поставил большой деревянный крест с надписью, что он здесь был в 1857 году. Креста этого я нигде не нашёл. Вероятно, китайцы уничтожили его после ухода русских. Следом за Венюковым Тадушу посетили Максимович, Будищев и Пржевальский.

⁹⁶ Сяо-пао-цзы – малая заводь.

⁹⁷ Охота за оленями в начале лета ради добычи пантов.

В Уссурийском крае реки, горы и мысы на берегу моря имеют различные названия. Это произошло оттого, что туземцы называют их по-своему, китайцы – по-своему, а русские, в свою очередь, окрестили их своими именами. Поэтому, чтобы избежать путаницы, следует там, где живут китайцы, придерживаться названий китайских, там, где обитают тазы, не следует руководствоваться названиями, данными русскими. Последние имеют место только на картах и местным жителям совершенно не известны.

Расспросив китайцев о дорогах, я наметил себе маршрут вверх по реке Тадушу, через хребет Сихотэ-Алинь, в бассейн реки Ли-Фудзина и оттуда на реку Ното. Затем я полагал по этой последней опять подняться до Сихотэ-Алиня и попытаться выйти на реку Тютихе. Если бы это мне не удалось, то я мог бы вернуться на Тадушу, где и дожидаться прихода Г. И. Гранатмана.

Река Тадушу почему-то называется на одних картах Ли-Фуле, на других – Лей-фынхе, что значит «удар грома». Тазы (удэгейцы) называют её Узи. Некоторые ориенталисты пытаются слово «Тадушу» произвести от слова «дацзы» (тазы). Это совершенно неверно. Китайцы называют её Да-цзо-шу (Большой дуб). Старожилы-манзы говорят, что дуб этот рос в верховьях реки около Сихотэ-Алиня. Дерево было дуплистое и такое большое, что внутри него могли свободно поместиться восемь человек. Искатели женьшеня устроили в нём кумирню, и все проходившие мимо люди молились богу. Но

вот однажды искатели золота остались в нём ночевать. Они вынесли кумирню наружу, сели в дупле и стали играть в карты. Тогда бог послал жестокую грозу. Молния ударила в дерево, разбила его в щепы и убила игроков на месте. Отсюда и получилось два названия: Лей-фынхе и Да-цзо-шу, впоследствии искажённое.

Низовья Тадушу представляют собой большую болотистую низину, это был большой залив. Устье реки находилось немного выше того места, где ныне расположилась деревня Новотадушинская. Высокие террасы на берегу моря и карнизы по склонам гор указывают на отрицательное движение береговой линии и отступление моря. Немалую роль в этом сыграла и сама река, в течение многих веков наносившая осадочный материал и откладывая его в виде мощных напластований. Затем образовалась большая лагуна, отделённая от моря одним только валом. Озера, оставшиеся ныне среди болот, – это наиболее глубокие места лагуны; здесь в непосредственной близости к воде я увидел большие заросли какой-то снежно-белой растительности, при ближайшем осмотре оказавшейся эдельвейсом. Как-то странно было видеть этот красивый альпийский цветок на самом берегу моря.

Склоны соседних гор почти совершенно голые. Только с подветренной стороны группами кое-где растёт низкорослый дуб и корявая берёза.

В заводях Тадушу осенью держится много краснопёрки,

тайменя, кунжи, горбуши и кеты. В озёрах есть караси и щуки.

Длина всей реки 68 километров. Протекает она по типичной денудационной долине, которая как бы слагается из ряда обширных котловин. Особенно это заметно около её притоков. В долине Тадушу сильно развиты речные террасы. Они тянутся всё время то с одной, то с другой стороны почти до самых истоков.

Если идти вверх по реке, то в последовательном порядке будут попадаться следующие притоки: с левой стороны (по течению) – Дунгоу⁹⁸, Канехеза⁹⁹ и Цимухе. По последней идёт тропа на реку Тютихе. Затем ещё две небольшие речки: Либагоуза¹⁰⁰ и Дитагоуза¹⁰¹ с перевалами на реку Динзахе. Справа маленькие речки: Квандагоу¹⁰² и Сяень-Лаза, потом следует Сяо-лисягоу¹⁰³ и Да-лисягоу¹⁰⁴ с перевалами на Тапоузу. Ещё дальше – Юшангоу¹⁰⁵ со скрытым устьем (перевал на Хулуай) и Сибегоу¹⁰⁶ (перевал на Арзамасовку). Последняя длиной 30 километров и состоит из двух речек: Ха-

⁹⁸ Дун-гоу – восточная долина.

⁹⁹ Гань-хэ-цзы – сухая речка.

¹⁰⁰ Ли-ба-гоу-цзы – долина с изгородью для ловли зверей.

¹⁰¹ Ди-та-гоу-цзы – долина с обвалившейся почвой.

¹⁰² Гуан-да-гоу – большая голая долина.

¹⁰³ Сяо-ли-ся-гоу – малая нижняя грушевая долина.

¹⁰⁴ Да-ли-ся-гоу – большая нижняя грушевая долина.

¹⁰⁵ Ю-шан-гоу – правая верхняя долина.

¹⁰⁶ Си-бей-гоу – северо-западная долина.

Исязагоу¹⁰⁷ и Цименсангоуза¹⁰⁸. У места слияния их поселились все тадушенские туземцы.

Наш путь лежал по левому берегу реки. Там, где ранее было древнее устье, тропа взбирается на гору и идёт по карнизу. Отсюда открывается великолепный вид на восток – к морю, и на запад – вверх по долине. Слева характер горной страны выражен очень резко. Особенно величественной кажется голая сопка, которую местные китайцы называют Дита-шань¹⁰⁹, а удэгейцы – Дита-кямони, покрытая трахитовыми осыпями. По рассказам тазов, на ней раньше водилось много пятнистых оленей, но теперь они почти все выбиты. Внизу, у подножия горы, почти на самой тропе, видны обнажения бурого угля.

Из правых притоков Тадушу интересна река Лисягоу. Она длиной 12 километров, по ней проходит тропа на реку Арзамасовку. Подъём на перевал с южной стороны пологий, зато спуск в долину Тадушу крутой и очень живописный. Тропа здесь проложена по карнизу. Это след старинной дороги, которая в древние времена проходила вдоль всего побережья моря и кончалась где-то у мыса Гиляк. Само название Лисягоу показывает, что здесь много растёт грушевых деревьев. Около устья Лисягоу в долину Тадушу вдаётся горный отрог, соединяющийся с соседними горами глубокой седловиной,

¹⁰⁷ Хай-ся-цзы-гоу – медвежья долина.

¹⁰⁸ Цы-мынь-со-гоу – долина семи разбросанных...

¹⁰⁹ Ди-та-шань – невысокая гора в виде башни.

отчего он кажется как бы отдельно стоящей сопкой. У подножия её расположилась богатая фанза Си-Ян, окружённая старинными осокорями.

День кончился. На землю спустилась ночная тень. Скоро всё должно было погрузиться в мрак.

Когда мы подходили к фанзе, в дверях её показался хозяин дома. Это был высокий старик, немного сутуловатый, с длинной седой бородой и с благообразными чертами лица. Достаточно было взглянуть на его одежду, дом и людские, чтобы сказать, что живёт он здесь давно и с большим достатком. Китаец приветствовал нас по-своему. В каждом движении его, в каждом жесте сквозило гостеприимство. Мы вошли в фанзу. Внутри её было так же всё в порядке, как и снаружи. Я не раскаивался, что принял приглашение старика.

Вечером после ужина я стал его расспрашивать о Тадушу и о дороге на Ли-Фудзин. Сначала он говорил неохотно, но потом оживился и, вспоминая старину, рассказал много интересного. Оказалось, что он был маньчжур, по имени Кинь Чжу, родом из Нингуты. На реке Тадушу он жил более шестидесяти лет и уже собирался уехать на родину, чтобы там схоронить свои кости. После этого он рассказал мне о первых годах своей жизни в дикой стране среди инородцев. От этого маньчжура я впервые услышал интересное сказание о давно минувшем Уссурийского края. То была междоусобная борьба между каким-то царём Куань Юном, жившим на реке Сучане, и князем Чин Ятай-цзы из Нингуты. Далее он гово-

рил о битве на реке Даубихе и на горе Коуче-дынца (около поста Ольги). Старик говорил пространно и очень красиво. Слушая его, я совершенно перенёсся в то далёкое прошлое и забыл, что нахожусь на Тадушу. Не один я увлёкся его рассказами: я заметил, что в фанзе все китайцы притихли и слушали повествования старика. Далее он говорил о какой-то страшной болезни, которая уничтожила почти все оставшиеся после войны население.

Тогда край впал в запустение.

Первыми китайцами, появившимися в уссурийской тайге, были искатели женьшеня. Вместе с ними пришёл сюда и он,

Кинь Чжу. На Тадушу он заболел и остался у удэгейцев (тазов), потом женился на женщине их племени и прожил с тазами до глубокой старости.

Наконец старик кончил. Я очнулся и вновь увидел себя в современной обстановке. В фанзе было душно; я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Небо было чёрное; звёзды горели ярко и переливались всеми цветами радуги; на земле было тоже темно. Рядом в конюшне пофыркивали кони. В соседнем болоте стонала выпь; в траве стрекотали кузнечики... Долго я сидел на берегу реки. Величавая тишина ночи и спокойствие, царившее во всей природе, так гармонировали друг с другом. Я вспомнил Дерсу, и мне стало грустно. Я поднялся, пошёл в фанзу, лёг на приготовленную постель, но долго не мог уснуть.

На другой день, распроставшись со стариком, мы пошли вверх по реке. Погода нам благоприятствовала. Несмотря на то, что небо было покрыто кучевыми облаками, солнце светило ярко.

Верхняя половина долины Тадушу несколько разнится от нижней. Внизу, как выше было сказано, она слагается из целого ряда больших котловин, а вверху становится похожей на продольную долину. Здесь она принимает в себя с правой стороны маленькую речку Чингоузу¹¹⁰ с тропой, ведущей к тазовским фанзам на реке Сибегоу, а с левой стороны будет большой приток Динзахе. Этот последний длиннее и много-

¹¹⁰ Цинь-гоу-цзы – чистая долина.

воднее, чем сама Тадушу, и потому его надо бы считать главной рекой, а Тадушу – притоком. О реке Динзахе я буду говорить ниже подробнее.

На реке Тадушу много китайцев. Я насчитал девяносто семь фанз. Они живут здесь гораздо зажиточнее, чем в других местах Уссурийского края. Каждая фанза представляет собой маленький ханшинный¹¹¹ завод. Кроме того, я заметил, что тадушенские китайцы одеты чище и опрятнее и имеют вид здоровый и упитанный. Вокруг фанз видны всюду огороды, хлебные поля и обширные плантации мака, засеваемого для сбора опия.

В верхней части долины живут тазы. Они, как всегда, ютятся в маленьких фанзочках манзовского типа. Китайцы их немилосердно эксплуатируют. Грязь в жилище, грязь в одежде и грязь на теле являются источником всяческих болезней и причиной их вымирания. Китайцы приходят в Уссурийский край одинокими и отбирают от инородцев женщин силой. От этого брака получаются дети, которых нельзя причислить ни к китайцам, ни к инородцам. Большая часть инородческого населения Южноуссурийского края, в том числе и на Тадушу, именно такие нечистокровные тазы. Очень многие из них, и в особенности женщины, курят опий. Это тоже является одной из главных причин их обеднения. Табак курят все, даже малые ребяташки. Мне неоднократно приходилось видеть детей, едва умеющих ходить, сосущих

¹¹¹ Водочный, винокуренный.

грудь матери и курящих трубку.

Долина реки Тадушу весьма плодородна. Больших наводнений в ней не бывает. Даже в том месте, где на коротком протяжении впадают в неё сразу три сравнительно большие реки (Динзахе, Сибегоу и Юшангоу), вода немного выходит из берегов, и то ненадолго.

Тадушу во всём Ольгинском районе является лучшим местом для колонизации.

Горы в средней части долины, выше тазовской фанзы Ся-Инза¹¹², слагаются из песчаников и глинистых сланцев с многочисленными кварцевыми прослойками. Горный отрог, входящий острым клином между Сибегоу и Тадушу, состоит из мелафира, порфирита и витрофира. С южной стороны его, внизу, выступает обсидиан с призматической отдельностью.

После полудня погода стала заметно портиться. На небе появились тучи. Они низко бежали над землёй и задевали за вершины гор. Картина сразу переменилась: долина приняла хмурый вид. Скалы, которые были так красивы при солнечном освещении, теперь казались угрюмыми; вода в реке потемнела. Я знал, что это значит, велел ставить палатки и готовить побольше дров на ночь.

Когда все бивачные работы были закончены, стрелки стали проситься на охоту. Я посоветовал им не ходить далеко и пораньше возвращаться на бивак. Загурский пошёл по до-

¹¹² Сяо-ин-цзы – малый лагерь.

лине Динзахе, Туртыгин – вверх по Тадушу, а я с остальными людьми остался на биваке.

Должно быть, солнце скрылось за горизонтом, потому что вдруг стало темно. Дневной свет некоторое время ещё спорил с сумерками, но видно было, что ночь скоро возьмёт верх и завладеет сперва землёй, а потом и небесами.

Через час Туртыгин возвратился и доложил мне, что километрах в двух от нашего табора у подножия скалистой сопки он нашёл бивак какого-то охотника. Этот человек расспрашивал его, кто мы такие, куда идём, давно ли мы в дороге, и когда узнал мою фамилию, то стал спешно собирать свою котомку. Это известие меня взволновало. Кто бы это мог быть?

Стрелок говорил, что ходить не стоит, так как незнакомец сам обещал к нам прийти. Странное чувство овладело мной. Что-то неудержимо влекло меня туда, навстречу этому незнакомцу. Я взял своё ружьё, крикнул собаку и быстро пошёл по тропинке.

Сразу от огня вечерний мрак мне показался темнее, чем он был на самом деле, но через минуту глаза мои привыкли, и я стал различать тропинку. Луна только что нарождалась. Тяжёлые тучи быстро неслись по небу и поминутно закрывали её собой. Казалось, луна бежала им навстречу и точно проходила сквозь них. Все живое кругом притихло; в траве чуть слышно стрекотали кузнечики.

Обернувшись назад, я уже не видел огней на биваке. По-

стояв с минутой, я пошёл дальше.

Вдруг собака моя бросилась вперёд и яростно залаяла. Я поднял голову и невдалеке от себя увидел какую-то фигуру.

– Кто здесь? – окликнул я.

И в ответ на мой оклик я услышал голос, который заставил меня вздрогнуть:

– Какой люди ходи?

– Дерсу! Дерсу! – закричал я радостно и бросился к нему навстречу.

Если бы в это время был посторонний наблюдатель, то он увидел бы, как два человека схватили друг друга в объятия, словно хотели бороться.

Не понимая, в чём дело, моя Альпа яростно бросилась на Дерсу, но тотчас узнала его, и злобный лай её сменился ласковым визжанием.

– Здравствуй, капитан! – сказал гольд, оправляясь.

– Откуда ты? Как ты сюда попал? Где был? Куда идёшь? – засыпал я его своими вопросами.

Он не успевал мне отвечать. Наконец мы оба успокоились и стали говорить как следует.

– Моя недавно Тадушу пришёл, – говорил он. – Моя слышал, четыре капитана и двенадцать солдат в Шимыне (пост Ольги) есть. Моя думай, надо туда ходи. Сегодня один люди посмотри, тогда все понимай.

Поговорив ещё немного, мы повернули назад к нашему биваку. Я шёл радостный и весёлый. И как было не радовать-

ся: Дерсу был особенно мне близок.

Через несколько минут мы подошли к биваку. Стрелки расступились и с любопытством стали рассматривать гольда.

Дерсу нисколько не изменился и не постарел. Одет он был по-прежнему в кожаную куртку и штаны из выделанной оленьей кожи. На голове его была повязка и в руках та же самая берданка, только сошки как будто новее.

С первого же раза стрелки поняли, что мы с Дерсу старые знакомые. Он повесил своё ружьё на дерево и тоже принялся меня рассматривать. По выражению его глаз, по улыбке, которая играла на его губах, я видел, что и он доволен нашей встречей.

Я велел подбросить дров в костёр и согреть чай, а сам принялся его расспрашивать, где он был и что делал за эти три года. Дерсу мне рассказал, что, расставшись со мной около озера Ханка, он пробрался на реку Ното, где ловил соболей всю зиму, весной перешёл в верховья Улахе, где охотился за пантами, а летом отправился на Фудзин, к горам Сяень-Лаза. Пришедшие сюда из поста Ольги китайцы сообщили ему, что наш отряд направляется к северу по побережью моря. Тогда он пошёл на Тадушю.

Стрелки недолго сидели у огня. Они рано легли спать, а мы остались вдвоём с Дерсу и просидели всю ночь. Я живо вспомнил реку Лефу, когда он впервые пришёл к нам на бивак, и теперь опять, как и в тот раз, я смотрел на него и слушал его рассказы.

Сумрачная ночь близилась к концу. Воздух начал синеть. Уже можно было разглядеть серое небо, туман в горах, сонные деревья и потемневшую от росы тропинку. Свет костра потускнел; красные уголья стали блекнуть. В природе чувствовалось какое-то напряжение; туман подымался всё выше и выше, и наконец пошёл чистый и мелкий дождь.

Тогда мы легли спать. Теперь я ничего не боялся. Мне не страшны были ни хунхузы, ни дикие звери, ни глубокий снег, ни наводнения. Со мной был Дерсу. С этими мыслями я крепко уснул.

Проснулся я в девять часов утра. Дождь перестал, но небо по-прежнему было сумрачное. В такую погоду скверно идти, но ещё хуже сидеть на одном месте. Поэтому приказание выючить лошадей было встречено всеми с удовольствием. Через полчаса мы были уже в дороге. У нас с Дерсу произошло молчаливое соглашение. Я знал, что он пойдёт со мной. Это было вполне естественно. Другого решения у него и не могло явиться. По пути мы зашли к скалистой сопке и там захватили имущество Дерсу, которое по-прежнему все помещалось в одной котомке.

Теперь с левой стороны у нас была река, а с правой – речные террасы в 38 метров высотой. Они особенно выдвигаются в долину Тадушу после Динзахе. Террасы эти состоят из весьма плотных известняков с плитняковой отдельностью.

Последним притоком Тадушу будет Вангоу¹¹³. По ней

¹¹³ Вань-гоу – извилистая долина.

можно выйти через хребет Сихотэ-Алинь на реку Ното. Немного не доходя до её устья в долину выдвигаются две скалы. Одна с левой стороны, у подножия террасы, – низкая и очень живописная, с углублением вроде ниши, в котором китайцы устроили кумирню, а другая – с правой, как раз против устья Вангоу, носящая название Ян-тун-лаза¹¹⁴. Около неё есть маленький ключик Чингоуза¹¹⁵.

Скала Ян-тун-лаза высотой 110 метров. В ней много углублений, в которых гнездятся дикие голуби. На самой вершине из плитняковых камней китайцы сложили подобие кумирни. Манзы питают особую любовь к высоким местам; они думают, что, подымаясь на гору, становятся ближе к богу.

Тропа привела нас к фанзе Лудёвой, расположенной как раз на перекрёстке путей, идущих на Ното и на Ли-Фудзин. Раньше обитатели этой фанзы занимались ловлей оленей ямами, отчего фанза и получила такое название. Тогда она функционировала как постоялый двор. Здесь всегда можно встретить прохожих китайцев, идущих от моря на Уссури или обратно. Хозяин фанзы снабжал их продовольствием за плату и таким образом зарабатывал значительную сумму денег. Фанза была расположена у подножия большой террасы, которая сильно выдвигается в долину и прижимает Тадушу к горам с правой стороны. Поверхность террасы заболочена

¹¹⁴ Янь-тун-ла-цзы – скала в виде печной трубы.

¹¹⁵ Цинь-гоу-цзы – чистая долина.

и покрыта группами тощей берёзы.

Лудёвую фанзу мы прошли мимо и направились к Сихотэ-Алиню. Хмурившаяся с утра погода стала понемногу разъясняться. Туман, окутавший горы, начал клубиться и подыматься кверху; тяжёлая завеса туч разорвалась, выглянуло солнышко, и улыбнулась природа. Сразу все оживилось; со стороны фанзы донеслось пение петухов, засуетились птицы в лесу, на цветах снова появились насекомые.

В верхней части Тадушу течёт с северо-запада на юго-восток. Истоки её состоят из мелких горных ключей, которые располагаются так: с левой стороны – Царлкоуза¹¹⁶, Люденза-Янгоу¹¹⁷ и Сатенгоу¹¹⁸, а с правой – Безыменный и Салингоу¹¹⁹. Здесь находится самый низкий перевал через Сихотэ-Алинь.

Небольшие холмы со сглаженными контурами и сильно размытые ложа ручьёв свидетельствуют о больших денудационных процессах.

С реки Тадушу через Сихотэ-Алинь идут три пути: два на Ното и один на Ли-Фудзин. Первый начинается от известной уже нам Лудёвой фанзы и идёт по реке Вангоу. Этой дорогой пользуются только те китайцы, которые имеют целью верховья Дананцы (приток Ното). Второй путь начинается

¹¹⁶ Ча-эр-гоу-цзы – разветвляющаяся долина.

¹¹⁷ Люй-дянь-цзы-ян-гоу – зелёное козье пастбище.

¹¹⁸ Ша-тянь-гоу – долина с песчаными полями.

¹¹⁹ Са-лин-гоу – долина, идущая с рассыпного хребта.

около устья Людензы. Тропа долгое время идёт по хребту Сихотэ-Алинь, затем спускается в долину Дун-бей-цы (северо-восточный приток Ли-Фудзина) и направляется по ней до истоков. По пути она пересекает ещё три перевала и только тогда выходит на Дананцу. Этой дорогой идут те пешеходы, которым надо выйти в нижнюю часть Ното. Третий путь, который мы избрали, идёт прямо по ручью Салингоу на Ли-Фудзин.

Маньчжурское слово «Сихотэ-Алинь» местные китайцы переделали по-своему: «Си-хо-та Линь», то есть Перевал западных больших рек. И действительно, к западу от водораздела текут большие реки: Ваку, Иман, Бикин, Хор и т. д. Гольды называют его Дзуб-Гын, а удэгейцы – Ада-Сололи, причём западный его склон они называют Ада-Цазани, а восточный – Ада-Намузани, от слова «наму», что значит – море.

У подножия хребта мы сделали привал. Сухая рыба с солью, пара сухарей и кружка горячего кофе составили обед, который в тайге называется очень хорошим.

Подъём на Сихотэ-Алинь крутой около гребня. Самый перевал представляет собой широкую седловину, заболоченную и покрытую выгоревшим лесом. Абсолютная высота его равняется 480 метрам. Его следовало бы назвать именем М. Венюкова. Он прошёл здесь в 1857 году, а следом за ним, как по проторённой дорожке, пошли и другие. Вечная слава первому исследователю Уссурийского края!

На самом перевале около тропы с правой стороны стоит небольшая кумирня, сложенная из накатника. Внутри её помещена лубочная картина, изображающая китайских богов, а перед ней поставлены два деревянных ящика с огарками от бумажных свечей. С другой стороны лежало несколько листочков табаку и два куска сахара. Это жертва богу лесов. На соседнем дереве была повешена красная тряпица с надписью: «Шань мэн чжен вэй Си-жи-Ци-го вэй да суай Цзин цзан дацин чжэнь шань-линь», то есть: «Господину истинному духу гор (тигру). В древности в государстве Ци он был главнокомандующим Дациньской династии, а ныне охраняет леса и горы».

От перевала Венюкова Сихотэ-Алинь имеет вид гряды, медленно повышающейся на север. Этот подъем так незаметен для глаза, что во время пути совершенно забываешь, что идёшь по хребту, и только склоны по сторонам напоминают о том, что находишься на водоразделе. Места эти покрыты березняком, которому можно дать не более сорока лет. Он, вероятно, появился здесь после пожаров.

Спуск с хребта длинный и пологий. Идя по траве, то и дело натыкаешься на обгорелые, поваленные деревья. Сейчас же за перевалом начинается болото, покрытое замшистым хвойным лесом.

Часам к трём пополудни мы дошли до того места, где Лифудзин сливается с Дун-бей-цой, и стали биваком на галечниковой отмели.

Река Дун-бей-ца¹²⁰ длиной километров сорок. Она всё время течёт вдоль Сихотэ-Алиня и в верховьях слагается из трёх горных ручьёв. Следы эрозии видны на каждом шагу. Местами горы так сильно размыты, что за лесом их совсем не видно: является впечатление, что идёшь по слабо всхолмлённой низине, покрытой хвойным лесом, состоящим из пихты, ели, кедра, берёзы, тиса, клёна, лиственницы и ольхи. Недавно этот лес выгорел. Теперь вся долина представляет собой сплошную гарь. Здесь проходит та самая тропа, которой местное манзовское население пользуется для сообщения с рекой Ното. По пути на расстоянии перехода друг от друга были расположены четыре зверовые фанзы, обитатели которых занимались охотой и соболеванием.

Первое, что мы сделали, – развели дымокуры, а затем уже принялись таскать дрова из леса. Стрелки хотели было ночевать в комарниках, но Дерсу посоветовал ставить односкатную палатку.

К вечеру погода начала хмуриться; туман поднялся вверх и превратился в тучи. Дерсу помогал солдатам во всех работах, и они сразу его оценили. Он хотел было ставить свою палатку отдельно, но я уговорил его ночевать вместе. Тогда Дерсу схватил топор и побежал в тайгу за кедровым корьём. Сперва он надрубил у дерева кору сверху и снизу зубцами, затем прорубил её вдоль и стал снимать заострённой палкой. Таких пластов было снято шесть. Два пласта он положил на

¹²⁰ Дун-бей-ца – северо-восточный распадок.

землю, два пошли на крышу, а остальные поставил с боков для защиты от ветра.

В сумерки пошёл крупный дождь. Комары и мошки сразу куда-то исчезли. После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго ещё сидели у огня и разговаривали. Он рассказывал мне о жизни китайцев на Ното, рассказывал о том, как они его обидели – отобрали меха и ничего не заплатили.

Глава 18

Амба

Анимизм Дерсу. – Тигр-преследователь. – Дерсу говорит со зверем. – Квандагоу. – Охота на солонцах. – Дерсу просит тигра не сердиться. – Возвращение. – Волнение гольда. – Ночь

На другой день густой, тяжёлый туман окутывал все окрестности. День казался серым, пасмурным; было холодно, сыро.

Пока люди собирали имущество и выючили лошадей, мы с Дерсу, наскоро напившись чаю и захватив в карман по сахарю, пошли вперёд. Обыкновенно по утрам я всегда уходил с бивака раньше других. Производя маршрутные съёмки, я подвигался настолько медленно, что часа через два отряд меня обгонял и на большой привал я приходил уже тогда, когда люди успевали поесть и снова собирались в дорогу. То же самое было и после полудня: уходил я раньше, а на бивак приходил лишь к обеду.

Ещё накануне Дерсу говорил мне, что в этих местах бродит много тигров, и потому не советовал отставать от отряда.

Путь наш лежал правым берегом Ли-Фудзина. Иногда тропинка отходила в сторону, углубляясь в лес настолько, что трудно было ориентироваться и указать, где течёт Ли-

Фудзин, но совершенно неожиданно мы снова выходили на реку и шли около береговых обрывов.

Кто не бывал в тайге Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли. Буквально в нескольких шагах ничего нельзя увидеть. В четырёх или шести метрах не раз случалось подымать с лёжки зверя, и только шум и треск сучьев указывали направление, в котором уходило животное. Вот именно по такой-то тайге мы и шли уже подряд в течение двух суток.

Погода нам не благоприятствовала. Всё время моросило, на дорожке стояли лужи, трава была мокрая, с деревьев падали редкие крупные капли. В лесу стояла удивительная тишина. Точно все вымерло. Даже дятлы и те куда-то исчезли.

– Чёрт знает что за погода, – говорил я своему спутнику. – Не то туман, не то дождь, не разберёшь, право. Ты как думаешь, Дерсу, разгуляется погода или станет ещё хуже?

Гольд посмотрел на небо, оглянулся кругом и молча пошёл дальше. Через минуту он остановился и сказал:

– Наша так думай: это земля, сопка, лес – всё равно люди. Его теперь потеет. Слушай! – Он насторожился. – Его дышит, всё равно люди...

Он пошёл снова вперёд и долго ещё говорил мне о своих воззрениях на природу, где всё было живым, как люди.

Было уже около одиннадцати часов утра. Судя по времени, выучный обоз должен был давно уже обогнать нас, а между тем сзади, в тайге, ничего не было слышно.

– Надо подождать! – сказал я своему спутнику.

Он молча остановился, снял с плеча свою берданку, поставил её к дереву, сошки воткнул в землю и стал искать свою трубку.

– Тьфу! Моя трубку потерял, – сказал он с досадой.

Он хотел идти назад и искать свою трубку, но я советовал ему подождать, в надежде, что люди, идущие сзади, найдут его трубку и принесут с собой. Мы простояли минут двадцать. Старику, видимо, очень хотелось курить. Наконец он не выдержал, взял ружьё и сказал:

– Моя думай, трубка тут близко есть. Надо назад ходи.

Обеспокоенный тем, что выюков нет долго, и опасаясь, что с лошадьми могло что-нибудь случиться, я вместе с Дерсу пошёл назад. Гольд шёл впереди и, как всегда, качал головой и рассуждал вслух сам с собой:

– Как это моя трубка потерял? Али старый стал, али моя голова худой, али как?..

Он не закончил фразы, остановился на полуслове, затем попятился назад и, нагнувшись к земле, стал рассматривать что-то у себя под ногами. Я подошёл к нему. Дерсу озирился, имел несколько смущённый вид и говорил шёпотом:

– Посмотри, капитан, это амба. Его сзади наши ходи. Это шибко худо. След совсем свежий. Его сейчас тут был...

Действительно, совершенно свежие отпечатки большой кошачьей лапы отчётливо виднелись на грязной тропинке. Когда мы шли сюда, следов на дороге не было. Я это отлич-

но помнил, да и Дерсу не мог бы пройти их мимо. Теперь же, когда мы повернули назад и пошли навстречу отряду, появились следы: они направлялись в нашу сторону. Очевидно, зверь всё время шёл за нами «по пятам».

– Его близко тут прятался, – сказал Дерсу, указав рукой в правую сторону. – Его долго тут стоял, когда наша там остановился, моя трубка искал. Наша назад ходи, его тогда скоро прыгал. Посмотри, капитан, в следах воды ещё нету...

Действительно, несмотря на то что кругом всюду были лужи, вода ещё не успела наполнить следы, выдавленные лапой тигра. Не было сомнения, что страшный хищник только что стоял здесь и затем, когда услышал наши шаги, бросился в чащу и спрятался где-нибудь за буреломом.

– Его далеко ходи нету. Моя хорошо понимай. Погоди, капитан!.. Несколько минут мы простояли на одном месте в надежде, что какой-нибудь шорох выдаст присутствие тигра, но тишина была гробовая. Эта тишина была какой-то особенно таинственной, страшной.

– Капитан, – обратился ко мне Дерсу, – теперь надо хорошо смотри. Твоя винтовка патроны есть? Тихонько надо ходи. Какая ямка, какое дерево на земле лежи, надо хорошо посмотри. Торопиться не надо. Это – амба. Твоя понимай – амба!..

Говоря это, он сам осматривал каждый куст и каждое дерево. Так прошли мы около получаса. Дерсу всё время шёл впереди и не спускал глаз с тропинки.

Наконец мы услышали голоса: кто-то из казаков ругал лошадь. Через несколько минут подошли люди с конями. Две лошади были в грязи. Седла тоже были замазаны глиной. Оказалось, что при переправе через одну проточку обе лошади оступились и завязли в болоте. Это и было причиной их запоздания. Как я и думал, стрелки нашли трубку Дерсу на тропе и принесли её с собой.

Чтобы идти дальше, нужно было поправить вьюки, переложить грузы и хоть немного обмыть лошадей от грязи.

Я хотел было сделать привал и варить чай, но Дерсу посоветовал поправить одну седловку и идти дальше. Он говорил, что где-то недалеко в этих местах есть охотничий балаган. Там он полагал остановиться биваком. Подумав немного, я согласился.

Люди начали снимать с измученных лошадей вьюки, а я с Дерсу снова пошёл по дорожке. Не успели мы сделать и двухсот шагов, как снова наткнулись на следы тигра. Страшный зверь опять шёл за нами и опять, как и в первый раз, почуяв наше приближение, уклонился от встречи. Дерсу остановился и, оборотившись лицом в ту сторону, куда скрылся тигр, закричал громким голосом, в котором я заметил нотки негодования:

– Что ходишь сзади?.. Что нужно тебе, амба? Что ты хочешь? Наша дорога ходи, тебе мешай нету. Как твоя сзади ходи? Неужели в тайге места мало?

Он потрясал в воздухе своей винтовкой. В таком возбуж-

дённом состоянии я никогда его не видывал. В глазах Дерсу была видна глубокая вера в то, что тигр, амба, слышит и понимает его слова. Он был уверен, что тигр или примет вызов, или оставит нас в покое и уйдёт в другое место. Прождав минут пять, старик облегчённо вздохнул, затем закурил свою трубку и, взбросив винтовку на плечо, уверенно пошёл дальше по тропинке. Лицо его снова стало равнодушно-сосредоточенным. Он «устыдил» тигра и заставил его удалиться.

Приблизительно ещё с час мы шли лесом. Вдруг чаща начала редеть. Перед нами открылась большая поляна. Тропа перерезала её наискось по диагонали. Продолжительное путешествие по тайге сильно нас утомило. Глаз искал отдыха и простора. Поэтому можно себе представить, с какой радостью мы вышли из леса и стали осматривать поляну.

– Это Квандагоу, – сказал Дерсу. – Скоро наша балаган найди есть.

Елань¹²¹, по которой мы теперь шли, была покрыта зарослями низкорослого папоротника-орляка. За лесом с северной стороны, слабо, сквозь туман, виднелись высокие горы, покрытые лесом. По низине кое-где стояли одиночные деревья, преимущественно клён, дуб и даурская берёза. С правой стороны поляны было узкое болото с солонцами, куда, по словам Дерсу, постоянно по ночам выходили изюбры и дикие козы, чтобы полакомиться водяным лютиком и погрызть

¹²¹ Елань (сиб.) – возвышенная, голая и открытая равнина; лысина, плешина. (Толковый словарь В. Даля).

солёную чёрную землю.

– Надо наша сегодня на охоту ходи, – говорил Дерсу, показывая сошками на болото.

Часам к трём пополудни мы действительно нашли двускатный балаганчик. Сделан он был из кедрового корья какими-то охотниками так, что дым от костра, разложенного внутри, выходил по обе стороны и не позволял комарам проникнуть внутрь помещения. Около балагана протекал небольшой ручей. Пришлось опять долго возиться с переправой лошадей на другой берег, но наконец и это препятствие было преодолено.

Между тем погода по-прежнему, как выражался Дерсу, «потела». С утра хмурившееся небо начало как бы немного проясняться. Туман поднялся выше, кое-где появились просветы, дождь перестал, но на земле было ещё по-прежнему сыро.

Я решил остаться здесь на ночь. Мне очень хотелось поохотиться на солонцах, тем более что у нас давно не было мяса и мы уже четвертью сутки питались одними сухарями.

Через несколько минут на биваке закипела та весёлая и спешная работа, которая знакома всякому, кому приходилось подолгу бывать в тайге и вести страннический образ жизни. Развьюченные лошади были пущены на волю. Как только с них сняли седла, они сперва повалились на земле, потом, отряхнувшись, пошли на поляну кормиться.

На случай дождя все выюки сложили в одно место и при-

крыли их брезентами.

Пока возились с лошадьми и разбирали седла, кто-то успел уже разложить костёр и повесить над огнём чайник.

На биваке Дерсу проявлял всегда удивительную энергию. Он бегал от одного дерева к другому, снимал бересту, рубил жерди и сошки, ставил палатку, сушил свою и чужую одежду и старался разложить огонь так, чтобы внутри балагана можно было сидеть и не страдать от дыма глазами. Я всегда удивлялся, как успевал этот уже старый человек делать сразу несколько дел. Мы давно уже разулись и отдыхали, а Дерсу все ещё хлопотал около балагана.

Через час наблюдатель со стороны увидел бы такую картину: на поляне около ручья пасутся лошади; спины их мокры от дождя. Дым от костров не подымается кверху, а стелется низко над землёй и кажется неподвижным. Спасаясь от комаров и мошек, все люди спрятались в балаган. Один только человек все ещё торопливо бегаёт по лесу – это Дерсу: он хлопочет о заготовке дров на ночь.

В августе, да ещё в пасмурный день, смеркается очень рано. Так было и теперь. Туман держался только по вершинам гор. Ключья его бродили по кустам и казались привидениями.

Наскоро поужинав, мы пошли с Дерсу на охоту. Путь наш лежал по тропинке к биваку, а оттуда наискось к солонцам около леса. Множество следов изюбров и диких коз было заметно по всему лугу. Черноватая земля солонцов была по-

что совершенно лишена растительности. Малые низкорослые деревья, окружавшие их, имели чахлый и болезненный вид. Здесь местами земля была сильно истоптана. Видно было, что изюбры постоянно приходили сюда и в одиночку и целыми стадами.

Выбрав удобное местечко, мы сели и стали поджидать зверя. Я прислонился к пню и стал осматриваться. Темнота быстро сгущалась около кустов и внизу под деревьями. Дерсу долго не мог успокоиться. Он ломал сучки, чтобы открыть себе обстрел, и зачем-то пригибал растущую позади него берёзку.

Кругом в лесу и на поляне стояла мертвящая тишина, нарушаемая только однообразным жужжанием комаров. Такая тишина как-то особенно гнетуще действует на душу. Невольно сам уходишь в неё, подчиняешься ей, и, кажется, сил не хватило бы нарушить её словом или каким-нибудь неосторожным движением.

В воздухе и на земле становилось всё темнее и темнее. Кусты и деревья начали принимать неопределённые очертания: они казались живыми существами и как будто передвигались с одного места на другое. Порой мне грезилось, что это олени; фантазия дополняла остальное. Я сжимал ружьё в руках и готов был уже выстрелить, но каждый раз, взглянув на спокойное лицо Дерсу, я приходил в себя. Иллюзия сразу пропадала, и тёмный силуэт оленя снова принимал фигуру куста или дерева. Как мраморное изваяние сидел Дерсу. Он

пытливо смотрел на кусты около солонцов и спокойно выжидал свою добычу. Один раз он вдруг насторожился, тихонько поднял своё ружьё и стал напрягать зрение. Сердце моё усиленно забилося. Я тоже стал смотреть в ту сторону, куда смотрел старик, но ничего не видел.

Скоро я заметил, что Дерсу успокоился; успокоился и я также.

Стало совсем темно, так темно, что в нескольких шагах нельзя уже было рассмотреть ни чёрной земли на солонцах, ни тёмных силуэтов деревьев. Комары нестерпимо кусали шею и руки. Я прикрыл лицо сеткой. Дерсу сидел без сетки и, казалось, совершенно не замечал их укусов.

Вдруг до слуха моего донёсся шорох. Я не ошибся. Шорох исходил из кустов, находящихся по другую сторону солонцов, как раз против того места, где мы сидели. Я посмотрел на Дерсу. Он пригибал голову и, казалось, силой своего зрения хотел проникнуть сквозь темноту и узнать причину этого шума. Иногда шорох усиливался и становился очень явственным, иногда затихал и прекращался совершенно. Сомнений не было: кто-то осторожно приближался к нам через заросли. Это изюбр шёл грызть и лизать солёную землю. Моё воображение рисовало уже стройного оленя с красивыми ветвистыми рогами. Я отбросил сетку, стал слушать и смотреть, совершенно позабыв про комаров. Я искал глазами изюбра, который, по моим расчётам, был от нас в семидесяти или восьмидесяти шагах, не более.

Вдруг грозное ворчание, похожее на отдалённый гром, пронеслось в воздухе:

– Рррррр!..

Дерсу схватил меня за руку.

– Амба, капитан! – сказал он испуганным голосом.

Жуткое чувство сразу всколыхнуло моё сердце. Я хотел бы передать, что я почувствовал, но едва ли я сумею это сделать.

Я почувствовал, как какая-то истома, какая-то тяжесть стала опускаться мне в ноги. Колени заныли, точно в них налили свинец. Ощущение это знакомо всякому, кому случилось неожиданно чего-нибудь сильно испугаться. Но в то же время другое чувство, чувство, смешанное с любопытством, с благоговением к царственному грозному зверю и с охотничьей страстью, наполнило мою душу.

– Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба сердится! Это его место, – говорил Дерсу, и я не знаю, говорил ли он сам с собою или обращался ко мне. Мне показалось, что он испугался.

– Рррррр!.. – снова раздалось в ночной тишине.

Вдруг Дерсу быстро поднялся с места. Я думал, он хочет стрелять.

Но велико было изумление, когда я увидел, что в руках у него не было винтовки, и когда я услышал речь, с которой он обратился к тигру:

– Хорошо, хорошо, амба! Не надо сердиться, не надо!..

Это твоё место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге места много. Сердиться не надо!..

Гольд стоял, протянув руки к зверю. Вдруг он опустился на колени, дважды поклонился в землю и вполголоса что-то стал говорить на своём наречии. Мне почему-то стало жаль старика.

Наконец Дерсу медленно поднялся, подошёл к пню и взял свою берданку.

– Пойдём, капитан! – сказал он решительно и, не дожидаясь моего ответа, быстро через заросли пошёл на тропинку.

Я безотчётно последовал за ним.

Спокойный вид Дерсу, уверенность, с какой он шёл без опаски и не озираясь, успокоили меня: я почувствовал, что тигр не пойдёт за нами и не решится сделать нападение.

Пройдя шагов двести, я остановился и стал уговаривать старика подождать ещё немного.

– Нет, – сказал Дерсу, – моя не могу. Моя тебе вперёд говори, в компании стрелять амба никогда не буду! Твоя хорошо это слушай. Амба стреляй – моя товарищ нету...

Он снова молча зашагал по тропинке. Я хотел было остаться один, но жуткое чувство овладело мною, я побежал и догнал гольда.

Начинала всходить луна. И на небе и на земле сразу стало светлее. Далеко, на другом конце поляны, мелькал огонёк нашего бивака. Он то замирал, то как будто угасал на время, то вдруг снова разгорался яркой звёздочкой.

Всю дорогу мы шли молча. У каждого из нас были свои думы, свои воспоминания. Жаль мне было, что я не увидел тигра. Эту мысль я вслух высказал своему спутнику.

– О, нет! – ответил Дерсу. – Его худо посмотри. Наша так говори. Такой люди, который никогда амба посмотри нету, –

счастливым. Его всегда хорошо живи.

Дерсу глубоко вздохнул, помолчал немного и продолжал:
– Моя много амба посмотри. Один раз напрасно его стреляй. Теперь моя шибко боится. Однако моя когда-нибудь худо будет!

В словах старика было столько душевного волнения, что я опять стал жалеть его, начал успокаивать и старался перевести разговор на другую тему.

Через час мы подошли к биваку. Лошади, испуганные нашим приближением, шарахнулись в сторону и начали храпеть. Около огня засуетились люди. Два казака вышли нам навстречу.

– Сегодня кони всё время чего-то боятся, – сказал один из них. – Не едят, все куда-то смотрят. Нет ли какого зверя поблизости?

Я приказал казакам взять коней на поводки, развести костры и выставить вооружённого часового.

Весь вечер молчал Дерсу. Встреча с тигром произвела на него сильное впечатление. После ужина он тотчас же лёг спать, и я заметил, что он долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок и как будто разговаривал сам с собой.

Я рассказал людям, что случилось с нами. Казаки оживились, начали вспоминать свою жизнь на Уссури, свои приключения на охоте, кто что видел и с кем что случилось. Наши разговоры затянулись далеко за полночь. Наконец усталость начала брать своё: кто-то зевнул, кто-то начал стлать

постель и укладываться на ночь. Через несколько минут в балагане все уже спали. Кругом воцарилась тишина. Слышно было только мерное дыхание спящих да треск горящих сучьев в костре. С поля доносилось пофыркиванье лошадей, в лесу ухал филин, и где-то далеко-далеко кричал сыч-воробей.

Глава 19

Ли-Фудзин

*Леса. – Содержимое котомки Дерсу. –
Приспособленность к жизни в тайге. – Поляны Сяень-
Лаза. – Родные могилы. – Заживо погребённые. –
Река Поугоу. – Барсук. – Нападение шершней. –
Лекарственное растение*

Чуть только начало светать, наш бивак опять атаковали комары. О сне нечего было и думать. Точно по команде все встали. Казаки быстро завьючили коней; не пивши чаю, тронулись в путь. С восходом солнца туман начал рассеиваться; кое-где проглянуло синее небо.

От устья реки Квандагоу Ли-Фудзин начинает понемногу склоняться к северо-западу. Дальше русло его становится извилистым. Обрывистые берега и отмели располагаются, чередуясь, то с той, то с другой стороны.

В долине Ли-Фудзина растут великолепные смешанные леса. Тут можно найти всех представителей маньчжурской флоры. Кроме кедра, лиственницы, пихты, ели, вяза, дуба, ясеня, ореха и пробкового дерева, здесь произрастают: жёлтая берёза с желтовато-зелёной листвой и с жёлтой пушистой корой, не дающей бересты; особый вид клёна – развесистое дерево с гладкой тёмно-серой корой, с желтоватыми молоды-

ми ветвями и с глубоко рассечёнными листьями; затем ильм – высокое стройное дерево, имеющее широкую развесистую крону и острые шершавые листья; граб, отличающийся от других деревьев тёмной корой и цветами, висящими, как кисти; черёмуха Максимовича с пригнутыми к земле ветвями, образующими непроходимую чащу, и наконец бересклет – небольшое тонкоствольное деревцо с корой, покрытой беловатыми чечевицами, располагающимися продольными рядками, и с листьями удлинённо-обратно-овальными. Около реки и вообще по сырым местам, где больше света, росли: козья ива – полукуст-полудерево; маньчжурская смородина с трёхлопастными острозубчатыми листьями; таволжка шелковистая – очень ветвистый кустарник, который легко узнать по узким листьям, любящий каменистую почву; жасмин – теневое растение с красивыми сердцевидными, заострёнными листьями и белыми цветами и ползучий лимонник с тёмной крупной листвой и красными ягодами, цепляющийся по кустам и деревьям.

Лес, растущий около воды, скорее способствует обрушиванию берегов, чем их закреплению. Большое дерево, подмытое водой, при падении своём увлекает огромную глыбу земли, а вместе с ней и деревья, растущие поблизости. Бурулом этот плывёт по реке до тех пор, пока не застрянет где-нибудь в протоке. Тотчас вода начинает заносить его песком и галькой. Нередко можно видеть водопады, основанием которых служат гигантские стволы тополей или кедров. Если

такому плавнику посчастливится пройти через перекаты, то до устья дойдёт только ствол, измочаленный и лишённый коры и веток.

В среднем течении Ли-Фудзин проходит у подножия так называемых Чёрных скал. Здесь река разбивается на несколько протоков, которые имеют вязкое дно и илистые берега. Вследствие засорённости главного русла вода не успевает пройти через протоки и затопляет весь лес. Тогда сообщение по тропе прекращается. Путники, которых случайно застанет здесь непогода, карабкаются через скалы и в течение целого дня успевают пройти не более трёх или четырёх километров.

В полдень мы остановились на большой привал и стали варить чай.

При выходе из поста Ольги С. З. Балк дал мне бутылку с ромом. Ром этот я берег как лекарство и давал его стрелкам пить с чаем в ненастные дни. Теперь в бутылке осталось только несколько капель. Чтобы не нести напрасно посуды, я вылил остатки рома в чай и кинул её в траву. Дерсу стремглав бросился за ней.

– Как можно её бросай? Где в тайге другую бутылку найди? – воскликнул он, развязывая свою котомку.

Действительно, для меня, горожанина, пустая бутылка никакой цены не имела. Но для дикаря, живущего в лесу, она составляла большую ценность.

По мере того как он вынимал свои вещи из котомки, я всё

больше и больше изумлялся. Чего тут только не было: порожний мешок из-под муки, две старенькие рубашки, свиток тонких ремней, пучок верёвок, старые унты, гильзы от ружья, пороховница, свинец, коробочка с капсулями, полотнище палатки, козья шкура, кусок кирпичного чая вместе с листовым табаком, банка из-под консервов, шило, маленький топор, жестяная коробочка, спички, кремь, огниво, трут, смольё для растопок, береста, ещё какая-то баночка, кружка, маленький котелок, туземный кривой ножик, жильные нитки, две иголки, пустая катушка, какая-то сухая трава, кабанья желчь, зубы и когти медведя, копытца кабарги и рысьи кости, нанизанные на верёвочку две медные пуговицы и множество разного хлама. Среди этих вещей я узнал такие, которые я раньше бросал по дороге. Очевидно, всё это он подбирал и нёс с собой.

Осматривая его вещи, я рассортировал их на две части и добрую половину посоветовал выбросить. Дерсу взмолился. Он просил ничего не трогать и доказывал, что потом всё может пригодиться. Я не стал настаивать и решил впредь ничего не бросать, прежде чем не спрошу на это его согласия.

Точно боясь, чтобы у него не отняли чего-нибудь, Дерсу спешно собрал свою котомку и особенно старательно спрятал бутылку.

Около Чёрных скал тропа разделилась. Одна (правая) пошла в горы в обход опасного места, а другая направилась куда-то через реку. Дерсу, хорошо знающий эти места, указал

на правую тропу. Левая, по его словам, идёт только до звеновой фанзы Цу-жун-гоу¹²² и там кончается.

Сразу с привала начинается подъем, но до самой вершины тропа не доходит.

С километр она идёт косогором, а затем опять спускается в долину.

К вечеру небо снова заволкло тучами. Я опасался дождя, но Дерсу сказал, что это не туча, а туман и что завтра будет день солнечный, даже жаркий. Я знал, что его предсказания всегда сбываются, и потому спросил его о приметах.

– Моя так посмотри, думай – воздух лёгкий, тяжело нету, – гольд вздохнул и показал себе на грудь.

Он так сжился с природой, что органически всем своим существом мог предчувствовать перемену погоды. Как будто для этого у него было ещё шестое чувство.

Дерсу удивительно приспособился к жизни в тайге. Место для своего ночлега он выбирал где-нибудь под деревом между двумя корнями, так что дупло защищало его от ветра; под себя он подстилал кору пробкового дерева, на сучок где-нибудь вешал унты так, чтобы их не спалило огнём. Винтовка тоже была – рядом с ним, но она лежала не на земле, а покоилась на двух коротеньких сошках. Дрова у него всегда горели лучше, чем у нас. Они не бросали искр, и дым от костра относил в сторону. Если ветер начинал меняться, он с подветренной стороны ставил заслон. Все у него было к ме-

¹²² Цун-жун-гоу – поляна в лесу около реки.

сту и под рукой.

По отношению к человеку природа безжалостна. После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т. д. Даже самый лес представляет собой стихию. Дерсу больше нас был в соответствии с окружающей его обстановкой.

Следующий день – 7 августа. Как только взошло солнце, туман начал рассеиваться, и через какие-нибудь полчаса на небе не было ни одного облачка. Роса перед рассветом обильно смочила траву, кусты и деревья. Дерсу не было на биваке. Он ходил на охоту, но неудачно, и возвратился обратно как раз ко времени выступления. Мы сейчас же тронулись в путь.

По дороге Дерсу рассказал мне, что исстари к западу от Сихотэ-Алиня жили гольды, а с восточной стороны – удэгейцы, но потом там появились охотники-китайцы. Действительно, манзовские охотничьи шалаши встречались во множестве. Можно было так соразмерить свой путь, чтобы каждый раз ночевать в балагане.

Километров через десять нам пришлось ещё раз переправляться через реку, которая разбилась на множество проток, образуя низкие острова, заросшие лесом. Слои ила, бурелом, рытвины и пригнутый к земле кустарник – всё это указывало на недавнее большое наводнение.

Вдруг лес сразу кончился, и мы вышли к полянам, которые китайцы называют Сяень-Лаза. Их три: первая – длиной в 2 километра, вторая – метров в 500 и третья – самая большая, занимающая площадь в 6 квадратных километров. Поляны эти отделены друг от друга небольшими перелесками. Здесь происходит слияние Ли-Фудзина с рекой Синанцей, по которой мы прошли первый раз через Сихотэ-Алинь к посту Ольги. Выйдя из леса, река отклоняется сначала влево, а затем около большой поляны снова пересекает долину и подходит к горам с правой стороны. Дальше мы не пошли и стали биваком на берегу реки, среди дубового редколесья.

Возвратившиеся с разведок казаки сообщили, что видели много звериных следов, и стали проситься на охоту.

Днём четвероногие обитатели тайги забиваются в чащу, но перед сумерками начинают подыматься со своих лежек. Сначала они бродят по опушкам леса, а когда ночная мгла окутает землю, выходят пастись на поляны. Казаки не стали дожидаться сумерек и пошли тотчас, как только развьючили лошадей и убрали седла. На биваке остались мы вдвоём с Дерсу.

Сегодня я заметил, что он весь день был как-то особенно рассеян. Иногда он садился в стороне и о чём-то напряжённо думал. Он опускал руки и смотрел куда-то вдаль. На вопрос, не болен ли он, старик отрицательно качал головой, хватался за топор и, видимо, всячески старался отогнать от себя какие-то тяжёлые мысли.

Прошло два с половиной часа. Удлинившиеся до невероятных размеров тени на земле указывали, что солнце уже дошло до горизонта. Пора было идти на охоту. Я окликнул Дерсу. Он точно чего-то испугался.

– Капитан, – сказал он мне, и в голосе его зазвучали просительные ноты, – моя не могу сегодня охота ходи. Там, – он указал рукой в лес, – помирай есть моя жена и мои дети.

Потом он стал говорить, что по их обычаю на могилы покойников нельзя ходить, нельзя вблизи стрелять, рубить лес, собирать ягоды и мять траву – нельзя нарушать покой усопших.

Я понял причину его тоски, и мне жаль стало старика. Я сказал ему, что совсем не пойду на охоту и останусь с ним на биваке.

В сумерки я услышал три выстрела – и обрадовался. Охотники стреляли далеко в стороне от того места, где находились могилы.

Когда совсем смерклось, возвратились казаки и принесли с собой козулю. После ужина мы рано легли спать. Два раза я просыпался ночью и видел Дерсу, сидящего у огня в одиночестве.

Утром мне доложили, что Дерсу куда-то исчез. Вещи его и ружьё остались на месте. Это означало, что он вернётся. В ожидании его я пошёл побродить по поляне и незаметно подошёл к реке. На берегу её около большого камня я застал гольда. Он неподвижно сидел на земле и смотрел в воду. Я

окликнул его. Он повернул ко мне своё лицо. Видно было, что он провёл бессонную ночь.

– Пойдём, Дерсу! – обратился я к нему.

– Тут раньше моя живи, раньше здесь юрта была и амбар. Давно сгорели. Отец, мать тоже здесь раньше жили...

Он не закончил фразы, встал и, махнув рукой, молча пошёл на бивак. Там всё уже было готово к выступлению; казаки ждали только нашего возвращения.

От места слияния Ли-Фудзина с Синанцей начинается Фудзин. Горы с левой стороны состоят из выветрелого туфа и кварцевого порфира. Прилегающая часть долины покрыта лесом, заболоченным и заваленным колодником. Поэтому тропа здесь идёт косогорами в полгоры, а километра через два опять спускается в долину.

Вскоре после полудня мы дошли до знакомой нам фанзы Иолайзы. Когда мы проходили мимо тазовских фанз, Дерсу зашёл к туземцам. К вечеру он прибежал испуганный и сообщил страшную новость: два дня тому назад по приговору китайского суда заживо были похоронены в земле китаец и молодой таз. Такое жестокое наказание они понесли за то, что из мести убили своего кредитора. Погребение состоялось в лесу, в расстоянии одного километра от последних фанз. Мы бегали с Дерсу на одно место и увидели там два невысоких холмика земли. Над каждой могилой была поставлена доска, на которой тушью были написаны фамилии погребённых. Усопшие уже не нуждались в нашей помощи, да и что мог-

ли сделать мы вчетвером среди хорошо вооружённых китайских охотников?

Я полагал провести в фанзе Иолайза два дня, но теперь это место мне стало противным. Мы решили уйти подальше и где-нибудь в лесу остановиться на днёвку.

Вместе с Дерсу мы выработали такой план: с реки Фудзина пойти на Ното, подняться до её истоков, перевалить через Сихотэ-Алинь и по реке Вангоу снова выйти на Тадушу. Дерсу знал эти места очень хорошо, и потому спрашивать китайцев о дороге не было надобности.

Утром 8 августа мы оставили Фудзин – это ужасное место. От фанзы Иолайза мы вернулись сначала к горам Сяень-Лаза, а оттуда пошли прямо на север по небольшой речке Поугоу, что в переводе на русский язык значит «козья долина». Проводить нас немного вызвался один пожилой таз. Он всё время шёл с Дерсу и что-то рассказывал ему вполголоса. Впоследствии я узнал, что они были старые знакомые и таз собирался тайно переселиться с Фудзина куда-нибудь на побережье моря.

Расставаясь с ним, Дерсу в знак дружбы подарил ему ту самую бутылку, которую я бросил на Ли-Фудзине. Надо было видеть, с какой довольной улыбкой таз принял от него этот подарок.

Долина реки Поугоу представляет собой довольно широкий распадок. Множество горных ключей впадает в него с той и с другой стороны. Пологие холмы и высокие реки, вда-

ющиеся в долину с боков, покрыты редким листовным лесом и кустарниковой порослью. Это и есть самые любимые места диких козуль.

После полудня Дерсу нашёл маленькую тропку, которая вела нас к перевалу, покрытому густым лесом. Здесь было много барсучьих нор. Одни из них были старые, другие – совсем свежие. В некоторых норах поселились лисицы, что можно было узнать по следам на песке.

Отряд наш несколько отстал, а мы с Дерсу шли впереди и говорили между собой. Вдруг шагах в тридцати от себя я увидел, что в зарослях кто-то шевелится. Это оказался барсук, близкородственный японскому барсуку и распространённый по всему краю. Окраска его буро-серая с черным, морда белесоватая с продольными тёмными полосами около глаз. Барсук – животное всеядное, ведущее одиночную жизнь. Китайцы и инородцы специально за ним не охотятся, но бьют, если попадается под выстрелы. Шкура его, покрытая жёсткими волосами, употребляется ими на чехлы к ружьям и оторочку сумок.

Замеченный мною барсук часто подымался на задние ноги и старался что-то достать, но что именно – я рассмотреть никак не мог. Он так был занят своим делом, что совершенно не замечал нас. Долго мы следили за ним, наконец мне наскучило это занятие, и я пошёл вперёд.

Испуганный шумом, барсук бросился в сторону и быстро исчез из виду. Придя на то место, где было животное, я оста-

новился и стал осматриваться. Вдруг я услышал крики Дерсу. Он махал руками и давал мне понять, чтобы я скорее уходил назад. В это время я почувствовал сильную боль в плече. Схватив рукой больное место, я поймал какое-то крупное насекомое. Оно тотчас ужалило меня в руку. Тут только я заметил на кусте бузины совсем рядом с собой большое гнездо шершней. Я бросился бежать и стал ругаться. Несколько насекомых погнались за мной следом.

– погоди, капитан, – сказал Дерсу, вынимая топор из котомки. Выбрав тонкое дерево, он срубил его и очистил от веток. Потом набрал бересты и привязал её к концу жерди. Когда шершни успокоились, он зажёг бересту и поднёс её под самое гнездо. Оно вспыхнуло, как бумага. Подпаливая шершней, Дерсу приговаривал:

– Что, будешь нашего капитана кусать?

Покончив с шершнями, он побежал опять в лес, нарвал какой-то травы и, растерев её на лезвии топора, приложил мне на больные места, а сверху прикрыл кусочками мягкой бересты и обвязал тряпицами. Минут через десять боль стала утихать. Я просил его показать мне эту траву. Он опять сходил в лес и принёс растение, которое оказалось маньчжурским ломоносом. Дерсу сообщил мне, что трава эта также помогает и от укусов змей, что эту-то именно траву и едят собаки. Она вызывает обильное выделение слюны; слюна, смешанная с соком травы, при зализывании укушенного места является спасительной и парализует действие яда.

Покончив с перевязкой, мы пошли дальше. Разговор наш теперь вертелся около шершней и ос. Дерсу считал их самыми «вредными людьми» и говорил:

– Его постоянно сам кусай. Теперь моя всегда его берестой пали. Дня через два мы достигли водораздела. И подъём на хребет и спуск с него были одинаково крутыми. По ту сторону перевала мы сразу попали на тропинку, которая привела нас к фанзе соболёвщика-китайца. Осмотрев её, Дерсу сказал, что хозяин её жил здесь несколько дней подряд и ушёл только вчера. Я высказал сомнение. В фанзе мог быть и не хозяин, а работник или случайный прохожий. Вместо ответа Дерсу указал мне на старые вещи, выброшенные из фанзы и заменённые новыми. Это мог сделать только сам хозяин. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Глава 20

Проклятое место

Енотовидная собака. – Охота на кабанов. – Лес в истоках реки Дананцы. – Привидения. – Перевал Забытый. – Гора Тудинза. – Птицы. – Река Вангоу. – Страшный выстрел. – Дерсу ранен. – Солонцы. – Брошенная лудёва. – Встреча с Гранатманом и Мерзляковым. – Река Динзахе. – Птицы. – Искатель женьшеня

К вечеру в этот день нам удалось дойти до реки Ното. Истоки её находятся приблизительно там, где пересекаются 45-я параллель и 135-й меридиан (от Гринвича). Отсюда берут начало река Ваку и все верхние левые притоки Имана.

Река Ното (по-удэгейски Нынту) длиной около 120 километров. В верхней половине она состоит из двух рек одинаковой величины: Дабэйцы¹²³ и Дананцы¹²⁴. Названия эти китайские и указывают направление их течений. Первая течёт с севера, вторая – с юга. Место слияния их определяет границу, где кончаются леса и начинаются открытые места и земледельческие фанзы. Если идти вверх по реке Дабэйце, то можно выйти в верховья Ваку и далее к охотничьему посёл-

¹²³ Да-бэй-ча – большой северный распадок.

¹²⁴ Дан-нан-ча – большой южный распадок.

ку Сидатун на Имане.

Верховья Ното по справедливости считаются самыми глухими местами Уссурийского края. Китайские фанзы, разбросанные по тайге, нельзя назвать ни охотничьими, ни земледельческими. Сюда стекается весь беспокойный манзовский элемент, падкий до лёгкой наживы, способный на грабежи и убийства.

Долина нижнего Ното является как бы продолжением долины Дананцы. Она принимает в себя справа реку Себучар и, согласуясь с её направлением, поворачивает к югу. Недалеко от впадения своего в Улахе она снова склоняется на юго-запад. Таким образом, бассейн реки Ното со своими притоками составляет систему тектонических долин, сходящихся почти под прямыми углами с денудационными долинами прорыва. Первые представляют собой прямые долины, узкие в вершинах и постепенно расширяющиеся книзу, вторые – изломанные и состоящие из целого ряда котловин, замыкаемых горами, так что вперёд сказать, куда повернёт река, – невозможно. Котловины между собой соединены узкими проходами. Обыкновенно в этих местах река делает поворот. Вследствие этого очень часто притоки легко принять за главную долину; ошибка разъясняется только тогда, когда подойдешь к ним вплотную.

Река Ното порожистая, и плавание по ней считается опасным. В нижнем течении она около 60 метров ширины, 1 метра глубины и имеет быстроту течения до 8 километров в час

в малую воду. В дождливый период года вода, сбегаящая с гор, переполняет реку и производит внизу большие опустошения.

Тут мы нашли брошенные инородческие юрты и старые развалившиеся летники. Дерсу мне сообщил, что раньше на реке Ното жили удэгейцы (четверо мужчин и две женщины с тремя детьми), но китайцы вытеснили их на реку Ваку. В настоящее время по всей долине Ното охотничают и соблюют одни манзы.

На другой день мы пошли вверх по реке Дананце. Она длиной около 50 километров.

Здесь в лесах растёт много тиса. Некоторые деревья достигают 10 метров высоты и метра в обхвате на грудной высоте.

Не доходя километров десяти до перевала, тропа делится на две. Одна идёт на восток, другая поворачивает к югу. Если идти по первой, то можно выйти на реку Динзахе, вторая приведёт на Вангоу (притоки Тадушу). Мы выбрали последнюю. Тропа эта пешеходная, много кружит и часто переходит с одного берега на другой.

В походе Дерсу всегда внимательно смотрел себе под ноги; он ничего не искал, но делал это просто так, по привычке. Один раз он нагнулся и поднял с земли палочку. На ней были следы удэгейского ножа. Место среза давно уже почернело.

Разрушенные юрты, порубки на деревьях, пни, на которых раньше стояли амбары, и эта строганая палочка свидетель-

ствовали о том, что удэгейцы были здесь год тому назад.

В сумерки мы встали биваком на гальке в надежде, что около воды нас не так будут допекать комары.

Козулятина приходила к концу, надо было достать ещё мяса. Мы сговорились с Дерсу и пошли на охоту. Было решено, что от рассошины¹²⁵ я пойду вверх по реке, а он по ручейку в горы.

Уссурийская тайга оживает два раза в сутки: утром, перед восходом солнца, и вечером, во время заката.

Когда мы вышли с бивака, солнце стояло уже низко над горизонтом. Золотистые лучи его пробивались между стволами деревьев в самые затаённые уголки тайги. Лес был удивительно красив в эту минуту. Величественные кедры своей тёмной хвоей как будто хотели прикрыть молодняк. Огромные тополи, насчитывающие около трёхсот лет, казалось, спорили в силе и мощности с вековыми дубами. Рядом с ними в сообществе росли гигантские липы и высокоствольные ильмы. Позади них виднелся коренастый ствол осокоря, потом чёрная берёза, за ней – ель и пихта, граб, пробковое дерево, жёлтый клён и т. д. Дальше за ними уже ничего не было видно. Там все скрывалось в зарослях крушины, бузины и черёмушника.

Время шло. Трудовой день кончился; в лесу сделалось сумрачно. Солнечные лучи освещали теперь только вершины гор и облака на небе. Свет, отражённый от них, ещё некото-

¹²⁵ Место, где сливаются две речки.

рое время освещал землю, но мало-помалу и он стал блекнуть.

Жизнь пернатых начала замирать, зато стала просыпаться другая жизнь – жизнь крупных четвероногих.

До слуха моего донёлся шорох. Скоро я увидел и виновника шума – это была енотовидная собака – животное, занимающее среднее место между собаками, куницами и енотами. Тело её, длиною около 80 сантиметров, поддерживается короткими ногами, голова заострённая, хвост длинный, общая окраска серая с тёмными и белесоватыми просветами, шерсть длинная, отчего животное кажется больше, чем есть на самом деле.

Енотовидная собака обитает почти по всему Уссурийскому краю, преимущественно же в западной и южной его частях, и держится главным образом по долинам около рек. Животное это трусливое, ведущее большей частью ночной образ жизни, и весьма прожорливое. Его можно назвать всеядным; оно не отказывается от растительной пищи, но любимое лакомство его составляют рыбы и мыши. Если летом корма было достаточно, то зимой енотовидная собака погружается в спячку.

Проводив её глазами, я постоял с минуту и пошёл дальше. Через полчаса свет на небе ещё более отодвинулся на запад. Из белого он стал зелёным, потом жёлтым, оранжевым и наконец тёмно-красным. Медленно земля совершала свой поворот и, казалось, уходила от солнца навстречу ночи.

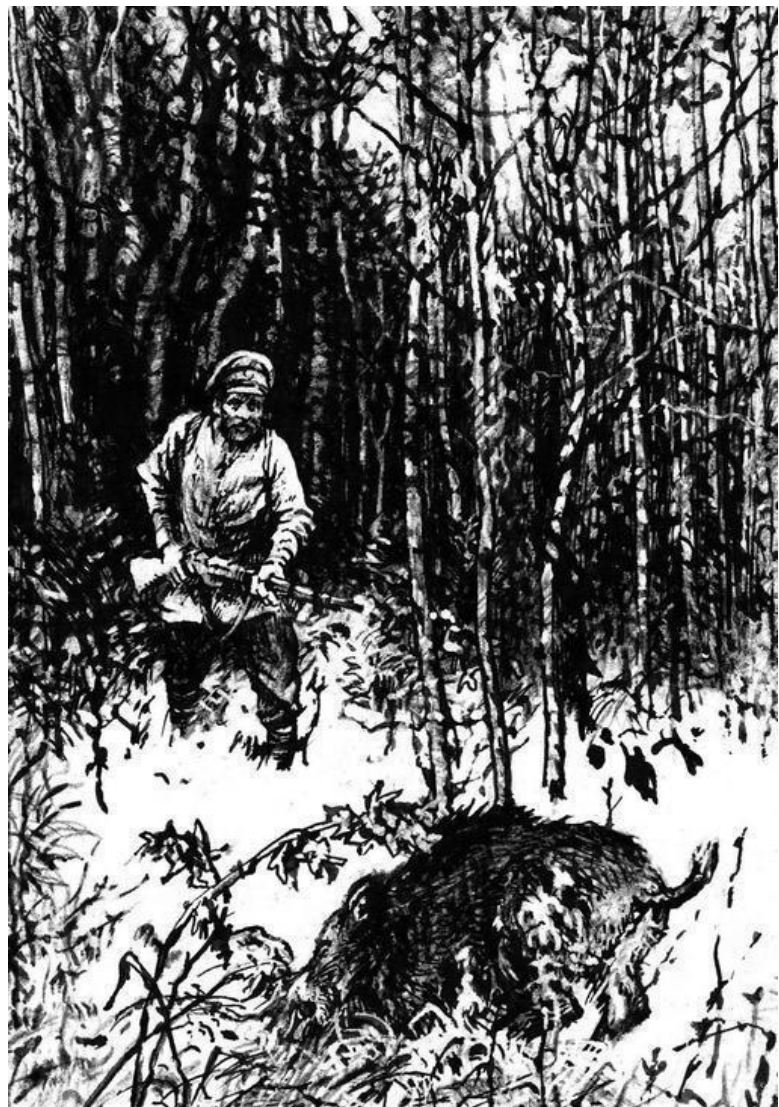
В это время я услышал треск сучьев и вслед за тем какое-то сопение. Я замер на месте. Из чащи, окутанной мраком, показались две тёмные массы. Я узнал кабанов. Они направлялись к реке. Судя по неторопливому шагу животных, я понял, что они меня не видали. Один кабан был большой, а другой поменьше. Я выбрал меньшего и стал в него целиться. Вдруг большой кабан издал резкий крик, и одновременно я спустил курок. Эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по лесу. Большой кабан шарахнулся в сторону. Я думал, что промахнулся, и хотел уже было двинуться вперёд, но в это время увидел раненого зверя, поднимающегося с земли. Я выстрелил второй раз, животное ткнулось мордой в траву и опять стало подниматься. Тогда я выстрелил в третий раз. Кабан упал и остался недвижим. Я подошёл к нему. Это была свинья средней величины, вероятно, не более 130 килограммов весом.

Чтобы мясо не испортилось, я выпотрошил кабана и хотел было уже идти на бивак за людьми, но опять услышал шорох в лесу. Это оказался Дерсу. Он пришёл на мои выстрелы. Я очень удивился, когда он спросил меня, кого я убил. Я мог и промахнуться.

– Нет, – засмеялся он, – моя хорошо понимай, тебе убей есть.

Я просил объяснить мне, на чём он основывает свои предположения. Гольд сказал мне, что обо всём происшедшем он узнал не по выстрелам, а по промежуткам между ними.

Одним выстрелом редко удаётся убить зверя. Обыкновенно приходится делать два-три выстрела. Если бы он слышал только один выстрел, то это значило бы, что я промахнулся. Три выстрела, часто следующих один за другим, говорят за то, что животное убегает и выстрелы пускаются вдогонку. Но выстрелы с неравными промежутками между ними показывают, что зверь ранен и охотник его добивает.

Решено было, что до рассвета кабан останется на месте, а с собой мы возьмём только печень, сердце и почки животного.

Затем мы разложили около него огонь и пошли назад.

Было уже совсем темно, когда мы подходили к биваку.

Свет от костров отражался по реке яркой полосой. Полоса эта как будто двигалась, прерывалась и появлялась вновь у противоположного берега. С бивака доносились удары топора, говор людей и смех. Расставленные на земле комарники, освещённые изнутри огнём, казались громадными фонарями. Казаки слышали мои выстрелы и ждали добычи. Принесённая кабанина тотчас же была обращена в ужин, после которого мы напились чаю и улеглись спать. Остался только один караульный для охраны коней, пущенных на волю.

Одиннадцатого числа мы продолжали свой путь по реке Дананце. Здесь в изобилии растёт кедр. По мере приближения к Сихотэ-Алиню строевой лес исчезает всё больше и больше и на смену ему выступают леса поделочного характера, и наконец в самых истоках растёт исключительно замшистая и жидкая ель, лиственница и пихта. Корни деревьев не углубляются в землю, а стелются на поверхности. Сверху они чуть-чуть только прикрыты мхами. От этого деревья недолговечны и стоят непрочно. Молодняк двадцатилетнего возраста свободно опрокидывается на землю усилиями одного человека. Отмирание деревьев происходит от вершин. Иногда умершее дерево продолжает ещё долго стоять на корню,

но стоит до него слегка дотронуться, как оно тотчас же обваливается и рассыпается в прах.

При подъёме на крутые горы, в особенности с ношей за плечами, следует быть всегда осторожным. Надо внимательно осматривать деревья, за которые приходится хвататься. Уже не говоря о том, что при падении такого рухляка сразу теряешь равновесие, но, кроме того, обломки сухостоя могут ещё разбить голову. У берёз древесина разрушается всегда скорее, чем кора. Труха из них высыпается, и на земле остаются лежать одни берестяные футляры.

Такие леса всегда пустынно. Не видно нигде звериных следов, нет птиц, не слышно жужжания насекомых. Стволы деревьев в массе имеют однотонную буро-серую окраску. Тут нет подлеска, нет даже папоротников и осок. Куда ни глянешь, всюду кругом мох: и внизу под ногами, и на камнях, и на ветвях деревьев. Тоскливое чувство навеивает такая тайга. В ней всегда стоит мёртвая тишина, нарушаемая только однообразным свистом ветра по вершинам сухостоев. В этом шуме есть что-то злобное, предостерегающее. Такие места удэгейцы считают обиталищами злых духов.

К вечеру мы немного не дошли до перевала и остановились у предгорий Сихотэ-Алиня. На этот день на разведки я послал казаков, а сам с Дерсу остался на биваке. Мы скоро поставили односкатную палатку, повесили над огнём чайник и стали ждать возвращения людей. Дерсу молча курил трубку, а я делал записи в свой дневник.

В переходе от дня к ночи всегда есть что-то таинственное. В лесу в это время становится сумрачно и тоскливо. Кругом воцаряется жуткое безмолвие. Затем появляются какие-то едва уловимые ухом звуки. Как будто слышатся глубокие вздохи. Откуда они исходят? Кажется, что вздыхает сама тайга. Я оставил работу и весь отдался влиянию окружающей меня обстановки. Голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

– Худо здесь наша спи, – сказал он как бы про себя.

– Почему? – спросил я его.

Он указал рукой на клочья тумана, которые появились в горах и, точно привидения, бродили по лесу.

– Тебе, капитан, понимай нету, – продолжал он. – Его тоже всё равно люди.

Дальше из его слов я понял, что раньше это были люди, но они заблудились в горах, погибли от голода, и вот теперь души их бродят по тайге в таких местах, куда редко заходят живые.

Вдруг Дерсу насторожился.

– Слушай, капитан, – сказал он тихо.

Я прислушался. Со стороны, противоположной той, куда ушли казаки, издали доносились странные звуки. Точно кто-нибудь рубил там дерево. Потом всё стихло. Прошло минут десять, и опять новый звук пронёсся в воздухе. Точно кто-то лязгал железом, но только очень далеко. Вдруг сильный шум прокатился по всему лесу. Должно быть, упало дерево.

– Это его, его, – забормотал испуганно Дерсу, и я понял, что он говорит про души заблудившихся и умерших. Затем он вскочил на ноги и что-то по-своему стал сердито кричать в тайгу. Я спросил его, что это значит.

– Моя мало-мало ругается, – отвечал он. – Моя ему сказал, что наша одну только ночь здесь спи и завтра ходи дальше.

В это время с разведок вернулись казаки и принесли с собой оживление. Ночных звуков больше не было слышно, и ночь прошла спокойно.

На следующий день я проснулся раньше солнца и тотчас же принялся будить разоспавшихся казаков. Солнечный восход застал нас уже в дороге.

Подъем со стороны реки Дананцы был длинный, пологий, спуск в сторону моря крутой. Самый перевал представляет собой довольно глубокую седловину, покрытую хвойным лесом, высотой в 870 метров. Я назвал его Забытым.

В горах Сихотэ-Алиня почти всегда около глубоких седловин располагаются высокие горы. Так было и здесь. Слева от нас высилась большая гора с плоской вершиной, которую называют Тудинза.

Оставив казаков ожидать нас в седловине, мы вместе с Дерсу поднялись на гору. По гипсометрическим измерениям высота её равна 1160 метрам. Подъем, сначала пологий, по мере приближения к вершине становился всё круче и круче. Бесспорно, что гора Тудинза является самой высокой в

этой местности. Вершина её представляет собой небольшую площадку, покрытую травой и обставленную по краям низкорослой ольхой и берёзой.

Сверху, с горы, открывался великолепный вид во все стороны. Перед нами развернулась красивая панорама. Земля внизу казалась морем, а горы – громадными окаменевшими волнами. Ближайшие вершины имели причудливые очертания, за ними толпились другие, но контуры их были задержаны дымкой синеватого тумана, а дальше уже нельзя было разобрать, горы это или кучевые облака на горизонте. В этом месте хребет Сихотэ-Алинь делает небольшой излом к морю, а затем опять поворачивает на северо-восток. Гора Тудинза находилась как раз в углу излома. Сверху я легко мог разобраться в расположении горных складок и в направлениях течений рек. К западу текли Ли-Фудзин и Ното, к северо-востоку – Тютихе, к востоку – Динзахе и на юго-восток – Вангоу.

Покончив с кипячением воды, мы стали спускаться обратно к седловине.

Я не знаю, что труднее – подъем или спуск. Правда, при подъёме в работе участвует дыхание, зато положение тела устойчивее. При спуске приходится всё время бороться с тяжестью собственного тела. Каждый знает, как легко подыматься по осыпям вверх и как трудно по ним спускаться книзу.

Надо всё время упираться ногой в камни, в бурелом, в ос-

нование куста, в кочку, обросшую травой, и т. д. При подъёме на гору это не опасно, но при спуске всегда надо быть осторожным. В таких случаях легко сорваться с кручи и полететь вниз головой.

Восхождение на гору Тудинзу отняло у нас целый день. Когда мы спустились в седловину, было уже поздно. На самом перевале находилась кумирня. Казаки нашли в ней леденцы. Они сидели за чаем и благодумствовали.

И здесь, как и на реке Вай-Фудзине, при переходе через Сихотэ-Алинь, наблюдателя поражает разница в растительности. За водоразделом мы сразу попали в лиственный лес; хвоя и мох остались позади.

В истоках Вангоу стояла китайская зверовая фанза Цоцо-гоуза¹²⁶; в ней мы заночевали.

Перед сумерками я взял ружьё и отправился на разведки. Я шёл медленно, часто останавливался и прислушивался. Вдруг до слуха моего донеслись какие-то странные звуки, похожие на певучее карканье. Я притаился и вскоре увидел ворона. Птица эта гораздо крупнее обыкновенной вороны. Крики, издаваемые вороном, довольно разнообразны и даже приятны для слуха. Он сидел на дереве и как будто разговаривал сам с собой. В голосе его я насчитал девять колен. Заметив меня, птица испугалась. Она легко снялась с места и полетела назад. В одном месте в расщелине между корой и древесиной я заметил гнездо пищухи, а затем и её самое.

¹²⁶ Цао-Цао-гоу-цзы – долина Цао-Цао.

Эта серенькая живая и весёлая птичка лазала по дереву и своим длинным и тонким клювом ощупывала кору. Иногда она двигалась так, что приходилась спиной книзу и лапками держалась за ветки. Рядом с ней сустились два амурских поползня. Они тихонько пищали и проворно осматривали каждую складку на дереве и действовали своими коническими клювами, как долотом, нанося удары не прямо, а сбоку, то с одной, то с другой стороны.

На возвратном пути я убил трёх рябчиков, которые и доставили нам хороший ужин.

На рассвете (это было 12 августа) меня разбудил Дерсу. Казаки ещё спали. Захватив с собой гипсометры, мы снова поднялись на Сихотэ-Алинь. Мне хотелось смерить высоту с другой стороны седловины. Насколько я мог уяснить, Сихотэ-Алинь тянется здесь в направлении к юго-западу и имеет пологие склоны, обращённые к Дананце, и крутые к Тадушу. С одной стороны были только мох и хвоя, с другой — смешанные лиственные леса, полные жизни.

Когда мы вернулись в фанзу, отряд наш был уже готов к выступлению. Стрелки и казаки позавтракали, согрели чай и ожидали нашего возвращения. Закусив немного, я велел им седлать коней, а сам вместе с Дерсу пошёл вперёд по тропинке.

Река Вангоу имеет вид горной таёжной речки, длиной около 20 километров, протекающей по продольной межскладчатой долине, покрытой отличным строевым лесом. На этом

протяжении она принимает в себя пять небольших притоков: три с левой стороны – Тунца¹²⁷, Сяо-ца¹²⁸ и Сиявангул¹²⁹, и два с правой – Та-Сица¹³⁰ и Сяо-Сица¹³¹.

К несчастью, река Вангоу сплавной быть не может, потому что русло её засорено галькой и завалено буреломом.

Около устья первой речки мы остановились, чтобы подождать выючный обоз.

Дерсу сел на берегу речки и стал переобуваться, а я пошёл дальше. Тропинка описывает здесь дугу градусов в сто двадцать. Отойдя немного, я оглянулся назад и увидел его, сидящего на берегу речки. Он махнул мне рукой, чтобы я его не дожидался.

Едва я вступил на опушку леса, как сразу наткнулся на кабанов, но выстрелить не успел. Заметив, куда побежали животные, я бросился им наперерез. Действительно, через несколько минут я опять догнал их. Сквозь чащу я видел, как что-то мелькнуло. Выбрав момент, когда тёмное пятно остановилось, я приложился и выстрелил. В то же мгновение я услышал человеческий крик и затем болезненный стон. Безумный страх овладел мной. Я понял, что стрелял в человека, и кинулся через заросли к роковому месту. То, что я

¹²⁷ Дун-ча – восточное разветвление.

¹²⁸ Сяо-ча – малое разветвление.

¹²⁹ Сяо-ван-гоу-эр – малая извилистая долина.

¹³⁰ Да-си-ча – большое западное разветвление.

¹³¹ Сяо-си-ча – малое западное разветвление.

увидел, поразило меня как обухом по голове. На земле лежал Дерсу.

– Дерсу! Дерсу! – закричал я не своим голосом и бросился к нему.

Он упёрся левой рукой в землю и, приподнявшись немного на локте, правой рукой закрыл глаза. Я тормошил его и торопливо, испуганно спрашивал, куда попала пуля.

– Spина больно, – отвечал он.

Я спешно стал снимать с него верхнюю одежду. Его куртка и нижняя рубашка были разорваны. Наконец я его раздел. Вздых облегчения вырвался из моей груди. Пулевой раны нигде не было. Вокруг контуженного места был кровоподтёк немногим более пятикопеечной монеты. Тут только я заметил, что я дрожу, как в лихорадке. Я сообщил Дерсу характер его ранения. Он тоже успокоился. Заметив волнение, он стал меня успокаивать:

– Ничего, капитан! Тебе виноват нету. Моя назади был. Как тебе понимай, что моя впереди ходи.

Я поднял его, посадил и стал расспрашивать, как могло случиться, что он оказался между мной и кабанами. Оказалось, что кабанов он заметил со мной одновременно. Природённая охотничья страсть тотчас в нём заговорила. Он вскочил и бросился за животными. А так как я двигался по круговой тропе, а дикие свиньи шли прямо, то, следуя за ними, Дерсу скоро обогнал меня. Куртка его по цвету удивительно подходила к цвету шерсти кабана. Дерсу в это время

пробирался по чаще согнувшись. Я принял его за зверя и выстрелил.

Пуля разорвала куртку и контузила спину, вследствие чего у него отнялись ноги.

Минут через десять подошли выюки. Первое, что я сделал, – это смазал ушиб раствором йода, затем освободил одну лошадь, а груз разложил по другим коням. На освободившееся седло мы посадили Дерсу и пошли дальше от этого проклятого места.

После полудня там, где река Вангоу принимает в себя сразу три притока, мы нашли ещё одну зверовую фанзу. Дальше идти было нельзя: у Дерсу болела голова и ломило спину.

Я решил остановиться на ночлег. Раненого мы перенесли на руках в фанзу и положили на кан. Я старался окружить его самым заботливым уходом. Первым долгом я положил ему согревающий компресс на спину, для чего разорвал на полосы один комарник.

К вечеру Дерсу немного успокоился. Зато я не мог найти себе места. Мысль, что я стрелял в человека, которому обязан жизнью, не давала мне покоя. Я проклинал сегодняшний день, проклинал кабанов и охоту. Ведь если бы на сантиметр я взял левее, если бы моя рука немного дрогнула, Дерсу был бы убит! Всю ночь я не мог уснуть. Мне все мерещился лес, кабаны, мой выстрел, крик Дерсу и куст, под которым он лежал. В испуге я вскакивал с кана и несколько раз выходил на воздух; я старался успокоить себя тем, что Дерсу жив и на-

ходится со мной, но ничто не помогало. Тогда я развёл огонь и попробовал было читать. Скоро я заметил, что представляю себе не то, что написано в книге, а другую картину... Наконец стало светать. На моё счастье, проснулся очередной артельщик. Он принялся готовить утренний завтрак, а я стал ему помогать.

Утром Дерсу почувствовал себя легче. Боль в спине утихла совсем. Он начал ходить, но все ещё жаловался на головную боль и слабость. Я опять приказал одного коня предоставить больному. В девять часов утра мы выступили с бивака.

В нижнем течении Вангоу немного болотистая. Здесь есть кое-где небольшие полянки с землёй плодородной, заросшей орешником, леспедецей, тростником и полынью. Километрах в пяти от устья, слева, в Вангоу впадает маленький ключик, называемый китайцами Талазагоу¹³² – Долина большой скалы. Действительно, такая скала здесь есть. Порода, из которой она состоит, разрушаясь под действием солнца, дождя и ветра, даёт беловатую рыхлую массу, похожую на глину. По словам тазов, летом во время пантовки здесь всегда держится много изюбров. Они с какой-то особенной жадностью грызут эту землю. При ближайшем обследовании скалы на ней действительно были найдены многочисленные следы, оставленные зубами оленей. С одной стороны ими было съедено так много породы, что образовалась выемка около ар-

¹³² Да-ла-цзы-гоу – долина большой скалы.

шина глубиной.

Неподалёку от скалы находилась лудёва, то есть забор, преграждавший животным доступ к водопою. Он был сделан частью из буреломного леса, частью из живых деревьев. При помощи кольев валежник закрепляется так, чтобы животные не могли разбросать его ногами. Кое-где оставляются проходы, в которых копаются глубокие ямы, сверху искусно замаскированные травой и сухой листвой. Ночью олени идут к воде, натываются на забор и, пытаясь обойти его, попадают в ямы. Такие лудёвы тянутся иногда на 50 километров с лишним и имеют около двухсот действующих ям.

Лудёва на реке Вангоу была заброшена. Видно было, что китайцы не навещали её уже давно. В одной из ям мы нашли матку изюбра. Бедное животное попало туда, видно, суток трое тому назад. Мы остановились и стали рассуждать о том, как его спасти. Один из стрелков хотел было спуститься в яму, но Дерсу посоветовал не делать этого. Олень мог убиться сам и переломать охотнику ноги. Тогда мы решили вынуть его арканами. Так и сделали. В две петли, брошенные на землю, изюбр попал ногами, третью набросили ему на голову и быстро вытащили наверх. Казалось, что он задохся. Но едва петли были сняты, он тотчас начал ворочать глазами. Отдышавшись немного, олень поднялся на ноги и, шатаясь, пошёл в сторону, но, не доходя до леса, увидел ручей и, не обращая на нас более внимания, стал жадно пить воду.

Дерсу ужасно ругал китайцев за то, что они, бросив лудё-

ву, не позаботились завалить ямы землёй. Через час мы подошли к знакомой нам Лудёвой фанзе. Дерсу совсем оправился и хотел было сам идти разрушить лудёву, но я посоветовал ему остаться и отдохнуть до завтра. После обеда я предложил всем китайцам стать на работу и приказал казакам следить за тем, чтобы все ямы были уничтожены.

После пяти часов полудня погода стала портиться: с моря потянул туман; откуда-то на небе появились тучи. В сумерках возвратились казаки и доложили, что в трёх ямах они ещё нашли двух мёртвых оленей и одну живую козулю.

Весь следующий день мы простояли на месте. Погода была переменная, но больше дождливая и пасмурная. Люди стирали бельё, починяли одежду и занимались чисткой оружия. Дерсу оправился окончательно, чему я несказанно радовался.

После полудня мы слышали выстрелы. Это Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков давали знать о своём возвращении. Встреча наша была радостной. Начались расспросы и рассказы друг другу о том, кто где был и кто что видел. Разговоры эти затянулись до самой ночи.

Четырнадцатого августа мы были готовы к продолжению путешествия. Теперь я полагал подняться по реке Динзахе и спуститься в бассейн Тютихе, а Г. И. Гранатман с А. И. Мерзляковым взялись обследовать другой путь по реке Вандагоу, впадающей в Тютихе с правой стороны, недалеко от устья.

Пятнадцатого августа, в девять часов утра, оба наши от-

ряда разделились и пошли каждый своей дорогой.

Густой туман, лежавший до сих пор в долинах, вдруг начал подыматься. Сначала оголились подошвы гор, потом стали видны склоны их и седловины. Дойдя до вершин, он растянулся в виде скатерти и остался неподвижен. Казалось, вот-вот хлынет дождь, но благоприятные для нас стихии взяли верх: день был облачный, но не дождливый.

Река Динзахе¹³³ длиной около 50 километров. Общее направление её течения с севера на юг. Немного не доходя до Тадушу, она круто поворачивает на запад и течёт некоторое время параллельно ей. Высокий отрог горного хребта, вклинившийся между этими двумя реками, состоит из трахитового туфа, фельзитов с плитняковой отдельностью и зелёного оруденелого кварцита. Лесонасаждение в горах редкое. Здесь растут белая и чёрная берёза, клён, дуб и липа. Китайцы, которым нужно попасть на Динзахе, идут прямо через этот отрог, чем значительно сокращают расстояние и выигрывают во времени. Последние три километра река снова склоняется на юг и под прямым углом впадает в Тадушу.

Сначала на протяжении 10 километров по долине реки Динзахе тянутся поляны, отделённые друг от друга небольшими перелесками, а затем начинаются сплошные леса, такие же роскошные, как и на Ли-Фудзине. Тут я впервые заметил японскую берёзу с треугольными листьями, – говорят, она часто встречается к югу от Тадушу, затем – бересклет ма-

¹³³ Цзинь-цзы-хэ – золотая река.

лоцветковый, украшенный бахромчатыми ветвями и с бледными листьями, абрикосовое дерево с мелкими плодами и черешню Максимовича, растущую всегда одиноко и дающую чёрные безвкусные плоды. В другом месте я заметил приземистый тальник со слабоопушенными листьями и пепельную иву, растущую то кустом, то деревом. Кое-где одиночно встречались кусты смородины Максимовича, которую всегда можно узнать по красивой листве и мелким ягодам, и изредка княжик охотский с тонкими заострёнными долями листьев.

Некоторые деревья поражали своей величиной. Измеренные стволы их в объёме на грудной высоте дали следующие цифры: кедр – 2,9, пихта – 1,4, ель – 2,8, берёза белая – 2,3, тополь – 3,5 и пробковое дерево – 1,4 метра.

Река Динзахе сильно извивается по долине. Местами она очень мелка, течёт по гальке и имеет много перекатов, но местами образует глубокие ямы. Вода в массе вследствие посторонних примесей имеет красивый опаловый оттенок.

С каждым днём гнуса становилось всё меньше и меньше. Это очень облегчило работу. Комары стали какие-то жёлтые, холодные и злые.

Первым большим притоком Динзахе с правой стороны будет Канхеза. По ней можно выйти на реку Вангоу. В этот день мы прошли сравнительно немного и на ночь остановились в густом лесу около брошенной зверовой фанзы.

Когда стемнело, с моря ветром опять нанесло туман. Кон-

денсация пара была так велика, что влага непосредственно из воздуха оседала на землю мелкой изморосью. Туман был так густ, что в нескольких шагах нельзя было рассмотреть человека. В такой сырости не хочется долго сидеть у огня.

После ужина все, словно сговорившись, залезли в комарники и легли спать.

С восходом солнца туман рассеялся. По обыкновению, мы с Дерсу не стали дожидаться, когда казаки заседлают лошадей, и пошли вперёд.

Чем дальше, тем лес становился глуше. В этой девственной тайге было что-то такое, что манило в глубину её и в то же время пугало своей неизвестностью. В спокойном проявлении сил природы здесь произрастали представители всех лиственных и хвойных пород маньчжурской флоры. Эти молчаливые великаны могли бы многое рассказать из того, чему они были свидетелями за двести и триста с лишним лет своей жизни на земле.

Проникнуть в самую глубь тайги удаётся немногим. Она слишком велика. Путнику всё время приходится иметь дело с растительной стихией. Много тайн хранит в себе тайга и ревниво оберегает их от человека. Она кажется угрюмой и молчаливой... Таково первое впечатление. Но кому случилось поближе с ней познакомиться, тот скоро привыкает к ней и тоскует, если долго не видит леса. Мёртвой тайга кажется только снаружи, на самом деле она полна жизни. Мы с Дерсу шли не торопясь и наблюдали птиц.

В чаще подлесья в одиночку кое-где мелькали бойкие ремезы-овсянки. Там и сям на деревьях можно было видеть уссурийских малых дятлов. Из них особенно интересен зелёный дятел с золотистой головкой.

Он усердно долбил деревья и нимало не боялся приближения людей. В другом месте порхало несколько тёмных дроздов. Рядом по веткам шоркали две уссурийские сойки-пересмешницы. Один раз мы испугнули сокола-дербнюка. Он низко полетел над землёй и скрылся вскоре за деревьями.

Над водой резвились стрекозы. За одной из них гналась азиатская трясогузка; она старалась поймать стрекозу на лету, но последняя ловко от неё увёртывалась.

Вдруг где-то в стороне тревожно закричала кедровка. Дерсу сделал мне знак остановиться.

– Погоди, капитан, – сказал он. – Его сюда ходи.

Действительно, крики приближались. Не было сомнения, что это тревожная птица кого-то провожала по лесу. Минут через пять из зарослей вышел человек. Увидев нас, он остановился как вкопанный. На лице его изобразилась тревога.

Я сразу узнал в нём искателя женьшеня. Одет он был в рубашку и штаны из синей дабы, кожаные унты, а на голове красовалась берестяная шляпа. Спереди на нём был надет промасленный передник для защиты одежды от росы, а сзади к поясу привязана шкура барсука, позволявшая садиться на мокрый валежник без опасения замочить одежду. У его пояса висел нож, костяная палочка для выкапывания жень-

шения и мешочек, в котором хранились кремьнь и огниво. В руках китаец держал длинную палку для разгребания травы и листвы под ногами.

Дерсу сказал ему, чтобы он не боялся и подошёл поближе. Это был человек лет пятидесяти пяти, уже поседевший. Лицо и руки у него так загорели, что приняли цвет оливково-красный. Никакого оружия у него не было.

Когда китаец убедился, что мы не хотим ему сделать зла, он сел на колодник, достал из-за пазухи тряпицу и стал вытирать ею потное лицо. Вся фигура старика выражала крайнее утомление.

Так вот он, искатель женьшеня! Это был своего рода пустынник, ушедший в горы и отдавший себя под покровительство лесных духов.

Из расспросов выяснилось, что в верховьях Динзахе у него есть фанза. В поисках чудодейственного корня он иногда уходил так далеко, что целыми неделями не возвращался к своему дому.

Он рассказал нам, как найти его жилище, и предложил остановиться у него в доме. Отдохнув немного, старик попрощался с нами, взял свою палку и пошёл дальше. Я долго следил за ним глазами. Один раз он нагнулся к земле, взял мох и положил его на дерево. В другом месте он бантом закрутил ветку черёмухи. Это условные знаки. Они означали, что данное место осмотрено и другому женьшеньщику делать здесь нечего. Великий смысл заключается в этом. Ис-

катели не будут ходить по одному и тому же месту и понапрасну тратить время. Через несколько минут старик исчез из вида, и мы тоже пошли своей дорогой.

В полдень мы были на половине пути от Тадушу до перевала, а к вечеру дошли до реки Удагоу¹³⁴, самого верхнего притока Динзахе. Тут мы действительно нашли маленькую фанзочку, похожую на инородческую юрту, с двускатной крышей, опирающейся непосредственно на землю. Два окна, расположенные по сторонам двери, были заклеены бумагой, разорванной и вновь заклеенной лоскутами. Здесь уже не было орудий звероловства, зато были заступы, скребки, лопаточки, берестяные коробочки разной величины и палочки для выкапывания женьшеня.

Шагах в пятидесяти от фанзы стояла маленькая кумирня со следующей надписью: «Чжеь шань лин ван си жи Хань чао чжи го сян Цзинь цзо жень цзян фу лу мэнь», то есть «Находящемуся в лесах и горах князю (тигру). В древнее время при Ханьской династии – спасавший государство. В настоящие дни – дух, дающий счастье людям».

В верхнем течении Динзахе состоит из двух рек одинаковой величины: Ситцы¹³⁵ и Тунцы (Дунцы). Первая приведёт на Ното, вторая – на Тютихе, куда именно я и направлял свой путь. От фанзы искателя женьшеня шла маленькая тропинка, но скоро она исчезла, и нам опять целый день при-

¹³⁴ У-да-гоу – пятая большая долина.

¹³⁵ Си-ча – западное разветвление.

шлось идти целиной. Долина Динзахе, как и все тектонические долины, суживается постепенно. В верхней части дно её занесено щебнем, из чего можно заключить, что в дождливое время года она заливается водой. Горный хребет, служащий водоразделом между нею и Тютихе, представляет собой один из отрогов Сихотэ-Алиня, высотой в среднем 1100 метров. Гребень водораздела однообразно ровный, без выдающихся вершин и глубоких седловин и состоит из каолинизированного кварцевого порфира, в котором включены кристаллы полевого шпата.

Глава 21

Возвращение к морю

Енотовидные собаки. – Долина Инза-Лазагоу. – Устье реки Тютихе. – Стрельба по уткам. – Философия Дерсу. – Баня. – Бухта Тютихе. – Птицы на берегу моря. – Гроза. – Реки Цумихе и Вандагоу. – Выступление. – Тазы. – Кета. – Потрава пашен кабанами. – Рудник. – Летяга

За перевалом, следуя течению воды к востоку, мы часа три с половиной дня вышли на реку Инза-Лазагоу – Долина серебряной скалы. Река эта будет самым большим и ближайшим к морю притоком Тютихе. В верховьях Инза-Лазагоу состоит тоже из двух речек, именуемых также Сицой и Тунцой. Каждая из них, в свою очередь, слагается из нескольких мелких ручьёв.

В этот день мы дошли до слияния их и стали биваком в густом лесу.

Здесь в реке было много мальмы. Мы её ловили просто руками. Она подавалась нам ежедневно утром на завтрак и вечером на ужин. Интересно отметить, что рыбка эта особенно распространена в Уссурийском крае. Туземцы говорят, что к западу от Сихотэ-Алиня преобладает ленок, которого вовсе нет в прибрежном районе.

Стрелки занялись ловлей рыбы на удочку, а я взял ружьё и отправился на разведки в горы. Проходив до самых сумерек и ничего не найдя, я пошёл по берегу реки. Вдруг в одной яме я услышал шум, похожий на полосканье. Подойдя осторожно к обрыву, я заглянул вниз и увидел двух енотовидных собак. Они так были заняты ловлей рыбы, что совершенно не замечали моего присутствия. Передними ногами еноты стояли в воде и зубами старались схватить шмыгающих мимо них рыбёшек. Я долго наблюдал за животными. Иногда они вдруг круто оборачивались назад, бросались за землеройками и принимались торопливо рыть землю. Но вот один из зверьков поднял голову, внимательно посмотрел в мою сторону и издал какой-то звук, похожий на тьяканье. Вслед за тем оба енота быстро исчезли в траве и больше уже не показывались около речки.

На биваке я застал всех в сборе. После ужина мы ещё час занимались каждый своей работой, а затем напились чаю и легли спать, кто где нашёл для себя удобней.

Следующий день мы продолжали свой маршрут по реке Инза-Лазагоу. Долина её в средней части суживается, но затем опять начинает расширяться. Горы с правой стороны крутые и скалистые. В их обрывах когда-то нашли прожилки серебросвинцовой руды, отчего и долина получила своё настоящее название. Долина Инза-Лазагоу большей частью свободна от леса, но так как почва в ней каменистая, она совершенно неудобна для земледелия. Вот почему люди игно-

пировали её и поселились около устья.

На всём протяжении река принимает в себя с правой стороны только два небольших горных ручья: Тамчасегоу¹³⁶ и Панчасегоу¹³⁷. От места слияния их идёт тропа, проложенная тазовскими охотниками и китайцами-соболевщиками.

По пути я замечал, что в некоторых местах земля была истоптана и взрыта. Я думал, что это кабаны, но Дерсу указал мне на исковерканное деревцо, лишённое коры и листьев, и сказал:

– Его скоро начинай кричи!

Из объяснения его я понял, что, как только у изюбра окрепнут молодые рога (панты), он старается содрать с них кожу, для чего треплет какое-нибудь деревцо. Другой самец, придя на это место, понимает, что это значит. Он начинает злиться, рыть землю ногами и бить молодняк рогами.

Река Инза-Лазагоу впадает в реку Тютихе в 5 километрах от моря. Нижняя часть долины последней представляет собой три широкие котловины.

Километрах в двух от устья реки начинаются болота. Песчаные валы и лужи стоячей воды между ними указывают место, до которого раньше доходило море. В приросте суши принимали участие три фактора: отрицательное движение береговой линии, наносы реки и морской прибой.

Около самого залива река вдруг поворачивает налево и

¹³⁶ Да-ма-ча-цзы-гоу – разветвляющаяся долина, где растёт высокая конопля.

¹³⁷ Пань-чан-гоу – долина извилистая, как кишка.

течёт вдоль берега моря, отделяясь от него только песчаной косой. Раньше устье Тютихе было около Северного мыса. Во время наводнения в 1904 году река прорвала эту плотину и вышла прямо к бухте. Как только в прежнем русле ослабева-ло течение, море заметало его устье песком. Так образовался слепой рукав, впоследствии обмелевший. В скором времени он превратился в болото. Длинное озеро, которое сохрани-лось между валами в одном километре от моря, вероятно, было самое глубокое место залива. Нынче озеро это почти всё заросло травой.

На нём плавало множество уток. Я остался с Дерсу ради охоты, а отряд ушёл вперёд. Стрелять уток, плававших на озере, не имело смысла. Без лодки мы всё равно не могли бы их достать. Тогда мы стали караулить перелётных. Я стрелял из дробовика, а Дерсу из винтовки, и редкий раз он давал промахи.

Глядя на его стрельбу, я невольно вслух высказал ему по-хвалу.

– Моя раньше хорошо стреляй, – отвечал он. – Никогда пуля мимо ходи нету. Теперь мало-мало плохо.

В это мгновенье над нами высоко пролетала утка. Дерсу быстро поднял ружьё и выстрелил. Птица, прострелен-ная пулей, перевернулась в воздухе, камнем полетела вниз и грузно ударилась о землю. Я остановился и в изумлении посматривал то на него, то на утку. Дерсу развеселился. Он предложил мне бросать кверху камни величиной с куриное

яйцо. Я бросил десять камней, и восемь из них он в воздухе разбил пулями. Дерсу был доволен. Но не тщеславие говорило в нём, он просто радовался тому, что средства к жизни может ещё добывать охотой.

Долго мы бродили около озера и стреляли птиц. Время летело незаметно. Когда вся долина залилась золотистыми лучами заходящего солнца, я понял, что день кончился. Вслед за трудовым днём приближался покой; вся природа готовилась к отдыху. Едва солнце успело скрыться за горизонтом, как с другой стороны, из-за моря, стала подыматься ночь.

Широкой полосой перед нами расстилались пески; они тянулись километра на три. Далеко впереди, точно караван в пустыне, двигался наш отряд. Собрав поскорее птиц, мы пошли за ним следом.

Около моря караван наш остановился. Через несколько минут кверху взвилась струйка белого дыма, – это разложили огонь на биваке. Через полчаса мы были около своих.

Стрелки стали на ночь рядом с маленькой фанзой, построенной из плавникового леса около береговых обрывов. Здесь жили два китайца, занимавшиеся сбором съедобных ракушек в полосе мелководья. Большого радушия и большого гостеприимства я нигде не встречал.

За этот переход все сильно устали. На несчастье, я сильно натёр пятку. Надо было всем отдохнуть, поэтому я решил сделать днёвку и дожидаться возвращения Г. И. Гранатмана и А. И. Мерзлякова.

Ночью больная нога не позволяла мне сомкнуть глаз, и я несказанно был рад, когда стало светать. Сидя у огня, я наблюдал, как пробуждалась к жизни природа.

Раньше всех проснулись бакланы. Они медленно, не торопясь, летели над морем куда-то в одну сторону, вероятно, на корм. Над озером, заросшим травой, носились табуны уток.

В море, на земле и в воздухе стояла глубокая тишина.

Дерсу поднялся раньше других и начал греть чай. В это время стало всходить солнце. словно живое, оно выглянуло из воды одним краешком, затем отделилось от горизонта и стало взбираться вверх по небу.

– Как это красиво! – воскликнул я.

– Его самый главный люди, – ответил мне Дерсу, указывая на солнце. – Его пропади – кругом все пропади.

Он подождал с минуту и затем опять стал говорить:

– Земля тоже люди. Голова его – там, – он указал на северо-восток, – а ноги – туда, – он указал на юго-запад. – Огонь и вода тоже два сильные люди. Огонь и вода пропади – тогда все сразу кончай.

В этих простых словах было много анимистического, но было много и мысли. Услышав наш разговор, стали просыпаться стрелки и казаки. Весь день я просидел на месте. Стрелки тоже отдыхали и только по временам ходили посмотреть лошадей, чтобы они не ушли далеко от бивака.

Сегодня мы устроили походную баню. Для этого была поставлена глухая двускатная палатка. Потом в стороне на кострах накалили камни, а у китайцев в большом котле и двух керосиновых банках согрели воды. Когда всё было готово, палатку снаружи смочили водой, внесли в неё раскалённые камни и стали поддавать пар. Получилась довольно хорошая паровая баня. Правда, в палатке было тесно и приходилось мыться по очереди. Пока одни мылись, другие калили кам-

ни.

Много было шуток, много смеха, но всё же все вымылись и даже постирали бельё.

Следующие три дня провели за починкой обуви. Прежде всего я позаботился доставить продовольствие Н. А. Пальчевскому, который собирал растения в окрестностях бухты Терней. На наше счастье, в устье Тютихе мы застали большую парусную лодку, которая шла на север. Дерсу уговорил хозяина её, маньчжура Хэй Бат-су¹³⁸, зайти в бухту Терней и передать Н. А. Пальчевскому письма и два ящика с грузом.

Погода эти дни стояла переменная: дули резкие западные ветры; ночи стали прохладные; приближалась осень.

Нога моя скоро прошла, и явилась возможность продолжать путешествие.

Там, где река Тютихе впадает в море, нет ни залива, ни бухты. Незначительное углубление береговой линии внутрь материка не даёт укрытия судам во время непогоды. Поэтому, если ветер начинает свежеть, они спешат сняться с якоря и уйти подальше от берега. Бухта Тютихе (будем так называть её) окаймлена с севера и с юга невысокими горами, лишёнными древесной растительности; только по распадинам и вообще в местах, защищённых от морских ветров, кое-где растут группами дуб и липа исключительно дровяного характера. Южная возвышенность представляет собой великолепный образчик горы, отмытой по вертикали от вершины

¹³⁸ Хэй-ба-тоу – чёрный лодочник.

до основания и оканчивающейся мысом Бринера. Это одинокая скала, соединяющаяся с материком намывной косой из песка и гальки. Посредине косы есть небольшая, но довольно глубокая лагуна с солёной водой. К югу от мыса Бринера, метрах в двухстах от берега, из воды торчат ещё две скалы, именуемые, как и всегда, Братом и Сестрой. Раньше это были береговые ворота. Свод их обрушился, и остались только одни столбы. Если смотреть на мыс Бринера с северного берега бухты Тютихе, то кажется, что столбы эти стоят на песчаном перешейке.

Несколько южнее в береговых обрывах можно наблюдать выходы вулканического туфа с прослойками горючей серы. Горы с северной стороны бухты оканчиваются обрывами высотой 75–98 метров с узкой намывной полосой прибоя, на которую море выбросило множество морской травы.

Такие травяные завалы всегда служат местопребыванием разного рода куликов. Прежде всего я заметил быстро бегущих на песчаной отмели восточносибирских грязовиков. Они заходили в воду и, казалось, совершенно не обращали внимания на прибой. Рядом с ними были кулики-травники. Эти красноногие смиренные птички держались маленькими стайками, ходили по траве и выискивали в ней корм. При приближении человека они испуганно, с криком снимались с места и летели сначала в море, потом вдруг круто поворачивали в сторону и разом, точно по команде, садились снова на берег. Там, где морская трава чередовалась с полосками

песка, можно было видеть уссурийских зуйков. Симпатичные птички эти постоянно заглядывали под щепки, камни и ракушки и то и дело заходили в воду, и, только когда сильная прибойная волна дальше обыкновенного забегала на берег, они вспархивали и держались на воздухе до тех пор, пока вода не отходила назад. Невдалеке от них по берегу чинно расхаживали два кулика-сороки и что-то клевали. Около мысов плавали нырковые морские утки-белобоки с серой спиной и пёстрые каменушки. Они то и дело ныряли за кормом. Поднявшись на поверхность воды, утки осматривались по сторонам, встряхивали своими коротенькими хвостиками и опять принимались за ныряние. Дальше в море держались тихоокеанские бакланы. Они ныряли очень глубоко и всплывали на поверхность на значительном расстоянии от того места, где погружались в воду. Над морем носилось множество чаек. Из них особенно выделялись восточносибирские хохотуны. Порой они спускались в воду и тогда поднимали неистовый крик, действительно напоминающий человеческий смех. Чайки по очереди снимались с воды, перелетали друг через друга и опять садились рядом, при этом старались одна другую ударить клювом или отнять пойманную добычу. В другой стороне, над самым устьем Тютихе, кружились два белохвостых орлана, зорко высматривавшие добычу. Вдруг, точно сговорившись, они разом опустились на берег; вороны, чайки и кулички без спора уступили им свои места.

Последние два дня были грозовые. Особенно сильная гроза была 23-го вечером. Уже с утра было видно, что в природе что-то готовится: весь день сильно парило; в воздухе стояла мгла. Она постепенно увеличивалась и после полудня сгустилась настолько, что даже ближние горы приняли неясные и расплывчатые очертания. Небо сделалось белесоватым. На солнце можно было смотреть невооружённым глазом: вокруг него появилась жёлтая корона.

– Будет агды (гром), – сказал Дерсу. – Постоянно так начинай.

Часа в два дня с запада донеслись глухие раскаты грома. Все птицы разом куда-то исчезли. Стало сумрачно, точно сверху на землю опустился тёмный саван, и вслед за тем пошёл редкий и крупный дождь. Вдруг могучий удар грома потряс воздух. Сильные молнии сверкали то тут, то там, и не успевали в небе заглухнуть одни раскаты, как появлялись новые. Горное эхо вторило грозе и разносило громовые удары «во все стороны света белого». К дождю присоединился вихрь. Он ломал мелкие сучья, срывал листву с деревьев и высоко подымал их на воздух. Вслед за тем хлынул сильный ливень. Буря эта продолжалась до восьми часов вечера.

На другой день сразу было три грозы. Я заметил, что по мере приближения к морю грозы затихали. Над водой вспышки молнии происходили только в верхних слоях атмосферы, между облаками. Как и надо было ожидать, последний ливень перешёл в мелкий дождь, который продолжался

всю ночь и следующие двое суток без перерыва.

Двадцать шестого августа дождь перестал, и небо немного очистилось. Утром солнце взошло во всей своей лучезарной красоте, но земля ещё хранила на себе следы непогоды. Отовсюду сбегала вода; все мелкие ручейки превратились в бурные и пенящиеся потоки.

В этот день на Тютихе пришли Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков. Их путь до фанзы Тадянза¹³⁹ лежал сначала по Тадушю, а затем по левому её притоку, Цимухе. Последняя состоит из двух речек, разделённых между собой небольшой возвышенностью, поросшей мелким лесом и кустарником. Одна речка течёт с севера, другая – с востока.

Береговая тропа проложена китайцами очень искусно. Она всё время придерживается таких долин, которые идут вдоль берега моря; перевалы избраны самые низкие, подъёмы и спуски возможно пологие.

Высота перевала между обеими упомянутыми речками равняется 200 метрам. Все окрестные горы состоят главным образом из кварцитов.

Далее тропа идёт по реке Вандагоу¹⁴⁰, впадающей в Тютихе недалеко от устья. Она длиной около 12 километров, в верхней части – лесистая, в нижней – заболоченная. Лес – редкий и носит на себе следы частых пожаров.

У последней земледельческой фанзы тропа разделяется.

¹³⁹ Да-дьянь-цзы – обширное пастбище.

¹⁴⁰ Вань-да-гоу – извилистая большая долина.

Одна идёт низом, по болотам, прямо к морю, другая – к броду на Тютихе, километрах в пяти от устья.

Двадцать шестого августа мы отдохали, 27-е посвятили сборам, а 28-го вновь выступили в поход. Я с Дерсу и с четырьмя казаками пошёл вверх по реке Тютихе, Гранатман отправился на реку Иодзыхе, а Мерзлякову было поручено произвести обследование побережья моря до залива Джигит.

По длине своей Тютихе (по-удэгейски – Ногуле) будет, пожалуй, больше всех рек южной части прибрежного района (около 80 километров). Название её – искажённое китайское слово «Чжо-чжи-хе», то есть «Река диких свиней». Такое название она получила оттого, что дикие кабаны на ней как-то раз разорвали двух охотников. Русские в искажении пошли ещё дальше, и слово «Тютихе¹⁴¹» исказили в «Тетиха», что уже не имеет никакого смысла.

Если смотреть на долину со стороны моря, то кажется, будто Тютихе течёт с запада. Ошибка эта скоро разъясняется: видимая долина есть знакомая нам река Инза-Лазагоу.

Долина Тютихе – денудационная; она слагается из целого ряда котловин, замыкаемых горами. Проходы из одной котловины в другую до того узки, что трудно усмотреть, откуда именно течёт река. Очень часто какой-нибудь приток мы принимали за самое Тютихе, долго шли по нему и только по направлению течения воды узнавали о своей ошибке.

У места слияния рек Тютихе и Инза-Лазагоу живут ки-

¹⁴¹ Цзю-цзи-хэ – девятая быстрая река.

тайцы и туземцы. Я насчитал сорок четыре фанзы, из числа которых было шесть тазовских. Последние несколько отличаются от тех тазов, которых мы видели около залива Ольги. У них и физический облик был уже несколько иной. Вследствие притеснения китайцев и злоупотребления спиртом они находились в ужасной нищете. Позаимствовав кое-что от китайской культуры, они увеличили свои потребности, но не изменили в корне уклада жизни, вследствие чего началось быстрое падение их экономического благосостояния. У стариков ещё живы воспоминания о тех временах, когда они жили одни и были многочисленным народом. Тогда не было китайцев, и только с приходом их появляются те страшные болезни, от которых они гибли во множестве. Среди тазов я не нашёл ни одной семьи, в которой не было бы прибора для курения опиума. Особенно этой пагубной страсти преданы женщины.

Тут я нашёл одну старуху, которая ещё помнила свой родной язык. Я уговорил её поделиться со мной своими знаниями. С трудом она могла вспомнить только одиннадцать слов. Я записал их, они оказались принадлежащими удэгейцам. Пятьдесят лет тому назад старуха (ей тогда было двадцать лет) ни одного слова не знала по-китайски, а теперь она совершенно утратила все национальное, самобытное, даже язык.

В этот день мы дошли до фанзы таза Лай Серл. Здесь Тютихе принимает в себя с левой стороны две маленькие речки:

Сысенкурл¹⁴² и Сибегоу¹⁴³.

Мы попали на Тютихе в то время, когда кета шла из моря в реки метать икру. Представьте себе тысячи тысяч рыб от 3,3 до 5 килограммов весом, наводняющих реку и стремящихся вверх, к порогам. Какая-то неудержимая сила заставляет их идти против воды и преодолевать препятствия.

В это время кета ничего не ест и питается только тем запасом жизненных сил, которые она приобрела в море. Сверху, с высоты речных террас, видно всё, что делалось в воде. Рыбы было так много, что местами за ней совершенно не было видно дна реки. Интересно наблюдать, как кета проходит пороги. Она двигается зигзагами, перевёртывается с боку на бок, кувыркается и всё-таки идёт вперёд. Там, где ей мешает водопад, она подпрыгивает из воды и старается зацепиться за камни. Избитая, израненная, она достигает верховьев реки, оставляет потомство и погибает.

Сперва мы с жадностью набросились на рыбу, но вскоре она нам приелась.

После продолжительного отдыха у моря люди и лошади шли охотно.

Дальние горы задёрнулись синей дымкой вечернего тумана. Приближался вечер. Скоро кругом должна была воцариться тишина. Однако я заметил, что по мере того как становилось темнее, какими-то неясными звуками наполнялась

¹⁴² Сы-сянь-дунь-эр – пещера четырёх духов.

¹⁴³ Си-бэй-гоу – северо-западная долина.

долина. Слышались человеческие крики и лязганье по железу. Некоторые звуки были далеко, а некоторые совсем близко.

– Дерсу, что это такое? – спросил я гольда.

– Манзы чушку гоняй, – отвечал он.

Я не понял его и подумал, что китайцы загоняют своих свиней на ночь. Дерсу возражал. Он говорил, что, пока не убрана кукуруза и не собраны овощи с огородов, никто свиней из загонов не выпускает.

Мы пошли дальше. Минут через двадцать я заметил огни, но не около фанз, а в стороне от них.

– Манзы чушку гоняй, – опять сказал Дерсу, и я опять его не понял.

Наконец мы обогнули утёсы и вышли на поляну. Звуки стали сразу яснее. Китаец кричал таким голосом, как будто аукался с кем-нибудь, и время от времени колотил палкой в медный тазик.

Услышав шум приближающегося отряда, он закричал ещё больше и стал разжигать кучу дров, сложенных около тропинки.

– Погоди, капитан, – сказал Дерсу. – Так худо ходи. Его могут стреляй. Его думай, наша чушка есть.

Я начал понимать. Китаец принимал нас за диких свиней и действительно мог выстрелить из ружья. Дерсу что-то закричал ему. Китаец тотчас ответил и побежал нам навстречу, видно было, что он и испугался и обрадовался нашему при-

ходу.

Я решил здесь ночевать. Казаки принялись развьючивать лошадей и ставить палатки, а я вошёл в фанзу и стал расспрашивать китайцев. Они пеняли на свою судьбу и говорили, что вот три ночи подряд кабаны травят пашни и огороды. За двое суток они уничтожили почти все огородные овощи. Осталась одна кукуруза. Около неё днём китайцы уже видели диких свиней, и не было сомнения, что ночью они явятся снова. Китаец просил меня стрелять в воздух, за что обещал платить деньги. После этого он выбежал из фанзы и опять начал кричать и бить в тазик. Далеко из-за горы ему вторил другой китаец, ещё дальше – третий. Эти нестройные звуки неслись по долине и таяли в тихом ночном воздухе. После ужина мы решили заняться охотой.

Когда заря потухла на небе, китаец сбегал к кукурузе и зажёл около неё огонь. Взяв ружья, мы с Дерсу отправились на охоту. Китаец тоже пошёл с нами. Он не переставал кричать. Я хотел было его остановить, но Дерсу сказал, что это не помешает и кабаны всё равно придут на пашню. Через несколько минут мы были около кукурузы. Я сел на пень с одной стороны, Дерсу – с другой и стали ждать. От костра столбом подымался кверху дым; красный свет прыгал по земле неровными пятнами и освещал кукурузу, траву, камни и всё, что было поблизости.

Нам пришлось ждать недолго. За пашней, как раз против того места, где мы сидели, послышался шум. Он заметно уси-

ливался. Кабаны взбивали ногами траву и фырканьем выражали своё недовольствие, чуя присутствие людей. Несмотря на крики китайца, несмотря на огонь, дикие свиньи прямо шли к кукурузе. Через минуту-две мы увидели их. Передние уже начали поправу. Мы выстрелили почти одновременно. Дерсу уложил одно животное, я – другое. Кабаны бросились назад, но через четверть часа они опять появились в кукурузе. Снова два выстрела, и ещё пара свиней осталась на месте: одно животное, раскрыв рот, ринулось к нам навстречу, но выстрел Дерсу уложил его. Китаец бросал в свиней головешками. Выстрелы гремели один за другим, но ничто не помогало. Кабаны шли точно на приступ. Я хотел было идти к убитым животным, но Дерсу не пустил меня, сказав, что это очень опасно, потому что среди них могли быть раненые. Подождав ещё немного, мы пошли в фанзу и, напившись чаю, легли спать. Но уснуть не удалось: китаец всю ночь кричал и колотил в медный таз.

К рассвету он, по-видимому, устал. Тогда я забылся крепким сном. Часов в девять я проснулся и спросил про кабанов. После нашего ухода кабаны всё-таки пришли на пашню и потравили остальную кукурузу начисто. Китаец был очень опечален. Мы взяли с собой только одного кабана, а остальных бросили на месте.

По словам китайцев, раньше кабанов было значительно меньше. Они расплодились в последние десять лет, и, если бы их не уничтожали тигры, они заполнили бы всю тайгу.

Распростившись с китайцем, мы пошли своей дорогой.

Чем дальше, тем интереснее становилась долина. С каждым поворотом открывались всё новые и новые виды. Художники нашли бы здесь неистощимый материал для своих этюдов. Некоторые виды были так красивы, что даже казаки не могли оторвать от них глаз и смотрели как зачарованные.

Кругом высились горы с причудливыми гребнями и утёсы, похожие на человеческие фигуры, которым кто-то как будто приказал охранять сопки. Другие скалы походили на животных, птиц или просто казались длинной колоннадой. Утёсы, выходящие в долину, увешанные гирляндами ползучих растений, листва которых приняла уже осеннюю окраску, были похожи на портики храмов, развалины замков и т. д.

Большинство гор в долине Тютихе состоит из серых гранитов, порфиров и известняков. Лесонасаждение здесь крайне разнообразное: у моря растут преимущественно дуб и чёрная берёза, в среднем течении – ясень, клён, вяз, липа и бархат, ближе к горам начинает попадаться пихта, а около реки в изобилии растут тальник и ольха. Иной раз положительно останавливаешься в недоумении перед деревом, выросшим буквально на голом камне. Кажется, и трещины нет, но дерево стоит прочно: корни его оплели камень со всех сторон и укрепились в осыпях.

В среднем течении река принимает в себя с левой стороны приток Горбушу. Издали невольно её принимаешь за Тютихе, которая на самом деле проходит левее через узкое уще-

лье.

Не доходя до реки Горбуши километра два, тропа разделяется. Конная идёт вброд через реку, а пешеходная взбирается на утёсы и лепится по карнизу. Место это считается опасным, потому что почва на тропе под давлением ноги ползёт книзу.

В этот день мы дошли до серебрясвинцового рудника. Здесь была одна только фанза, в которой жил сторож-кореец. Он тоже жаловался на кабанов и собирался перекочевать к морю. Месторождение руды открыто лет сорок тому назад. Пробовали было тут выплавлять из неё серебро, но неудачно. Впоследствии место это застолбил Ю. И. Бринер.

С каждым днём комаров и мошек становилось всё меньше и меньше. Теперь они стали появляться только перед сумерками и на рассвете. Это, вероятно, объясняется сильными росами и понижением температуры после захода солнца.

Ночи сделались значительно холоднее. Наступило самое хорошее время года. Зато для лошадей в другом отношении стало хуже. Трава, которой они главным образом кормились в пути, начала подсыхать. За неимением овса изредка, где были фанзы, казаки покупали буду и понемногу подкармливали их утром перед походом и вечером на биваках.

У корейцев в фанзе было так много клопов, что сам хозяин вынужден был спать снаружи, а во время дождя прятался в сарайчик, сложенный из тонкого накатника. Узнав об этом, мы отошли от фанзы ещё с километр и стали биваком

на берегу реки.

Вечером, после ужина, мы все сидели у костра и разговаривали. Вдруг что-то белесовато-серое пролетело мимо, бесшумно и неторопливо. Стрелки говорили, что это птица, а я думал, что это большая летучая мышь. Через несколько минут странное существо появилось снова. Оно не махало крыльями, а летело горизонтально и несколько наклонно книзу. Животное село на осину и затем стало взбираться вверх по стволу. Окраска зверька до того подходила под цвет дерева, что если бы он оставался неподвижным, то его совершенно нельзя было бы заметить. Поднявшись метров на шесть, он остановился и, казалось, замер на месте. Я взял дробовое ружьё и хотел было стрелять, но меня остановил Дерсу. Он быстро нарезал мелких веток и прикрепил их в виде веника к длинной палке, затем подошёл к дереву и поднял их так, чтобы не закрывать свет костра. Ослеплённое огнём животное продолжало сидеть на одном месте. Когда веник был достаточно высоко, Дерсу прижал его к дереву, затем велел одному казаку держать палку, а сам взобрался до ближайшего сука, сел на него и веником, как тряпкой, схватил свою добычу. Испуганный зверёк запищал и стал биться. Это оказалась летяга. Она относится к отряду грызунов и к семейству беличьих. По бокам туловища, между передними и задними ногами имеется эластичная складка кожи, которая позволяет ей планировать от одного дерева к другому. Все тело летяги покрыто мягкой шелковистой светло-серой шерстью, с

пробором на хвосте.

Летяга распространена по всему Уссурийскому краю и живёт в смешанных лесах, где есть берёза и осина. Пойманный нами экземпляр был длиной 50 и шириной (вместе с растянутой перепонкой) 16 сантиметров. Казаки и стрелки столпились и рассматривали летучего грызуна. Особенно оригинальна была его голова с большими усами и огромными чёрными глазами, приспособленными для восприятия возможно большего количества световых лучей ночью. Когда все кончили рассматривать летягу, Дерсу поднял её над головой, что-то громко сказал и пустил на свободу. Летяга полетела над землёй и скрылась в темноте. Я спросил гольда, зачем он отпустил летягу.

– Его птица нету, мышь нету, – отвечал он. – Его нельзя убей.

И он принялся мне рассказывать о том, что это душа умершего ребёнка. Она некоторое время скитается по земле в виде летяги и только впоследствии попадает в загробный мир, находящийся в той стороне, где закатывается солнце.

Мы долго беседовали с ним на эту тему. Он рассказывал мне и о других животных. Каждое из них было человекоподобное и имело душу. У него была даже своя классификация их. Так, крупных животных он ставил отдельно от мелких, умных – отдельно от глупых. Соболя он считал самым хитрым животным.

На вопрос, какой зверь, по его мнению, самый вредный,

Дерсу подумал и сказал:

– Крот!

А на вопрос, почему именно крот, а не другое животное, он ответил:

– Так, никто его не хочу стреляй, никто не хочу его кушай.

Этими словами Дерсу хотел сказать, что крот – животное бесполезное, никчёмное.

Оглянувшись кругом, я увидел, что все уже спали. Пожелав Дерсу покойной ночи, я завернулся в бурку, лёг поближе к огоньку и уснул.

Глава 22

Бой изюбров

Лесная растительность. – Женьшень. – Заездка для ловли рыбы. – Истоки Тютихе. – Перевал Скалистый. – Верховья Имана. – Дерсу перед китайской кумирней. – Сильный вихрь. – Тихая ночь. – Река Горбуша. – Пещеры. – Медведь добывает жёлуди. – Река Папигоуза. – Изюбры. – Тигр на охоте за оленями. – Факел. – Возвращение на бивак

На следующий день, 30 августа, мы пошли дальше. В трёх километрах от корейской фанзы, за «щеками¹⁴⁴», долина повернула к северо-западу. С левой стороны её по течению тянется невысокая, но обширная речная терраса. Когда-то здесь была глухая тайга. Три раза следовавшие друг за другом пожары уничтожили её совершенно. Остались только редкие обгорелые стволы. Точно гигантские персты, они указывали на небо, откуда за хищническое истребление лесов должно явиться возмездие в виде сильных дождей и связанных с ними стремительных наводнений. Этот горелый лес тянется далеко в стороны. Чрезвычайно грустный и безжизненный вид имеют такие гари.

К полудню мы вошли в густой лес. Здесь был сделан

¹⁴⁴ Узкие места долины со скалистыми обрывами с обеих сторон.

небольшой привал. Воспользовавшись свободным временем, я стал осматривать древесную и кустарниковую растительность и отметил у себя в записной книжке: белый клён с гладкой зеленоватой корой и с листьями, слабо зазубренными, мохнатыми и белесоватыми снизу; черёмуху Маака, отличительными признаками которой являются кора, напоминающая бересту, и остроконечная зазубренная листва; каменную берёзу с желтовато-грязной корой, чрезвычайно изорванной и висящей лохмотьями; особый вид смородины, почти не отличающийся от обыкновенной красной, несмотря на август месяц, на кустах ещё не было ягод; шиповник без шипов с красноватыми ветвями, мелкими листьями и крупными розовыми цветами; спирею, имеющую клиновидно-заострённые, мелкозубчатые листья и белые цветы, и бузину – куст со светлой корой, с парноперистыми, овально-ланцетовидными и мелкозубчатыми листьями и с желтоватыми цветами.

Подкрепив свои силы едой, мы с Дерсу отправились вперёд, а лошади остались сзади. Теперь наша дорога стала подниматься куда-то в гору. Я думал, что Тютихе протекает здесь по ущелью и потому тропа обходит опасное место. Однако я заметил, что это была не та тропа, по которой мы шли раньше. Во-первых, на ней не было конных следов, а во-вторых, она шла вверх по ручью, в чём я убедился, как только увидел воду. Тогда мы решили повернуть назад и идти напрямик к реке в надежде, что где-нибудь пересечём свою до-

рогу.

Оказалось, что эта тропа увела нас далеко в сторону. Мы перешли на левую сторону ручья и пошли у подножия какой-то сопки.

Вековые дубы, могучие кедры, чёрная берёза, клён, араллия, ель, тополь, граб, пихта, лиственница и тис росли здесь в живописном беспорядке. Что-то особенное было в этом лесу. Внизу, под деревьями, царил полумрак. Дерсу шёл медленно и, по обыкновению, внимательно смотрел себе под ноги. Вдруг он остановился и, не спуская глаз с какого-то предмета, стал снимать котомку, положил на землю ружьё и сошки, бросил топор, затем лёг на землю ничком и начал кого-то о чём-то просить.

Я думал, что он сошёл с ума.

– Дерсу, что с тобой? – спрашивал я его.

Дерсу поднялся и, указав рукой на траву, сказал одно только слово:

– Панцуй (женьшень)!

Тут росло много травы. Которая из них была женьшень – я не знал. Дерсу показал мне его. Я увидел небольшое травянистое растение величиной в 40 сантиметров, с четырьмя листьями. Каждый лист состоял из пяти листочков, из которых средний был длиннее, два покороче, а два крайние – самые короткие. Женьшень уже отцвёл, и появились плоды. Это были маленькие кругленькие коробочки, расположенные так же, как у зонтичных. Коробочки ещё не вскрылись

и не осыпали семян. Дерсу очистил вокруг растения землю от травы, потом собрал все плоды и завернул их в тряпицу. После этого он попросил меня придерживать растение сверху рукой, а сам принялся выкапывать корень. Откапывал он его очень осторожно. Всё внимание было обращено на то, чтобы не порвать корневые мочки. Затем он понёс его к воде и стал осторожно смывать землю.

Я помогал ему, как мог. Мало-помалу земля стала отваливаться, и через несколько минут корень можно было рассмотреть. Он был длиной 11 сантиметров, с двумя концами, значит – мужской. Так вот каков этот женьшень, излечивающий все недуги и возвращающий старческому телу молодую бодрость жизни! Дерсу отрезал растение, уложил его вместе с корнем в мох и завернул в бересту. После этого он помолился, затем надел свою котомку, взял ружьё и сошки и сказал:

– Ты, капитан, счастливый!

По дороге я спросил гольда, что он думает делать с женьшенем. Дерсу сказал, что он хочет его продать и на вырученные деньги купить патронов. Тогда я решил купить у него женьшень и дать ему денег больше, чем дали бы китайцы. Я высказал ему свои соображения, но результат получился совсем неожиданный. Дерсу тотчас полез за пазуху и, подавая мне корень, сказал, что отдаёт его даром. Я отказался, но он начал настаивать. Мой отказ и удивил и обидел его.

Только впоследствии я понял, что делать подарки в обы-

чае туземцев и что обычай требует отблагодарить дарившего равноценной вещью.

Разговаривая таким образом, мы скоро вышли на Тютихе и здесь нашли потерянную тропинку.

С первого же взгляда Дерсу увидел, что наш выучный отряд прошёл вперёд.

Надо было торопиться. Километра через два долина вдруг стала суживаться. Начали попадаться глинистые сланцы – верный признак, что Сихотэ-Алинь был недалеко. Здесь река протекает по узкому ложу. Шум у подножия береговых обрывов указывал, что дно реки загромождено камнями. Всюду пенились каскады; они чередовались с глубокими водоёмами, наполненными прозрачной водой, которая в массе имела красивый изумрудный цвет.

В реке было много крупной мальмы. Дерсу хотел было стрелять в неё из ружья, но я уговорил его поберечь патроны. Мне хотелось поскорее присоединиться к отряду, тем более что стрелки считали меня и Дерсу находящимися впереди и, конечно, торопились догнать нас. Таким образом, они могли уйти далеко вперёд.

Часов в пять мы подошли к зверовой фанзе. Около неё я увидел своих людей. Лошади уже были рассёдланы и пущены на волю. В фанзе, кроме стрелков, находился ещё какой-то китаец. Узнав, что мы с Дерсу ещё не проходили, они решили, что мы остались позади, и остановились, чтобы обождать. У китайцев было много кабарожьего мяса и рыбы,

пойманной заездками.

Китайская заездка устраивается следующим образом: при помощи камней река перегораживается от одного берега до другого, а в середине оставляется небольшой проход. Вода просачивается между камнями, а рыба идёт по руслу к отверстию и падает в решето, связанное из тальниковых прутьев. Раза два или три в сутки китаец осматривает его и собирает богатую добычу.

От хозяина фанзы мы узнали, что находимся у подножия Сихотэ-Алиня, который делает здесь большой излом, а река Тютихе течёт вдоль него. Затем он сообщил нам, что дальше его фанзы идут две тропы: одна к северу, прямо на водораздельный хребет, а другая – на запад, вдоль Тютихе. До истоков последней оставалось ещё километров двенадцать.

Вечером после ужина мы держали совет. Решено было, что завтра я, Дерсу и китаец-охотник отправимся вверх по Тютихе, перевалим через Сихотэ-Алинь и назад вернёмся по реке Лянчихезе. На это путешествие нужно было употребить трое суток. Стрелки и казаки с лошадьми останутся в фанзе и будут ожидать нашего возвращения.

На другой день рано утром мы втроём наладили свои котомки, взяли ружья и тронулись в путь.

Чем дальше, тем тропа становилась всё хуже и хуже. Долина сузилась совсем и стала походить на ущелье. Приходилось карабкаться на утёсы и хвататься руками за корни деревьев. От жёсткой почвы под ногами стали болеть подошвы

ступней.

Мы старались обходить каменистые россыпи и ступать ногой на мох или мягкий гнилой рухляк, но это мало помогало.

Истоки реки Тютихе представляют собой два ручья. По меньшему, текущему с юга, можно выйти на реку Ното, а по большому, текущему с северо-запада, – на Иман. У места слияния их высота над уровнем моря равняется 651 метру. Мы выбрали последний путь, как наименее известный.

С этой стороны Сихотэ-Алинь казался грозным и недоступным. Вследствие размывов, а может быть, от каких-либо других причин здесь образовались узкие и глубокие распадки, похожие на каньоны. Казалось, будто горы дали трещины и эти трещины разошлись. По дну оврагов бежали ручьи, но их не было видно; внизу, во мгле, слышно было только, как шумели каскады. Ниже бег воды становился покойнее, и тогда в рокоте её можно было уловить игривые нотки.

Каким затерявшимся кажется человек среди этих скалистых гор, лишённых растительности! Незадолго до сумерек мы взобрались на перевал, высота которого измеряется в 1215 метров. Я назвал его Скалистым. Отсюда, сверху, всё представляется в мелком масштабе: вековой лес, растущий в долине, кажется мелкой щетиной, а хвойные деревья – тоненькими иглами.

Заночевали мы по ту сторону Сихотэ-Алиня, на границе лесных насаждений. Ночью было сыро и холодно; мы почти не спали. Я всё время кутался в одеяло и никак не мог со-

греться. К утру небо затянулось тучами, и начал накрапывать дождь.

Сегодня первый осенний день – пасмурный и ветреный. Живо, без проволочек, мы собрали свои пожитки и стали спускаться в бассейн Имана. Насколько подъём был крутым со стороны Тютихе, настолько он был пологим со стороны Имана.

Сначала я даже думал, что мы находимся на плоскогорье, только когда я увидел воду, понял, что мы уже спустились с гребня.

Лес, растущий на западных склонах Сихотэ-Алиня, – старый, замшистый, низкорослый и состоит главным образом из лиственницы, ели и пихты, с небольшой примесью ольхи и берёзы.

В верховьях Иман слагается из двух рек, текущих с юга. Мы попали на правую речку, которую китайцы называют Ханхеза. От Сихотэ-Алиня до слияния их будет не менее 30 километров.

Старые затёски на деревьях привели нас к зверовой фанзе. Судя по сложенным в ней запасам продовольствия, видно было, что иманские зверовщики уже готовились к соболеваннию.

Китаец не повёл нас далеко по Иману, а свернул на восток к Лянчихезе. Здесь наш проводник немного заблудился и долго искал тропу.

К полудню погода испортилась совсем. Тучи быстро бе-

жали с юго-востока и заволакивали вершины гор. Я часто поглядывал на компас и удивлялся, как наш проводник без всяких инструментов держал правильное направление.

В одном пересохшем ручье мы нашли много сухой ольхи. Хотя было ещё рано, но я по опыту знал, что значат сухие дрова во время ненастья, и потому посоветовал остановиться на бивак. Мои опасения оказались напрасными. Ночью дождя не было, а утром появился густой туман.

Китаец торопил нас. Ему хотелось поскорее добраться до другой фанзы, которая, по его словам, была ещё километрах в двенадцати. И действительно, к полудню мы нашли эту фанзочку. Она была пустая. Я спросил нашего вожатого, кто её хозяин. Он сказал, что в верховьях Имана соболеванием занимаются китайцы, живущие на берегу моря, дальше, вниз по реке, будут фанзы соболёвщиков Иодзыхе, а ещё дальше на значительном протяжении следует пустынная область, которая снова оживает немного около реки Кулумбе.

Отдохнув здесь немного, мы пошли снова к Сихотэ-Алиню. По мере приближения к гребню подъём становился более пологим. Около часа мы шли как бы по плоскогорью. Вдруг около тропы я увидел кумирню. Это служило показателем того, что мы достигли перевала. Высота его равнялась 1190 метрам. Я назвал его Рудным. Отсюда начался крутой ступенчатый спуск к реке Тютихе.

Отдохнув немного, мы стали спускаться с водораздела. Спуск в долину Тютихе, как я уже сказал, идёт уступами. По

эту сторону был также хвойный лес, но по качеству несравненно лучше иманского.

С перевала тропа привела прямо к той фанзе, где оставались люди и лошади. Казаки соскучились и были чрезвычайно рады нашему возвращению. За это время они убили изюбра и наловили много рыбы.

Перед вечером небо вдруг как-то быстро стало расчищаться. Тучи, которые доселе лежали неподвижно ровной пеленой, разорвались. Облака имели разлохмаченный вид, двигались вразброд, навстречу друг другу, и вслед за тем налетел такой сильный ветер, что столетние деревья закачались, как слабые тростинки. В воздухе закружилась сухая трава, листва, сорванная с деревьев, и мелкие сучья. Как-то птица пыталась было бороться с разбушевавшейся стихией, но скоро выбилась из сил. Её понесло куда-то вниз, и она скорее упала, чем спустилась на землю. Вдруг один кедр, растущий недалеко от фанзы, накренился и начал медленно падать. Со страшным грохотом рухнул он на землю, увлекая за собой соседний молодняк. Около часа свирепствовал этот вихрь и затем пропал так же неожиданно, как и появился. В лесу по-прежнему стало тихо.

Я оделся, взял ружьё, свистнул собаку и пошёл вниз по реке. Отойдя немного от фанзы, я сел на камень и стал слушать. Монотонный шум ручья, который обыкновенно не замечаешь днём, вечером кажется сильнее. Внизу под обрывом плескалась рыба, по ту сторону реки в лесу ухал фи-

лин-пугач, в горах ревели изюбры и где-то поблизости тоскливо кричала кабарга. Я так увлёкся созерцанием природы, что не заметил, как прошло время. Одежда моя стала мокнуть от росы. Я вернулся в фанзу, забрался на тёплый кан и уснул как убитый.

Следующие два дня (3 и 4 сентября) мы употребили на переход от Сихотэ-Алиня до устья реки Горбуши. Я намеревался сначала пройти по ней до перевала, а затем спуститься по реке Аохобе к морю.

Река Горбуша (по-китайски – Дунмаца) длиной 8 километров. Общее направление её течения будет по кривой с востока к югу. Невдалеке от своего устья, с правой стороны, она принимает в себя безымянный приток, на котором есть довольно обширные пещеры. Они расположены в два яруса и идут книзу спиральями. Глубокие колодцы, ходы сообщений и сталактиты в виде колонн делают эти пещеры весьма интересными. Внутри их по стенам в виде барельефов спускаются натёки, рядом с которыми блестят друзы горного хрусталя и весьма крупные кристаллы известкового шпата. Другая пещера, меньшая по размерам, находится с левой стороны Горбуши, как раз против устья реки Безымянной. В этой пещере на мягкой наносной почве валялось много костей и виднелись свежие тигровые следы.

Осмотрев обе пещеры, мы пошли дальше.

В долине Горбуши развиты речные террасы. Они тянутся всё время, чередуясь то с правой, то с левой стороны. Здесь

раньше были хорошие смешанные леса, впоследствии уничтоженные пожарами.

Скоро выяснилось, что река Горбуша идёт вдоль Сихотэ-Алиня и в истоках подходит к нему почти вплотную.

После полудня мы с Дерсу опять пошли вперёд. За рекой тропка поднялась немного на косогор. Здесь мы сели отдохнуть. Я начал переобуваться, а Дерсу стал закуривать трубку. Он уже хотел было взять её в рот, как вдруг остановился и стал пристально смотреть куда-то в лес. Через минуту он рассмеялся и сказал:

– Ишь хитрый! Чего-чего понимай!

– Кто? – спросил я его.

Он молча указал рукой. Я поглядел в ту сторону, но ничего не видел. Дерсу посоветовал мне смотреть не на землю, а на деревья. Тогда я заметил, что одно дерево затряслось, потом ещё и ещё раз. Мы встали и тихонько двинулись вперёд. Скоро всё разъяснилось. На дереве сидел белогрудый медведь и лакомился желудями.

Животное это по размерам своим значительно уступает обыкновенному бурому медведю. Максимальная его длина 1,8 метра, а высота в плечах 0,7 метра при наибольшем весе 160 килограммов. Окраска его шерсти – чёрная, блестящая, на груди находится белое пятно, которое захватывает нижнюю часть шеи. Иногда встречаются (правда, очень редко) такие медведи, у которых брюхо и даже лапы белые. Голова зверя конусообразная, с маленькими глазками и больши-

ми ушами. Вокруг неё растут длинные волосы, имеющие вид пышного воротника.

Белогрудые медведи устраивают свои берлоги в дуплах старых тополей. Следовательно, область распространения их тесно связана с маньчжурской флорой. Северная граница этой области проходит приблизительно от устья Уссури к истокам Имана и оттуда по побережью моря к мысу Олимпиады. Главной пищей им служат: весной – корни росянки и листва белокопытника, летом – ягоды коломикты, черёмухи и жёлуди, а осенью – лещина, маньчжурские и кедровые орехи и плоды дикой яблони. В зимнюю спячку этот медведь впадает рано. Вверху, в стволе, он прогрызает небольшую отдушину, вокруг которой собирается замёрзший иней. По этому признаку охотники узнают о присутствии в дупле зверя.

Подойдя к медведю шагов на сто, мы остановились и стали за ним наблюдать. «Косолапый» взобрался на самую вершину дерева и там устроил себе нечто вроде лабаза¹⁴⁵. Много желудей оставалось на тех сучьях, до которых он не в силах был дотянуться. Тогда медведь начинал трясти дерево и поглядывать на землю. Расчёт его оказался правильным. Жёлуди созрели, но не настолько, чтобы осыпаться самостоятельно. Через некоторое время он спустился вниз и принялся искать в траве.

– Тебе какой люди? – закричал ему Дерсу.

¹⁴⁵ Помост на ветвях дерева, на котором охотники подкарауливают зверя.

Медведь быстро обернулся, насторожил уши и стал усиленно нюхать воздух. Мы не шевелились. Медведь успокоился и хотел было опять приняться за еду, но Дерсу в это время свистнул. Медведь поднялся на задние лапы, затем спрятался за дерево и стал выглядывать оттуда одним глазом.

В это время ветер подул нам в спину. Медведь рявкнул, прижал уши и без оглядки пустился наутёк. Через несколько минут подошли казаки с конями.

Подъём на перевал, высота которого измеряется в 770 метров, как со стороны реки Горбуши, так и со стороны реки Синанцы, одинаково пологий. Ближайшие горы состоят из кварцевого порфира. Отсюда Сихотэ-Алинь постепенно отходит к северо-востоку.

С перевала мы спустились к реке Папигоузе, получившей своё название от двух китайских слов: «папи» – то есть береста, и «гоуз» – долина¹⁴⁶. Речка эта принимает в себя справа и слева два горных ручья. От места слияния их начинается река Синанца, что значит – Юго-западный приток. Дальше долина заметно расширяется и идёт по отношению к Сихотэ-Алиню под углом в десять градусов. Пройдя по ней километра четыре, мы стали биваком на берегу реки.

Конец августа и начало сентября – самое интересное время в тайге. В это время начинается рёв изюбров и бой самцов за обладание матками. Для подзывания изюбра обыкновенно делается берестяной рожок, для чего снимается береста

¹⁴⁶ Или – «река, по которой много леса».

лентой, сантиметров десять шириной.

Она скручивается спирально, и таким образом получается труба длиной в 60–70 сантиметров. Звук получается от втягивания в себя воздуха.

Убить оленя во время рёва очень легко. Самцы, ослеплённые страстью, совершенно не замечают опасности и подходят к охотнику, когда он их подманивает рожком, почти вплотную. Мясом мы были вполне обеспечены, поэтому я не пустил казаков на охоту, но сам решил пойти в тайгу ради наблюдений.

Запасшись такими рожками, мы с Дерсу отправились в лес и, отойдя от бивака с километр, разошлись в разные стороны. Выбрав место, где заросли были не так густы, я сел на пень и стал ждать.

По мере того как угасал день, в лесу становилось всё тише и тише.

В переходе от дня к ночи в тайге всегда есть что-то торжественное. Угасающий день нагоняет на душу чувство жуткое и тоскливое. Одиночество рождает мысли, воспоминания. Я так ушёл в себя, что совершенно забыл о том, где я нахожусь и зачем пришёл сюда в этот час сумерек.

Вдруг где-то на юге заревел один изюбр. Призывный крик его разнёсся по всему лесу, и тотчас в ответ ему ответил другой – совсем недалеко от меня. Это, должно быть, был старый самец. Он начал с низких нот, затем постепенно перешёл на высокие и окончил густой октавой. Я ответил ему

на берестяном рожке. Не более как через минуту я услышал треск сучьев и вслед за тем увидел стройного оленя. Он шёл уверенной грациозной походкой, покачивая головой и поправляя рога, задевающие за сучья деревьев. Я замер на месте. Изюбр остановился и, закинув голову, делал носом гримасы, стараясь по запаху узнать, где находится его противник. Глаза его горели, ноздри были раздуты и уши насторожены. Минуты две я любовался прекрасным животным и совершенно не имел намерения лишать его жизни. Чувствуя присутствие врага, олень волновался. Он начал рогами рыть землю, затем поднял свою голову вверх и издал могучий крик.

Лёгкий пар вылетел у него изо рта. Не успело ему ответить эхо, как со стороны Синанцы послышался другой рёв. Олень встрепенулся, как-то завыл, затем вой его перешёл в рёв, короткий и яростный. В это время олень был удивительно красив.

Вдруг слева от меня послышался слабый шум. Я оглянулся и увидел самку. Когда я снова повернул голову к оленям, самцы уже дрались. С изумительной яростью они бросились друг на друга. Я слышал удары их рогов и тяжёлые вздохи, вырывающиеся из груди вместе со стонами. Задние ноги животных были вытянуты, а передние подогнуты под брюхо. Был момент, когда они так крепко сцепились рогами, что долго не могли разойтись. Сильным встряхиванием головы один олень отломал у другого верхний отросток рога и толь-

ко этим освободил себя и противника. Бой изюбров продолжался минут десять. Наконец стало ясно, что один из них должен уступить. Он тяжело дышал и понемногу пятился назад. Заметив отступление противника, другой олень стал нападать ещё яростнее. Скоро оба изюбра скрылись у меня из виду.

Я вспомнил про самку и стал искать её глазами. Она стояла на том же месте и равнодушно смотрела на обоих своих поклонников, сцепившихся в смертельной схватке. Шум борьбы постепенно удалялся. Очевидно, один олень гнал другого. Самка следовала сзади в некотором расстоянии.

Вдруг по лесу прокатился отдалённый звук выстрела. Я понял, что это стрелял Дерсу. Только теперь я заметил, что не одни эти олени дрались. Рёв их нёсся отовсюду; в лесу стоял настоящий гомон.

Начинало быстро темнеть. На небе последние вспышки зари боролись ещё с ночным мраком, быстро наступавшим с востока.

Через полчаса я пришёл на бивак. Дерсу был уже дома. Он сидел у огня и чистил свою винтовку. Он мог бы убить нескольких изюбров, но ограничился одним только рябчиком.

Долго сидели мы у костра и слушали рёв зверей. Изюбры не давали нам спать всю ночь. Сквозь дремоту я слышал их крики и то и дело просыпался. У костра сидели казаки и ругались. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, кружи-

лись и одна за другой гасли в темноте. Наконец стало светать. Изюбриный рёв понемногу стих. Только одинокие ярые самцы долго ещё не могли успокоиться. Они слонялись по теневым склонам гор и ревели, но им уже никто не отвечал. Но вот взошло солнце, и тайга снова погрузилась в безмолвие.

Оставив всех людей на биваке, мы с Дерсу пошли на Сихотэ-Алинь. Для этого мы воспользовались одним из ключиков, текущих с водораздела к реке Синанце. Подъём был сначала длинный и пологий, а затем сделался крутым. Пришлось идти без тропы по густой кустарниковой заросли, заваленной горелым лесом.

Приближалась осень. Листва на деревьях уже стала опадать на землю. Днём она шуршит под ногами, а вечером от росы опять становится мягкой. Это позволяет охотнику подойти к зверю очень близко.

В полдень мы были на вершине Сихотэ-Алиня. Здесь я увидел знакомую картину: гарь – к востоку и замшистый хвойный лес – к западу. Восточный склон Сихотэ-Алиня крутой, а западный – пологий. Дерсу нашёл следы лося и сообщил мне, что сохатый в этих местах встречается только до Ното. Ниже этой границы он не спускается.

Часам к шести пополудни мы возвратились на бивак. Было ещё довольно светло, когда наиболее ярые самцы начали реветь, сначала на высоких горах, а потом и в долинах.

Бой изюбров в прошлый вечер произвёл на меня сильное впечатление; я решил опять пойти в тайгу и пригласил

с собою Дерсу. Мы переправились через реку и вступили в лес, полный таинственного сумрака. Отойдя от бивака километра полтора, мы остановились около тихого ручья и стали слушать. Когда солнце скрылось за горизонтом, на землю опустились сумерки, и чем темнее становилось в тайге, тем больше ревели изюбры. Эта волшебная музыка наполняла весь лес. Мы пробовали было подходить к оленям, но неудачно. Раза два мы видели животных, но как-то плохо: или видна была одна голова с рогами, или задняя часть тела и ноги. В одном месте мы заметили красивого самца. Около него уже табунились три матки. Олени не стояли на месте, а тихонько шли. Мы следовали за ними по пятам. Если бы не Дерсу, я давно потерял бы их из виду. Самец шёл впереди. Он чувствовал, что он сильнее других самцов, и потому отвечал на каждый брошенный ему вызов. Вдруг Дерсу остановился и стал прислушиваться. Он повернулся назад и замер в неподвижной позе.

Оттуда слышался рёв старого быка, но только ноты его голоса были расположены не в том порядке, как обыкновенно у изюбров.

– Гм, тебе понимай, какой это люди? – спросил меня тихо Дерсу.

Я ответил, что думаю, что это изюбр, но только старый.

– Это амба, – ответил он мне шёпотом. – Его шибко хитрый. Его постоянно так изюбра обмани. Изюбр теперь понимай нету, какой люди кричи, амба скоро matka поймай есть.

Как бы в подтверждение его слов, в ответ на рёв тигра изюбр ответил громким голосом. Тотчас ответил и тигр. Он довольно ловко подражал оленю, но только под конец его рёв закончился коротким мурлыканьем.

Тигр приближался и, вероятно, должен был пройти близко от нас. Дерсу казался взволнованным. Сердце моё усиленно забилося. Я поймал себя на том, что чувство страха начало овладевать мной. Вдруг Дерсу принялся кричать:

– А-та-та, та-та-та, та-та-та!..

После этого он выстрелил из ружья в воздух, затем бросился к берёзе, спешно сорвал с неё кору и зажёл спичкой. Ярким пламенем вспыхнула сухая береста, и в то же мгновение вокруг нас сразу стало вдвое темнее. Испуганные выстрелом изюбры шархнулись в сторону, а затем всё стихло. Дерсу взял палку и накрутил на неё горящую бересту. Через минуту мы шли назад, освещая дорогу факелом. Перейдя реку, мы вышли на тропинку и по ней возвратились на бивак.

Глава 23

Охота на медведя

Река Аохобе. – Лудёва. – Береговая тропа. – Страшный зверь. – Три выстрела. – Бегство. – Бурый медведь. – Трофей, закопанный в землю. – Дерсу по следам восстанавливает картину борьбы с медведем. – Возвращение на бивак. – От реки Мутухе до Сеохобе. – Река Мутухе. – Отставшие перелётные птицы. – Лежбище сивучей. – Злоупотребление огнестрельным оружием. – Пал. – Поиски бивака. – Дым и холодные утренники. – Озера около реки Сеохобе. – Хищничество китайцев

На другой день, 7 сентября, мы продолжали наше путешествие. От китайского охотничьего балагана шли две тропы: одна – вниз, по реке Синанце, а другая – вправо, по реке Аохобе (по-удэгейски – Эхе, что значит – чёрт). Если бы я пошёл по Синанце, то вышел бы прямо к заливу Джигит. Тогда побережье моря между реками Тютихе и Иодзыхе осталось бы неосмотренным.

Поэтому я решил спуститься к морю по реке Аохобе, а Синанцу осмотреть впоследствии.

Сначала путь наш лежал на юг по небольшой тропинке, проложенной по самому верхнему и правому притоку Синанцы, длиной в два-три километра. Горы в этих местах со-

стоят из порфиров, известняков и оруденелых фельзитов. Во многих местах я видел прожилки серебросвинцовой руды, цинковой обманки и медного колчедана.

Поднявшись на перевал высотой в 270 метров, я стал осматриваться. На северо-западе высокой грядой тянулся голый Сихотэ-Алинь, на юге виднелась река Тютихе, на востоке – река Мутухе и прямо на запад шла река Дунца – приток Аохобе.

По ней нам и надлежало идти. Всюду на горах лес был уничтожен пожарами; он сохранился только в долинах как бы отдельными островками.

После короткого отдыха на перевале мы начали спускаться к реке Дунце, протекающей по небольшой извилистой долине, поросшей берёзой, бархатом и тополем. Вскоре мы наткнулись на какой-то забор.

Это оказалась лудёва. Она пересекала долину Аохобе поперёк и шла дальше по правому её притоку на протяжении 14 километров.

При лудёве находилась фанза с двором, окружённым высоким частоколом. Здесь обыкновенно производится операция снятия пантов с живых оленей. За фанзой около забора были выстроены какие-то клетки, похожие на стойла. В этих клетках китайцы держат оленей до тех пор, пока их рога не достигнут наибольшей ценности.

Справа у забора стоял амбар на сваях. В нём хранились кожи изюбров, сухие рога и более 190 килограммов жил, вы-

тянутых из задних ног животных. Сваренные панты и высушенные олени хвосты висели рядами под коньком у самой крыши.

В фанзе мы застали четырёх китайцев. Сначала они испугались, но затем, когда увидели, что мы им зла не хотим причинить, успокоились, и раболепство их сменилось услужливостью.

Вечером в фанзу пришли ещё три китайца. Они что-то рассказывали и ужасно ругались, а Дерсу смеялся.

Я долго не мог понять, в чём дело. Оказалось, что в одну из ям попал медведь. Конечно, он сейчас же вылез оттуда и принялся ломать забор и разбрасывать покрывки, которыми были замаскированы ямы.

Теперь китайцам предстояла большая работа по приведению их в порядок.

Лудёвая фанза была маленькая, и китайцев набралось в ней много, поэтому я решил пройти ещё несколько километров и заночевать под открытым небом.

Дальше тропа пошла по долине реки Аохобе, придерживаясь левой её стороны. Здесь особенно развиты речные террасы с массивно-кристаллическим основанием, высотой до 4 метров. Средняя часть долины Аохобе свободна от леса, но тем не менее совершенно непригодна для занятия земледелием. Тонкий слой земли едва прикрывает жёсткую каменистую почву и легко смывается водой. По тенивым склонам гор растёт редкий смешанный лес, состоящий из кедра,

бархата, липы, дуба, тополя, берёзы, ореха и т. д. На солончаках – кустарники лещины, леспедецы, калины и таволги. Около реки, где больше влаги, – заросли тонкоствольных тальников, ольхи и осины.

В нижней части живёт много китайцев. На реке Аохобе они появились не более двадцати лет тому назад. Раньше здесь жили удэгейцы, впоследствии вымершие и частью переселившиеся на другое место.

Если смотреть на долину со стороны моря, то она кажется очень короткой. Когда-то это был глубокий морской залив, и устье Аохобе находилось там, где суживается долина. Шаг за шагом отходило море и уступало место суше. Но самое интересное в долине – это сама река. Километрах в пяти от моря она иссякает и течёт под камнями. Только во время дождей вода выступает на дневную поверхность и тогда идёт очень стремительно.

С Тютихе на Аохобе можно попасть и другой дорогой. Расстояние между ними всего только семь километров. Тропа начинается от того озера, где мы с Дерсу стреляли уток. Она идёт по ключику на перевал, высота которого равна 310 метрам. Редколесье по склонам гор, одиночные старые дубы в долинах и густые кустарниковые заросли по увалам – обычные для всего побережья. Спуск на Аохобе в два раза длиннее, чем подъем со стороны Тютихе. Тропа эта продолжается и далее по побережью моря.

Между рекой Синанцей, о которой говорилось выше, и ре-

кой Аохобе тянется невысокий горный хребет, состоящий из кварцевого порфира. От него к морю идёт несколько отрогов, между которыми текут небольшие горные речки, имеющие обычно китайские числительные названия: Турлдагоу, Эрлдагоу, Сандагоу и Сыдагоу. Тропа пересекает их в самых истоках.

После полудня мы как-то сбились с дороги и попали на зверовую тропу. Она завела нас далеко в сторону. Перейдя через горный отрог, покрытый осыпями и почти лишённый растительности, мы случайно вышли на какую-то речку. Она оказалась притоком Мутухе. Русло её во многих местах было завалено буреломным лесом. По этим завалам можно судить о размерах наводнений. Видно, что на Мутухе они короткие, но чрезвычайно стремительны, что объясняется близостью гор и крутизной их склонов.

Пока земля прикрыта дёрном, она может ещё сопротивляться воде, но как только цельность дернового слоя нарушена, начинается размывание. Быстро идущая вода уносит с собой лёгкие частицы земли, оставляя на месте только щебень. От ила, который вместе с пресной водой выносятся реками, море около берегов, полосой в несколько километров, из тёмно-зелёного становится грязно-жёлтым.

Долину реки Мутухе можно считать самым зверовым местом на побережье моря. Из зарослей леспедецы и орешника то и дело выбегали олени, козули и кабаны. Казаки ахали, волновались, и мне стоило немалого труда удержать их

от стрельбы и бесполезного истребления животных. Часа в три дня я подал сигнал к остановке.

Мне очень хотелось убить медведя. «Другие бьют медведей один на один, – думал я, – почему бы мне не сделать то же?» Охотничий задор разжёл во мне чувство тщеславия, и я решил попытать счастья.

Многие охотники рассказывают о том, что они били медведя без всякого страха, и выставляют при этом только комичные стороны охоты. По рассказу одних, медведь убегает после выстрела; другие говорят, что он становится на задние лапы и идёт навстречу охотнику, и что в это время в него можно влупить несколько пуль. Дерсу не соглашался с этим. Слушая такие рассказы, он сердился, плевался, но никогда не вступал в пререкания.

Узнав, что я хочу идти на медведя один, он посоветовал мне быть осторожнее и предлагал свои услуги. Его уговоры ещё больше подзадорили меня, и я ещё твёрже решил во что бы то ни стало поохотиться за «косолапым» в одиночку.

Я отошёл от бивака не более полкилометра, но уже успел испугнуть двух козуй и кабана. Здесь так много зверя, что получалось впечатление заповедника, где животные собраны в одно место и ходят на свободе.

Перейдя ручей, я остановился среди редколесья и стал ждать. Через несколько минут я увидел оленя: он пробежал по опушке леса. Рядом в орешнике шумели кабаны и взвизгивали поросята.

Вдруг впереди меня послышался треск сучьев, и вслед за тем я услышал чьи-то шаги. Кто-то шёл мерной тяжёлой походкой. Я испугался и хотел было уйти назад, но поборол в себе чувство страха и остался на месте. Вслед за тем я увидел в кустах какую-то тёмную массу. Это был большой медведь.

Он шёл наискось по увалу и был немного больше меня. Он часто останавливался, копался в земле, переворачивал валежник и что-то внимательно под ним рассматривал. Выждав, когда зверь был от меня шагах в сорока, я медленно прицелился и спустил курок. Сквозь дым выстрела я видел, как медведь с рёвом быстро повернулся и схватил себя зубами за то место, куда ударила пуля. Что дальше случилось, я плохо помню. Всё произошло так быстро, что я уже не мог разобраться, что чему предшествовало. Тотчас же после выстрела медведь во весь дух бросился ко мне навстречу. Я почувствовал сильный толчок, и в то же время произошёл второй выстрел. Когда и как я успел зарядить ружьё, это для меня самого осталось загадкой. Кажется, я упал на левую сторону. Медведь перевернулся через голову и покатился по склону вправо. Как случилось, что я очутился опять на ногах и как я не выпустил ружья из рук, – не помню. Я побежал вдоль увала и в это время услышал за собой погоню. Медведь бежал за мной следом, но уже не так быстро, как раньше. Каждый свой прыжок он сопровождал грузными вздохами и ворчанием. Вспомнив, что ружьё моё заряжено, я остановился.

«Надо стрелять! От хорошего прицела зависит спасение

жизни», – мелькнуло у меня в голове.

Я вставил приклад ружья в плечо, но ни мушки, ни прицела не видел. Я видел только мохнатую голову медведя, его раскрытый рот и злобные глаза.

Если бы кто-нибудь в это время посмотрел на меня со стороны, то, наверное, увидел бы, как лицо моё исказилось от страха.

Я ни за что не поверю охотникам, уверяющим, что в зверя, бегущего им навстречу, они стреляют так же спокойно, как в пустую бутылку. Это неправда! Неправда потому, что чувство самосохранения свойственно всякому человеку. Вид разъярённого зверя не может не волновать охотника и непременно отразится на меткости его стрельбы.

Когда медведь был от меня совсем близко, я выстрелил почти в упор. Он опрокинулся, а я отбежал снова. Когда я оглянулся назад, то увидел, что медведь катается по земле. В это время с правой стороны я услышал ещё шум. Инстинктивно я обернулся и замер на месте. Из кустов показалась голова другого медведя, но сейчас же опять спряталась в зарослях. Тихонько, стараясь не шуметь, я побежал влево и вышел на реку.

Минут двадцать я бесцельно бродил по одному месту, пока не успокоился. Идти на бивак с пустыми руками стыдно. Если я убил медведя, то бросить его было жалко. Но там был ещё другой медведь, не раненый. Что делать? Так и бродил до тех пор, пока солнце не ушло за горизонт. Лучи его оставили землю и теперь светили куда-то в небо. Тогда я решил пойти стороной и издали взглянуть на медведей. Чем ближе я подходил к опасному месту, тем становилось страшнее. Нервы мои были напряжены до последней крайности. Каждый шорох заставлял меня испуганно оборачиваться. Всюду мне мерещились медведи, всюду казалось, что они идут за мной по пятам. Я часто останавливался и прислушивался. Наконец я увидел дерево, около которого в последний раз свалился медведь. Оно показалось мне особенно страшным. Я решил обойти его по косогору и посмотреть с гребня увала.

Вдруг я заметил, что в кустах кто-то шевелится. «Мед-

ведь!» – подумал я и попятился назад. Но в это время услышал человеческий голос. Это был Дерсу. Я страшно обрадовался и побежал к нему. Увидев меня, гольд сел на лежавшее на земле дерево и стал закуривать свою трубку. Я подошёл к нему и спросил, как он попал сюда. Дерсу рассказал мне, что с бивака он услышал мои выстрелы и пошёл мне на помощь. По следам он установил, где я стрелял медведя и как он на меня бросился. Затем он указал место, где я упал; дальше следы показали ему, что медведь гнался за мной, и т. д. Одним словом, он рассказал мне всё, что со мной случилось.

– Должно быть, подранок ушёл, – сказал я своему товарищу.

– Его остался здесь, – ответил Дерсу и указал на большую кучу земли.

Я понял все. Мне вспомнились рассказы охотников о том, что медведь, найдя какое-нибудь мёртвое животное, всегда закапывает его в землю. Когда мясо станет разлагаться, он лакомится им. Но я не знал, что медведь закапывает медведя. Для Дерсу это тоже было новинкой.

Через несколько минут мы откопали медведя. Кроме земли, на него было наложено много камней и валежника.

Я стал раскладывать огонь, а Дерсу принялся потрошить зверя. Убитый мной медведь был из крупных, чёрно-бурой масти. Вид этот близок к американскому гризли. Длина его тела равняется 2,4, высота – 1,2 метра, а вес достигает до 330 килограммов. Он имеет притуплённую морду, неболь-

шие уши и маленькие глаза. К гигантской силе его надо прибавить крепкие клыки и когти в 8 сантиметров длиной. Животное это распространено по всему Уссурийскому краю, но чаще всего встречается в северной его половине и на берегу моря между мысом Гиляк и устьем Амура. Любопытно то, что окраска его на юге чёрная, а чем севернее, тем больше приближается к светло-бурой. Нрав этого медведя довольно добродушный, пока его не трогают, но, раненный, он становится положительно ужасен. Во время течки самцы очень злы. Они слоняются по тайге, нападают на животных и гоняются даже за рябчиками. Пища их главным образом растительная, но при случае они не прочь полакомиться мясом и рыбой. Берлогу бурый медведь устраивает под корнями деревьев, в расщелинах камней и даже просто в земле. Подобно своим четвероногим сородичам, он чрезвычайно любит забиваться в пещеры и жить в них не только зимой, но даже и в тёплое время года. В зимнюю спячку бурый медведь впадает поздно. Некоторые из них бродят по тайге иногда до декабря. Они не любят лазать по деревьям; быть может, препятствием этому служит их большой вес.

В убитого мною медведя попали все три пули: одна в бок, другая в грудь и третья в голову.

Когда Дерсу закончил свою работу, было уже темно. Подложив в костёр сырых дров, чтобы они горели до утра, мы тихонько пошли на бивак.

Вечер был тихий и прохладный. Полная луна плыла по

ясному небу, и, по мере того как свет луны становился ярче, наши тени делались короче и чернее. По дороге мы опять испугнули диких кабанов. Они с шумом разбежались в разные стороны. Наконец между деревьями показался свет. Это был наш бивак.

После ужина казаки рано легли спать. За день я так переволновался, что не мог уснуть. Я поднялся, сел к огню и стал думать о пережитом. Ночь была ясная, тихая. Красные блики от огня, чёрные тени от деревьев и голубоватый свет луны перемешивались между собой. По опушкам сонного леса бродили дикие звери. Иные совсем близко подходили к биваку. Особенным любопытством отличались козули. Наконец я почувствовал дремоту, лёг рядом с казаками и уснул крепким сном.

На рассвете раньше всех проснулся Дерсу. Затем встал я, а потом и другие. Солнце только что взошло и своими лучами едва озарило верхушки гор. Как раз против нашего бивака, шагах в двухстах, бродил ещё один медведь. Он всё время топтался на одном месте. Вероятно, он долго ещё ходил бы здесь, если бы его не спугнул Мурзин. Казак взял винтовку и выстрелил.

Медведь круто обернулся, посмотрел в нашу сторону и проворно исчез в лесу.

Закусив немного, мы собрали свои котомки и тронулись в путь. Около моря я нашёл место бивака Н. А. Пальчевского. Из письма, оставленного мне в бутылке, привязанной к пал-

ке, я узнал, что он здесь работал несколько дней тому назад и затем отправился на север, конечным пунктом наметив себе бухту Терней.

Река Мутухе (по-удэгейски – Ца-уги) впадает в бухту Опричник ($44^{\circ}27'$ северной широты и $39^{\circ}40'$ восточной долготы от Гринвича), совершенно открытую со стороны моря и потому для стоянки судов не пригодную. Глубокая заводь реки, сразу расширяющаяся долина и необсохшие болота вблизи моря указывают на то, что раньше здесь тоже был залив, довольно глубоко вдававшийся в сушу. По береговым валам около самой бухты растёт ползучий даурский можжевельник, а по болотам – кустарниковая берёза с узкокрылыми плодами.

Название Мутухе есть искажённое китайское название Му-чжу-хе («мугу» – самка, «чжу» – дикий кабан, «хе» – река, что значит – Река диких свиней). Она течёт вдоль берега моря по тектонической долине и принимает в себя, не считая мелких горных ручьёв, три притока с правой стороны. Так как речки эти не имели раньше названий, то я окрестил их. Первую речку я назвал Оленьей, вторую – Медвежьей, третью – Зверовой.

Там, где долина Оленьей реки сходится с долиной реки Медвежьей, на конце увала приютилась маленькая фанза. Она была пуста. Окинув её взором, Дерсу сказал, что здесь живут корейцы, четыре человека, что они занимаются ловлей соболей и недавно ушли на охоту на всю зиму.

Здесь по речкам, в болоте и на берегу моря на песке мы застали кое-каких перелётных птиц. Судя по малочисленности как особей, так и видов, видно, что по берегу моря не бывает большого перелёта. Тут было несколько амурских кроншнепов. Они красиво расхаживали по траве. При приближении нашем птицы останавливались, пристально смотрели на нас и затем с хриплым криком снимались с места. Отлетев немного, они опять спускались на землю, но были уже настроже. В другой стороне, около воды, ходила восточная белолобая казарка. Я сначала принял её за гуся. Она мне показалась больше размерами, чем есть на самом деле. Мурзин обошёл её по кустам и убил пулей. Из уток здесь было много маленьких чирков. Они держались в ручьях, заросших ольхой и кустарниками. Когда я очень близко подходил к ним, они не улетали, а только немного отплывали в сторону, и, видимо, совершенно не боялись человека.

От корейской фанзы вверх по реке Мутухе идёт тропа. Она долгое время придерживается правого берега реки и только в верховьях переходит на другую сторону. Горы, окаймляющие долину Мутухе, состоят большей частью из кварцевого порфира. Между реками Оленьей, Медвежьей и Зверовой, по выходе в долину, они кончаются широкими террасами в 20 метров высотой. Слева (по течению) растёт лес хвойный и смешанный, справа – лиственный. Река Мутухе – самое близкое к морю место, где произрастает строевой кедр. Он достигает здесь высоты 22 метров и имеет в

обхвате 3–3,5 метра.

В верховьях реки небольшими рошицами встречается также тис. Этот представитель реликтовой флоры нигде в крае не растёт сплошными лесонасаждениями; несмотря на возраст в триста – четыреста лет, он не достигает больших размеров и очень скоро становится дуплистым.

Путь по реке Мутухе до перевала чрезвычайно каменист, и движение по нему затруднительно. Расщелины в камнях и решетины между корнями представляют собою настоящие ловушки. Опасения поломать ногу коням делают эту дорогу труднопроходимой. Надо удивляться, как местные некованные китайские лошади ухитряются ходить здесь да ещё нести на себе значительные тяжести.

Пройдя по реке километров пять, мы повернули на восток к морю.

Уже с утра я заметил, что в атмосфере творится что-то неладное. В воздухе стояла мгла; небо из синего стало белеватым; дальних гор совсем не было видно. Я указал Дерсу на это явление и стал говорить ему многое из того, что мне было известно из метеорологии о сухой мгле.

– Моя думай, это дым, – отвечал он. – Ветер нету, который сторона гори, понимай не могу.

Едва мы поднялись наверх, как сразу увидели, в чём дело. Из-за гор, с правой стороны Мутухе, большими клубами подымался белый дым. Дальше, на севере, тоже курились сопки. Очевидно, пал уже успел охватить большое простран-

ство. Полюбовавшись им несколько минут, мы пошли к морю и, когда достигли береговых обрывов, повернули влево, обходя глубокие овраги и высокие мысы.

Я обратил внимание, как на распространение звуковых волн влияли встречающиеся на пути препятствия. Как только мы заходили за какую-нибудь вершину, шум дождя замирал, но когда приближались к расщелине, он опять становился явственным.

Вдруг какие-то странные звуки, похожие на хриплый и протяжный лай, донесло до нас ветром снизу. Я тихонько подошёл к краю обрыва, и то, что увидел, было удивительно интересно.

Множество сивучей, больших и малых, лежало на берегу моря.

Сивуч относится к отряду ластоногих и к семейству ушастых тюленей. Это довольно крупное животное и достигает 4 метров длины и 3 метров в обхвате около плеч при весе 680–800 килограммов. Он имеет маленькие ушные раковины, красивые чёрные глаза, большие челюсти с сильными клыками, длинную сравнительно шею, на которой шерсть несколько длиннее, чем на всём остальном теле, и большие ноги (ласты) с голыми подошвами. Обыкновенно самцы в два раза больше самок.

В Приморской области сивучи встречаются по всему побережью Японского моря.

За ними охотятся туземцы, главным образом ради их тол-

стой шкуры, которая идёт на обувь и на выделку ремней для собачьей упряжки.

Нежиться на камнях, обдаваемых пеной прибоя, видимо, доставляло сивучам большое удовольствие. Они потягивались, закидывали голову назад, подымали кверху задние ноги насколько возможно, поворачивались вверх брюхом и вдруг совершенно неожиданно соскальзывали с камня в воду. Камень не оставался свободным, тотчас же около него показывалась другая голова, и другое животное спешило занять вакантное место. На берегу лежали самки и рядом с ними молодняк, а в стороне около пещер, выбитых волнением, дремали большие самцы. Старые были светло-бурого цвета, молодые более тёмные. Последние держали себя как-то особенно гордо. Подняв кверху голову, они медленно поворачивали ею из стороны в сторону, и, несмотря на своё неуклюжее тело, им нельзя было отказать в грации. По манере себя держать, по величию и быстроте движений они заслуживали бы названия морских львов, как и их сородичи у берегов Калифорнии.

По свойственной казакам-охотникам привычке Мурзин поднял своё ружьё и стал целиться в ближайшего к нам сивуча, но Дерсу остановил его и тихонько в сторону отвёл винтовку.

– Не надо стреляй, – сказал он. – Таскай не могу. Напрасно стреляй – худо, грех.

Тут только мы заметили, что к лежбищу ни с какой сто-

роны подойти было нельзя. Справа и слева оно замыкалось выдающимися в море уступами, а со стороны суши были отвесные обрывы метров 50 высотой. К сивучам можно было только подъехать на лодке. Убитого сивуча взять с собой мы не могли; значит, убили бы его зря и бросили бы на месте.

Вместе с тем меня поразило Дерсу своими словами. Напрасно стрелять грех! Какая правильная и простая мысль! Почему же европейцы часто злоупотребляют оружием и сплошь и рядом убивают животных так, ради выстрела, ради забавы?

Минут двадцать мы наблюдали сивучей. Я не мог оторвать от них своих глаз. Вдруг я почувствовал, что кто-то трогает меня за плечо.

– Капитан! Надо ходи, – говорил Дерсу.

Идти по вершине хребта всегда легче, чем косогором, потому что выдающиеся вершины можно обходить по горизонталям.

Когда мы вышли опять на тропу, ночь уже опустилась на землю.

Нам предстояло теперь подняться на высокую гору и оттуда спуститься в седловину. Высота перевала оказалась равной 740 метрам.

Картина, которую я увидел с вершины горы, так поразила меня, что я вскрикнул от удивления. Шёл пал, линия огней опоясывала горы, словно иллюминация. Величественная и жуткая картина. Огни мерцали и гасли, но тотчас вновь раз-

горались с большой силой. Они уже перешли через седловины и теперь спускались в долину. Наиболее высокие вершины ещё не были во власти огня. Пал шёл кверху правильным кольцом, точно на приступ. На небе стояли два зарева. Одно на западе, другое на востоке. Одно трепетало, другое было покойное. Начинала выходить луна. Из-за горизонта показался сначала край её. Медленно, нерешительно выплывала она из воды, всё выше и выше, большая, тусклая и багровая...

– Капитан! Ходи надо, – шепнул опять мне Дерсу.

Мы спустились в долину и, как только нашли воду, тотчас же остановились среди дубового редколесья. Дерсу велел нам нарвать травы для бивака, а затем пустил встречный пал. Как порох, вспыхнули сухая трава и опавшие листья. Огонь быстро пошёл по ветру и в стороны. Теперь лес имел сказочный феерический вид. Я стал следить за палом. Огонь шёл по листве довольно медленно, но когда добирался до травы, то сразу перескакивал вперёд. Жар увлекал кверху сухую ветвь. Она летела и горела в воздухе. Таким образом огонь перебрасывался всё дальше и дальше. Наконец пал подошёл к кустам. С сильным шумом взвилось огромное пламя. Тут росла жёлтая берёза с лохматой корой. В одно мгновение она превратилась в сплошной факел, но только на минуту; кора обгорела и потухла. Старые деревья с сухой сердцевиной горели, стоя на корню. Позади пала там и сям взвивались струйки белого дыма: это тлели на земле головешки. Испу-

ганные животные и птицы спасались бегством. Мимо меня пробежал заяц; по начинавшему загораться колоднику прыгал бурундук; с резкими криками от одного дерева к другому носился пёстрый дятел.

Я шёл за огнём всё дальше и дальше, не опасаясь заблудиться, шёл до тех пор, пока желудок не напомнил, что пора возвратиться назад. Я полагал, что костёр укажет мне место бивака. Обернувшись, я увидел много огней – это догорал валежник. Который из них был наш огонь, я разобрать не мог. Один из огней мне показался больше других. Я направился к нему, но это оказался горящий сухой пень. Я пошёл к другому – опять то же. Так я переходил от огня к огню и все не мог найти бивака. Тогда я принялся кричать. Совсем с другой стороны донёсся до меня отклик. Я повернул обратно и вскоре добрался до своих. Мои спутники подтрунивали надо мной, и я сам от души смеялся.

Опасения Дерсу сбылись. Во вторую половину ночи пал стал двигаться прямо на нас, но, не найдя себе пищи, прошёл стороной. Вопреки ожиданиям, ночь была тёплая, несмотря на безоблачное небо. В тех случаях, когда я видел что-либо непонятное, я обращался к Дерсу и всегда получал от него верные объяснения.

– Мороз ходи не могу, – ответил он. – Посмотри кругом, дыму много.

Тогда я вспомнил, как садоводы при помощи дымокуров спасают сады свои от утренников.

Днём мы видели изюбра; он пасся около горящего валежника. Олень спокойно перешагнул через него и стал ошипывать кустарники. Частые палы, видимо, приучили животных к огню, и они перестали его бояться.

Солнечный восход застал нас в дороге. После спуска с перевала тропа некоторое время идёт по береговому валу, сложенному из окатанной гальки, имея справа море, а слева – болото. Вал этот и болото свидетельствуют о том, что здесь раньше была лагуна. На другом склоне вала лежали огромные валуны из гнейса. Никакое волнение не могло забросить их так высоко. Появление их на намывной полосе прибоя надо приписать действию льдов, которые в зимнее время нагоняются сюда ветрами и «припахивают» берег. Кроме валунов, здесь было также много китовых костей: лопатки, ребра, позвонки и части черепа. Вероятно, волнением прибило к берегу целый труп животного. Звери и птицы позаботились убрать всё, что можно; остались одни кости.

Отдохнув немного, мы пошли дальше. Через час пути тропа привела нас к озёрам. Их быстро три: Малое, Среднее и Долгое. Последнее было километра три длиной.

С западной стороны в него впадает река Сеохобе (то есть Река первого снега), почему-то названная на морских картах Ядихой. Местность между озёрами сильно заболочена. Только один вал из песка и гальки отделяет их от моря. Здесь мы видим опять исчезнувшую бухту. Когда-то залив этот был много длиннее и загибался на север.

Около болот тропа разделилась. Одна пошла влево к горам, а другая по намывной полосе прибоя. Эта последняя привела нас к небольшой, но глубокой протоке, которой озеро Долгое сообщается с морем.

Нечего делать, пришлось остановиться здесь, благо в дровах не было недостатка. Море выбросило на берег много плавника, а солнце и ветер позаботились его просушить. Одно только было нехорошо: в лагуне вода имела солоноватый вкус и неприятный запах. По пути я заметил на берегу моря каких-то куликов. Вместе с ними всё время летал большой улит. Он имел белое брюшко, серовато-бурую с крапинками спину и тёмный клюв.

Пока казаки ставили палатку и таскали дрова, я успел сбежать на охоту. Птицы первый раз подпустили меня близко. Я убил четырёх и воротился назад.

Бивак наш был не из числа удачных: холодный резкий ветер всю ночь дул с запада по долине, как в трубу. Пришлось спрятаться за вал к морю. В палатке было дымно, а снаружи холодно. После ужина все поспешили лечь спать, но я не мог уснуть – все прислушивался к шуму прибоя и думал о судьбе, забросившей меня на берег Великого океана.

Двадцатого сентября погода весь день стояла тёплая и сухая. Я решил заняться обследованием реки Сеохобе. Сперва нам надлежало переправиться через озеро. При отсутствии лодок сделать это было нелегко. Надо было или вязать плоты, или попытаться перейти вброд. Я решился на последнее

средство, как скорейшее. Опыт вышел удачным. Озеро оказалось мелким: самые глубокие места едва достигали 6 метров. Мели были извилистые. Мы всё время шли ощупью по пояс в воде. По мере приближения к реке вода заметно становилась холоднее. Как только мы вышли на берег, сразу попали на тропу.

Река Сеохобе длиной 22 километра. Истоки её приходится против среднего течения Синанцы, о которой упоминалось выше. Она, собственно говоря, состоит из двух речек одинаковой величины, сливающихся вместе в 5 километрах от устья. Немного ниже Сеохобе принимает в себя справа ещё один небольшой приток. Тут ходили изюбры целыми стадами. Рёв уже окончился; самцы отабунили около себя самок; вскоре олени должны были разойтись поодиночке.

Заметно, что с каждым днём птиц становится всё меньше и меньше. За эти дни я заметил только уссурийскую длиннохвостую неясыть – птицу, смелую ночью и трусливую днём; в яркие солнечные дни она забивается в глухие хвойные леса не столько ради корма, сколько ради мрака, который там всегда господствует; уссурийского белоспинного дятла – самого крупного из семейства *Picidae*, птица эта держится в старых смешанных лесах, где есть много рухляка и сухостоев; клинохвостого сорокопута – жадного и задорного хищника, нападающего даже на таких птиц, которые больше его размерами; зелёного конька, обитающего по опушкам лесов, и черноголовых овсянок – красивых, желтобрюхих птичек с

чёрными шапочками на головках. Они предпочитали открытые места тенивым и собирались в небольшие стайки.

Тропа, по которой мы шли, привела нас к лудёве длиной в 24 километра, с 74 действующими ямами. Большого хищничества, чем здесь, я никогда не видел. Рядом с фанзой стоял на сваях сарай, целиком набитый оленьими жилами, связанными в пачки. Судя по весу одной такой пачки, тут было собрано жил, вероятно, около 700 килограммов. Китайцы рассказывали, что олени сухожилия раза два в год отправляют во Владивосток, а оттуда в Чифу. На стенках фанзочки сушилось около сотни шкурок сивучей. Все они принадлежали молодняку.

Не было сомнения, что китайцы знали о лежбище ластоногих около реки Мутухе и хозяйничали там так же хищнически, как на Сеохобе.

– Все кругом скоро манза совсем кончай, – сказал Дерсу. – Моя думай, ещё десять лет – олень, соболь, белка пропади есть.

Со словами Дерсу нельзя было не согласиться. У себя на родине китайцы уничтожили все живое. У них в стране остались только вороны, собаки и крысы. Даже в море, вблизи берегов, они уничтожили всех трепангов, крабов, моллюсков и всю морскую капусту. Богатый зверем и лесами Приамурский край ожидает та же участь, если своевременно не будут приняты меры к борьбе с хищничеством китайцев.

Около моря, в полукилometре от озера, есть ещё одна

небольшая лудёва. Она длиной 3 километра и имеет 7 ям.

В озеро Долгое с севера впадает маленькая безымянная речка, протекающая по болотистой долине. Здесь тропа становится весьма мокрой и вязкой. Местами при ходьбе ощущается колебание почвы. Вероятно, в дождливое время года путь этот труднопроходим.

После перевала (высотой 150 метров) тропа придерживается левого берега маленькой речонки, впадающей в реку Тхеибе. Эта последняя длиной 5 километров и не менее болотиста, чем река Безымянная. Положение этих двух долин, параллельных берегу моря, определяет направление невысокого прибрежного горного хребта, отмытого вдоль оси своего простиранья и состоящего из кварцитов и ещё из какой-то кремнистой породы.

Глава 24

Встреча с хунхузами

Следы. – Хунхузы. – Дерсу на разведках. – Перестрелка. – Чжан Бао. – Река Дунгоу. – Гора Хунтами. – Река Мулумбе. – Озеро Благодати. – Река Каимбе. – Грибная фанза. – «Каменная кожа». – Путь на реку Санхобе. – Отъезд Н. А. Пальчевского и А. И. Мерзлякова

Днём на тропе Дерсу нашёл человеческие следы. Он стал внимательно их изучать. Один раз он поднял окурок папиросы и кусок синей дабы. По его мнению, здесь проходили два человека. Это не были рабочие-манзы, а какие-то праздные люди, потому что трудящийся человек не бросит новую дабу только потому, что она запачкана; он и старую тряпку будет носить до тех пор, пока она совсем не истреплется.

Затем, рабочие курят трубки, а папиросы для них слишком дороги. Продолжая свои наблюдения, он нашёл место, где прошедшие два человека отдыхали, причём один из них переобувался; брошенная ружейная гильза указала на то, что китайцы были вооружены винтовками.

Чем дальше мы шли, тем разнообразнее были находки. Вдруг Дерсу остановился.

– Ещё два люди ходили, – сказал он. – Теперь четыре ста-

ло. Моя думай, это худые люди.

Мы посоветовались и решили оставить тропу и пойти целиной. Взобравшись на первую попавшуюся сопку, мы стали осматриваться. Впереди, километрах в четырёх от нас, виднелся залив Пластун; влево – высокий горный хребет, за которым, вероятно, должна быть река Синанца; сзади – озеро Долгое, справа – цепь размытых холмов, за ними – море. Не заметив ничего подозрительного, я хотел было опять вернуться на тропу, но гольд посоветовал спуститься к ключику, текущему к северу, и дойти по нему до реки Тхетибе.

Через час пути мы дошли до опушки леса. Здесь Дерсу велел нам ожидать его возвращения, а сам пошёл на разведки.

Тхетибе представляет собой небольшую горную речку, протекающую по широкой и заболоченной долинке, поросшей ивой, ольхой и белой берёзой.

Приближались сумерки. Болото приняло одну общую жёлто-бурую окраску и имело теперь безжизненный и пустынный вид. Горы спускались в синюю дымку вечернего тумана и казались хмурыми. По мере того как становилось темнее, ярче разгоралось на небе зарево лесного пожара. Прошёл час, другой, а Дерсу не возвращался. Я начал беспокоиться.

Вдруг где-то далеко послышался крик, затем раздались четыре выстрела, опять крик и ещё один выстрел. Я хотел бежать было туда, но вспомнил, что таким образом мы потеряем друг друга.

Минут через двадцать гольд возвратился. Вид его был крайне встревоженный. Насколько возможно, он спешно рассказал, что с ним случилось. Идя по следам четырёх человек, он дошёл до залива Пластун и здесь увидел палатку. В ней было около двадцати вооружённых китайцев.

Убедившись, что это хунхузы, он пополз по кустам обратно, но в это время его учуяла собака и подняла лай. Три китайца схватили ружья и бросились за ним в погоню. Убегая, Дерсу попал в зыбучее болото. Хунхузы закричали, чтобы он остановился, и затем стали стрелять. Выйдя на сухое место, Дерсу прицелился с колена в одного из разбойников и выстрелил. Он хорошо видел, что китаец упал. Двое других остались около раненого, а он побежал дальше. Чтобы сбить хунхузов с толку, Дерсу на глазах у них нарочно направился в сторону, противоположную той, где мы притаились, а затем крупным путём вернулся обратно.

– Моя рубашка хунхузы дырку делай, – сказал Дерсу и показал свою куртку, простреленную пулей – Надо наша скоро ходи, – закончил он свой рассказ и стал надевать котомку.

Мы тихонько двинулись вперёд, стараясь не шуметь. Гольд повёл нас осыпями по сухому ложу речки и избегая тропинок. Часов в девять вечера мы достигли реки Иодзыхе, но не пошли в фанзы, а остались ночевать под открытым небом. Ночью я сильно зяб, кутался в палатку, но сырость проникала всюду. Никто не смыкал глаз. С нетерпением мы ждали рассвета, но время, как назло, тянулось бесконечно

долго.

Как только стало светать, мы тотчас тронулись дальше. Надо было как можно скорее соединиться с Г. И. Гранатманом и А. И. Мерзляковым. Дерсу полагал, что будет лучше, если мы оставим тропу и пойдём горами. Так и сделали. Перейдя вброд реку, мы вышли на тропинку и только собирались юркнуть в траву, как навстречу нам из кустов вышел таз с винтовкой в руках. Сначала он испугался и изрядно, в свою очередь, напугал нас, но, увидев стрелков и казаков, полез за пазуху и подал пакет. Это было письмо от Н. А. Пальчевского. Последний извещал меня, что с реки Санхобе в поисках хунхузов выступил отряд охотников под начальством своего предводителя Чжан Бао. Пока я читал письмо, Дерсу расспрашивал таза, а таз в свою очередь расспрашивал его. Выяснилось, что Чжан Бао со своими тридцатью охотниками ночевал недалеко от нас и теперь, вероятно, подходил уже к реке Иодзыхе.

Действительно, минут через двадцать мы с ним встретились.

Чжан Бао был мужчина высокого роста, лет сорока пяти. Одет он был в обыкновенную китайскую синюю одежду, только несколько опрятнее, чем у простых рабочих манз. На подвижном лице его лежала печать перенесённых лишений. Он носил чёрные усы, по китайскому обычаю опущенные книзу, в которых уже кое-где пробивалась седина. В чёрных глазах этого человека сквозил ум, на губах постоянно

играла улыбка, и в то же время лицо его никогда не теряло серьёзности. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда обдумывал свой ответ и говорил тихо, не торопясь. Мне не приходилось встречать человека, в котором так совмещались бы серьёзность, добродушие, энергия, рассудительность, настойчивость и таланты дипломата. В личности Чжан Бао, в его жестах, во всей его фигуре, в манере держать себя было что-то интеллигентное. Его ум, самолюбие и умение подчинить себе толпу говорили за то, что это не был простой манза. По всей вероятности, это был один из политических преступников, бежавших из Китая.

Дружина, которой командовал Чжан Бао, состояла из китайцев и тазов. Всё это были молодые люди, крепкие, сильные, хорошо вооружённые. Я сразу заметил, что в его отряде была крепкая дисциплина. Все распоряжения его исполнялись быстро, и не было случая, чтобы он свои приказания повторял дважды.

Во всём районе, от Кусуна до залива Ольги, Чжан Бао считался самой авторитетной личностью. Китайцы и тазы обращались к нему за советами, и, если где-нибудь надо было примирить двух непримиримых врагов, китайцы опять-таки обращались к Чжан Бао. Он часто заступался за обиженных, и на этой почве у него было много врагов. Особенную ненависть он питал к хунхузам и своими преследованиями навёл на них такой страх, что далее реки Иодзыхе они заходить не решались.

Шайка, на которую мы наткнулись, приехала в залив Пластун на лодках с намерением заняться грабежом шаланд, заходящих сюда во время непогоды.

Чжан Бао приветствовал меня вежливо, но с достоинством. Узнав, что Дерсу ночью подвергся нападению хунхузов, он стал подробно его расспрашивать, где это случилось, и при этом палочкой чертил план на песке.

Собрав сведения, он сказал, что ему нужно торопиться и что он вернётся на реку Санхобе дня через два или три. Затем он простился со мной и пошёл с охотниками далее.

Теперь уже нам нечего было скрываться от китайцев, поэтому мы отправились в первую попавшуюся фанзу и легли спать. В полдень мы встали, напились чаю и затем пошли вверх по долине реки Дунгоу, что по-китайски означает Восточная падь.

Горы на левой стороне её крутые, на правой – пологие и состоят из полевошпатового порфира. Около устья, у подножия речных террас, можно наблюдать выходы мелкозернистого гранита, который в обнажениях превращался в дресвяник. Тропа идёт сначала с правой стороны реки, потом около скалы Янтун-Лаза переходит на левый берег и отсюда взбирается на перевал высотой в 160 метров.

Растительность в долине реки Дунгоу довольно скудная. Редколесье из дуба и чёрной берёзы, лиственницы и липы дровяного и поделочного характера нельзя назвать лесом. Молодняка нигде нет, он систематически два раза в год уни-

что жается палами. Склоны гор, обращённые к югу, поросли кустарниками, главным образом таволгой, калиной и леспедецей. Всё остальное пространство – луговое и заболоченное. Ширина реки – 4–6 метров; она порожи́ста и мелководна. Некоторые пороги очень красивы и имеют вид небольших водопадов.

Во вторую половину дня нам удалось пройти только до перевала. Заметив, что вода в речке начинает иссякать, мы отошли немного в сторону и стали биваком недалеко от водораздела. Весело затрещали сухие дрова в костре. Мы грелись около огня и делились впечатлениями предыдущей ночи.

Я заметил, что Дерсу что-то собирается меня спросить, но, видимо, стесняется. Я помог ему высказаться.

– Моя слышал, русские хунхузы тоже есть. Правда это али нет? – спросил он, конфузясь.

– Правда, – отвечал я. – Только русские хунхузы ходят по одному, по два человека и никогда не собираются такими большими шайками, как китайские. Русское правительство не допускает до этого.

Я думал, что моё объяснение удовлетворило гольда, однако я заметил, что мысли его были направлены в другую сторону.

– Как это? – рассуждал он вслух. – Царь есть, много всяких капитанов есть, и хунхузы есть. У китайцев тоже так: царь есть, и хунхузы есть. Как наша живи? Царя нету, капи-

танов нету и хунхузоз нету.

Сначала мне показалось странным сопоставление – царь и хунхузы, но, вникнув в смысл его слов, я понял ход его мысли. Раз происходит сортировка людей по сословиям, то должны быть богатые и бедные, праздные и трудящиеся. Раз их сортируют на честных и бесчестных, то преступный элемент отделяется, ассоциируется и образует нечто вроде особой касты, по-китайски именуемой хунхузами.

Недолго длилась наша беседа. Утренний отдых в фанзе был недостаточен. Организм требовал ещё сна. Положив в огонь старых дров, чтобы они дольше горели, мы легли на траву и крепко заснули.

Когда на другой день я поднялся, солнце было уже высоко. Напившись чаю, мы взяли свои котомки и пошли к перевалу. Здесь тропа долгое время идёт по хребту, огибая его вершины то с одной, то с другой стороны. Поэтому кажется, что она то подымается, то опускается и как будто пересекает несколько горных отрогов.

Поднявшись на перевал (240 метров), я увидел довольно интересную картину. Слева от нас высилась высокая гора Хунтами¹⁴⁷, имеющая вид усечённого конуса. Она входит в хребет, отделяющий бассейн реки Санхобе от реки Иодзыхе. Со стороны моря Хунтами кажется двугорбой. Вероятно, вследствие этого на морских картах она и названа Верблюдом.

¹⁴⁷ Хун-та-ми – гора в виде большой буддийской пагоды.

К востоку от нас высились горы, поросшие редким лесом, а впереди расстилалась большая болотистая низина, покрытая изжелта-бурой травой.

С перевала тропа шла вниз по маленькому ключику и скоро пересекла небольшую горную речку Мулумбе (по-орочски – Мули), впадающую в озеро Хунтами. Китайцы название это толкуют по-своему и производят его от слов «му-лу», что значит – самка изюбра.

Несомненно, и тут мы имеем дело со старой лагуной, процесс осыхания которой далеко ещё не закончен. Всею виной торфяники, прикрывшие её сверху и образовавшие болото. Около моря сохранилась ещё открытая вода. Это озеро Благодати ($44^{\circ}56'47''$ северной широты и $136^{\circ}24'20''$ восточной долготы от Гринвича). Вероятно, тут было самое глубокое место бухты.

Мелкие ручьи, сбегаящие с гор, текут по узким оврагам и питают болото водой. Между ними образовались небольшие релки, покрытые ольхой, берёзой, липой, а где посуше – дубовым редколесьем. Тропа идёт через эти овраги, но затем круто поворачивает к болоту. Расстояние от Мулумбе до реки Каимбе не более 6 километров, но на этот переход мы употребили почти целый день – болото оказалось зыбучим. Мы пробовали было идти стороной около тропы, но это оказалось ещё хуже. Наконец перед сумерками болото было пройдено. Впереди, около реки Каимбе, виднелась какая-то фанза; к ней мы направили свои стопы.

Река Каимбе (по-орочски – Кая) на картах значится Каембэ. Она такой же величины, как река Мулумбе, только впадает непосредственно в море. С левой стороны её тянется длинная и высокая терраса, уже разрушенная временем. Терраса эта является древним берегом лагуны и имеет наклон к озеру и обрывистые края к морю.

В фанзе жили два китайца. Ни огородов, ни пашен вокруг неё не было видно. Однако зоркий глаз Дерсу усмотрел поперечную пилу, топоры с длинными ручками, кузовни, плетённые из лыка, и длинные каны, не соответствующие числу обитателей фанзы. Оказалось, что китайцы занимаются сбором древесных грибов и лишайников с камней. Первые относятся к семейству дрожалковых грибов и собираются исключительно с дуба. Они своеобразно ароматны и содержат в себе много воды (98 процентов). Для культуры их китайцы валят на землю множество дубовых деревьев. Когда дуб начинает гнить, на нём появляются грибы, по внешнему виду похожие на белые кораллы. Китайцы их называют «му-эр». Их собирают и сушат сначала на солнце, а потом в фанзе на сильно нагретых канах.

Лишайники тёмно-оливково-зелёные (называемые «шихуй-пи», то есть «каменная кожа») в сухом состоянии становятся чёрными. Их собирают с известковых и сланцевых скал и отправляют во Владивосток в плетёных корзинах как гастрономическое лакомство.

Нельзя не удивляться предприимчивости китайцев. Од-

ни из них охотятся за оленями, другие ищут женьшень, третьи соболюют, четвёртые заняты добычей кабарожьего мускуса, там видишь капуستоловов, в другом месте ловят крабов или трепангов, там сеют мак и добывают опий и т. д. Что ни фанза, то новый промысел: ловля жемчуга, добыча какого-то растительного масла, ханшина, корней острогала, да всего и не перечесть. Всюду они умеют находить источники обогащения. Вопрос труда отходит у них на второй план, лишь бы источник этот был неиссякаемый.

Мы так устали за день, что не пошли дальше и остались здесь ночевать. Внутри фанзы было чисто, опрятно. Гостеприимные китайцы уступили нам свои места на канах и вообще старались всячески услужить. На улице было темно и холодно; со стороны моря доносился шум прибоя, а в фанзе было уютно и тепло...

Вечером манзы угостили нас «каменной кожей». Тёмно-бурые слизлые лишайники были безвкусны, хрустели на зубах, как вязига, и могли удовлетворить разве гастрономический вкус китайцев.

По их словам, до Санхобе оставался только один переход. Желая дойти туда засветло, мы выступили на другой день очень рано.

От грибной фанзы тропа идёт горами вдоль берега моря и в пути пересекает пять горных отрогов, слагающихся из кварцевого порфира и поросших редколесьем из дуба, липы и чёрной берёзы.

Эта тропа считается тяжёлой как для лошадей, так и для пешеходов. По пятому, последнему распадку она поворачивает на запад и идёт вверх до перевала, высота которого равна 350 метрам. Подъем со стороны моря крутой, а спуск к реке Санхобе пологий.

За перевалом картина меняется. Вместо порфиров появляются граниты и на смену лиственному редколесью выступает хвойно-смешанный лес отличного качества. Маленькая речка, по которой проложена тропа, привела нас на реку Сян-енгоу¹⁴⁸, впадающую в Санхобе недалеко от моря. Когда-то здесь была лесная концессия Гляссера и Храманского.

Предприятие это, как и все скороспелые русские предприятия, обречено было на гибель. Срублено деревьев было много, а вывезено мало. Большинство их брошено в тайге; зато какой горючий материал для лесных пожаров остался на месте!

Китайцы в рыбной фанзе сказали правду. Только к вечеру мы дошли до реки Санхобе. Тропа привела нас прямо к небольшому посёлку. В одной фанзе горел огонь. Сквозь тонкую бумагу в окне я услышал голос Н. А. Паль чевского и увидел его профиль. В такой поздний час он меня не ожидал. Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков находились в соседней фанзе. Узнав о нашем приходе, они тотчас прибежали. Начались обоюдные расспросы. Я рассказывал им, что случилось с нами в дороге, а они мне говорили о том, как рабо-

¹⁴⁸ Сян-ян-гоу – долина, обращённая к солнцу.

тали на Санхобе.

Как ни интересен был наш разговор, но усталость взяла своё. Н. А. Пальчевский заметил это и стал устраивать мне постель. Я лёг на кан и тотчас уснул.

Весь следующий день мы провели в беседе. Река Санхобе являлась крайним пунктом нашего путешествия по берегу моря. Отсюда нам надо было идти к Сихотэ-Алиню и далее на Иман. На совете решено было остаться на Санхобе столько времени, сколько потребуется для того, чтобы подкрепить силы и снарядиться для зимнего похода.

Ввиду приближения зимнего времени довольствие лошадей сделалось весьма затруднительным. Поэтому я распорядился всех коней с А. И. Мерзляковым и с частью команды отправить назад к заливу Ольги. Вследствие полного замирания растительности Н. А. Пальчевский тоже пожелал возвратиться во Владивосток. Для этого он решил воспользоваться шхуной Гляссера, которая должна была уйти через двое суток.

Таким образом, для зимнего похода через Сихотэ-Алинь оставались только я, Г. И. Гранатман, Дерсу, двое казаков (Мурзин и Кожевников) и стрелок Бочкарёв.

Двадцать пятого сентября мы расстались с Н. А. Пальчевским и А. И. Мерзляковым.

Глава 25

Пожар в лесу

Бухта Терней. – Птицы на берегу моря. – Население реки Санхобе. – Река Сица. – Сихотэ-Алинь. – Да-Лазагоу. – Изучение следов. – Заноза. – Нарыв на подошве. – Лесной пожар. – Операция. – Возвращение. – Драмы на берегу моря

Двадцать седьмое число было посвящено осмотру бухты Терней (мыс Страшный, 45° северной широты и $136^{\circ}44'30''$ восточной долготы от Гринвича), открытой Лаперузом 23 июня 1767 года и окрещённой тогда этим именем. Здесь тоже ясно видно, что раньше бухта Терней гораздо глубже вдавалась в материк; значительная глубина реки около устья, обширный залив, отходящий от неё в сторону, и наконец два озера среди болот указывают, где ранее были глубокие места бухты. Самое море потрудились над тем, чтобы оттеснить себя от суши. Коса, намётанная морским прибоем, протянувшаяся от одного мыса к другому, превратила залив в лагуну. Потом здесь образовались дюны; они увеличивались в размерах и погребли под собой прибрежные утёсы.

Около таких лагун всегда держится много птиц. Одни из них были на берегу моря, другие предпочитали держаться в заводях реки. Среди первых я заметил тихоокеанских чер-

нозобиков. Судя по времени, это были, вероятно, отсталые птицы. Тут же летали и чайки. Они часто садились на воду и вновь взлетали на воздух.

В глубоких заводях можно было заметить больших бакланов. Они то и дело ныряли в воду и никак не могли наполнить своё прожорливое брюхо.

Растительность в нижней части долины Санхобе чахлая и низкорослая. С правой стороны по болотам растёт небольшими группами сибирская лиственница. По-видимому, Санхобе является северной границей акации Маака, по крайней мере тут она встречается уже как редкость.

Население Санхобе смешанное и состоит из китайцев и тазов. Первые живут ближе к морю, вторые дальше – в горах.

Китайских фанз тридцать восемь; в них насчитывается 233 человека. Тазовых фанз четырнадцать; в них живут 72 мужчины, 54 женщины и 89 детей обоего пола.

Положение местных тазов весьма тяжёлое. Они имеют совершенно забитый и угнетённый вид. Я стал было их спрашивать, но они испугались чего-то, пошептались между собой и под каким-то предлогом удалились. Очевидно, они боялись китайцев. Если кто-либо из них посмеет жаловаться русским властям или расскажет о том, что происходит в долине Санхобе, того ждёт ужасное наказание: утопят в реке или закопают живым в землю.

Санхобейские тазы почти ничем не отличаются от тазов на реке Тадушу. Они так же одеты, говорят по-китайски и

занимаются хлебопашеством. Но около каждой фанзы есть амбар на сваях, где хранится разный скарб. Этот амбар является типичной тазовской постройкой. Кроме того, я заметил у стариков особые кривые ножи, которыми они владеют весьма искусно и которые заменяют им и шило, и буравчик, и долото, и наструг.

По рассказам тазов, лет тридцать тому назад на реке Санхобе свирепствовала оспа. Не было ни одной фанзы, которую не посетила бы эта страшная болезнь. Китайцы боялись хоронить умерших и сжигали их на кострах, выволакивая трупы из фанз крючьями. Были случаи, когда вместе с мёртвыми сжигались и больные, впавшие в бессознательное состояние.

В этот день вечером возвратился Чжан Бао. Он сообщил нам, что не застал хунхузов в заливе Пластун. После перестрелки с Дерсу они ушли на шаланде в море, направляясь, по-видимому, на юг.

Следующие три дня, 28–30 сентября, я просидел дома, вычерчивал маршруты, делал записи в путевых дневниках и писал письма. Казаки убили изюбра и сушили мясо, а Бочкарёв готовил зимнюю обувь. Я не хотел отрывать их от дела и не брал с собой в экскурсию по окрестностям.

Река Санхобе (на картах – Саченбея и по-удэгейски Санкэ) состоит из двух рек одинаковой величины – Сицы (по-китайски – Западный приток) и Дунцы (Восточный приток). Путь мой на Иман, на основании расспросных сведений, был

намечен по реке Дунце. Поэтому я решил теперь, пока есть время, осмотреть реку Сицу. На эту работу у меня ушло ровно семь суток.

Первого октября я вместе с Дерсу с котомками за плечами выступил из своей «штаб-квартиры».

Слияние Сицы и Дунцы происходит в 10 километрах от моря. Здесь долина Санхобе разделяется на две части, из которых одна идёт на север (Дунца), а другая – на запад (Сица).

Вид в долину Сицы со стороны моря очень красив. Высокие горы с острыми и причудливыми вершинами кажутся величественными. Я несколько раз видел их впоследствии, и всегда они производили на меня впечатление какой-то особенной дикой красоты.

На половине пути от моря, на месте слияния Сицы и Дунцы, с левой стороны есть скала Да-Лаза. Рассказывают, что однажды какой-то старик китаец нашёл около неё женшень крупного размера. Когда корень принесли в фанзу, случилось землетрясение, и все люди слышали, как ночью скала Да-Лаза стонала. По словам китайцев, река Санхобе на побережье моря является северной границей, до которой произрастает женшень. Дальше на север никто его не встречал.

Река Сица течёт в направлении к юго-западу. Своё начало она берет с Сихотэ-Алиня (перевала на реку Иман) и принимает в себя только два притока. Один из них Нанца¹⁴⁹, длиной в 20 километров, находится с правой стороны с перева-

¹⁴⁹ Нан-ча – южное разветвление.

лом на Иодзыхе. От истоков Нанца сперва течёт к северу, потом к северо-востоку и затем к северо-западу. В общем, если смотреть вверх по долине, в сумме действительно получается направление южное.

Долина Сицы покрыта отличным хвойно-смешанным лесом. Особенности этой долины заключаются в мощных террасах. В обнажениях видно, что террасы эти наносного образования и состоят из глины, ила и угловатых камней величиной с конскую голову. Было время, когда какие-то силы создали эти террасы. Затем вдруг наступил покой. Террасы стали зарастать лесом, которому теперь насчитывается более двухсот лет.

Нижняя часть долины Сицы представляется в виде больших котловин, обставленных высокими горами. Здесь растут великолепные леса, среди которых много кедра. Около реки лес вырублен концессионером Хроманским, но вывезена только четвёртая его часть. Всё остальное брошено на месте. При падении своём лесные великаны поломали множество других деревьев, которые не предполагались к вырубке. В общем, здесь больше испорченного сухого леса, чем живого. По такому лесу идти очень трудно. Один раз мы пробовали было свернуть с тропы в сторону и через несколько шагов попали в такой бурелом, что еле-еле выбрались обратно. Площадь этого вырубленного леса занимает пространство около 15 квадратных километров. Тропа проходит почти посередине леса. Для того чтобы проложить её, вероятно, понадоби-

лось употребить немало усилий и испортить много пил и топоров.

На следующий день мы пошли вверх по реке Сице. Чем дальше, тем тайга становилась глуше. Разрушающая рука лесопромышленника ещё не коснулась этого девственного леса. Кроме кедра, тополя, ели, пробкового дерева, пихты и ореха, тут росли: китайский ясень – красивое дерево с серой корой и с овальными остроконечными листьями; дейция мелкоцветная – небольшое деревце с мелкими чёрными ягодами; корзиночная ива – весьма распространённая по всему Уссурийскому краю и растущая обыкновенно по галечниковым отмелям вблизи рек. Растительное сообщество по берегам протоков состояло из кустарниковой ольхи с резкими жилками на крупных листьях; перистого боярышника, который имеет серую кору, клиновидные листья и редкие шипы; рябины бузинолистной с тёмно-зелеными листьями и с крупными ярко-красными плодами; жимолости съедобной, её легко узнать по бурой коре, мелкой листве и удлинённым ягодам тёмно-синего цвета с матовым налётом, и наконец даурского луносемянника, выющегося около других кустарников.

По мере того как исчезали следы человеческие, встречалось всё более и более следов звериных. Тигр, рысь, медведь, россомаха, изюбр, олень, козуля и кабан – постоянные обитатели здешней тайги.

Река Сица быстрая и порожистая. Пороги её не похожи

на пороги других рек Уссурийского края. Это скорее шумные и пенистые каскады. В среднем течении река шириной около 10 метров и имеет быстроту течения 8 километров в час в малую воду. Истоки её представляются в виде одного большого ручья, принимающего в себя множество мелких ручьёв, стекающих с гор по коротким распадкам.

Поднявшись на Сихотэ-Алинь, я увидел, как и надо было ожидать, пологий склон к западу и обрывистый – к востоку. Такая же резкая разница наблюдается в растительности. С западной стороны растёт хвойный лес, а с восточной – смешанный, который ниже по реке очень скоро сменяется листовым.

За водоразделом мы нашли ручей, который привёл нас к реке Дананце, впадающей в Кулумбе (верхний приток Имана). Пройдя по ней километров десять, мы повернули на восток и снова взобрались на Сихотэ-Алинь, а затем спустились к реке Да-Лазагоу (приток Сицы). Название это китайское и в переводе означает Падь больших скал.

В геологическом отношении долина Да-Лазагоу денудационная. Если идти от истоков к устью, горные породы располагаются в следующем порядке: глинистые сланцы, окрашенные окисью бурого железняка, затем серые граниты и кварцевый порфир. По среднему течению – диабазовый афанит с неправильным глыбовым распадением и осыпи из туфовидного кварцепорфира. Пороги на реке Сице состоят: верхний из песчаниковистого сланца и нижний – из микро-

пегматита (гранофира) с метаморфозом жёлтого и ржавого цвета.

Дерсу шёл молча и смотрел на все равнодушно. Я восторгался пейзажами, а он рассматривал сломанный сучок на высоте кисти руки человека, и по тому, куда прутик был нагнут, он знал о направлении, в котором шёл человек. По свежести излома он определял время, когда это произошло, угадывал обувь и т. д. Каждый раз, когда я не понимал чего-нибудь или высказывал сомнение, он говорил мне:

– Как тебе, столько года в сопках ходи, понимай нету?

То, что для меня было непонятно, ему казалось простым и ясным. Иногда он замечал следы там, где при всём желании что-либо усмотреть я ничего не видел. А он видел, что прошла старая матка изюбра и годовалый телёнок. Они щипали листву таволожника, потом стремительно убежали, испугавшись чего-то.

Всё это делалось не ради рисовки: мы слишком хорошо знали друг друга. Делалось это просто по вкоренившейся многолетней привычке не пропускать никакой мелочи и ко всему относиться внимательно. Если бы он не занимался изучением следов с детства, то умер бы с голода. Когда я пропускал какой-нибудь ясный след, Дерсу подсмеивался надо мной, покачивал головой и говорил:

– Гм! Все равно мальчик. Так ходи, головой качай. Глаза есть, посмотри не могу, понимай нету. Верно – это люди в городе живи. Олень ищай не надо; кушай хочу – купи. Один

сопка живи не могу – скоро пропади.

Да, он был прав. Тысячи опасностей ожидают одинокого путешественника в тайге, и только тот, кто умеет разбираться в следах, может рассчитывать на благополучное окончание маршрута.

Во время пути я наступил на колючее дерево. Острый шип проколол обувь и вонзился в ногу. Я быстро разулся и вытащил занозу, но, должно быть, не всю. Вероятно, кончик её остался в ране, потому что на другой день ногу стало ломить. Я попросил Дерсу ещё раз осмотреть рану, но она уже успела запухнуть по краям. Этот день я шёл, зато ночью нога сильно болела. До самого рассвета я не мог сомкнуть глаз. Наутро стало ясно, что на ноге у меня образовался большой нарыв.

Недостаток взятого с собой продовольствия принуждал идти вперёд.

Мы уже и так сидели без хлеба и кормились только тем, что добывали охотой. На биваке были и перевязочные материалы и медикаменты. В тайге могло застать ненастье, и не известно, сколько времени я провалялся бы без движения. Поэтому, как ни больно было, но я решил идти дальше. Я твёрдо ступал только на одну правую ногу, а левую волочил за собой. Дерсу взял мои котомку и ружьё. При спусках около оврагов он поддерживал меня и всячески старался облегчить мои страдания. С большим трудом мы прошли в этот день только 8 километров, а до бивака осталось ещё 24 километра.

Ночью ногу страшно ломило. Опухоль распространилась по всей ступне. Удастся ли мне дотащить хотя бы до первой тазовской фанзы? Эта мысль, видимо, беспокоила и Дерсу. Он часто поглядывал на небо. Я думал, что он смотрит, не будет ли дождя, но у него были опасения другого рода. По небу тянулась какая-то мгла: она сгущалась всё больше и больше. Месяц только что зарождался, но лик его не был светлым, как всегда, а казался красноватым и тусклым. Порой его совсем не было видно. Наконец из-за гор показалось зарево.

– Шибко большой дым, – сказал мой спутник.

Чуть свет мы были уже на ногах. Все равно спать я не мог, и, пока была хоть малейшая возможность, надо было идти. Я никогда не забуду этого дня. Я шёл и через каждые сто шагов садился на землю. Чтобы обувь не давила ногу, я распорол её.

Скоро мы дошли до того места, где Да-Лазагоу впадает в Сицу. Теперь мы вошли в лес, заваленный буреломом. Кругом всё было окутано дымом. В пятидесяти шагах нельзя было рассмотреть деревьев.

– Капитан! Надо торопиться, – говорил Дерсу. – Моя мало боится. Трава гори нету, лес – гори!

Последние усилия собрал я и потащился дальше. Где был хоть маленький подъем, я полз на коленях. Каждый корень, еловая шишка, маленький камешек, прутик, попавший под больную ногу, заставлял меня вскрикивать и ложиться на

землю.

В дыму идти становилось всё труднее и труднее. Начинало першить в горле. Стало ясно, что мы не успеем пройти буреломный лес, который, будучи высушен солнцем и ветром, представлял теперь огромный костёр.

Известно, что когда разгорается сильное пламя, то образуется вихрь.

Шум этого вихря уловило привычное ухо гольда. Надо было перейти на другую сторону реки. Это было единственное спасение. Но для того чтобы перейти Да-Лазагоу, надо было крепко держаться на ногах. Для меня это было теперь совершенно невыносимо. Что делать? Вдруг Дерсу, не говоря ни слова, схватил меня на руки и быстро перенёс через реку. Тут была широкая полоса гальки. Он опустил меня на землю, как только вышел из воды, и тотчас побежал обратно за ружьями. В это время нанесло дым, и ничего не стало видно. Когда я очнулся, рядом со мной на камнях лежал Дерсу. Мы оба были покрыты мокрой палаткой. Сверху сыпались искры. Густой едкий дым не позволял дышать.

Первый раз в жизни я видел такой страшный лесной пожар. Огромные кедровые деревья, охваченные пламенем, пылали, точно факелы. Внизу, около земли, было море огня. Тут все горело: сухая трава, опавшая листва и валежник; слышно было, как лопались от жара и стонали живые деревья. Жёлтый дым большими клубами быстро вздымался кверху. По земле бежали огненные волны; языки пламени вились вокруг пней и

облизывали накалившиеся камни.

Вдруг ветер переменялся, и дым отнесло в сторону. Дерсу поднялся и растолкал меня. Я попробовал было ещё идти по галечниковой отмели, но вскоре убедился, что это свыше моих сил: я мог только лежать и стонать.

Так как при ходьбе я больше упирался на пятку, то сильно натрудил и её. Другая нога устала и тоже болела в колене. Убедившись, что дальше я идти не могу, Дерсу поставил палатку, натаскал дров и сообщил мне, что пойдёт к китайцам за лошадью. Это был единственный способ выбраться из тайги. Дерсу ушёл, и я остался один.

За рекой все ещё бушевало пламя. По небу вместе с дымом летели тучи искр. Огонь шёл всё дальше и дальше. Одни деревья горели скорее, другие – медленнее. Я видел, как через реку перебрел кабан, затем переплыл большой полоз Шренка; как сумасшедшая, от одного дерева к другому носилась желна, и, не умолкая, кричала кедровка. Я вторил ей своими стонами. Наконец стало смеркаться.

Я понял, что сегодня Дерсу не придёт. Больная нога сильно отекала. Я разделся и оцупал нарыв. Он уже назрел, но огрубевшая от долгой ходьбы кожа на подошве не прорывалась. Я вспомнил, что имею перочинный нож. Тогда я стал точить его о камни. Подложив дров в костёр, я выждал, когда они хорошо разгорелись, и вскрыл нарыв. От боли у меня потемнело в глазах. Чёрная кровь и гной густой массой хлынули из раны. С ужасными усилиями я пополз к воде,

оторвал рукав от рубашки и начал промывать рану. После этого я перевязал ногу и вернулся к костру. Через час я почувствовал облегчение: боль в ноге ещё была, но уже не такая, как раньше.

В той стороне, куда пошёл пожар, виднелось красное зарево. В лесу во многих местах мерцали огни. Это догорал валежник. Я долго сидел в палатке и поглаживал рукой большую ногу. Пламя костра согрело меня, и я погрузился в сон. Когда я проснулся, то увидел около себя Дерсу и китайца. Я был покрыт одеялом. На костре грелся чай; в стороне стояла осёдланная лошадь. Боль в ноге утихла, и опухоль начала спадать. Согрев воду, я ещё раз промыл рану, затем напился чаю, закусил китайским пресным хлебом и стал одеваться. Дерсу и китаец помогли мне взобраться на коня, и мы тронулись в путь.

За ночь лесной пожар ушёл далеко, но в воздухе всё ещё было дымно.

После полудня мы прибыли на Санхобе. Г. И. Гранатмана не было дома. Он куда-то пошёл на разведки и возвратился только через двое суток.

Пришлось мне сидеть на месте до тех пор, пока рана на ноге не зажила как следует. Через три дня я уже мог ходить, а через неделю совсем оправился. Чжан Бао несколько раз навещал меня. От него я узнал много интересного. Он рассказал мне, как несколько лет тому назад вблизи бухты Терней разбился пароход «Викинг»; узнал о том, как в 1905 году

японцы убили его помощника Лю Пула и как он отомстил им за это; рассказал он мне также о партии каторжан, которые в 1906 году высадились на материке около мыса Олимпиада. Путь их по берегу моря сопровождался грабежами и убийствами. Чжан Бао со своими охотниками догнал их около озера Благодати и всех перебил... И много ещё чего я узнал от него. Всё это были страшные, кровавые драмы.

Наблюдая за китайцами, я убедился, какой популярностью среди них пользовался Чжан Бао. Слова его передавались из уст в уста. Всё, что он приказывал, исполнялось охотно и без проволочек. Многие приходили к нему за советом, и, кажется, не было такого запутанного дела, которого он не мог бы разобрать и найти виновных. Находились и недовольные. Часто это были люди с преступным прошлым. Чжан Бао умел обуздывать их страсти.

Он постоянно посылал разведчиков то на реку Иодзыхе, то на берег моря, то по тропе на север. Вечером он делал сводки этим разведкам и сообщал их мне ежедневно. Чжан Бао вёл большую корреспонденцию. Каждый почти день прибегал к нему нарочный и приносил письма.

Все эти дни Дерсу пропадал где-то у тазов. Среди них он нашёл старика, который раньше жил на реке Улахе и которого он знал ещё в молодые годы. Он успел со всеми перезнакомиться и везде был желанным гостем.

Дня за два до моего отхода Чжан Бао пришёл ко мне проститься. Неотложные дела требовали его личного при-

сутствия на реке Такеме. Он распорядился назначить двух китайцев, которые должны были проводить меня до Сихотэ-Алиня, возвратиться обратно другой дорогой и сообщить ему о том, что они в пути увидят.

Пятнадцатого октября был последний день наших сборов. Из муки мы напекли лепёшек, засушили мяса. Предусмотрено было всё, не забыта была даже сухая трава для обуви.

Глава 26

Зимний поход

Выступление. – Отравление. – Противоядие. – Река Дунца. – Уборка. – Уборка рыбы в истоках реки птицами и зверями. – Проклятое место. – Признаки непогоды. – Пурга. – Перевал Терпения

Шестнадцатого числа выступить не удалось. Задерживали проводники-китайцы. Они явились на другой день около полудня. Тазы провожали нас от одной фанзы до другой, прося зайти к ним хоть на минутку. По адресу Дерсу сыпались приветствия, женщины и дети махали ему руками. Он отвечал им тем же. Так от одной фанзы до другой, с постоянными задержками, мы дошли наконец до последнего тазовского жилья, чему я, откровенно говоря, очень порадовался.

Дальше тропа перешла за реку и потянулась вдоль левого берега ещё километра два с половиной, а затем стала взбираться на перевал.

В нижнем течении река Дунца¹⁵⁰ течёт в меридиональном направлении до тех пор, пока не встретит реку Сицу. Тут она делает петлю и огибаёт небольшой горный отрог, имеющий пологие склоны к реке Санхобе и крутые – к реке Дунце. Через этот самый отрог нам и надлежало перейти.

¹⁵⁰ Левый приток реки Санхобе.

Приближались сумерки. Поэтому мы встали биваком тотчас, как только спустились к воде.

Днём мне недомогалось: сильно болел живот. Китаец-проводник предложил мне лекарство, состоящее из смеси женьшеня, опиума, оленьих пантов и наvara из медвежьих костей. Полагая, что от опиума боли утихнут, я согласился выпить несколько капель этого варева, но китаец стал убеждать меня выпить целую ложку. Он говорил, что в смеси находится немного опиума, больше же других снадобий. Быть может, дозу он мерил по себе; сам он привык к опиуму, а для меня и малая доза была уже очень большой.

Действительно, вскоре после приёма лекарства боль в животе стала утихать, но вместе с тем по всему телу разлилась какая-то слабость. Я лёг у огня и погрузился в тяжёлый сон, похожий на обморок. Через полчаса я очнулся и хотел подняться на ноги, но не мог, хотел шевельнуться – не мог, хотел крикнуть – и тоже не мог. В странном состоянии я находился: я утратил все чувства и ничего не видел, ничего не слышал, ничего не ощущал. Нечеловеческие усилия я сделал над собой, поднял руку, дотронулся до своего лица и испугался. Казалось, это были не мои руки, а чужие, точно не лицо я трогал, а какую-то маску. Ужас охватил меня. После страшной внутренней борьбы я рванулся, вскочил на ноги и тотчас упал на землю. Началась сильная рвота. На моё счастье, Дерсу ещё не спал. Он принёс мне воды. Я сделал несколько глотков и начал приходить в себя. Голова так сильно кружи-

лась, что я не мог сосредоточить своё зрение ни на одном предмете: я понял, что я отравился. Несколько раз я пил воду в большом количестве и несколько раз искусственно вызывал рвоту, и это меня спасло. Так промаялся я до утра. Когда рассвело, Дерсу сбегал в лес, принёс какой-то травы, велел мне жевать её и глотать сок.

Наконец понемногу я стал приходить в себя, головокружение и головная боль исчезли, зато появились слабость и сильная жажда.

Растение это оказалось Горец земноводный. Туземцы его принимают также от дизентерии.

Санхобе протекает по типичной долине прорыва, местами расширяющейся, местами суживающейся ровно настолько, чтобы пропустить одну реку. Наиболее широкие места её находятся там, где в неё впадают притоки. Из них самым крупным будет река Фату, текущая с севера вдоль берега моря.

По реке Дунце растёт такой же хороший лес, как и по реке Сице. С левой стороны в горах преобладают лиственные породы, с правой – хвойные.

Тропа идёт по левому берегу реки, то приближаясь к ней, то удаляясь метров на двести. В одном месте река прижимается вплотную к горам, покрытым осыпями, медленно сползающими книзу. Сверху сыплются мелкие камни. Слабый ум китайского простонародья увидел в этом сверхъестественную силу. Они поставили здесь кумирню богу Шань-синье, охраняющему горы. Сопровождающие нас китайцы не пре-

минули помолиться, нимало не стесняясь нашим присутствием.

Дальше тропа выходит на гать, которая тянется до самой Фату. Затем опять идут осыпи, а против них речные террасы, занимающие довольно большое пространство с правой стороны реки.

Километров на семь ниже в Санхобе впадает небольшая речка, не имеющая названия. По ней можно выйти к самым истокам Билембе, впадающей в море севернее бухты Терней. Немного выше устья этой безымянной речки Дунца принимает в себя ещё один приток, который китайцы называют Сяоца. Тут тропы разделились: одна пошла вверх по Дунце, а другая свернула влево.

Вследствие болезни я не мог идти скоро, часто останавливался, садился на землю и отдыхал.

Дерсу и двое стрелков ходили осматривать реку Сяоцу. Истоки её сходятся с истоками горного ручья, впадающего в Сицу в среднем течении. Самый перевал покрыт густым хвойным лесом. Как подъем, так равно и спуск с него средней крутизны. Километрах в трёх от Дунцы они нашли китайскую зверовую фанзу. Хозяева её находились в отсутствии.

К вечеру я почти оправился, но есть не мог – все ещё мешала рвота. Поэтому я решил пораньше лечь спать в надежде, что завтрашний день принесёт полное выздоровление.

Часов в двенадцать я проснулся. У огня сидел китаец-про-

водник и караулил бивак. Ночь была тихая, лунная. Я посмотрел на небо, которое показалось мне каким-то странным, приплюснутым, точно оно спустилось на землю. Вокруг луны было матовое пятно и большой радужный венец. В таких же пятнах были и звезды. «Наверно, к утру будет крепкий мороз», – подумал я, затем завернулся в своё одеяло, прижался к спящему рядом со мной казаку и опять погрузился в сон.

Утром меня разбудил дождь – мелкий и частый. Недомогание моё кончилось, и я чувствовал себя совсем здоровым. Нимало не мешкая, мы собрали свои котомки и снялись с бивака.

От устья Сяоцы долина Дунцы стала заметно суживаться. С обеих сторон высились горы, покрытые осыпями. От них в долину выдвигается много утёсов. Пешеходная тропа лепится здесь по высокому карнизу, а конная несколько раз переходит вброд реку. Миновав теснину, дороги сходятся снова. Немного дальше река Дунца разделяется на две реки: долина одной из них идёт прямо, а сама Дунца поворачивает влево. В этом месте тропа наша опять разделилась. Одна пошла по Дунце, а другая, по словам провожающих нас китайцев, – на реку Арму (приток Имана).

После полудня дождь усилился, нам пришлось рано встать на бивак.

До вечера ещё было много времени, и потому мы с Дерсу взяли свои винтовки и пошли на разведки. Осенью, во время

ненастья, лес имеет особенно унылый вид. Голые стволы деревьев, окутанные холодным туманом, пожелтевшая трава, опавшая на землю листва и дряблые потемневшие папоротники указывали, что наступили уже сумерки года. Приближалась зима.

Вдруг какой-то странный шум послышался в стороне. Мы оставили тропу и пошли к берегу реки. Интересная картина представилась нашим глазам. Река была буквально запружена рыбой. Это была кета. Местами от дохлой рыбы образовались целые завалы. Тысячи её набились в заводи и протоки. Теперь она имела отвратительный вид. Плавники её были обтрёпаны и все тело изранено. Большая часть рыб была мёртвой, но некоторые из них ещё не утратили способности двигаться. Они все ещё стремились вверх против воды, точно рассчитывали там найти избавление от своих страданий.

Для уборки рыбы природа позаботилась прислать санитаров в лице медведей, кабанов, лисиц, барсуков, енотовидных собак, ворон, сизоворонок, соек и т. д. Дохлой кетой питались преимущественно птицы, четвероногие же старались поймать живую рыбу. Вдоль реки они протоптали целые тропы. В одном месте мы увидели медведя. Он сидел на галечниковой отмели и лапами старался схватить рыбу.

Бурый медведь и родственный ему камчатский медведь отъедают у рыб головы, а мясо бросают. Бело грудые же медведи, наоборот, едят мясо, а головы оставляют.

В другом месте рыбой лакомились два кабана. Они отъ-

едали у рыб только хвосты. Пройдя ещё немного, я увидел лисицу. Она выскочила из зарослей, схватила одну из рыб, но из предосторожности не стала её есть на месте, потащила в кусты.

Больше всего здесь было пернатых. Орлы сидели около воды и лениво, не торопясь, точно сознавая своё превосходство, клевали то, что осталось от медвежьей трапезы. Особенно же много было ворон. Своим черным оперением они резко выделялись на светлой каменистой отмели. Вороны передвигались прыжками и особое предпочтение оказывали той рыбе, которая стала уже разлагаться. По кустам шныряли сойки, они ссорились со всеми птицами и пронзительно кричали.

Вода в протоках кое-где начала замерзать. Вмёрзшая в лёд рыба должна остаться здесь на всю зиму. Весной, как только солнышко пригреет землю, она вместе со льдом будет вынесена в море, и там уничтожением её займутся уже морские животные.

Какой круговорот! Как все это разумно! Ничего не пропадает! Даже в глухой тайге есть кому позаботиться над уборкой падали.

– Один люди другой люди кушай, – высказывал Дерсу вслух свои мысли. – Чего-чего рыба кушай, потом кабан рыбу кушай, теперь надо наша кабана кушай.

Говоря это, он прицелился и выстрелил в одну из свиней. С рёвом подпрыгнуло раненное насмерть животное, кину-

лось было к лесу; но тут же ткнулось мордой в землю и начало барахтаться. Испуганные выстрелом птицы с криком поднялись на воздух и, в свою очередь, испугали рыбу, которая, как сумасшедшая, взад и вперёд начала носиться по протоке.

К сумеркам мы возвратились на бивак. Дождь перестал, и небо очистилось. Вошла луна. На ней ясно и отчётливо видны были тёмные места и белые пятна. Значит, воздух был чист и прозрачен.

Рано мы легли спать и на другой день рано и встали. Когда лучи солнца позолотили вершины гор, мы успели уже отойти от бивака километра три или четыре. Теперь река Дунца круто поворачивала на запад, но потом стала опять склоняться к северу. Как раз на повороте, с левой стороны, в долину вдвинулась высокая скала, увенчанная причудливым острым гребнем.

Китайцы-проводники говорили, что здесь с людьми всегда происходит несчастье: то кто-нибудь сломает ногу, то кто-нибудь умрёт и т. д. В подтверждение своих слов они указали на две могилы тех несчастливцев, которых преследовал злой рок на этом месте. Однако с нами ничего не случилось, и мы благополучно прошли мимо Проклятых скал.

Дальше мы вошли в зону густого хвойно-смешанного леса. Зимой колючки чёртова дерева становятся ломкими; хватая его рукой, сразу набираешь много заноз. Скверно то, что занозы эти входят в кожу в вертикальном направлении и при извлечении крошатся.

К полудню мы достигли маленькой зверовой фанзочки, расположенной у слияния трёх горных ручьёв. По среднему лежал наш путь.

Вечером я измерил высоту места. Барометр показал 620 метров над уровнем моря.

Все эти дни стояла хорошая и тихая погода. Было настолько тепло, что мы шли в летних рубашках и только к вечеру одевались потеплее. Я восторгался погодой, но Дерсу не соглашался со мной.

– Посмотри, капитан, – говорил он, – как птицы торопятся кушать. Его хорошо понимай, будет худо.

Барометр стоял высоко. Я стал посмеиваться над гольдом, но он на это только возразил:

– Птица сейчас понимай, моя понимай после.

От упомянутой фанзы до перевала через Сихотэ-Алинь будет километров восемь. Хотя котомки и давали себя чувствовать, но тем не менее мы шли бодро и редко делали привалы. Часам к четырём пополудни мы добрались до Сихотэ-Алиня, оставалось только подняться на его гребень. Я хотел было идти дальше, но Дерсу удержал меня за рукав.

– Погоди, капитан, – сказал он. – Моя думай, здесь надо ночевать.

– Почему? – спросил я его.

– Утром птицы торопились кушать, а сейчас, посмотри сам, ни одной нету.

Действительно, перед закатом солнца птицы всегда про-

являют особую живость, а теперь в лесу стояла мёртвая тишина. Точно по приказу, они все сразу куда-то спрятались.

Дерсу советовал крепче ставить палатки и, главное, приготовить как можно больше дров не только на ночь, но и на весь завтрашний день. Я не стал с ним больше спорить и пошёл в лес за дровами. Часа через два начало смеркаться. Стрелки натаскали много дров, казалось, больше чем нужно, но гольд не унимался, и я слышал, как он говорил китайцам: – Лоца¹⁵¹ понимай нету, наша надо сам работай.

Они вновь принялись за дело. На помощь им я послал обоих казаков. И только когда на небе угасли последние отблески вечерней зари, мы прекратили работу.

Взошла луна. Ясная ночь глядела с неба на землю. Свет месяца пробирался в глубину тёмного леса и ложился по сухой траве длинными полосами. На земле, на небе и всюду кругом было спокойно, и ничто не предвещало непогоды. Сидя у огня, мы попивали горячий чай и подтрунивали над гольдом.

– На этот раз ты соврал, – говорили казаки.

Дерсу не ответил и молча продолжал укреплять свою палатку. Он забился под скалу, с одной стороны приворотил большой пень и обложил его камнями, а дыры между ними заткнул мхом. Сверху он ещё натянул свою палатку, а впереди разложил костёр. Мне так показалось у него уютно, что я немедленно перебрался к нему со своими вещами.

¹⁵¹ Так все маньчжурские народности называют русских.

Время шло, а кругом было по-прежнему тихо. Я тоже начал думать, что Дерсу ошибся, как вдруг около месяца появилось матовое пятно с радужной окраской по наружному краю. Мало-помалу диск луны стал тускнеть, контуры его сделались расплывчатыми, неясными. Матовое пятно расширялось и поглотило наружное кольцо. Какая-то мгла быстро застилала небо, но откуда она взялась и куда двигалась, этого сказать было нельзя.

Я полагал, что дело окончится небольшим дождём, и, убаюканный этой мыслью, заснул. Сколько я спал, не помню. Проснулся я оттого, что кто-то меня будил. Я открыл глаза, передо мной стоял Мурзин.

– Снег идёт, – доложил он мне.

Я сбросил с себя одеяло. Кругом была тёмная ночь.

Луна совершенно исчезла. С неба сыпался мелкий снег. Огонь горел ярко и освещал палатки, спящих людей и сложенные в стороне дрова. Я разбудил Дерсу. Он испугался спросонья, посмотрел по сторонам, на небо и стал закуривать свою трубку.

Кругом было тихо, но в этой тишине чувствовалось что-то угрожающее. Через несколько минут снег пошёл сильнее, он падал на землю с каким-то особенным шуршанием. Проснулись остальные люди и стали убирать свои вещи.

Вдруг снег начал кружиться.

– Начинай есть, – сказал Дерсу.

И точно в ответ на его слова в горах послышался шум, по-

том налетел сильный порыв ветра с той стороны, откуда мы его не ожидали. Дрова разгорелись ярким пламенем. Вслед за первым порывом налетел второй, потом третий, пятый, десятый, и каждый порыв был продолжительнее предыдущего. Хорошо, что палатки наши были крепко привязаны, иначе их сорвало бы ветром.

Я взглянул на Дерсу. Он спокойно курил трубку и равнодушно посматривал на огонь. Начавшаяся пурга его не пугала. Он так много их видел на своём веку, что эта не была для него новинкой.

Дерсу как бы понял мои мысли и сказал:

– Дрова много есть, палатка хорошо ставили. Ничего.

Через час начало светать.

Пурга – это снежный ураган, во время которого температура понижается до 15° . И ветер бывает так силён, что сносит с домов крыши и вырывает с корнями деревья. Идти во время пурги положительно нельзя: единственное спасение – оставаться на месте. Обыкновенно всякая снежная буря сопровождается человеческими жертвами.

Кругом нас творилось что-то невероятное. Ветер бушевал неистово, ломал сучья деревьев и переносил их по воздуху, словно лёгкие пушинки. Огромные старые кедры раскачивались из стороны в сторону, как тонкоствольный молодняк. Теперь уже ни гор, ни неба, ни земли – ничего не было видно. Всё кружилось в снежном вихре. Порой сквозь снежную завесу чуть-чуть виднелись силуэты ближайших деревьев, но

только на мгновение. Новый порыв ветра – и туманная картина пропадала.

Мы забились в свои палатки и в страхе притихли. Дерсу посматривал на небо и что-то говорил сам с собой. Я напомнил ему пургу, которая захватила нас около озера Ханка в 1902 году.

После полудня пурга разыгралась со всей силой. Хотя мы были и защищены утёсами и палаткой, однако это была ненадёжная защита. То становилось жарко и дымно, как на пожаре, когда ветер дул нам в лицо, то холодно, когда пламя отклонялось в противоположную сторону.

Мы уже не ходили за водой, а набивали чайники снегом, благо в нём не было недостатка. К сумеркам пурга достигла своей наибольшей силы, и, по мере того как становилось темнее, страшнее казалась буря.

Мало кто спал в эту ночь. Вся забота была только о том, чтобы согреться.

Двадцать первого мы ещё отстаивались от пурги. Теперь ветер переменялся и дул с северо-востока, зато порывы его сделались сильнее. Даже вблизи бивака ничего нельзя было рассмотреть.

– Чего его сердится? – говорил в досаде и со страхом Дерсу. – Неужели наша чего-нибудь худо делал?

– Кто? – спросили казаки.

– Моя не знаю, как по-русски говори, – отвечал гольд. – Его мало-мало бог, мало-мало люди, сопка постоянно живи,

ветер могу гоняй, дерево ломай. Наша говори – Каньгу.

«Горный или лесной дух», – подумал я.

Больших трудов стоило нам поддерживать костёр. Скверно то, что каждый порыв ветра выносил из него уголья и засыпал их снегом. Около палатки намело большие сугробы, после полудня появились вихри необычной силы. Они вздымались с земли тучи снега и вдруг рассыпались белой пылью, потом зарождались снова и с воем носились по лесу. Каждый такой вихрь оставлял после себя след из множества поваленных деревьев. Иногда на мгновение наступала короткая пауза, и тотчас вслед за ней опять начиналась пляска снежных привидений.

После полудня небо стало понемногу расчищаться, но вместе с тем стала понижаться температура. Сквозь густую завесу туч в виде неясного пятна чуть-чуть проглянуло солнце.

Надо было позаботиться о дровах. Мы побежали и стали собирать тот бурелом, который находился поблизости. Работали мы долго, пока Дерсу не скомандовал «довольно».

Никого не надо было уговаривать. Все разом бросились к палаткам и стали греть у огня руки. Так мы промаялись ещё одну ночь.

К утру погода мало изменилась к лучшему. Ветер был резкий и порывистый. На совете решено было попытаться перевалить через Сихотэ-Алинь, в надежде, что на западной стороне его будет тише. Решающее значение имел голос Дерсу.

– Моя думай, его скоро кончай, – сказал он и начал первый собираться в дорогу.

Сборы наши были недолги. Минут через двадцать мы с котомками за плечами уже лезли в гору.

От бивака сразу начинался крутой подъём. За эти два дня выпало много снега. Местами он был глубиной до метра. На гребне мы остановились передохнуть. По барометрическим измерениям высота перевала оказалась равной 910 метрам. Мы называли его перевалом Терпения.

Жуткая картина представилась нам на Сихотэ-Алине. Здесь ветром были повалены целые полосы леса. Пришлось обходить их далеко стороной. Я уже говорил, что корни деревьев, растущих в горах, распространяются по поверхности земли: сверху они едва только прикрыты мхами. Некоторые из них были оторваны. Деревья качались и подымали всю корневую систему. Чёрные расщелины то открывались, то закрывались среди снежного покрова, словно гигантские пасти. На одном из корней вздумал было качаться Кожевников. В это время налетел сильный шквал, дерево наклонилось, и едва казак успел отскочить в сторону, как оно со страшным шумом рухнуло на землю, разбрасывая во все стороны комья мёрзлой земли.

Глава 27

К Иману

Дерсу разбирается в следах. – Птицы. – Доставка продовольствия соболёвщиками. – В верховьях Имана. – Корейцы. – Кабарожья лудёва. – Удэгейцы. – Ночёвка в юрте. – Река Кулумбе. – Река Иман. – Удэгейская лодка. – Охотничий посёлок Сидатун и его обитатели. – Рабство

Спуск с Сихотэ-Алиня к западу был пологий, заваленный глыбами камней и поросший густым лесом. Небольшой ручей, которым мы спустились, привёл нас к реке Нанце. Она течёт с северо-востока вдоль хребта Сихотэ-Алинь и постепенно склоняется к северо-западу.

Долина Нанцы широкая, болотистая и покрыта густым хвойно-смешанным лесом.

Охотничья тропа проложена здесь частью по краю долины, частью по горам, которые имеют в этих местах вид размытых холмов.

По пути нам попалась юрта, сложенная из кедрового корья, с двускатной крышей, приспособленная под фанзу. Утомлённые двумя предшествующими ночами, мы стали около неё биваком и, как только поужинали, тотчас легли спать.

Двадцать третьего октября мы продолжали путь вниз по реке Нанце. На свежевыпавшем снегу был виден отчётливо каждый след. Тут были отпечатки ног лосей, кабарги, соболей, хорьков и т. д. Дерсу шёл впереди и внимательно их рассматривал.

Вдруг он остановился, посмотрел во все стороны и проговорил:

– Кого она боялась?

– Кто? – спросил я его.

– Кабарга, – ответил он.

Я посмотрел на следы и ничего особенного в них не заметил. Следы как следы, маленькие, частые...

Дерсу удивительно внимательно разбирался в приметах. Он угадывал даже душевное состояние животных. Достаточно было небольшой неровности в следах, чтобы он усмотрел, что животное волновалось.

Я просил Дерсу указать мне данные, на основании которых он заключил, что кабарга боялась. То, что рассказал он мне, было опять так просто и ясно. Кабарга шла ровным шагом, затем остановилась и пошла осторожней, потом шарханулась в сторону и побежала прыжками. На свежевыпавшем снегу все это видно как на ладони. Я хотел идти дальше, но Дерсу остановил меня.

– Погоди, капитан, – сказал он. – Наша надо посмотри, какой люди пугай кабаргу.

Через минуту он крикнул мне, что кабарга боялась собо-

ля. Я подошёл к нему. На большом поваленном дереве, занесённом снегом, действительно виднелись его следы. Видно было, что маленький хищник крался тихонько, прятался за сук, затем бросился на кабаргу. Потом Дерсу нашёл место, где кабарга валялась на земле. Капли крови указывали на то, что соболь прокусил ей кожу около затылка. Далее следы доказывали, что кабарге удалось сбросить с себя соболя. Она побежала дальше, а соболь погнался было за ней, но отстал, затем свернул в сторону и полез на дерево.

Чувствую, что, если бы я подольше походил с Дерсу и если бы он был общительнее, вероятно, я научился бы разбираться в следах если и не так хорошо, как он, то всё же лучше, чем другие охотники.

Многое Дерсу видел и молчал. Молчал потому, что не хотел останавливаться, как ему казалось, на всяких мелочах. Только в исключительных случаях, когда на глаза ему попадалось что-нибудь особенно интересное, он рассуждал вслух, сам с собой.

Километрах в двадцати пяти от Сихотэ-Алиня Нанца сливается с рекой Бейцой, текущей с севера. Отсюда собственно и начинается Кулумбе, которая должна была привести нас к Иману. Вода в реке стала уже замерзать, появились широкие забереги.

Без труда мы переправились на другую её сторону и пошли дальше.

Река Кулумбе течёт по широкой заболоченной долине в

направлении с востока на запад. Тропа всё время придерживается правой стороны долины. Лес, растущий в горах, исключительно хвойный, с большим процентом кедра, в болотистых низинах много замшистого сухостоя.

После полудня ветер стих окончательно. На небе не было ни единого облачка, яркие солнечные лучи отражались от снега, и от этого день казался ещё светлее. Хвойные деревья оделись в зимний наряд, отяжелевшие от снега ветви пригнулись к земле. Кругом было тихо, безмолвно. Казалось, будто природа находилась в том дремотном состоянии, которое, как реакция, всегда наступает после пережитых треволнений.

Из царства пернатых я видел здесь большеклювых ворон, красноголовых желн, пёстрых дятлов и поползней. Раза два мы вспугивали белых крохалей, с чёрной головой и с красным носом. Птицы эти остаются на зимовку в Уссурийском крае и приобретают белую защитную окраску. Сплошь и рядом мы замечали их только тогда, когда подходили к ним вплотную.

Следует ещё упомянуть об одной симпатичной птичке, которая за свой игривый нрав заслужила у казаков название «веселушка». Это оляпка. Она величиной с дрозда и всегда держится около воды. Одна из них подпустила меня очень близко. Я остановился и стал за ней наблюдать. Оляпка была настороже, часто поворачивалась, кричала и в такт голо-са покачивала своим хвостиком, но затем вдруг бросилась в

воду и нырнула. Туземцы говорят, что она свободно ходит по дну реки, не обращая внимания на быстроту течения. Вынырнув на поверхность и увидев людей, оляпка с криком полетела к другой полынье, потом к третьей. Я следовал за ней до тех пор, пока река не отошла в сторону.

В другом месте мы спугнули даурского бекаса. Он держался около воды, там, где ещё не было снега. Я думал, что это отсталая птица, но вид у него был весёлый и бодрый. Впоследствии я часто встречал их по берегам незамерзших проток. Из этого я заключаю, что бекасы держатся в Уссурийском крае до половины зимы и только после декабря перекочёвывают к югу.

В этот день мы прошли 12 километров и остановились у фанзочки Сиу-фу. Высота этого места определяется в 560 метров над уровнем моря. Обитатели фанзы, китайцы, занимались ловлей лосей ямами.

Утром китайцы проснулись рано и стали собираться на охоту, а мы – в дорогу. Взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Надо было пополнить их. Я купил у китайцев немного буды и заплатил за это 8 рублей. По их словам, в этих местах пуд муки стоит 16 рублей, а чумиза 12 рублей. Ценятся не столько сами продукты, сколько их доставка.

За ночь река Кулумбе замёрзла настолько, что явилась возможность идти по льду. Это очень облегчило наше путешествие. Сильным ветром снег с реки смело. Лёд крепчал с

каждым днём. Тем не менее на реке было много ещё проталин. От них подымался густой туман.

Через каких-нибудь километров пять мы подошли к двум корейским фанзам. Хозяева их – два старика и два молодых корейца – занимались охотой и звероловством. Фанзочки были новенькие, чистенькие, они так мне понравились, что я решил сделать здесь днёвку.

После полудня два корейца стали собираться в тайгу для осмотра кабарожьей лудёвы.

Я пошёл вместе с ними.

Лудёва была недалеко от фанзы. Это была изгородь высотой 1,2 метра, сложенная из буреломного леса. Чтобы деревья нельзя было растащить, корейцы закрепляли их кольями.

Такие лудёвы ставятся всегда в горах на кабарожьих тропах. В изгороди местами оставляются проходы, а в них настораживаются верёвочные петли. Попав головой в петлю, испуганная кабарга начинает метаться, и чем сильнее бьётся, тем больше себя затягивает.

В осматриваемой лудёве было двадцать две петли. В четырёх из них корейцы нашли мёртвых животных – трёх самок и одного самца. Корейцы оттащили самок в сторону и бросили на съедение воронам. На вопрос, почему они бросили пойманных животных, корейцы ответили, что только одни самцы дают ценный мускус, который китайские купцы скупают у них по рублю за штуку. Что же касается до мяса, то и одного самца с них довольно, а завтра они поймают ещё

столько же. По словам корейцев, в зимний сезон они убивают до 125 кабарожек, из которых 75 процентов приходится на маток.

Грустное впечатление вынес я из этой экскурсии. Куда ни взглянешь, всюду наталкиваешься на хищничество. В недалёком будущем богатый зверем и лесами Уссурийский край должен превратиться в пустыню.

На следующий день мы нарочно выступили пораньше, чтобы наверстать то, что потеряли на днёвке. Одну из кабарожек, брошенных корейцами, мы взяли с собой.

От корейских фанз река Кулумбе течёт в широтном направлении с небольшим отклонением к югу. Тотчас за фанзами начинается гарь, которая распространяется далеко по долине и по горам. Заметно, что горы стали выше и склоны их круче.

Сплошные хвойные лесонасаждения теперь остались позади, а на смену им стали выступать тополь, ильм, берёза, осина, дуб, осокорь, клён и т. д. В горах замшистая ель и пихта сменились великолепными кедровыми лесами.

За день нам удалось пройти около 15 километров. В сумерки стрелки заметили в стороне на протоке одинокую юрту. Дым, выходящий из отверстия на крыше, указывал, что в ней есть люди. Около неё на стойках сушилось множество рыбы. Юрта была сложена из кедрового корья и прикрыта сухой травой. Она имела 3 метра в длину и 1,5 метра в высоту. Вход в неё был завешен берестяным пологом. На бере-

гу лежали две опрокинутые вверх дном лодки: одна большого размера, с каким-то странным носом вроде ковша, другая – лёгонькая, с заострёнными концами спереди и сзади. Русские называют её оморочкой.

Когда мы подошли поближе, две собаки подняли лай. Из юрты вышло какое-то человекоподобное существо, которое я сперва принял было за мальчишку, но серьга в носу изобличала в нём женщину. Она была очень маленького роста, как двенадцатилетняя девочка, и одета в кожаную рубашку длиной до колен, штаны, сшитые из выделанной изюбриной кожи, наколенники, разукрашенные цветными вышивками, такие же расшитые унты и красивые цветистые нарукавники. На голове у неё было белое покрывало.

Карие глаза, расположенные горизонтально, прикрывались сильно развитой монгольской складкой век, выдающиеся скулы, широкое переносье, вдавленный нос и узкие губы – всё это придавало её лицу выражение, чуждое европейцу: оно казалось плоским, пятиугольным и в действительности было шире черепа.

Женщина с удивлением посмотрела на нас, и вдруг на лице её изобразилась тревога. Какие русские могут прийти сюда? Порядочные люди не пойдут. «Это – чолдоны¹⁵²», – подумала она и спряталась обратно в юрту. Чтобы рассеять её подозрения, Дерсу заговорил с ней по-удэгейски и представил меня как начальника экспедиции. Тогда она успокоилась.

¹⁵² Так удэгейцы называют разбойников.

Этикет требовал, чтобы женщина не проявляла шумно своего любопытства. Она сдерживала себя и рассматривала нас тихонько, украдкой.

Юрта, маленькая снаружи, внутри была ещё меньше. В ней можно было только сидеть или лежать. Я распорядился, чтобы казаки ставили палатки.

Переход от окитаенных тазов на берегу моря к тазам, у которых ещё сохранилось так много первобытного, был очень резок.

Женщина молча принялась готовить ужин. Она повесила над огнём котёл, налила воды и положила в него две большие рыбины, затем достала свою трубку, набила её табаком и принялась курить, время от времени задавая Дерсу вопросы.

Когда ужин был готов, пришёл сам хозяин. Это был мужчина лет тридцати, сухощавый, среднего роста. Одет он был тоже в длинную рубашку, подвязанную пояском так, что получался напуск в талии. По всему правому борту рубашки, вокруг шеи и по подолу тянулась широкая полоса, покрытая узорными вышивками. На ногах у него были надеты штаны, наколенники и унты из рыбьей кожи, а на голове белое покрывало и поверх него маленькая шапочка из козьего меха с торчащим кверху беличьим хвостиком. Красное, загорелое лицо, пестрота костюма, беличий хвостик на головном уборе, кольца и браслеты на руках делали этого дикаря похожим на краснокожего. Впечатление это ещё более усилилось, когда он, почти не обращая на нас внимания, сел у огня и мол-

ча стал курить свою трубку.

Этикет требовал, чтобы гости первыми нарушили молчание. Дерсу знал это и потому спросил его о дороге и о глубине выпавшего снега. Разговор завязался. Узнав, кто мы и откуда идём, удэгеец сказал, что ему известно было, что мы должны спуститься по Иману, – об этом он услышал от своих сородичей, живущих ниже по реке, – и что там, внизу, нас давно уже ожидают. Это известие очень меня удивило.

Вечером жена его осмотрела нашу одежду, починила её, где надо, и взамен изношенных унтов дала новые. Хозяин дал мне для подстилки медвежью шкуру, сверху я покрылся одеялом и скоро уснул.

Ночью я проснулся от страшного холода. Сбросив с головы одеяло, я увидел, что огня в юрте нет. В очаге тлело только несколько угольков. Через отверстие в крыше виделось тёмное небо, усеянное звёздами. С другой стороны юрты раздавался храп. Очевидно, ложась спать, удэгейцы, во избежание пожара, нарочно погасили огонь. Я попробовал было плотнее завернуться в одеяло, но ничто не помогло – холод проникал под каждую складку. Я поднялся, зажёл спичку и посмотрел на термометр, он показывал – 17 °С. Тогда я оторвал часть своей берестяной подстилки, положил её на огонь и стал раздувать уголья. Через минуту вспыхнуло пламя. Собрав разбросанные головешки к огню, я оделся и вышел из юрты. В стороне под покровом палатки спали мои стрелки, около них горел костёр. Я погрелся у огня и хотел

уже было пойти назад в юрту, но в это время увидел в стороне, около реки, отсвет другого костра. Здесь, внизу, под яром, я нашёл Дерсу. Водой подмыло берег, сверху нависла большая дерновина, под ней образовалось нечто вроде ниши. В этом углублении он устроил себе ложе из травы, а впереди разложил огонь. Во рту у Дерсу была трубка, а рядом лежало ружьё. Я разбудил его. Гольд вскочил и, думая, что проспал, начал спешно собирать свою котомку.

Узнав, в чём дело, он тотчас же уступил мне своё место и сам поместился рядом. Через несколько минут здесь, под яром, я находился в большем тепле и спал гораздо лучше, чем в юрте на шкуре медведя.

Проснулся я тогда, когда все были уже на ногах. Бочкарёв варил кабарожье мясо. Когда мы стали собираться, удэгеец тоже оделся и заявил, что пойдёт с нами до Сидатуна.

За утренним чаем Г. И. Гранатман заспорил с Кожевниковым по вопросу, с какой стороны ночью дул ветер. Кожевников указывал на восток, Гранатман – на юг, а мне казалось, что ветер дул с севера. Мы не могли столкнуться и потому обратились к Дерсу. Гольд сказал, что направление ветра ночью было с запада. При этом он указал на листья тростника. Утром с восходом солнца ветер стих, а листья так и остались загнутыми в ту сторону, куда их направил ветер.

От юрты тропа стала забирать к правому краю долины и пошла косогородами на север, потом свернула к юго-западу.

Километров через десять мы опять подошли к реке Ку-

лумбе, которая здесь разбивается на протоки и достигает ширины до 2,4 и глубины по фарватеру до 1,8 метра.

В этот день мы прошли немного. По мере того как уменьшались взятые с собой запасы продовольствия, котомки делались легче, а нести их становилось труднее: ляжки сильно резали плечи, и я заметил, что не я один, а все чувствовали это.

От холодного ветра снег стал сухим и рассыпчатым, что в значительной степени затрудняло движение. В особенности трудно было подниматься в гору: люди часто падали и съезжали книзу. Силы были уже не те, стала появляться усталость, чувствовалась потребность в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная днёвка.

Около реки мы нашли ещё одну пустую юрту. Казаки и Бочкарёв устроились в ней, а китайцам пришлось спать снаружи, около огня. Дерсу сначала хотел было поместиться вместе с ними, но, увидев, что они заготавливали дрова, не разбирая, какие попадались под руку, решил спать отдельно.

– Понимай нету, – говорил он. – Моя не хочу рубашка гори. Надо хорошие дрова искать.

Пустая юрта, видимо, часто служила охотникам для ночёвок. Кругом неё весь сухой лес давно уже был вырублен и пожжен. Дерсу это не смутило. Он ушёл поглубже в тайгу и издалека приволок сухой ясень. До самых сумерек он таскал дрова, и я помогал ему, сколько мог. Зато всю ночь мы спали хорошо, не опасаясь за палатку и за одежду.

Багровая заря вечером и мгла на горизонте перед рассветом были верными признаками того, что утром будет мороз. Так оно и случилось. Солнце взошло мутное, деформированное. Оно давало свет, но не тепло. От диска его кверху и книзу шли яркие лучи, а по сторонам были светящиеся радужные пятна, которые на языке полярных народов называются «ушами солнца».

Удэгеец, сопровождавший нас, хорошо знал эти места. Он находил тропы там, где надо было сократить дорогу. Не доходя двух километров до устья Кулумбе, тропа свернула в лес, которым мы шли ещё около часа. Вдруг лес сразу кончился и тропа оборвалась. Перед нами была река Иман.

Теперь бросим беглый взгляд назад, на реку Кулумбе. Длина её около 60 километров. Направление течения строго широтное. Вверху она слагается из трёх рек: Бейцы, Нанцы и Санцазы¹⁵³. По Бейце в два дня можно достигнуть перевала на Арму, а по Санцазе – в три дня до Санхобе. С правой стороны Кулумбе принимает в себя реку Ян-ху¹⁵⁴, а с левой – Дананцу с шестью зверовыми фанзами. По этой последней в три дня китайцы выходят к истокам реки Санхобе. Ещё ниже слева будет река Дабейца («большой северный приток») с перевалом на реку Нэйкуля (приток Арму).

Этот путь измеряется двумя переходами. Последними кулумбейскими притоками в нижнем течении будут реки Сяо-

¹⁵³ Сан-га-цзы – тройной распадок.

¹⁵⁴ Ян-ху – переполненное озеро.

бейца¹⁵⁵ и Сяонанца¹⁵⁶.

По всей долине Кулумбе развиты глинистые сланцы, которые продолжают и дальше по Иману. Все древнеречные террасы состоят именно из этой породы. Весьма возможно, что сланцы эти придётся отнести к архейским.

Леса по реке Кулумбе такие же, как и в верховьях Имана: в горах растёт кедр с большой примесью ели, а по долине – лиственница, белая берёза, осина, ива, ольха, клён, пихта, липа, ясень, тополь, ильм и черёмуха, встречается и тис, но одиночными деревьями.

На старинных картах, составленных в 1854 году, река эта значится под именем Нимана. Слово это маньчжурское и означает «горный козёл». Отсюда легко могло получиться и другое слово – «Иман». Удэгейцы называют её сокращённо Има, а китайцы к этому названию прибавляют ещё слово «хе» (река) – «Има-хе».

Кулумбе встречает Иман уже большой рекой, шириной в 100 метров, глубиной в 3 метра, при быстроте течения 8 километров в час в малую воду. Долина Имана слагается из участков денудационных и тектонических, чередующихся между собою. Первые имеют широтное направление, вторые – меридиональное. Продолжением иманских денудационных долин будут долины притоков Тхетибе, Арму и Кулумбе.

¹⁵⁵ Сяо-бэй-ча – малое северное разветвление.

¹⁵⁶ Сяо-нан-ча – малое южное разветвление.

Иман ещё не замёрз и только по краям имел забереги. На другом берегу, как раз против того места, где мы стояли, копошились какие-то маленькие люди. Это оказались удэгейские дети. Немного дальше, в тальниках, виднелась юрта и около неё амбар на сваях. Дерсу крикнул ребятишкам, чтобы они подали лодку. Мальчики испуганно посмотрели в нашу сторону и убежали. Вслед за тем из юрты вышел мужчина с ружьём в руках. Он перекинулся с Дерсу несколькими словами и затем переехал в лодке на нашу сторону.

Удэгейская лодка – длинный плоскодонный челнок, настолько лёгкий, что один человек может без труда вытащить её на берег. Передняя часть его тупая, но дно выдаётся вперёд, оно расширено и загнуто кверху, так что получается нечто вроде ковша или лопаты, вследствие чего вся лодка кажется несуразной. Благодаря такой конструкции она не разрезает воду, а, так сказать, взбирается на неё. Имея центр тяжести высоко поднятый, она кажется очень валкой. Когда мы вошли в лодку, она так закачалась, что я невольно ухватился руками за борта. Но как только мы успокоились и отчалили от берега, я убедился, насколько она была устойчива. Удэгеец управлял ею при помощи длинного шеста, стоя на ногах. Сильными толчками он продвигал лодку против воды, течение относило её в сторону и постепенно прибывало к противоположному берегу.

Наконец мы пристали к тому месту, где была юрта, и высадились на лёд. Навстречу нам вышли женщина и трое ребятшек. Они испуганно прятались за свою мать. Пропустив нас, женщина тоже вошла в юрту, села на корточки у огня и закурила трубку, а дети остались на улице и принялись укладывать рыбу в амбар. В юрте было множество щелей. В них свистел ветер. Посредине помещения горел огонь. Время от времени ребятшки забегали в юрту и грели у огня свои озябшие ручонки. Я удивлялся, как легко они были одеты: с открытой грудью, без рукавиц и без головного убора, они работали и, казалось, нимало не страдали от стужи. Если какой-нибудь из них дольше других засиживался у огня, отец прикрикивал на него и выгонял вон.

– Он озяб, – сказал я Дерсу и просил его перевести слова мои удэгейцу.

– Пусть привыкает, – отвечал тот, – иначе умрёт с голоду.

С этим нельзя было не согласиться. Кому приходится иметь дело с природой и пользоваться дарами её в сыром виде, надо быть в общении с ней даже тогда, когда она не ласкает.

Я принялся расспрашивать удэгейца об Имане и узнал, что в верхнем течении река имеет направление течения параллельно Сихотэ-Алиню, причём истоки её находятся на высоте истоков Тютихе. Странное явление! Вода сбегает с водораздела в каких-нибудь 60 километрах от моря, течёт на

запад, совершает длинный кружной путь для того, чтобы в конце концов попасть в то же море.

Верховья Имана покрыты густыми смешанными лесами. Трудно себе представить местность более пустынную и дикую. Только в начале зимы она немного оживает. Сюда перекочёвывают прибрежные китайцы для соболевания, но долго не остаются: они боятся быть застигнутыми глубокими снегами и потому рано уходят обратно.

Расспросив удэгейцев о дороге, мы отправились дальше и очень скоро дошли до того места, где Иман поворачивает на северо-запад. Здесь в углу с левой стороны примыкает к реке большая поляна. Она длиной пять километров и шириной около двух километров. В конце её находятся четыре фанзы. Это и есть китайский охотничий посёлок Сидатун¹⁵⁷. На другой стороне Имана живут удэгейцы (пять семейств) в трёх юртах. У них я и остановился.

На Сидатуне мы простояли с 27 по 30 октября. За это время я успел осмотреть посёлок и ознакомиться со всеми его обитателями. Это были большею частью различные преступники, беглые, уклоняющиеся от суда, и искатели приключений, бурные страсти которых не знали пределов. Они ничего не делали, курили опий, пили водку, играли в кости, ссорились и ругались между собой. Обитатели каждой фанзы делились на три группы: хозяев, работников и бездельников, живущих на средства, добытые грабежами и убийствами. Я

¹⁵⁷ Си-цзя-тунь – военный посёлок Си-цзя.

вспомнил Чжан Бао. Он предупреждал меня не доверяться китайцам на Сидатуне.

Как и везде, местное туземное население находилось в полном порабощении. Не имея никакого понятия о письменности, удэгейцы совершенно не знали, кто из них сколько должен китайцам. Тут можно было видеть рабство в буквальном смысле этого слова. Так, например, удэгеец Си Ба-юн за то, что к указанному сроку не доставил определённого числа соболей, был так избит палками, что на всю жизнь остался калекой. Жену и дочь у него отобрали, а самого его продали за 400 рублей в качестве бесплатного работника другому китайцу.

Наблюдая всё это, я горел негодованием. Но что могли сделать мы вшестером, находясь среди хорошо вооружённых людей? Я обещал помочь удэгейцам тотчас, как только возвращусь в Хабаровск.

Тридцать первого числа морозы заметно усилились, по реке плыл лёд. Несмотря на это, удэгейцы решили везти нас на лодке, сколько это будет возможно.

Глава 28

Тяжёлое положение

Плавание по Иману. – Пороги. – Ледоход. – Крушение лодки. – Река Арму. – Река Синанца. – Голодовка. – Остатки медвежьей трапезы. – Лапша из кожи. – Утомление. – Ли Тан-куй. – Ночное приключение в Сянь-ши-хеза. – Волнение удэгейцев. – Стойбище Вагунбе. – Восстание инородцев. – Пение шамана

Первого ноября рано утром мы покинули Сидатун и поплыли вниз по Иману.

К плаванию по горным рекам туземцы привыкают с детства. Надо далеко смотреть вперёд, надо знать, где следует придержать лодку, где повернуть её носом против воды или, наоборот, разогнать елико возможно и проскочить опасное место. Всё это надо учитывать и быстро принимать соответствующие меры. Малейший промах – и лодка, подхваченная быстрым течением, в один миг будет разбита о камни. На порогах вода находится в волнении, лодка качается, и потому сохранять равновесие в ней ещё труднее. Для нас трудность плавания увеличилась ещё тем, что по реке плыл лёд и фарватер её был стеснён заберегами. Льды заставляли плыть не там, где нам хотелось, а там, где это было возможно. Особенно это было заметно в тех случаях, когда порог находился

на месте поворота. Чем больше увеличивались забереги, тем быстрее становилось течение посредине реки.

От Сидатуна долина Имана носит резко выраженный денудационный характер. Из мелких притоков её в этом месте замечательны: с правой стороны Дандагоу¹⁵⁸ (с перевалом на Арму), потом – Хуангзегоу¹⁵⁹ и Юпигоу¹⁶⁰, далее – Могедзгоу¹⁶¹ и Туфангоу¹⁶².

Немного ниже Сидатуна можно наблюдать высокие древнеречные террасы, слагающиеся из сильно перемятых глинистых сланцев, среди которых попадаются слои красновато-бурых песчаников с прожилками кварца. За террасами километрах в десяти от реки высится гора Яммудинзцы¹⁶³. По рассказам удэгейцев, китайцы тайком моют там золото.

По пути около устьев рек Мацангоу¹⁶⁴, Сыфангоу¹⁶⁵ и Гадала виднелись пустые удэгейские летники. В некоторых местах рыба ещё не была убрана. Для укарауливания её от ворон туземцы оставили собак. Последние несли сторожевую службу очень исправно. Каждый раз, как только показыва-

¹⁵⁸ Дунь-да-гоу – большая восточная долина.

¹⁵⁹ Хуа-цзянь-гоу – долина, в которой много цветов.

¹⁶⁰ Ю-пи-гоу – долина рыбьей кожи.

¹⁶¹ Мо-чу-цзы-гоу – долина, где растёт много грибов.

¹⁶² Ту-фан-гоу – долина с домами из земли.

¹⁶³ Ян-му-дин-цзы – тополевая вершина.

¹⁶⁴ Ма-чан-гоу – долина с пастбищами для лошадей.

¹⁶⁵ Сы-фан-гоу – четырёхугольная долина.

лись пернатые воровки, они бросались на них с лаем и отгоняли прочь.

Леса, растущие по Иману, превосходного качества. В горах преимущественно кедровики и пихтачи, в долине преобладают лиственные породы.

На Имане, как на всех горных речках, много порогов. Один из них, тот самый, который находится на половине пути между Сидатуном и Арму, считается самым опасным. Здесь шум воды слышен ещё издали, уклон дна реки заметен прямо на глаз. С противоположного берега нависла скала. Вода с пеной бьёт под неё. От брызг она вся обмёрзла.

Удэгейцы задержали лодку и посоветовались между собой, затем поставили её поперёк воды и тихонько стали спускать по течению. В тот момент, когда сильная струя воды понесла лодку к скале, они ловким толчком вывели её в новом направлении. По глазам удэгейцев я увидел, что мы подверглись большой опасности. Спокойнее всех был Дерсу. Я поделился с ним своими впечатлениями.

– Ничего, капитан, – отвечал он мне. – Удэгей все равно рыба. Шибко хорошо понимай в лодке ходи. Наша так не могу.

Чем дальше, тем плыть было труднее. Льдов становилось больше, забереги делались шире.

Вся эта часть Имана покрыта хвойно-смешанным лесом, на островах преобладают лиственные породы с примесью строевого кедра, а по берегам реки и по галечниковым отме-

лям – заросли тальника, дающего неисчерпаемый материал туземцам для лыж, юрт, острог, нарт и т. д.

На лодках нам удалось проехать немного. Начавшая с утра хмуриться погода опять разразилась пургой. Удэгейцы очень искусно лавировали между льдами, отталкивая их в сторону шестами.

За рекой Гадала Иман делает крутой поворот. Здесь скопилось много плавучего льда. Посередине шёл узкий проход. Был ли он сквозной или замыкался – этого не знали наши проводники. Удэгейцы задержали лодку и обратились ко мне с вопросом, рисковать или нет. Путешествие с котомкой на плечах до того надоело, что я решил попытать счастья. Дерсу начал было меня отговаривать, но я не согласился с ним, думая, что в случае неудачи нам всё же удастся выбраться на берег. Стоять на одном месте долго было нельзя. Мы тронулись вперёд, но не успели сделать и 40 метров, как увидели, что проход был закрыт. Дальше шёл сплошной лёд. Подходить к нему вплотную было опасно. Если нашу тяжело нагруженную лодку течение прижало бы ко льду, она сразу наполнилась бы водой. Надо было спешно выходить назад, но это оказалось не так просто. Повернуть лодку в узком проходе тоже было нельзя. Пришлось двигаться кормой против воды. Как на грех, мы находились на самом фарватере, и шесты едва доставали дно. С большими усилиями мы прошли половину. Вдруг один удэгеец что-то закричал. По тревожному тону его голоса я понял, что нам грозит опасность, и огля-

нулся назад. Навстречу нам неслась огромная льдина. Она должна была закупорить проход раньше, чем мы успеем из него выйти. Удэгейцы напрягли все свои силы, но льдина не ждала. Она с шумом ударилась об один край прохода и затем о другой. В это время случилось ещё худшее – то, чего мы вовсе не ожидали. От сильных толчков все льды пришли в движение. Проход начал суживаться.

– Лёд скоро лодку ломай! – закричал Дерсу не своим голосом. – Скорей надо ходи!

Он выскочил из лодки и по плавучему льду побежал к берегу, таща за собой верёвку. Раза два он проваливался, но скоро опять взбирался на лёд. К счастью, до берега было недалеко. Следуя его примеру, выскочили и казаки. Кожевников и Бочкарёв достигли берега благополучно, но Мурзин провалился. Он начал карабкаться на льдину, но она перевернулась. Чем больше он карабкался, тем глубже погружался в воду. Ещё минута, и он опустился бы на дно. Тогда на выручку ему бросился Дерсу. Был момент, когда он сам мог погибнуть. В это время я вместе с орочами перебирался с одной льдины на другую. Мы тащили лодку и в то же время держались за неё. К счастью, нос лодки скоро оказался вблизи Дерсу и Мурзина, и это спасло их обоих. Лодка опять загрузла. Она стала поперёк реки, и её повлекло по течению вместе со льдом. Тогда мы стали бросать на берег наши котомки и затем вылезли сами. Через несколько минут лодку прижало к утёсу. словно живое существо, она некоторое

время ещё сопротивлялась льдам и вздрагивала, потом вдруг треснула и сломалась пополам. Раздался ещё один хруст, из воды показался один обломок, и затем всё исчезло.

Выбравшись на берег, первое, что мы сделали, – разложили костёр. Надо было обсушиться. Кто-то подал мысль, что следует согреть чай и поесть. Начали искать мешок с продовольствием, но его не оказалось. Не досчитались также одной винтовки. Нечего делать, мы закусили тем, что было у каждого в кармане, и пошли дальше. Удэгейцы говорили, что к вечеру мы дойдём до фанзы Сехозегоуза. Там в амбаре они надеялись найти мороженую рыбу.

В сумерки мы действительно дошли до фанзы. Она оказалась пустой. В амбаре её казаки нашли две сухие рыбыны. Пришлось довольствоваться этим скудным ужином.

От горного ключа Таухомиору¹⁶⁶ Иман поворачивает на северо-запад и делает большую петлю. Здесь он принимает в себя с правой стороны один из самых больших своих притоков – Арму. Река эта длиной более 160 километров, имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, на широте мыса Арак. В верховьях она слагается из трёх речек, каждая длиной километров по тридцать. От места слияния их Арму направляется на запад, потом круто поворачивает на север, затем склоняется к юго-западу и наконец в нижнем течении снова принимает широтное направление. Уже из этой схемы видно, что долина Арму состоит из ряда продольных и поперечных долин.

¹⁶⁶ Да-у-хэ-ми-гоу – густо заросшая долина на пятой большой реке.

Последние являются наиболее извилистыми. Некоторые извилины описывают почти полную окружность.

При знании местности зимой можно пользоваться перешейками и значительно сокращать дорогу.

Ширина Арму в нижнем течении около 80 метров, глубина от 2 до 3 метров, быстрота течения 10 километров в час. В долине Арму сильно развиты речные террасы. Особенно их много в среднем течении реки, преимущественно с левой стороны. Террасы эти высотой до 10 метров; основание их массивное и состоит из плотных глинистых сланцев, поверх которых лежит мощный слой наносного обломочного материала.

В двух километрах от устья её с правой стороны издавна живут удэгейцы. Стойбище их состоит из четырёх фанз. В 1906 году их тут было только 15 человек обоёго пола. В одном переходе от Арму, ниже по Иману, есть другое удэгейское стойбище, Лаолю, с населением в восемь человек. Лаолю представляет собой поляну с правой стороны реки длиной 4 километра и шириной 1,5 километра.

После принятия в себя Арму Иман вдруг суживается и течёт без протоков в виде одного русла шириной от 80 до 100 метров, отчего быстрота течения его значительно увеличивается. Здесь горы подходят вплотную к реке и теснят её то с одной, то с другой стороны. На всём этом протяжении преобладающая горная порода – все те же глинистые сланцы.

От места нашей стоянки до Арму, по словам проводни-

ков, было три дня хода. Но можно сократить расстояние, если пересечь иманскую петлю напрямик горами. Тогда можно выйти прямо к местности Сянь-ши-хеца, находящейся ниже Арму по течению километров на пятьдесят. Ввиду недостатка продовольствия сокращение пути теперь было особенно важно. Удэгейцы обещали проводить нас до того места, где нужно было свернуть с Имана.

На следующий день к полудню, 2 ноября, мы дошли до реки Хутадо, текущей по кривой от запада к югу. По ней нам надлежало подняться до перевала через горный хребет, являющийся причиной петли Имана. Эта речка длиной 3,5 километра. Подъём на хребет и спуск с него – одинаковой крутизны, приблизительно в 30 градусов, а высота перевала относительно Имана равна 350 метрам.

Теперь перед нами было два ключа: один шёл к северу, другой – к западу. Нам, вероятно, следовало идти по правому, но я по ошибке взял северное направление. Сейчас же за перевалом мы стали на биваке, как только нашли дрова и более или менее ровное место.

Утром 3 ноября мы съели последнюю юколу и пошли в путь с лёгкими котомками. Теперь единственная надежда осталась на охоту. Поэтому было решено, что Дерсу пойдёт вперёд, а мы, чтобы не пугать зверя, пойдём сзади шагах в трёхстах от него. Наш путь лежал по неизвестной нам речке, которая, насколько это можно было видеть с перевала, текла на запад.

Мы все надеялись, что Дерсу убьёт что-нибудь, но напрасно. Выстрелов не было слышно. После полудня долина расширилась. Здесь мы нашли маленькую, едва заметную тропинку. Она шла влево на север, пересекая кочковатое болото. Голод давал себя чувствовать. Все шли молча, никто не хотел разговаривать. Вдруг я увидел Дерсу: он тихонько перешёл с места на место, нагибался и что-то подбирал с земли. Я окликнул его. Он махнул мне рукой.

– Ты что нашёл? – спросил его Г. И. Гранатман.

– Медведь кушай рыбу, – отвечал он, – голова бросай, моя подбирай.

В самом деле, на снегу валялось много рыбьих голов. Видно было, что медведи приходили сюда уже после того, как выпал снег.

«На безрыбье и рак рыба». Во время голодухи можно покормиться и медвежьими объедками. Все дружно принялись за работу, и через четверть часа у людей все карманы были набиты рыбьими головами.

Увлечённые работой, мы не заметили, что маленькая долина привела нас к довольно большой реке. Это была Синанца с притоками Даягоу¹⁶⁷, Маягоу¹⁶⁸ и Пилигоу¹⁶⁹. Если верить удэгейцам, то завтра к полудню мы должны будем дойти до Имана.

¹⁶⁷ Да-я-гоу – большая утиная долина.

¹⁶⁸ Ма-и-гоу – муравьиная долина.

¹⁶⁹ Пи-ли-гоу – долина груш.

Перейдя на другую сторону реки, мы устроили бивак в густом хвойном лесу. Какими вкусными нам показались рыбы головы! Около некоторых голов было ещё много мяса, такие головы были счастливыми находками. Мы разделили их поровну между собой и поужинали вкусно, но несытно.

Ночью температура сильно понизилась, но так как в дровах не было недостатка, то мы спали хорошо.

Утром 4 ноября мы встали голодными.

Теперь путь наш лежал вниз по реке Синанце. Она течёт по широкой межскладчатой долине в меридиональном направлении с некоторым склонением на восток. Река эта очень извилиста. Она часто разбивается на протоки и образует многочисленные острова, поросшие тальниками. Ширина её 40–50 метров и глубина 3,6–4,5 метра. Леса, растущие по обеим сторонам реки, смешанные, со значительным преобладанием хвой.

Я заметил, что в этих местах снега было гораздо больше, чем на реке Кулумбе. Глубина его местами доходила почти до колен. Идти по такому снегу было трудно. В течение часа удавалось сделать километра два, не больше.

Расчёт на охоту не оправдался, не оправдались также надежды найти опять рыбы головы. Казак Кожевников один раз видел кабаргу и стрелял в неё, но промахнулся.

Судя по времени, мы уже должны были дойти до Имана. За каждым поворотом я рассчитывал увидеть устье Синанцы, но дальше шёл лес, потом опять поворот, опять лес и т. д.

В сумерки мы достигли маленького балагана, сложенного из корья. Я обрадовался этой находке, но Дерсу остался ею недоволен. Он обратил моё внимание на то, что вокруг балагана были следы костров. Эти костры и полное отсутствие каких бы то ни было предметов таёжного обихода свидетельствовали о том, что балаган этот служит путникам только местом ночёвок и, следовательно, до реки Иман было ещё не менее перехода.

Голод сильно мучил людей. Тоскливо сидели казаки у огня, вздыхали и мало говорили между собой. Я несколько раз принимался спрашивать Дерсу о том, не заблудились ли мы, правильно ли мы идём. Но он сам был в этих местах первый раз, и все его соображения основывались лишь на догадках. Чтобы как-нибудь утолить голод, казаки легли раньше спать. Я тоже лёг, но мне не спалось. Беспокойство и сомнения мучили меня всю ночь.

Утром Дерсу проснулся раньше всех и разбудил меня. Снова появились опасения за предстоящий путь. Надо идти, пока ещё есть возможность, пока ещё двигаются ноги. Но едва мы тронулись в путь, как я почувствовал, что силы уже не те: котомка показалась мне вдвое тяжелее, чем вчера, через каждые полкилометра мы садились и отдыхали. Хотелось лежать и ничего не делать. Плохой признак. Так пробились мы до полудня и прошли очень мало. Не было сомнения, что при таких условиях дойти до Имана нам не удастся и сегодня. По пути мы раза два стреляли мелких птиц и уби-

ли трёх поползней и одного дятла, но что значили эти птицы для пяти человек!

Между тем погода начала хмуриться, небо опять заволокло тучами. Резкие порывы ветра подымали снег с земли. Воздух был наполнен снежной пылью, по реке кружились вихри. В одних местах ветром совершенно сдуло снег со льда, в других, наоборот, намело большие сугробы. За день все сильно прозябли. Наша одежда изнасилась и уже не защищала от холода.

С левой стороны высилась скалистая сопка. К реке она подходила отвесными обрывами. Здесь мы нашли небольшое углубление вроде пещеры и развели в нём костёр. Дерсу повесил над огнём котелок и вскипятил воду. Затем он достал из своей котомки кусок изюбровой кожи, опалил её на огне и стал ножом мелко крошить, как лапшу. Когда кожа была изрезана, он высыпал её в котелок и долго варил. Затем он обратился ко всем со следующими словами:

– Каждый люди надо кушай. Брюхо обмани. Силы мало-мало прибавляй. Потом надо скоро ходи. Отдыхать не могу. Тогда сегодня, солнце кончай, наша Иман найди есть.

Уговаривать никого не нужно было. Каждый готов был глотать всё, что угодно. Хотя кожа варилась долго, но она была всё же настолько тверда, что не поддавалась зубам. Дерсу не советовал есть много и останавливал жадных, говоря:

– Не надо много есть – худо!

Через полчаса мы снялись с привала. Действительно, съе-

денная кожа хотя и не утолила голода, но дала желудку механическую работу. Каждый раз, как кто-нибудь отставал, Дерсу начинал ругаться.

День уже кончился, а мы все шли. Казалось, что реке Си-нанце и конца не будет. За каждым поворотом открывались всё новые и новые плёсы. Мы еле волочили ноги, шли, как пьяные, и если бы не уговоры Дерсу, то давно стали бы на бивак.

Часов в шесть вечера появились первые признаки близости жилья: следы лыж и нарт, свежие порубки, пилёные дрова и т. д.

– Иман далеко нету, – сказал Дерсу довольным голосом.

Все почувствовали прилив энергии и пошли бодрее. Как бы в ответ на его слова впереди послышался отдалённый собачий лай. Ещё один поворот, и мы увидели огоньки. Это было китайское селение Сянь-ши-хеза¹⁷⁰.

Через четверть часа мы подходили к посёлку. Я никогда не уставал так, как в этот день. Дойдя до первой фанзы, мы вошли в неё и не раздеваясь легли на кан.

Естественно, что наше появление вызвало среди китайцев тревогу. Хозяин фанзы волновался больше всех. Он тайком послал куда-то рабочих. Спустя некоторое время в фанзу пришёл ещё один китаец. На вид ему было лет тридцать пять. Он был среднего роста, коренастого сложения и с типично выраженными монгольскими чертами лица. Наш но-

¹⁷⁰ Сянь-ши-хэ-цзы – ароматная речка.

вый знакомый был одет заметно лучше других. Держал он себя очень развязно и имел голос крикливый. Он обратился к нам на русском языке и стал расспрашивать, кто мы такие и куда идём.

Речь его была чистая, правильная, нековерканная, слова свои он часто пересыпал русскими пословицами. Затем он стал уговаривать нас перейти к нему в фанзу, назвал себя Ли Тан-куем, сыном Лу Чин-фу, говорил, что его дом лучший во всём посёлке, а фанза, в которой мы остановились, принадлежит бедняку и т. д. Затем он вышел на улицу и о чём-то долго шептался с хозяином фанзы. Последний подошёл ко мне и тоже стал просить, чтобы мы перешли к Ли Тан-кую. Нечего делать, пришлось уступить. Откуда-то взялись рабочие, которые успели уже перенести наши вещи. Когда мы шли по тропе, Дерсу вдруг тихонько дёрнул меня за рукав и сказал:

– Его шибко хитрый люди. Моя думай, его обмани хочу. Сегодня моя спи не буду.

Мне самому китаец этот казался подозрительным и очень не нравились его заискивания и фамильярность.

Селение Сянь-ши-хеца расположено на правом берегу Имана. На другом конце поляны около леса находилось брошенное удэгейское стойбище, состоявшее из восьми юрт. Все удэгейцы в числе 65 человек (21 мужчина, 12 женщин и 32 детей) бросили свои жилища и ушли на Вагунбе.

Минут через пять мы подошли к дому Ли Тан-куя. Вокруг

него стояло несколько фанз для рабочих и охотников, а за ними виднелись амбары, кузница, сарай, конюшня и т. д. Мы вошли. Хозяин хотел было меня и Гранатмана поместить в своей комнате, но я настоял на том, чтобы казаки и Дерсу ночевали вместе со мной. После этого Ли Тан-куй принялся нас угощать. Каким вкусным показался нам чай с лепёшками, испечёнными на бобовом масле! На время мы даже забыли свои подозрения. Когда я утолил первые признаки голода, опасения появились вновь. Ли Тан-куй хотя и угощал нас, но в этом угощении не было радушия: в каждом движении его сквозила какая-то задняя мысль. Дерсу всё время осторожно следил за ним. Я решил тоже не спать, но не в силах был преодолеть усталость. После ужина я почувствовал, что веки мои слипаются сами собой; незаметно для себя я погрузился в глубокий сон.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Я быстро вскочил на ноги. Рядом со мной сидел Дерсу. Он сделал мне знак, чтобы я не шумел, и затем рассказал, что Ли Тан-куй давал ему деньги и просил его уговорить меня не ходить к удэгейцам на Вагунбе, а обойти юрты их стороной, для чего обещал дать специальных проводников и носильщиков. Дерсу отвечал ему, что это не от него зависит. После этого он, Дерсу, лёг на кан и притворился спящим. Ли Тан-куй выждал, когда, по его мнению, Дерсу уснул, тихонько вышел из фанзы и куда-то уехал верхом на лошади.

– Надо наша завтра на Вагунбе ходи. Моя думай, там что-

то худо есть, – закончил он свой рассказ.

В это время снаружи слышался конский топот. Мы сунулись на свои места и притворились спящими. Вошёл Ли Тан-куй. Он остановился в дверях, прислушался и, убедившись, что все спят, тихонько разделся и лёг на своё место. Вскоре я опять заснул и проснулся уже тогда, когда солнце было высоко на небе.

Проснулся я от какого-то шума и спросил, что случилось. Казаки доложили мне, что к фанзе пришло несколько человек удэгейцев. Я оделся и вышел к ним на улицу. Меня поразила та неприязнь, с какой они на меня смотрели.

После чая я объявил, что пойду дальше. Ли Тан-куй стал уговаривать меня, чтобы я остался ещё на один день, обещал заколоть чушку и т. д. Дерсу в это время подмигнул мне, чтобы я не соглашался. Тогда Ли Танкуй начал навязывать своего проводника, но я отказался и от этих услуг. Как ни хитрил Ли Тан-куй, но обмануть ему нас так и не удалось.

От Сянь-ши-хезы тропа идёт по правому берегу реки у подножия высоких гор. Километра через два она опять выходит на поляну, которую местные китайцы называют Хо-зенгоу¹⁷¹. Поляна эта длиной 5 километров и шириной от 1 до 3 километров.

Все иманские китайцы хорошо вооружены и живут очень зажиточно. Они относились к нам крайне враждебно. На мои вопросы о дороге и о численности населения они отвечали

¹⁷¹ Ло-цзы-гоу – долина, имеющая форму лемеха плуга.

грубо: «Бу чжи дао» (не знаю), а некоторые говорили прямо: «Знаю, да не скажу».

Немного дальше и несколько в стороне было удэгейское стойбище Вагунбе, состоящее из четырёх фанз и юрт. По сведениям, здесь обитали 85 удэгейцев (29 мужчин, 19 женщин и 37 детей).

Когда мы подходили к их жилищам, они все высыпали нам навстречу. Удэгейцы встретили меня далеко не дружелюбно и не пригласили даже к себе в юрты.

Первый вопрос, который они задали мне, был такой: почему я ночевал в доме Ли Тан-куя? Я ответил им и в свою очередь спросил их, почему они так враждебно ко мне относятся. Удэгейцы ответили, что давно ждали меня и вдруг узнали, что я пришёл и остановился у китайцев на Сянь-шихеза.

Скоро всё объяснилось: оказалось, что здесь произошла целая трагедия. Китаец Ли Тан-куй нещадно эксплуатировал туземцев долины Имана и жестоко наказывал их, если они к назначенному времени не доставляли определённого числа мехов. Многие семьи он разорил совершенно, женщин насиловал, детей отбирал и продавал за долги. Наконец двое из удэгейцев, Масенда и Сомо, из рода Кялондига, выведенные из терпения, поехали в Хабаровск с жалобой к генерал-губернатору. Последний обещал им помочь и между прочим сказал, что я должен прийти на Иман со стороны моря. Он велел им обратиться ко мне, полагая, что на месте я легко

разберусь с этим вопросом. Удэгейцы вернулись, сообщили сородичам о результатах своей поездки и терпеливо стали ждать моего прихода. О поездке Сомо и Масенды узнал Ли Тан-куй. Тогда для примера другим он приказал избить жалобщиков палками. Один из них умер во время наказания, а другой хотя и выжил, но остался калекой на всю жизнь. Тогда в Хабаровск поехал брат убитого Гулунга. Ли Тан-куй велел его схватить и заморозить в реке. Узнав об этом, удэгейцы решили с оружием в руках защищать товарища. Создалось осадное положение. Уже две недели туземцы сидели на месте, не ходили на охоту и, за недостатком продовольствия, терпели нужду. Вдруг до них дошла весть, что я пришёл на Сянь-ши-хеца и остановился в доме Ли Тан-куя. Я объяснил им, что мне ничего не было известно из того, что случилось на Имане, и что, придя в Сянь-ши-хеца, я до того был утомлён и голоден, что не разбирая воспользовался первой попавшейся мне фанзой.

Вечером все старики собрались в одну юрту. На совете решено было, что по прибытии в Хабаровск я обо всём доложу начальству, буду просить оказать помощь туземцам.

Когда старики разошлись, я оделся и вышел из юрты. Кругом было темно, так темно, что в двух шагах нельзя было рассмотреть человека. О местонахождении удэгейских жилищ можно было только узнать по искрам и клубам дыма, которые вырывались из отверстия в крышах. Вдруг в тихом вечернем воздухе пронеслись странные звуки: то были уда-

ры в бубен, и вслед за тем послышалось пение, похожее на стон и плач. В этих звуках было что-то жуткое и тоскливое. Как волны, они неслись в стороны и таяли в холодном ночном воздухе. Я окликнул Дерсу. Он вышел и сказал мне, что в самой крайней юрте шаман лечит больного ребёнка. Я отправился туда, но у самого входа в юрту натолкнулся на старуху, она загородила мне дорогу. Я понял, что присутствие моё при камлании¹⁷² нежелательно, и пошёл назад по тропе.

В той стороне, где находились китайские фанзы, виднелись огоньки. Я почувствовал, что прозяб, вернулся в юрту и стал греться у костра.

¹⁷² Камлание – ритуал шамана при вызове духа.

Глава 29

От Вагунбе до Паровози

Проводы. – Река Тайцзибери. – Картун. – Враждебное настроение китайцев. – Отказ в ночлеге. – Ориентировка при помощи обоняния. – Лофанза. – Мяолин. Буйный хозяин. – Паровози. – Река Нэйцухе. – Село Котельное. – Колёсная дорога. – Угощение в деревне Гоголевке. – Нижнее течение Имана. – Услуга попутчика. – Расставание с Дерсу. – Станция Иман. – Возвращение в Хабаровск

На следующий день утром, 8 ноября, мы продолжали наш путь.

Все удэгейцы пошли нас провожать. Эта толпа людей, пёстро одетых, с загорелыми лицами и с беличьими хвостиками на головных уборах, производила странное впечатление. Во всех движениях её было что-то дикое и наивное.

Мы шли в середине, старики рядом, а молодёжь бежала по сторонам, увлекаясь следами выдр, лисиц и зайцев. На конце поляны инородцы остановились и пропустили меня вперёд.

Из толпы вышел седой старик. Он подал мне коготь рыси и велел положить его в карман, для того чтобы я не забыл просьбы их относительно Ли Тан-куя. После этого мы расстались: удэгейцы вернулись назад, а мы пошли своей доро-

гой.

От устья Синанцы Иман изменяет своё направление и течёт на север до тех пор, пока не достигнет Тхетибе. Приток этот имеет три названия: гольды называют его Текибира, удэгейцы – Тэгибяза, русские – Тайцзибери. Отсюда Иман опять поворачивает на запад, какое направление и сохраняет уже до впадения своего в Уссури. Эта часть долины Имана тоже складывается из ряда денудационных и тектонических участков, чередующихся между собой. Такого рода долины особенно часто встречаются в Приамурском крае.

Между реками Синанцей и Тхетибе Иман принимает в себя с левой стороны в последовательном порядке следующие притоки: Ташидохе¹⁷³ (длиной в 50 километров) и Хэйсын-гоу¹⁷⁴ (10 километров). Между их устьями есть гора Ломаза-Цзун¹⁷⁵, далее будут речки Мыдагауза¹⁷⁶ (6 километров) и гора того же имени и наконец речка Сяо-Шибaxe¹⁷⁷ (25 километров). С правой стороны в том же последовательном порядке будут: Вагунбе (40 километров) с притоком Тайнгоу¹⁷⁸ (6 километров) и Цуцувайза (15 километров).

Река Тайцзибери длиной 100 километров; она очень по-

¹⁷³ Да-ши-тоу-хэ – большая каменистая река.

¹⁷⁴ Хэй-шань-гоу – долина чёрных гор.

¹⁷⁵ Лао-ма-цзы-гоу – тигровый след.

¹⁷⁶ Май-да-гоу-цзы – большая каменноугольная долина.

¹⁷⁷ Сяо-си-бэй-хэ – малая северо-западная река.

¹⁷⁸ Дя-янь-гоу – большая долина, засеянная маком для сбора опия.

рожиста, завалена буреломом; в верхней части течёт с востока на запад и только вблизи устья склоняется к югу. Вся долина покрыта густыми хвойно-смешанными лесами. В нижнем течении Тайцзибери имеет следующие притоки: с правой стороны Цологоузу¹⁷⁹ (12 километров), Чанцзуйзу¹⁸⁰, с горой того же имени, и Сибичу¹⁸¹; потом следуют: Ханхеза¹⁸², Бэйлаза¹⁸³ и Дунанца. Сибича образуется из слияния Сяо-Сибичи¹⁸⁴ и Санчазы¹⁸⁵ и имеет течение в среднем 9 километров в час, глубину около 1,5 метра и ширину близ устья 50 метров.

Если идти вверх по правой речке, то можно в два дня выйти на реку Бейцухе¹⁸⁶, по второй – в четыре дня на Шитохе¹⁸⁷ (верхний приток Бикина). С левой стороны в Тайцзибери впадают Нанца (25 километров), Тяпогоу¹⁸⁸ (20 километров), Цамцагоуза¹⁸⁹ (30 километров), Поумазыгоу¹⁹⁰ (12 ки-

¹⁷⁹ Цао-ло-гоу-цзы – долина с завядшей травой.

¹⁸⁰ Чан-цзун-цзы – длинный клюв.

¹⁸¹ Си-бэй-ча – северо-западная развалина.

¹⁸² Хань-хэ-цзы – пересыхающая река.

¹⁸³ Бэй-ла-цзы – северная скала.

¹⁸⁴ Сяо-си-бэй-ча – малое северо-западное разветвление.

¹⁸⁵ Сан-ча-цзы – тройной распадок.

¹⁸⁶ Бэй-чу-хэ – река, текущая с севера.

¹⁸⁷ Ши-тоу-хэ – каменистая речка.

¹⁸⁸ Дяо-пи-гоу – соболиная долина.

¹⁸⁹ Чи-му-ча-гоу-цзы – долина и речка, на которой есть мост на козлах.

¹⁹⁰ Бао-ма-цзы-гоу – долина барсов.

лометров) и Талингоуза¹⁹¹ (40 километров). Между устьями третьей и четвёртой рек находится довольно высокая гора, которую называют Логозуйза.

После принятия в себя Тайцзибери Иман поворачивает на запад. Здесь он шириною около 140 метров, глубиной 3–4 метра. Дальше с левой стороны в него впадают две маленькие речки: Шаньдапоуза¹⁹² (8 километров) и Каулань-тунь¹⁹³ (15 километров). Последнюю китайцы называют Динзахе (Золотая река).

Летом, когда идёшь по лесу, надо внимательно смотреть, чтобы не потерять тропу. Зимой, покрытая снегом, она хорошо видна среди кустарников. Это в значительной степени облегчило мне съёмку.

Иман мало где течёт одним руслом, чаще он разбивается на протоки. Некоторые из них имеют значительную длину и далеко отходят в сторону. Из них наиболее замечательны Тагоуза¹⁹⁴, Наллю и Картунская.

¹⁹¹ Да-минь-го-цзы – долина большого хребта.

¹⁹² Сань-да-пао-цзы – третья большая заводь.

¹⁹³ Као-лян-тун – снежный посёлок.

¹⁹⁴ Да-гоу-цзы – большая долина.

За эти дни мы очень утомились. Хотелось остановиться и отдохнуть. По рассказам удэгейцев, впереди было большое китайское селение Картун. Там мы думали продневать, собраться с силами и, если возможно, нанять лошадей. Но нашим мечтам не суждено было сбыться.

В промежутке между реками Динзахе и Картуном Иман принимает в себя много больших и малых притоков, которые имеют следующие названия: с правой стороны – Яумуга (25 километров), Логозуйза¹⁹⁵ (20 километров) и Вамбалаза, то есть Черепашья скала (25 километров). Скалистые горы

¹⁹⁵ Лао-гуа-цзуй-цзы – вороний клюв.

около Картуна носят то же название. Если смотреть на них в профиль со стороны Имана, то контуры их действительно напоминают черепаху. По рассказам удэгейцев, в горах между Логозуйза и Вамбалаза есть золото. С левой стороны в Иман впадают Каулентун (10 километров), Сядопуза (15 километров), Чулагоу (40 километров), Тундагоу (50 километров), Тазыгоу¹⁹⁶ (15 километров) и Хоамихеза¹⁹⁷ (12 километров).

Картун собственно представляет собою большую котловину в 6 километров длиной и 3 километра шириной. Здесь насчитывается сорок две китайские фанзы.

Местность Картун можно считать границей, где кончаются смешанные и начинаются широколиственные леса. Горы в стороне от реки покрыты кедровым лесом, который зимой резко выделяется своей тёмной хвоей.

День кончился, когда мы подошли к Картуну. Солнце только что успело скрыться за горизонтом. Лучи его играли ещё в облаках и этим отражённым сиянием напоследок освещали землю.

В стороне около речки виднелись китайские фанзы.

Слово «картун», вероятно «гао-ли-тунь», означает «корейский посёлок». Рассказывают, что здесь в протоках раньше добывали много жемчуга. По другому толкованию «картун» означает «ворота». Действительно, на западе за Карту-

¹⁹⁶ Да-цзы-гоу – долина, где живёт народ «да-цзы».

¹⁹⁷ Хуан-ми-хэ-цзы – речка, по которой растёт липкое просо.

ном долина опять суживается. С левой стороны к реке подходят горы Хын-хуто¹⁹⁸, а справа длинный отрог Вамбалазы.

Более зажиточных фанз, чем на Картуне, я нигде не видел. Они были расположены на правом берегу реки и подходили скорее на заводы, чем на жилые постройки.

Я зашёл в одну из них. Китайцы встретили меня враждебно. До них уже долетели вести о том, кто мы и почему удэгейцы нас сопровождают. Неприятно быть в доме, когда хозяева нелюбезны. Я перешёл в другую фанзу. Там нас встретили ещё хуже, в третьей мы не могли достучаться, в четвёртой, пятой, десятой нам был оказан такой же приём. Против рожна не пойдёшь. Я ругался, ругались казаки, ругался Дерсу, но делать было нечего. Оставалось только покориться. Ночевать около фанз мне не хотелось. Поэтому я решил идти дальше, пока не найду место, подходящее для бивака.

Настал вечер. Красивое сияние на небе стало блекнуть. Кое-где зажглись звезды.

Китайские фанзы остались далеко позади, а мы все шли. Вдруг Дерсу остановился и, закинув назад голову, стал нюхать воздух.

– погоди, капитан, – сказал он. – Мой запах дыма найди есть. Это удэге, – сказал он через минуту.

– Почему ты знаешь? – спросил его Кожевников. – Может быть, китайская фанза?

– Нет, – говорил Дерсу, – это удэге. Китайская фанза боль-

¹⁹⁸ Хен-ху-дао – обычный тигровый путь.

шой труба есть: дым высоко ходи. Из юрты дым низко ходи. Удэге рыбу жарят.

Сказав это, он уверенно пошёл вперёд. Порой он останавливался и усиленно нюхал воздух. Так прошли мы пятьдесят шагов, потом сто, двести, а обещанной юрты всё ещё не было видно. Усталые люди начали смеяться над стариком. Дерсу обиделся.

– Ваша хочу тут спи, а моя хочу юрта ходи, рыбу кушай, – отвечал он спокойно.

Я последовал за ним, а следом за мной пошли и казаки. Минуты через три мы действительно подошли к удэгейскому стойбищу. Тут были три юрты. В них жили 9 мужчин и 3 женщины с 4 детьми.

Через несколько минут мы сидели у огня, ели рыбу и пили чай. За этот день я так устал, что едва мог сделать в дневнике необходимые записи. Я просил удэгейцев не гасить ночью огня. Они обещали по очереди не спать и тотчас принялись колоть дрова.

Ночью был туманный мороз. Откровенно говоря, я был бы очень рад, если бы к утру разразилась непогода. По крайней мере мы отдохнули бы и выспались как следует, но едва взошло солнце, как туман сразу рассеялся. Прибрежные кусты и деревья около протоков заиндевели и сделались похожими на кораллы. На гладком льду иней осел розетками. Лучи солнца играли в них, и от этого казалось, будто по реке рассыпаны бриллианты.

Я видел, что казаки торопятся домой, и пошёл навстречу их желанию. Один из удэгейцев вызвался проводить нас до Мяолина. Так называется большой ханшинный завод, находящийся на правом берегу Имана, километрах в семи от Картуна, ниже по течению.

Сегодня дорога мне показалась ещё более тяжёлой.

За Картунскими воротами долина опять расширилась. Я поднялся на одну из сопок. Интересное зрелище представилось моим глазам. На восток шла долина Имана: она терялась где-то в горах. Но на запад, север и юг, насколько хватал глаз, передо мной развёртывалась огромная, слабо всхолмлённая низина, покрытая небольшими группами редкого лиственного леса, а за ними на бесконечном пространстве тянулись белоснежные поля, поросшие травой и кустарниками. Эту огромную низину китайцы называют Лофанза¹⁹⁹. Она длиной 80 километров и в ширину по крайней мере 50 километров. Места эти казались весьма удобными для земледелия. Однако нигде фанз не было видно. Китайцы избегают их, и, вероятно, не без основания: или земля здесь плохая, или она затопляется водой во время разливов Имана. По слухам, в местности Чингуйза есть ещё одна юрта, в которой проживают два одиноких удэгейца.

Часа в два мы дошли до Мяолина – то была одна из самых старых фанз в Иманском районе. В ней проживали 16 китайцев и одна гольдячка. Хозяин её поселился здесь лет

¹⁹⁹ Лао-фан-цзы – старый дом.

пятьдесят тому назад, ещё юношей, а теперь он насчитывал себе уже семь десятков лет. Вопреки ожиданиям он встретил нас хотя и не очень любезно, но всё же распорядился накормить и позволил ночевать у себя в фанзе. Вечером он напился пьян. Начал о чём-то меня просить, но затем перешёл к более резкому тону и стал шуметь.

– Мяолин не вчерашний и не сегодняшней, – говорил он. – Мяолин такой же старый, как и я, а вы пришли меня прогонять. Я вам Мяолин не отдам. Если мне придётся уходить отсюда, я его сожгу.

Затем он объявил, что сейчас зажжёт фанзу, пошёл на двор и притащил оттуда большую охапку соломы.

Всё это кончилось тем, что Дерсу напоил его до потери сознания и уложил спать на той же соломе.

Утром мы рано ушли, оставив старика спать в его фанзе, которую он не хотел нам уступить и которую мы не собирались у него отнимать.

Странное дело, чем ближе мы подходили к Уссуре, тем самочувствие становилось хуже. Котомки наши были почти пустые, но нести их было тяжелее, чем наполненные в начале дороги. Лямки до того нарезали плечи, что дотронуться до них было больно. От напряжения болела голова, появилась слабость.

Чем ближе мы приближались к железной дороге, тем хуже относилось к нам население. Одежда наша изорвалась, обувь изнашивалась, крестьяне смотрели на нас как на бродяг.

От Мяолина тропа пошла по кочковатому лугу в обход болот и проток. Часа через два она привела нас к невысоким сопкам, поросшим дубовым редколесьем. Эти сопки представляют собой отдельный массив, выдвинувшийся посредине Лофанзы, носящей название Коу-цзы-шань²⁰⁰. Это остатки каких-то больших гор, частью размытых, частью потопленных в толщах потретичных образований. У подножия их протекает маленькая речка Хаунихеза.

Стрелки шли лениво и часто отдыхали. Незадолго до сумерек мы добрались до участка, носящего странное название Паровози. Откуда произошло это название, так я и не мог добиться. Здесь жил старшина удэгейцев Сарл Кимунка со своей семьёй, состоящей из 7 мужчин и 4 женщин. В 1901 году он с сотрудником Переселенческого управления Михайловым ходил вверх по Иману до Сихотэ-Алиня. В награду за это ему был отведён хуторской участок.

Вечером я узнал от него, что километра на четыре ниже в Иман впадает ещё одна большая река – Нэйцухе²⁰¹. Почти половина её протекает по низине Лофанзы среди кочковатых болот, покрытых высокой травой и чахлой кустарниковой порослью. По его словам, Нэйцухе очень извилиста. Густые смешанные леса начинаются в 40 километрах от Имана. Потом идут гари и лесные болота. Из притоков Нэйцухе река

²⁰⁰ Гао-цзы-шань – гора со рвом.

²⁰¹ Нэй-чу-хэ – река, вытекающая изнутри.

Хайнето²⁰² славится как местность, богатая женьшенем.

На следующий день мы встали поздно, закусили немного рыбой и пошли дальше. Сарл Кимунка проводил нас до корейцев, недавно поселившихся около Паровози. Внизу Иман ещё не замёрз – надо было переправиться на лодке. Мы обошли все фанзы и нигде не нашли ни одного мужчины. Женщины испуганно смотрели на нас, молчали и прятали своих детей. Видя, что ничего добиться нельзя, я махнул рукой и велел стрелкам идти к реке. Удэгеец где-то нашёл спрятанную в кустах плоскодонку. В ней он перевёз нас через реку поодиночке и затем возвратился назад.

На левом берегу Имана, у подножия отдельно стоящей сопки, расположилось четыре землянки: это было русское селение Котельное. Переселенцы только что прибыли из России и ещё не успели обстроиться как следует. Мы зашли в одну мазанку и попросились переночевать. Хозяева избышки оказались очень радушными. Они стали расспрашивать нас, кто мы такие и куда идём, а потом принялись пенять на свою судьбу.

С каким удовольствием я поел крестьянского хлеба! Вечером в избу собрались все крестьяне. Они рассказывали про своё житьё-бытьё на новом месте и часто вздыхали. Должно быть, несладко им досталось переселение. Если бы не кета, они все погибли бы от голода, только рыба их и поддержала.

От села Котельного начиналась дорога, отмеченная вер-

²⁰² Хэй-ни-дао – дорога с чёрной грязью.

стовыми столбами. Около деревни на столбе значилась цифра 74. Нанять лошадей не было денег. Мне непременно хотелось довести съёмки до конца, что было возможно только при условии, если идти пешком. Кроме того, ветхая одежонка заставляла нас согреваться движением.

Мы выступили рано утром, почти на рассвете.

Тотчас же за Нэйцухе дорога подымается на перевал и на протяжении 9 километров идёт косогорами, имея с левой стороны болотистую низину Имана, а справа – возвышенности, поросшие старым и редким дубовым лесом дровяного характера. Дорога идёт сначала на север, а потом у столба с цифрой 57 опять поворачивает на запад.

Следующая деревня была Гончаровка. Она больше Котельной, но состояние её тоже было незавидное. Бедность проглядывала в каждом окне, её можно было прочесть и на лицах крестьян, в глазах баб и в одежде ребятишек.

После полудня мы дошли до корейской деревушки Лукьяновки, состоящей из пятидесяти двух фанз, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Здесь мы отдохнули немного и пошли дальше. Сумерки застали нас в дороге. Мы все сильно устали, прозябли, и хотелось есть. Скоро я перестал разбирать цифры на инструменте, но дорога была видна. Тогда я стал работать с огнём. По сигналу один из казаков подносил зажжённую спичку к инструменту. При минутном освещении я замечал цифру нониуса, отмечал её на планшете и шёл дальше. Наконец впереди мелькнул огонёк.

– Деревня! – воскликнули все в один голос.

– Ночью огонь постоянно обмани, – сказал на это Дерсу.

Действительно в темноте огонь виден далеко. Иногда он кажется дальше, чем есть на самом деле, иногда совсем близко, почти рядом. Мы шли, и, казалось, огонь тоже уходил от нас. Я уже хотел было сделать привал, но огонь вдруг сразу появился совсем близко. В темноте мы разглядели избу, другую, третью – всего восемь домов. Это была деревня Вербовка. Многих крестьян не было дома, они ушли на заработки в город. Испуганные женщины приняли нас за хунхузов и не хотели отворять дверей. Пришлось прибегнуть к помощи старосты. Он приютил меня, Дерсу и Бочкарёва у себя, а Г. И. Гранатмана, Мурзина и Кожевникова – соседи.

За этот день мы прошли 35 километров и страшно устали. До железной дороги оставалось ещё 43 километра. Посоветовавшись с моими спутниками, я решил попытаться пройти это расстояние в один переход. Для исполнения этого плана мы выступили очень рано. Около часа я работал опять с огнём. Когда взошло солнце, мы подходили уже к Гоголевке.

Утро было морозное. Вся деревня курилась; из труб столбами поднимался белый дым. Он расстилался по воздуху и принимал золотисто-розовую окраску.

Я не хотел здесь останавливаться, но один из местных жителей узнал, кто мы такие, и просил зайти к нему напиться чаю. От хлеба-соли отказываться нельзя. Хозяин оказался человеком весьма любезным. Он угощал нас молоком, бе-

лым хлебом, мёдом и маслом. Фамилии его я не помню, но от души благодарю его за радушие и гостеприимство.

Деревня Гоголевка расположена на левом берегу Имана, в полукилометре от реки. Противоположный берег – нагорный. Горы эти носят следующие названия: Шаньгуачин²⁰³, Хоуши²⁰⁴, Вамбабоза и Сяошаньцунзы²⁰⁵. Около первой горы (Шаньгуачин) в Иман впадает большая река Бэйцухе²⁰⁶, текущая параллельно ему и только в низовьях склоняющаяся немного к югу. Длина реки около 150 километров, ширина 40 метров, глубина 2 метра и скорость течения 3 километра в час. В истоках она имеет перевал на Ситухе (приток Бикина). Бэйцухе чрезвычайно извилиста, особенно в нижнем течении. За последние годы здесь производились большие лесные порубки. Из притоков Бэйцухе заслуживают внимания с левой стороны (от истоков книзу) – Дунанца, Хайхе²⁰⁷, Сатохе²⁰⁸ и Сиксинда, справа – Сяухеза²⁰⁹, Ханихеза, Ушанка и Малая Бэйцухе. Между устьем и Иманом приютилась небольшая корейская деревушка Саровка, а ещё ниже, там, где начинаются горы, две корейские деревни – Омбор и Сам-

²⁰³ Шань-гао-чэн – горный высокий вал.

²⁰⁴ Хоу-ши – толстый камень.

²⁰⁵ Сяо-шань-цун-цзы – маленькая остроконечная гора, похожая на долото.

²⁰⁶ Бэй-чун-хэ – речка, текущая с севера.

²⁰⁷ Хэй-хэ – чёрная речка.

²⁰⁸ Ша-тоу-хэ – песчаная речка.

²⁰⁹ Сяо-хэ-цзы – маленькая речка.

бор.

Чай с хлебом подкрепили наши силы. Поблагодарив гостеприимного хозяина, мы отправились дальше и вскоре подошли к деревне Звенигородке. До железной дороги оставалось теперь только 23 километра. Но что значит это расстояние после сытного завтрака, когда знаешь, что сегодня можно совсем закончить путь?!

День был ясный, солнечный, но холодный. Мне страшно надоела съёмка, и только упорное желание довести её до конца не позволяло бросить работу. Каждый раз, взяв азимут, я спешно зарисовывал ближайший рельеф, а затем согревал руки дыханием. Через час пути мы догнали какого-то мужика. Он вёз на станцию рыбу.

– Как же вы так работаете? – спросил он у меня. – Неужели вам не холодно?

Я ответил ему, что за дорогу мои перчатки износились.

– Так возьмите же мои, – сказал попутчик. – У меня есть запасная пара.

Говоря это, он достал с воза тёплые вязаные перчатки и подал их мне. Я взял перчатки и продолжал работать. Километра два мы шли вместе, я чертил, а крестьянин рассказывал мне про своё житьё и ругательски ругал всех и каждого. Изругал он своих односельчан, изругал жену, соседа, досталось учителю и священнику. Надоела мне эта ругань. Лошадёнка его шла медленно, и я видел, что при таком движении к вечеру мне не удастся дойти до Имана. Я снял перчатки,

отдал их возчику, поблагодарил его и, пожелав успеха, прибавил шагу.

– Как, – закричал он вслед, – неужто вы мне не заплатите?

– За что? – спросил я.

– А за перчатки!

– Да ведь ты получил их обратно, – ответил я ему.

– Вот тебе раз! – протянул с недовольством мой благодетель. – Я вас пожалел, а вы не хотите денег платить?!

– Хороша у тебя жалость, – вмешались казаки.

Больше всех рассердился Дерсу. Он шёл, плевался и всё время ругал возчика разными словами.

– Вредный люди, – говорил он, – мой такой не хочу посмотри. У него лица нету.

Выражение гольда «потерять лицо» значило – потерять совесть. И нельзя было не согласиться, что у человека этого действительно не было совести.

История эта на целый день испортила мне настроение.

– Как такой люди живи? – не унимался Дерсу. – Моя думай, его живи не могу – его скоро сам пропади.

После полудня мы подошли к реке Ваку и сделали привал на дороге.

По прямой линии до железной дороги оставалось не более 2 километров, но на верстовом столбе стояла цифра 6. Это потому, что дорога здесь огибает большое болото. Ветром доносило свистки паровозов, и уже можно было рассмотреть станционные постройки.

Я втайне лелеял мысль, что на этот раз Дерсу поедет со мной в Хабаровск. Мне очень жаль было с ним расставаться. Я заметил, что последние дни он был ко мне как-то особенно внимателен, что-то хотел сказать, о чём-то спросить и, видимо, не решался. Наконец, преодолев своё смущение, он попросил патронов. Из этого я понял, что он решил уйти.

– Дерсу, не уходи, – сказал я ему.

Он вздохнул и стал говорить, что боится города и что делать ему там нечего. Тогда я предложил ему дойти со мной до станции железной дороги, где я мог бы снабдить его на дорогу деньгами и продовольствием.

– Не надо, капитан, – ответил гольд. – Моя соболь найди – его все равно деньги.

Напрасно я уговаривал его, он стоял на своём. Дерсу говорил, что он отправится по реке Ваку и в истоках её будет гонять соболей, а затем, когда станут таять снега, перейдёт на Даубихе. Там около урочища Анучина жил знакомый ему старик гольд. У него он и решил провести два весенних месяца. Мы условились, что в начале лета, когда я пойду в новую экспедицию, пришлю за ним казака или приеду сам. Дерсу согласился и обещал ждать. После этого я отдал ему все имевшиеся у меня патроны. Мы сидели и говорили все об одном и том же. Я уже три раза условливался с ним, где нам опять встретиться, и всячески старался оттянуть время. Мне тяжело было с ним расставаться.

– Ну, надо ходи, – сказал Дерсу и стал надевать свою ко-

томку.

– Прощай, Дерсу, – сказал я, крепко пожимая ему руку. – Спасибо за то, что ты помогал мне. Прощай! Я никогда не забуду то многое, что ты для меня сделал!..

Большое красное солнце только что зашло, оставив за собой на горизонте тусклое сияние. Первая, как всегда, зажглась Венера, за ней – Юпитер и другие крупные звёзды. Дерсу хотел было ещё что-то сказать, но смутился и стал рукавом обтирать приклад своей винтовки. С минуту мы простояли молча, затем ещё раз пожали друг другу руки и разошлись. Он свернул на протоку, влево, а мы пошли прямо по дороге. Отойдя немного, я оглянулся и увидел гольда. Он вышел на галечниковую отмель и рассматривал на снегу чьи-то следы... Я окликнул его и стал махать головным убором. Дерсу отвечал мне рукой.

«Прощай, Дерсу», – подумал я про себя и пошёл дальше. Казаки потянулись за мной.

Теперь перед нами расстилалась равнина, покрытая сухой буро-жёлтой травой и занесённая снегом. Ветер гулял по ней, трепал сухие былинки. За туманными горами на западе догорала вечерняя заря, а со стороны востока уже надвигалась холодная тёмная ночь. На станции зажглись белые, красные и зелёные огоньки.

За этот день мы так устали, как не уставали за всё время путешествия. Люди растянулись и шли вразброд. До железной дороги оставалось километра два, но это небольшое

расстояние далось нам хуже двадцати в начале путешествия. Собрав последние остатки сил, мы потащились к станции, но, не дойдя до неё каких-нибудь двухсот-трёхсот шагов, сели отдыхать на шпалы. Проходившие мимо рабочие удивились тому, что мы отдыхаем так близко от станции. Один мастеровой даже пошутил.

– Должно быть, до станции далеко, – сказал он товарищу со смехом.

Нам было не до шуток. Жандармы тоже поглядывали подозрительно и, вероятно, принимали нас за бродяг. Наконец мы добрались до посёлка и остановились в первой попавшейся гостинице. Городской житель, наверное, возмутился бы её обстановкой, дороговизной и грязью, но мне она показалась раем. Мы заняли два номера и расположились с большим комфортом.

Все трудности и все лишения остались позади. Сразу появился интерес к газетам. Я всё время вспоминал Дерсу. «Где-то он теперь? – думал я. – Вероятно, устроил себе бивак где-нибудь под берегом, натаскал дров, разложил костёр и дремлет с трубкой во рту». С этими мыслями я уснул.

Утром я проснулся рано. Первая мысль, которая мне доставила наслаждение, было сознание, что более нести котомку не надо. Я долго нежился в кровати. Затем оделся и пошёл к начальнику Иманского участка Уссурийского казачьего войска Г. Ф. Февралёву. Он принял меня очень любезно и выручил деньгами.

Вечером мы ходили в баню. За время путешествия я так сжился с казаками, что мне не хотелось от них отделяться. После бани мы все вместе пили чай. Это было в последний раз. Вскоре пришёл поезд, и мы разошлись по вагонам.

Семнадцатого ноября мы прибыли в Хабаровск.

